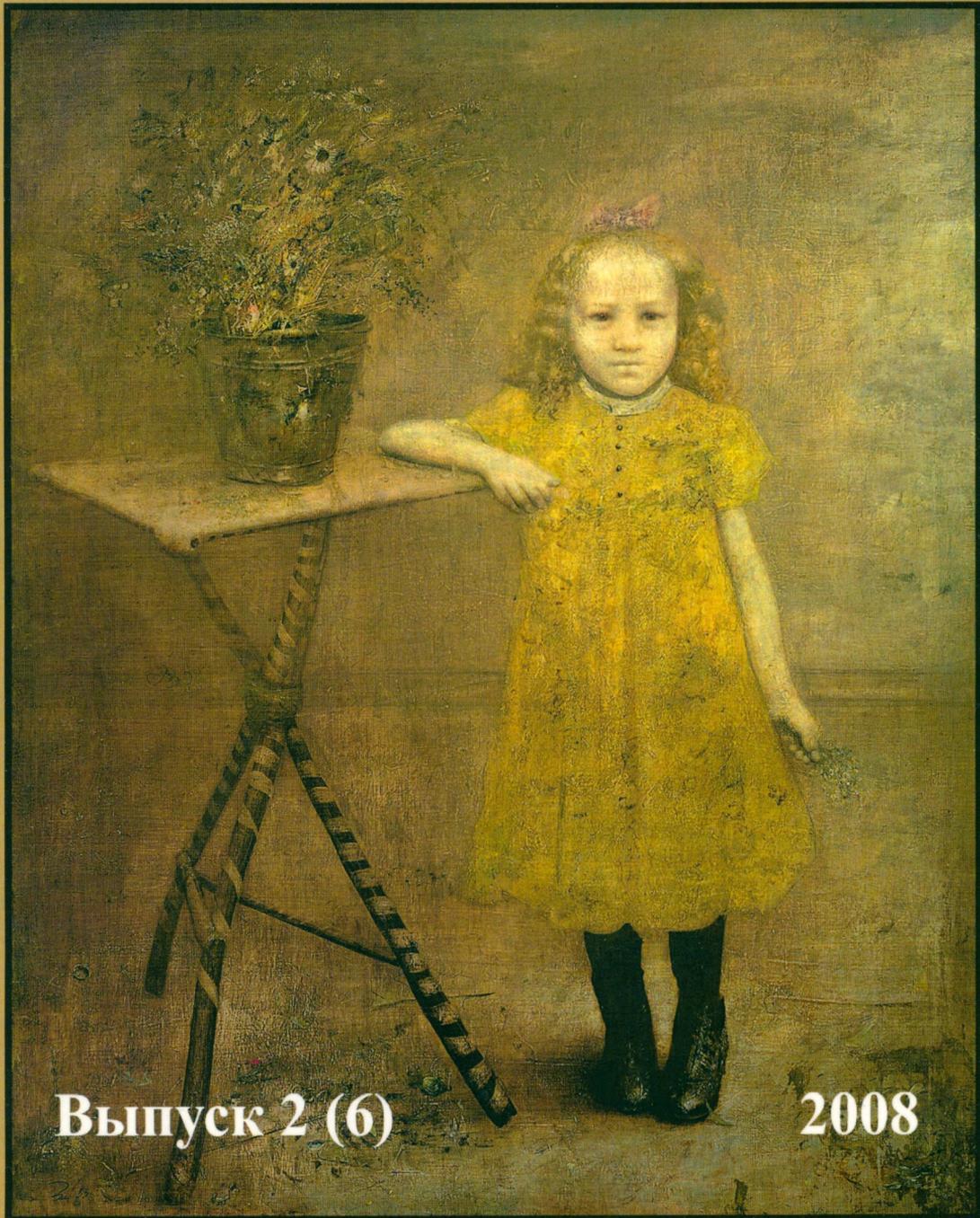

ВРЕМЯ

И

МЕСТО

Международный литературно-художественный и общественно-политический журнал

ВРЕМЯ и МЕСТО

Выпуск 2 (6)

2008

Выпуск 2 (6)

2008

ВРЕМЯ *И* **МЕСТО**

*Международный
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Выпуск 2 (6)

Нью-Йорк, 2008

ВРЕМЯ и МЕСТО

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

VREMYA I MESTO

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

Copyright © 2008 Vremya i mesto

Produced by *Shikhman Publishing*

Artwork on front cover by *Boris Zaborov*

Design and layout by *Alex Loskutov (Art40 Design & Print)*

No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means - electronic, mechanical, photocopy, or any other - except for brief quotations in printed reviews, without prior permission from the Publisher.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from the journal, please call 718-815-5000 or email olga@flockusa.com

www.vmzhurnal.com

All rights reserved

ISBN: 978-0-9793240-5-5

Редакция не рецензирует присланные материалы
и не гарантирует их публикацию.

Printed in the United States of America

Игорь Шихман, издатель и главный редактор (США)

**Соучредители: *Российский институт прессы и
Международная Федерация Русскоязычных Писателей*
Деловой партнер по изданию и распространению
журнала в России - *издательский дом "Воскресенье"***

Редакционная коллегия:

Давид Гай - зам. главного редактора (США)

Ирина Басова (Франция)

Олег Воловик (Венгрия)

Руслан Галазов (Испания)

Нина Генн (США)

Александр Глезер (Россия, Франция)

Эдуард Гурвич (Англия)

Максуд Ибрагимбеков (Азербайджан)

Виталий Игнатенко (Россия)

Давид Маркиш (Израиль)

Владимир Некляев (Беларусь)

Георгий Пряхин (Россия)

Семен Резник (США)

Михаил Румер-Зараев (Германия)

Марк Черняховский (США)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ.....6

Проза

ВЛАДИМИР МАТЛИН

Чайкины и Рабочевы - параллельная история.....8

БОРИС ХАЗАНОВ

Нина Купцова.....60

ВАДИМ ФАДИН

Автопортрет с понятами. Ощущение острова.
Тигры повсюду.....76

ДИНА РУБИНА

Как я люблю Одессу! и другие рассказы.....99

МАРГАРИТА БОРУКАЕВА

Акварельные картинки.....111

ИРИНА СЫСКИНА

Озеро любви.....127

ВЛАДИМИР ШУЛЯ-ТАБИБ

Уолдя.....139

ВИКТОРИЯ ЛЕГЕЗА

Ты меня слышишь?.....147

ИЛЬЯ РУДЯК

"Полушко-поле".....153

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

Поездка в Москву.....157

Поэзия

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

Избранные стихи разных лет.....55

АНДРЕЙ ГРИЦМАН Избранные стихотворения.....	93
ПАВЕЛ ГРУШКО Стихи разных лет	132
ЕВГЕНИЯ БОСИНА "И жизнь, и смерть на кончике пера...".....	177
ЛЕОНИД ДАЕН Стихотворения.....	214
Новые книги	
ДАВИД ГАЙ Надо ли снова наступать на грабли?.....	220
ВАНКАРЕМ НИКИФОРОВИЧ Подвиг датчан. О книге Харольда Флендера "Датский урок".....	262
Наш архив	
СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЕВ Первый американец - кавалер ордена Ленина.....	224
Публицистика	
ДАВИД ГАЙ, ИГОРЬ ШИХМАН Творящий чудеса.....	184
СЕМЕН РЕЗНИК Ненасильственное сопротивление. 25 лет Сахаровским Слушаниям в Лиссабоне.....	236
Далекое-близкое	
АРТУР ШТИЛЬМАН В том незабываемом апреле... 50 лет назад - триумф Вана Клиберна в Москве.....	248
Саркастически-ироническая проза и поэзия	
АЛЕКСАНДР МАТЛИН Моя первая работа в Америке. Где Коба? Гимн слабеющей памяти.....	269
ГРИГОРИЙ РОЗЕНБЕРГ Юмористические стихи.....	285
Автор обложки	
БОРИС ЗАБОРОВ Об эпохе, искусстве и немного о себе.....	288

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья! Перед вами шестой номер нашего альманаха. С каждым очередным номером, по признанию читателей и наших коллег - профессиональных литераторов - наш журнал набирает силу.

Не буду пересказывать его содержание - вы сами все прочтете и составите суждение. Нам всегда приятно видеть на страницах нашего издания, как новичков, так и маститых авторов, давно и заслуженно получивших признание широкой читательской публики. Наш небольшой, но сплоченный, творческий коллектив стремится удерживать планку качества публикаций на уровне, заявленном в первом номере.

При том, что желающих опубликоваться в нашем журнале очень много, мы подходим к отбору произведений строго и принципиально. Мы приветствуем в нашем издании признанных мастеров прозы, поэзии, публицистики, но главным критерием является не просто узнаваемое имя, а качество предлагаемого произведения. Подобная принципиальность дается нелегко, но мы стояли и будем стоять на этой позиции.

Нам доставляет огромное удовольствие открывать новые литературные имена. Приятно, когда в электронной почте нашего издания обнаруживаются рассказы или стихи нового, неизвестного широкому кругу читателей, автора, которые отвечают высоким требованиям журнала. Хотелось бы, чтобы каждый номер давал такую путевку в большую литературу новым талантам, коими, я не сомневаюсь, изобилует наша русскоязычная диаспора.

Журнал и дальше будет способствовать открытию новых литературных дарований.

Мы по-прежнему считаем своей главной задачей выпускать издание, которое является трибуной для русскоязычных прозаиков, поэтов, публицистов, критиков, живущих на всех континентах.

Версия "Времени и места", выпускаемая московским издательским домом "Воскресенье", позволит донести творчество литераторов диаспоры до российских читателей. В этом мы видим награду за свой труд. Ведь желание любого русского писателя или поэта, где бы он ни жил: в США или Франции, Германии или Канаде, Израиле или Испании, чтобы его читали и знали на родине.

Игорь ШИХМАН,
издатель и главный редактор

ВЛАДИМИР МАТЛИН

ЧАЙКИНЫ И РАБОЧЕВЫ: ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Мини-роман

Лежащие в одной плоскости параллельные линии не пересекаются. Так полагал древнегреческий математик Эвклид, так, в основном, считаем и мы, правда, с разными оговорками вроде математики Лобачевского и продолжения линий в бесконечности. Но параллельная история двух семей - это все же не геометрия, тут свои закономерности. Начать с того, что параллельные линии двух этих семей, Рабочевых и Чайкиных, вышли из одной точки, что невозможно в геометрии. Название этой точки на крупномасштабной карте Российской Империи обозначалось как населенный пункт по имени Захвилье; еле заметная точка, какими на картах отмечают самые маленькие городки, поселения, местечки...

Впрочем, начать нужно не с географических названий (топонимов), а с личных имен (антропонимов). Только следует оговориться: речь пойдет не о реальных, существовавших в истории людях - все персонажи придуманы автором. Однако эти вымышленные персонажи обобщают несколько биографий реальных людей, еще недавно живших в Советском Союзе и Соединенных Штатах и так или иначе участвовавших в реальных исторических событиях.

1. В поисках дяди

В английском языке русский звук Х может изображаться и буквой "H" (эйч) и сочетанием букв "Ch" (си-эйч). Но "Ch" произносится чаще как русское "Ч", поэтому Исаак Хайкин, еще сидя в карантине на острове Эллис-Айленд, уже стал именоваться Чайкин, Айзек Чайкин. Не то, чтобы он сам это придумал - он не знал по-английски ни слова - а просто чиновники иммиграционных служб так его называли, и он стал называть себя этим же именем, чтобы им было понятно. Чайкин так Чайкин, не все ли равно...

Холодным осенним утром Исаак был отпущен из карантина и вступил на американский материк в районе Бэттери-парка в Нью-Йорке. Ветер с океана пробирал до костей, и Чайкин старался заходить во все попадавшиеся на его пути магазины, чтобы хоть немного погреться. Но это удавалось далеко не всегда: в большие дорогие магазины его не впускали швейцары, величественные и неприсутпные, как средневековые замки. Смерив взглядом жалкую фигуру в куртке и с мешком на плече, они брезгливо махали рукой - "Прочь пошел!" А в маленьких магазинах, едва он заходил, подбегал приказчик и спрашивал: "Чем могу помочь?" Исаак молча уходил.

Так он двигался по Манхэттену по направлению с юга на северо-восток, перекидывая время от времени с плеча на плечо парусиновый мешок с пожитками. В кармане его подбитой ветром куртки хранилась драгоценная бумажка, где рукой отца был нацарапан адрес единственного знакомого в Нью-Йорке человека - дяди Берла. Исаак шел к Берлу, со страхом думая о том, что он будет делать, если дяди не окажется по этому адресу. Или он не захочет принять Исаака...

А причины для беспокойства были, и весьма основательные. Начать с того, что дядя Берл был вовсе не дядей, а братом мужа маминной кузины. В Америку он уехал с семьей лет пять назад, и за все это время прислал домой, в Захвылье, только одно письмо, в котором уведомлял, что живет в Нью-Йорке, что все, слава Богу, здоровы, и что жизнь в Америке дорогая. С конверта этого единственного письма и был старательно скопирован нью-йоркский адрес Берла. Но поскольку написан адрес был по-английски, произнести его вслух никто в Захвылье не мог. Выгрузившись с парома на берег, Исаак показал бумажку хмурому матросу, возившемуся с чалкой. Тот закончил свое дело, внимательно изучил бумажку и стал было объяснять что-то по-английски, но увидев, что Исаак ни слова не понимает, просто показал рукой направление. Иди, мол, туда, и придешь. И Исаак шел...

Он уже потерял счет времени и стал опасаться, что сбился с пути. Названия попадавших улиц он сравнивал со своей бумажкой - нет, не то... Он попытался спрашивать прохожих, но из этого ничего не получалось: они не понимали его, он не понимал их. И тут он увидел в витрине какой-то лавки с детства знакомые буквы, означавшие слово "кошер". Исаак вскрикнул от радости.

Первое, что он ощутил, просунувшись в дверь, был ни с чем не сравнимый запах свежего хлеба - запах покоя, домашнего уюта, семейного счастья. За прилавком маячил человек с заплетенными в косички пейсами.

- Ну, вус вилсте?*- спросил он, и Исаак затрепетал, услышав "мама-лошн", родной язык.

- Я ищу улицу... как она называется?.. - радостно заговорил он. - Я только сегодня утром приехал, а мой дядя... Я ищу дядю, он живет в Америке. У меня записан его адрес.

С этими словами он извлек из кармана заветную бумажку.

- Так это Дилэнси, это совсем недалеко, - сказал продавец, взглянув на бумажку. - Пойдешь дальше по улице, пройдешь три... нет, четыре блока и свернешь налево. Пройдешь мясную лавку Штильмана, еще три блока - и тут Дилэнси. Понял?

- Понял, неуверенно проговорил Исаак. - А что такое блок?

Продавец сокрушенно покачал головой:

- Смотри: вот так идет улица, тут пересекает ее другая, и тут еще одна, - чертил он пальцем на прилавке, - а между ними - блок. Откуда ты такой приехал? Подожди, не уходи, я сейчас...

Он повозился под прилавком и протянул Исааку большую булку и стакан горячего молока:

- На вот, поешь. Нет-нет, денег не надо. Покормить такого как ты - это мицва.

Подбодренный горячим молоком и булкой, Исаак зашагал веселее. Он шел и удивленно озирался по сторонам: в этой части города на каждом шагу он видел надписи по-еврейски - прямо как в Захвылье на еврейской стороне, но только в десять, пятьдесят, сто раз больше. Он прошел несколько синагог, множество кошерных лавок, портняжных и часовых мастерских. По улицам ходили евреи в черных шляпах и еврейки в париках и громко говорили на идиш. "Шлемеле! Шлемеле!" - протяжно кричала из окна пожилая рыжая женщина, и Исаак вспомнил бабушку, как она звала его к обеду.

Исаак отсчитал четыре квартала, свернул налево, миновал лав-

---

* Что ты хочешь? (идиш)

ку Штильмана. Он старательно сверял названия улиц с бумажкой и, наконец, увидел: "Дилэнси". Название этой улицы стало первым словом, которое Айзек Чайкин прочел в своей жизни по-английски.

2. Орден Красного Знамени

В боевом 1918 году Арону Хайкину исполнилось восемнадцать лет, он был рабочим на мельнице - таскал мешки. Отец к тому времени умер, старший брат жил где-то в Америке. Арон был единственным мужчиной в семье из четырех человек: мать и две сестры. Семья жила, мягко выражаясь, весьма скромно: еле-еле хватало на пропитание. У бедных девушек шансы на замужество были совсем небольшие, а пока сестры оставались в его семье, Арон не мог жениться. Хотя по тогдашним понятиям ему уже следовало подумать о невесте.

И вот однажды августовским утром в их родное местечко Захвылье вступил казачий отряд какого-то "батьки" какого-то цвета. До того в Захвылье побывали уже всякие борцы за правду и народное счастье - и белые, и красные, и зеленые. Но все они проходили, не задерживаясь. На этот же раз отряд расположился на постой, и в середине дня начался дикий еврейский погром, в котором приняли участие и местные захвыльские жители. Население города состояло примерно поровну из евреев и неевреев.

Мельница, где работал Арон, находилась в двух верстах от местечка. Первым побуждением Арона, когда слух о погроме достиг его, было бежать домой, чтобы защитить семью. Но владелец мельницы Хома Грищук буквально силой удержал его: "Куда ты? Тебя ж замордует первый встречный казак, домой ты нипочем не добежишь". Не отпустил он в местечко и других работавших у него евреев, и тем самым, скорей всего, спас им жизнь. Вообще, Грищук, можно сказать, хорошо относился к евреям - в том смысле, что не разделял господствующего мнения, "шо усих жидив трэба поубивати".

Ночью Арон все же прокрался к себе домой... вернее, к тому месту, где до вчерашнего дня был его дом. Он застал остов дома с разбитыми окнами и обезумевшую от горя мать. С окаменевшим лицом без единой слезинки она сидела над телами двух дочерей...

На следующее утро в Захвылье вступили красные. Весь день в местечке хоронили убитых. Вечером красный командир товарищ Кумачев собрал жителей еврейской половины Захвылья, обещал наказать погромщиков и предложил молодым людям добровольно вступать в Красную Армию, поскольку все равно мобилизуют. И Арон Хайкин вступил. Полуживую мать оставил на попечение ее

замужней сестры, а сам ушел с красными. Когда он записывался, командир товарищ Кумачев посоветовал Арону сменить фамилию, поскольку Хайкин звучит недостаточно революционно. Он предложил фамилию Рабочев, Аркадий Рабочев. "Ты на мельнице кто? Рабочий человек, верно?" Арон согласился, и командир тихо добавил: "Я ведь тоже раньше назывался Кацман"...

А виновных в погроме так и не нашли, все свалили на казачий отряд. Но одного жителя все же расстреляли - Хому Грищука. Не за погром, а за то "как есть буржуазия и эксплуататор трудового народа". Так объяснил товарищ Кумачев тем беспринципным евреям, которые пришли хлопотать за арестованного Грищука. "Где ваша классовая сознательность, товарищи евреи?!" - возмутился товарищ Кумачев.

В рядах Красной Армии Аркадий Рабочев сражался храбро, о чем свидетельствовали боевые награды, украшавшие его грудь. И среди этих наград - орден Красного Знамени, один из первых в стране; Аркадий получил его за "личную храбрость и находчивость", проявленные в боях за Каховский плацдарм в сентябре 1920 года. Он воевал там под непосредственным командованием легендарного красного маршала Василия Блюхера, чем очень гордился (и что потом, как говорится, вышло ему боком, но это потом).

Демобилизовавшись из армии ввиду тяжелого ранения, Рабочев поступил в Киеве в политехнический институт и окончил его специалистом по сельскохозяйственным машинам. Далее карьера молодого инженера, героя войны, кавалера ордена Красного Знамени, члена партии, развивалась с головокружительной скоростью. К тридцати семи годам, то есть к моменту ареста, он занимал пост заместителя министра в правительстве Украины и был членом республиканского ЦК компартии.

3. Пожар

На счастье Исаака, дядя Берл жил по-прежнему на Дилэнси по тому самому, записанному на бумажке, старому адресу. Появлению родственника из Захвилья он не удивился, как будто всегда ожидал. И хотя семья жила тесно, поселил его у себя.

- Спать будешь с Йошкой, он маленький, уместитесь. Завтра же пойдешь работать, я тебя устрою учеником на швейную фабрику. По вечерам будешь ходить в школу, учить английский. Без английского ты в этой стране никто, запомни это. Без английского будешь вроде меня до старости на побегушках в какой-нибудь лавочке.

В семье Берла помимо десятилетнего Йошки была еще двадцатилетняя дочка Розы, которая работала на швейной фабрике. Фаб-

рика называлась The Triangle Shirt Waist Factory и находилась в получасе ходьбы от Дилэнси. Дядя Берл был знаком через синагогу с одним из владельцев фабрики Максом Бланком, к которому и привел Исаака рано утром на следующий день после его прибытия в Новый Свет. Мистер Бланк выслушал просьбу Берла, смерил взглядом Исаака и задал ему какой-то вопрос по-английски. Исаак растерянно посмотрел на дядю Берла и на всякий случай кивнул головой. Мистер Бланк поморщился:

- Ладно уж, попробуем взять его учеником наладчика. Но если не научится по-английски...

Дядя Берл подобострастно закивал. Считалось, что Бланк делает большое одолжение, хотя условия, на которых Исаака взяли на работу, были весьма жесткими: первые два месяца ученичества он не получал ни цента зарплаты, а вкалывал полный день.

С учителем Исааку повезло: старый Димарко знал свое дело досконально, а главное, был толковым и терпеливым наставником. А терпения ему понадобилось много, особенно на первых порах, когда Исаак совсем не понимал по-английски. Но Джино Димарко всегда помнил, как тридцать лет назад он сам приехал в Америку из родного Неаполя и как трудно ему приходилось без языка. Собственно говоря, старым он не был, особенно по нашим нынешним понятиям: мужчина лет пятидесяти с модными закрученными вверх усами, большого роста, атлетического сложения. В молодости он увлекался классической борьбой и даже подрабатывал, выступая в цирке. "Старым Димарко" его называли скорее из почтения.

Конечно, языковая нестыковка создавала неудобства в общении учителя с учеником, но с другой стороны, служила Исааку еще одним стимулом для изучения английского. В течение рабочего дня он старался запомнить всякие специальные названия и производственные термины, вечером на занятиях в школе для эмигрантов заучивал грамматические конструкции, а утром в течение получаса, пока они шли на работу, получал от Розы поправки к своему английскому произношению. Таким образом, через два месяца американской жизни, когда подходил к концу его ученический срок, он уже мог в простых словах что-то сказать по-английски - "в этой машине нужно заменить шпильку" - и его оставили на фабрике в качестве помощника механика-наладчика. Зарплату, правда, положили мизерную - четыре с половиной доллара в неделю. Роза, к примеру, зарабатывала семь.

Любая, даже не очень подробная, история американских профсоюзов, непременно упоминает The Triangle Shirt Waist Factory,

швейную фабрику, события на которой сыграли столь заметную роль в развитии рабочего движения в стране. Вообще говоря, фабрика была во всех отношениях типичным для того времени предприятием sweat-shop, как их называли, то есть функционирующим на основах "потогонной системы": 13-часовой рабочий день, антисанитарные условия труда, жестокие нормы выработки, свирепые надзиратели и циничное пренебрежение условиями безопасности. В частности, правилами пожарной безопасности.

Все швеи на фабрике были молодые женщины, средний возраст 19-20 лет. Почти все они недавно приехали в Америку: примерно половину составляли еврейки из России (точнее, из Польши, Украины и Белоруссии), также много было итальянок и латиноамериканок. Все они плохо говорили по-английски, и sweat-shop был единственным местом, где эти женщины могли как-то заработать на жизнь; уборкой улиц и помещений, заметим кстати, в те далекие времена занимались мужчины.

Рози, высокая медно-рыжая девушка с решительными манерами, отличалась от других швей лучшим знанием английского языка, и это означало, что в недалеком будущем она постарается перейти на лучшую работу - скажем, продавщицы или кассирши. К Исааку она относилась несколько снисходительно: все же она была на год старше и жила в Америке уже пять лет. Когда их смены совпадали, они ходили на работу и с работы вместе. Для Исаака это были очень полезные прогулки, потому что Рози заставляла его говорить по-английски. Хотя в тот незабываемый день, изменивший жизнь Айзека Чайкина и определивший его судьбу, они в первый и последний раз говорили на родном языке: английский никак не подходил к теме разговора.

Весна в тот год пришла к концу марта, и это было первое по-настоящему весеннее утро с теплым солнцем, ясным небом и еле ощутимым ласковым ветерком. Лучезарное утро, суббота 25 марта 1911 года.

- Ты заметил, как отец нервничает эти дни? - спросила Рози. Вопрос был неожиданный: Исаак был готов к разговору о неправильных английских глаголах или там о конструкции вопросительного предложения, а она вдруг заговорила на родном языке на сугубо домашнюю тему. - А знаешь, почему? Из-за того, что мы должны сегодня работать, а сегодня суббота. Он вырос в этих представлениях, с этим ничего не поделаешь...

Она сокрушенно покачала головой и замолчала. Они шагали еще целый квартал ("блок", как Исаак теперь говорил) прежде, чем он несмело признался:

- Знаешь, мне тоже не по себе как-то. Не то, чтоб я такой религиозный... но как-то... Шабес все-таки...

- Вот именно: "как-то", - возбужденно заговорила Роза. - Это и есть предрассудки. Сам не знаешь, как объяснить, а почему-то боишься. На этом вся религиозная жизнь построена: ни логики, ни смысла, одни смутные ощущения. - И решительно: - Пока люди не освободятся от предрассудков, пока не научатся рационально рассуждать на основе фактов, так и будут жить в невежестве и бедности. Особенно мы, евреи.

Исаак надолго замолчал, и когда уже свернули на Грин-стрит и подходили к фабрике, со вздохом проговорил:

- Наверное, ты права. Но нам ведь с детства внушали. И так сразу взять и отказаться...

Фабрика занимала три верхних этажа в десятиэтажном кирпичном здании. Роза поднялась на восьмой этаж, Исаак на десятый. Рабочие, как правило, пользовались грузовым лифтом. Помимо лифта, внутри здания была лестница с выходом на Грин-стрит, обычная лестница, притом только одна. И потому когда на восьмом этаже вспыхнул пожар и сразу же охватил эту лестницу, пятьсот рабочих фабрики, в большинстве молодые женщины, оказались в огненной западне - единственный путь к спасению был отрезан...

Позже ни одна из следственных комиссий так и не смогла установить, отчего начался пожар. В течение считанных минут пламя, распространяясь по кучам сухого тряпья, рулонам ткани и кипам изделий, охватило восьмой этаж, пошло вверх, перекинулось на девятый и затем на десятый этажи.

Рабочим на десятом этаже, можно сказать, повезло: когда начался пожар, диспетчер цеха с восьмого этажа позвонила на десятый и подняла тревогу. Люди кинулись к лестнице, увидели огонь, и вспомнили про единственный выход: через чердак на крышу. На крыше горящей фабрики сгрудилось более сотни человек - все, кто был на десятом этаже и немногие, сумевшие проскочить на десятый этаж с восьмого и девятого. Несколько молодых девушек и парней, в их числе Исаак, решились перепрыгнуть на крышу соседнего здания. Проход между домами был не такой большой, но крыша соседнего здания была несколько выше, и это затрудняло прыжок. Так что большинство людей продолжало толпиться у края в надежде на помощь.

И тут на крыше соседнего здания, где размещался юрфак нью-йоркского университета, появились студенты с лестницей. Они перекинули ее в виде мостика на крышу горящей фабрики. Три сту-

дента перебежали на другую сторону. Им удалось навести порядок, успокоить людей, построить их в ряд, и одного за другим перевести на безопасную сторону. Так были спасены все, находившиеся на крыше.

Иначе развивались события на восьмом этаже. Увидев огонь, Роза бросилась через весь огромный цех к выходу, к лифту, но пока она добежала, там уже сгрудилась большая толпа кричащих людей. Они тщетно вызывали лифт. Роза вспомнила про лестницу, побежала к двери, ведущей на площадку, но там тоже билась толпа обезумевших от страха женщин. Они пытались выломать железную дверь. "Пустите меня, я открою! Пустите!" - услышала Роза мужской голос. Димарко пробивался через толпу к двери. "Внутри! Дверь открывается внутрь!" - кричал он. Наконец, ему удалось приблизиться к двери, но толпа напирала, и он не мог оттянуть створку. Он уперся ногой в стену и тянул дверь на себя, отодвигая своей спиной людей назад. Ценой огромных усилий ему удалось приоткрыть дверную створку, и в образовавшуюся щель протиснулись три-четыре девушки, но тут же с криком метнулись назад: на лестнице полыхало пламя.

Тогда люди бросилась обратно, в цех, к окнам. Несколько девушек вскарабкались на подоконник. С высоты восьмого этажа они видели толпу, через которую пробивались к горящему зданию пожарники с лестницами. Они кричали пожарникам "помогите", одна сорвала с себя блузу и махала ей над головой. Пламя подступало все ближе, и пожарные лестницы были их единственным шансом спастись. Пожарники внизу понимали ситуацию, они спешили, как могли, они изо всех сил крутили ручки барабана. Лестница ползла вверх с невыносимой медлительностью, одна секция постепенно вырастала над другой. Вот она достигла четвертого этажа... пятого... "Скорей! Скорей!" - кричали из толпы. Люди видели, как вырываясь из окон, языки пламени обвивают сгрудившихся на подоконниках девушек. У одной загорелась юбка, она пыталась сбить огонь, не выпуская из рук оконную раму.

И тут люди увидели, что движение лестницы вверх прекратилось. Лестница замерла, едва достигнув шестого этажа, не дотянув до несчастных девушек футов тридцать. "Всё, это вся длина", мрачно сказали пожарные. Девушки в окне поняли это тоже. У некоторых уже горела одежда и дымились волосы. И тогда одна из них прыгнула... Может быть, она рассчитывала зацепиться за лестницу, но пролетела мимо, пробила навес над тротуаром и врезалась в асфальт. Трупы не было - сплошное кровавое месиво...

Толпа взывала от ужаса. "Не прыгайте! Не прыгайте!" - кричали

снизу. Но девушки, одна за другой, а то и группами по три-четыре, стали прыгать из окон. На что они могли надеяться? Ни на что...

Рози и Димарко видели это изнутри цеха. Рози было рванулась к окну, но Димарко удержал ее за руку. Он сдернул с себя рубашку, разорвал ее пополам, одной половиной замотал себе голову, а другую подал Рози. Она тоже обмотала себе голову. Через бушевавший огонь они перебежали к боковой стене цеха. Этой стороной фабрика выходила в узкий проход, отделявший ее от здания нью-йоркского университета. Окна здесь были уже, чем со стороны фасада. В одном окне билась совсем молодая девушка, лет шестнадцати. Она пронзительно визжала. Димарко вскочил на подоконник. Напротив, в окне противоположного здания, футях в семи от себя он увидел Исаака - тот орудовал обломком письменного стола, пытаясь перебросить его как мост из окна в окно. Но доска была слишком коротка.

- Не так! - крикнул Димарко. - Положи доску на подоконник! А теперь ложись на нее грудью!

Исаак прижал доску к подоконнику всей силой своего веса. И тогда Димарко проделал немислимый трюк: он зацепился ногами за раму окна и, пружинисто перебросив свое тело над пролетом, ухватился руками за доску на противоположной стороне. Его спина и доска образовали что-то вроде моста над пропастью.

- Придерживай мои руки, - прохрипел он Исааку. Челюсти его были сжаты от напряжения. - Давай, ползи!

Эта команда относилась к Рози, но она посадила на подоконник визжащую девчонку. "Ползи!" Не прекращая визга, девушка благополучно переползла через живой мост, и на другой стороне ее подхватили прибежавшие на помощь студенты. "Давай скорей!" - скомандовал Димарко, и Рози начала свой путь по его спине. Она была вдвое больше той первой визжащей девчонки, и Исаак чувствовал, как задрожали от напряжения руки Димарко. И вот когда Рози доползла примерно до середины, на подоконнике возникла охваченная огнем фигура женщины. Прежде чем кто-нибудь успел что-то сообразить, она с криком бросилась на спину Рози. Исаак изо всех сил вцепился в руки Димарко, кисти его рук мертвенно побледнели, из-под ногтей выступила кровь. Студенты через голову Исаака тоже пытались удержать Димарко, но тяжесть была слишком велика. Исаак чувствовал, как руки старого итальянца сползают с доски - это приближалась катастрофа... Последнее, что врезалось в память - расширенные от ужаса глаза Рози и багровое от напряжения лицо Джино Димарко.

Тело Димарко опознали по усам, а Рози опознать так и не уда-

лось: ее обезображенные останки не отличались от останков других работниц, погибших в этот день на фабрике Triangle Factory. Из ста сорока шести погибших сто двадцать были женщины.

То, о чем молчали годами, вдруг выплеснулось наружу и стало предметом страстных дебатов: "потогонная система", безжалостная эксплуатация иммигрантов, антисанитарные условия труда, производственные травмы и пожары на предприятиях...

Собрание рабочих на фабрике проходило дней через десять после пожара. Многие работницы сидели на собрании с незажившими ожогами, забинтованные, в гипсе. На стене висел список погибших - еще неполный, еще пополнявшийся каждый день. Помимо рабочих, присутствовал владелец предприятия Макс Бланк и представители городского управления, полиции, пожарной службы.

Мистер Бланк открыл собрание пространной речью. Он искренне скорбел о потерянных жизнях и обещал сделать все возможное, чтобы подобное не случалось впредь. Затем он заговорил о причинах и обстоятельствах пожара. Собственно говоря, причину установить пока не удалось, но что важно подчеркнуть: администрация фабрики соблюдала и выполняла все предписания закона относительно пожарной безопасности на промышленных объектах. И у администрации есть доказательства. Вот, например, составленный по всей форме в прошлом году акт о соответствии фабричного помещения требованиям пожарной безопасности, подписанный представителями пожарной инспекции, городского отдела промышленных зданий, городской полиции. Макс Бланк потряс над головой бумагой с лиловыми печатями и кружевными подписями. Однако пожар все же произошел. Но что поделаешь - ничьей вины нет, это как стихийное бедствие: случаются же ураганы, штормы, землетрясения...

Рабочие приуныли. Они понимали, куда клонит Бланк: раз нет вины, то и спрашивать не с кого, и значит компенсаций за потери и ранения в законном порядке не будет, а так - что хозяин захочет, то и даст, и скажи спасибо.

Мистер Бланк еще не закончил свою речь, как произошло нечто неожиданное. Собственно говоря, для Исаака это было такой же неожиданностью, как и для других. В последнее время, со дня пожара, он пребывал в страшном нервном напряжении. Сцены гибели друзей преследовали его, он не спал по ночам. На собрание он пришел без всяких специальных целей, не собираясь вмешиваться в ход событий. Совершенно неожиданно для себя он

вскочил на ноги и громко заговорил - по-английски, первый раз в жизни публично и по-английски.

Нельзя сказать, что речь его отличалась гладкостью и правильностью. Он не говорил, а кричал, скорее даже выкрикивал английские слова, которые все же складывались в осмысленные фразы. И самое главное - это совершенно соответствовало настроению и мыслям рабочих, они тоже громко кричали, выражая поддержку Айзеку Чайкину. Смысл его слов сводился к тому, что люди погибать не должны ни в каких случаях. Если правила соблюдены, а люди погибли, значит это плохие правила, и за них должны отвечать и те, кто их составил, и те, кто их применял. Погибли люди, наши друзья, мои друзья, и не может быть, чтобы за это никто не отвечал. Что здесь происходит? Здесь владельцы и городские власти пытаются снять с себя ответственность за происшедшую трагедию. Но им это не удастся. Мы, рабочие, не дадим себя обмануть. Мы закроем фабрику и не впустим никого, пока наши требования не будут удовлетворены.

Тут все повскакали с мест, и начался невообразимый шум. Мистер Бланк пытался говорить, но его заставили замолчать. То же произошло с представителем городского управления, который призывал к выдержке и терпению. Рабочие бурно требовали немедленных компенсаций и улучшения условий труда. Тогда владелец и представители властей ушли с собрания. Макс Бланк уходил с опущенной головой, ни на кого не глядя, мысленно проклиная тот день и час, когда по просьбе Берла взял на работу этого местечкового революционера. И ведь по-английски не знал ни слова, а вот научился, скандалист чертов... Начальство ушло, а рабочие остались и приняли резолюцию, угрожающую забастовкой. Главой комитета по проведению забастовки и переговорам с администрацией был единодушно избран Айзек Чайкин.

Так началась карьера этого выдающегося лидера американского профсоюзного движения. В двадцатых и тридцатых годах он возглавлял профсоюз швейников, в пятидесятых вошел в правление объединенных американских профсоюзов, назначался во многие комитеты и комиссии как на городском, так и на штатном уровне, неоднократно избирался в городской совет Нью-Йорка и один раз в штатный сенат, в шестидесятых годах участвовал в совещаниях в Белом доме под председательством президента Джонсона. Умер он в 1978 году в возрасте восьмидесяти шести лет, и о его кончине сообщили все нью-йоркские газеты.

4. "Вам письмо"

Когда Василию Рабочеву было шестнадцать лет, тетя Рая поведала ему семейную тайну. Она рассказала, что где-то в Америке, возможно, в Нью-Йорке, живет его родной дядя Исаак, старший брат его отца, а если у дяди есть дети, то, значит, и двоюродные братья и сестры. Тайна эта была воспринята Васей довольно безразлично: никакого практического значения она не имела, поскольку всякие контакты с заграницей были под строжайшим запретом, а неприятностей такое родство могло навлечь очень много. В Васиной жизни и без того было предостаточно неприятностей, если употреблять это слово как эвфемизм другого, более сильного слова "несчастья".

Васин отец, герой гражданской войны, член украинского республиканского правительства Аркадий Рабочев, был арестован и расстрелян в 1937 году как участник военно-фашистского заговора, Васина мать вместе с Васей была сослана в Восточную Сибирь. Правда, через какое-то время мальчика отдали на воспитание маминной сестре; мама к тому времени была уже тяжело больна и вскоре умерла в ссылке, а тетя Рая заменила Васе мать. Насчет американского дяди она упомянула всего один раз, да и сказала-то как-то неопределенно: "где-то в Америке", "возможно, живет", "если у него есть дети"... Дядя этот, если он действительно существовал, никогда ничем о себе не напоминал. Конечно, Василий не забыл о том единственном разговоре с тетей Раей, все же, как ему казалось, он имел все основания не упоминать об этом "возможном" родстве, и в 1951 году, когда поступал в киевский строительный институт, уверенно написал в анкете, в пункте о родственниках за границей: "не имею". И это обошлось ему дорого.

В феврале 1953 года Рабочев учился на втором курсе. Однажды утром его вызвали в деканат прямо с лекции. Секретарша сказала, что его просят зайти в комнату номер 211. Безотлагательно, прямо сейчас. На комнате 211 не было никакой надписи, но все прекрасно знали, что там помещался "особый отдел" или, проще говоря, местное отделение госбезопасности. С понятным волнением Василий открывал тяжелую, обитую черным дерматином дверь.

С ним беседовали двое: один был начальником отдела кадров, Василий видел его раньше, но говорил-то все больше как раз второй - незнакомый человек неопределенного возраста с незапоминающейся внешностью; он представился, назвав себя по имени-отчеству, которые Вася тут же забыл. Унылым голосом, словно сожалел о происходящем, незнакомый задал Васе несколько вступительных вопросов - имя, адрес, с какого года в комсомоле, когда репрес-

сирован отец - а потом показал край какой-то лежавшей перед ним бумаги:

- Ваша подпись?

Вася привстал, разглядывая бумажку:

- Вроде, моя.

- "Вроде"? А точнее?

- Моя.

- Значит, ваша. Так.

Теперь он показал Васе всю бумагу целиком:

- Это ваша анкета, которую вы заполняли при поступлении в институт. Узнаете? Вот тут, в этом пункте, вы категорически утверждаете, что за границей у вас родственников нет. Это правда?

- Правда, - еле слышно произнес Вася. - Вроде бы, нет...

- Опять "вроде бы"! - рявкнул незнакомый и хлопнул ладонью по столу. - Подпись "вроде моя", родственников за границей "вроде нет"... Думаете, мы здесь что? В игрушки играть пришли? Отвечайте честно, без этих ваших штучек!

- Родственников за границей нет. Во всяком случае, я никого не знаю, - сказал Вася как можно тверже.

- Так. А кто такой Джино Хайкин, проживающий в Нью-Йорке? А?

- Не знаю. Никогда не слышал о таком.

- Вот чудеса какие, - с наигранным удивлением сказал Васин собеседник и достал из ящика стола почтовый конверт. - Посторонний человек пишет ему письмо из Нью-Йорка, называет "дорогим двоюродным братом". Ну, не чудеса ли? Мне таких писем не пишут. А вам?

Он обратился к начальнику отдела кадров, тот с готовностью замотал головой и захихикал.

- Вот смотрите, - он поднес конверт к Васиному лицу. - Ваш адрес, ваше имя. Видите? И обратный адрес - Джино Хайкин.

Все так и было написано на белом конверте с множеством марок и печатей. И еще Вася заметил, что конверт не распечатан. "Как тогда они узнали, что он обращается ко мне "дорогой двоюродный брат?" - пронеслось у Васи в голове.

- Кстати, сказать, как ваше настоящее имя?

Вопрос поставил Васю в тупик.

- Василий Рабочев.

- Знаем, по документам вы Рабочев. Ваш отец сменил свою фамилию Хайкин на русскую. Запутывал следы, чтобы заниматься шпионажем и контрреволюцией. Так что на самом деле вы Хайкин. Только вот имя... Василий Хайкин - как-то не звучит. Чего это ваши

родители решили дать вам такое имя?

Вася замялся:

- Это отец... в честь своего командира. Так мне говорили.

- Командира? Это кого же? Чапаева, что ли?

- Блюхера, - выдавил из себя Вася.

- Блюхера, - торжествующе повторил собеседник. - Конечно, Блюхер, враг народа! Подходящая компания для вашего отца... - Он сокрушенно покачал головой. - Вы пользуетесь тем, что советская власть не взыскивает с детей за грехи родителей. Вам дали возможность жить в Киеве, приняли вас в институт. А вы...

- А что я? - вдруг прорвало Василия - Что я сделал? Какой-то человек написал мне письмо - я даже не знаю, кто он. Откуда у него мой адрес? Может, это провокация... Я не хочу даже читать это письмо. Заберите его! Я напишу заявление на почту, что не хочу получать из заграницы. Пусть ему сообщат, чтоб не писал! Я знать не знаю никакого Хайкина.

Тут же, не покидая комнаты номер 211, Рабочев написал заявление в Министерство связи СССР, в котором уведомлял, что отказывается получать письма от незнакомых людей из Америки, и просил вернуть нераспечатанное письмо отправителю. Но напрасно он рассчитывал закончить таким путем это дело.

- Ну, с почтовыми делами, кажется, разобрались, - сказал Васин собеседник, перечитав заявление. - А что делать с комсомольцем, обманувшим в своей анкете государственную комиссию, должна сказать комсомольская организация.

5. "Да здравствует диктатура пролетариата!"

Джино Чайкин с детства знал, что где-то там, в России, живут его родственники, брат его отца, то есть дядя, а также, возможно, его потомки. Знал и не придавал этому никакого значения: у всех есть родственники где-то там... не в России, так в Италии или Пуэрто-Рико. Какое ему дело до незнакомых родственников? У него своих дел всегда по горло, и очень важных дел.

Студенческие годы Джино Чайкина пришлись на критическое для его страны время, когда вопрос стоял - быть или не быть в Америке демократии. Во всяком случае, так это виделось молодому Чайкину. Американское правительство все больше увязало в преступной войне против вьетнамского народа, а внутри полным ходом шло наступление на права трудящихся. Вообще говоря, правительственная политика в принципе не может быть правильной или неправильной, она всегда преступная и антинародная, поскольку осуществляется в интересах эксплуататорского класса. Поистине

демократическим может быть только то общество, где власть находится целиком в руках трудящихся, а не капиталистических корпораций и их наймитов в лице профессиональных политических деятелей. Эту доктрину молодой Чайкин усвоил в студенческие годы на собраниях студентов-социалистов, которые позже создали организацию Студенты за демократическое общество (SDS).

Лидеры и идеологи этой организации призывали к глубоким изменениям в американской жизни, в которой укоренились такие отвратительные явления как бедность и расовая дискриминация. Но проблема, на их взгляд, была в том, что нормальным демократическим путем добиваться этих изменений невозможно, поскольку всякую критику, всякие акции, направленные на улучшение общества, власти объявляли коммунистической пропагандой. И поэтому одним из главных врагов организация студентов за демократию в своей Порт-Гуронской декларации 1962 года объявляла антикоммунизм. Под видом борьбы с коммунизмом, опасность которого невероятно преувеличена, если не сказать искусственно создана, власти зажимают рот прогрессивным организациям и лишают американский народ свободы слова, говорилось в декларации.

Надо сказать, что до середины шестидесятых годов, то есть до возникновения широкого движения против Вьетнамской войны, SDS оставалась кучкой радикалов, влияние которых не шло дальше нескольких политизированных университетов. Но в середине шестидесятых руководители этой организации оказались во главе массового антивоенного движения, которому сочувствовали многие американские студенты, потенциальные призывники. По американским университетам пошла волна митингов и демонстраций, носивших порой весьма бурный характер. Дело доходило до поджогов и столкновений с полицией. Студенты требовали прекращения войны, расширения гражданских свобод и государственных программ по ликвидации бедности.

В некоторых случаях требования студентов носили конкретный характер. Так в университете Гриндейл, где учился тогда Джино, студенты требовали, помимо прекращения войны и установления социальной справедливости, еще и удаления с кампуса представителя производственной компании "Кемпрод". Представитель компании прибыл в университет, как это было принято, чтобы предложить студентам-выпускникам работу на своих предприятиях. Однако вскоре на кампусе стало известно, что "Кемпрод" имеет отношение к производству напалма, который применяется американскими войсками в войне против вьетнамского народа. Это возмутило студентов. И хотя представитель "Кемпрода" категорически от-

рицал причастность компании к этому делу, студенты собрались на митинг протеста.

Митинг проходил бурно, страсти накалялись. По предложению местной представительницы SDS Берты Леон была единодушно принята резолюция, требовавшая удаления с кампуса пособника войны. Администрации университета был предъявлен ультиматум: в течение восьми часов очистить кампус от "Кемпрода". В противном случае студенты намеривались сделать это сами с применением силы.

Что означала подобная угроза, администрация хорошо понимала: вполне можно было ожидать захвата студентами административного здания, разгрома внутренних помещений, поджога и захвата заложников. Да, такое уже случалось в других университетах. Поэтому ректор связался срочно с губернатором штата и попросил защиты. И вот, когда к семи часам вечера объявленный ультиматумом срок истек, студенты собрались на повторный митинг. Перед фасадом административного здания выстроилась цепочка защитников - человек сто национальных гвардейцев в форме цвета хаки, в шлемах и с дубинками. Но студентов-то было тысячи полторы ...

Этот второй митинг проходил еще напряженнее, чем первый. Перед студентами выступил перепуганный ректор, который заверил, что представителя "Кемпрода" на кампусе нет, он уехал. Таким образом, нет причины для беспокойства, и всем можно разойтись. Ему возразил один из организаторов митинга: он лично проверил и убедился, что хотя представителя "Кемпрода" в офисе нет, но офис-то существует, вон он, на втором этаже административного здания, все оборудование на месте, и представитель "Кемпрода" в любой момент может вернуться - пожалуйста, все для него готово. А мы не хотим терпеть на кампусе убийцу вьетнамских детей...

Толпа ревела от негодования. Ректор пытался объяснить, что офис не предназначен специально для "Кемпрода", что это офис для представителя любой производственной компании, который прибывает на кампус для знакомства со студентами на предмет дальнейшего трудоустройства, но его не слушали. Толпа гудела и размахивала плакатами до тех пор, пока слово не взяла Берта Леон.

Она вспрыгнула на сооруженную из двух столов трибуну, стремительная, в ловко сидящей кожаной куртке, и заговорила громко и спокойно, как человек, привыкший обращаться к большой аудитории. И толпа затихла, прислушиваясь к ее словам. Она начала с комплимента, сказав, что собравшиеся здесь гораздо умнее, чем это кажется ректору университета. В этом месте ректор закивал го-

ловой, что вызвало дружный смех студентов. Напрасно ректор думает, продолжила Берта, что студенты так наивны. Наша цель (она повысила голос) не физическая расправа с отдельным представителем отдельной компании - мы не хулиганы и не погромщики - а цель наша: показать и администрации, и производственным предприятиям, вербующим выпускников, что студенты нашего университета никогда, ни за что, не будут работать на войну. Толпа одобрительно загудела. Но было бы непростительной ошибкой ограничить наши требования закрытием вербовочного офиса или чем-то подобным, продолжила Берта. Мы должны воспользоваться этим собранием, чтобы высказать им (тут Берта показала рукой то ли на административное здание, то ли на строй гвардейцев) все наши требования, да, предъявить все наши счета. Вон я вижу у ребят в руках правильные транспаранты: "Прекратить преступную войну", "Президент заврался", "Управлять страной должен народ", "Да здравствует диктатура пролетариата". Вот это серьезный разговор, вот чего надо добиваться!

Транспарант насчет диктатуры пролетариата держал в руках Джино Чайкин, он и изготовил его сам - по совету Берты Леон.

Джино был знаком с Бертой давно, в пятидесятых годах они вместе учились в Колумбийском университете. Берта тогда носилась с идеей преодоления холодной войны через установление контактов с советским студенчеством. По ее замыслу, совместные согласованные выступления американских и советских студентов против холодной войны должны привести к тому, что всем станет очевидна несостоятельность и бессмысленность правительственной политики, ориентированной на обострение отношений между двумя странами. Нужно было лишь установить связь со студенческими организациями в Советском Союзе, над этим и работала тогда Берта. Узнав, что у Джино где-то в России есть родственники, она дала ему задание установить с ними связь и выяснить, нет ли среди них студентов.

Джино, естественно, в первую очередь обратился к отцу. Айзек признался, что мало знает о своих родственниках в России. Когда-то, в первые годы после эмиграции, он ходил на встречи "ландсманшафт", то есть землячества. Правда, из Захвилья там никого не было, но были люди из соседних городов и местечек, так что наиболее важные новости доходили. Именно таким образом он узнал о погроме в Захвилье и о гибели сестер. Примерно тогда же он услышал, что Арон ушел в Красную Армию. Однако все попытки узнать его дальнейшую судьбу, а также местонахождение матери не давали результата: эмиграция из России прекратилась, и традици-

онный способ узнавать новости от вновь приехавших больше не работал. Да и сам Айзек Чайкин к этому времени стал крупным профсоюзным боссом, постоянно занятым, и ходить на встречи земляков у него не было времени.

Следующая порция новостей из Захвилья обрушилась на Айзека, насколько он мог припомнить, где-то году в двадцать седьмом. К нему в офис на Бауэри-стрит пришел один из тех стариков, которых он когда-то встречал на земляческих сборах, и вручил ему письмо от захвильского раввина ребе Эльханана. Письмо это, как объяснил старик, было вывезено кем-то из Советского Союза в Польшу и оттуда отправлено по почте.

Айзек поначалу обрадовался, что старый раввин жив и помнит его. Но что он писал?.. Тяжкие времена наступили в родных краях: новая власть (для него она все еще была новой) хочет уничтожить веру в Бога и закрывает повсюду синагоги. И церкви тоже закрывает. В соседнем городе закрыли синагогу, а раввина выслали куда-то на Урал. В Захвилье, на другой стороне реки, закрыли церковь, а теперь подбираются к синагоге, писал раввин. В прошлую субботу разбили окно и намарали на стене дегтем такие слова, что и вспомнить стыдно. Делают эту гадость так называемые комсомольцы. А кто они, эти комсомольцы? Да мальчишки из здешних захвильских семей, у многих из них рабби Эльханан был на обрезании, бар-мицву* проходили в этой самой синагоге, которую теперь мажут дегтем. Очевидно, скоро закроют совсем, устроят в синагоге клуб или склад. И пока это не случилось, раввин умоляет Исаака помочь. Как? Через брата. "Он теперь очень большой человек у новой власти, живет в Киеве, а имя свое изменил, и называется Аркадий Рабочев, - писал раввин. - Тут двое наших, захвильских, ездили специально в Киев, так их даже близко к нему не допустили. Ты, Исаак всегда был хороший, набожный еврей, я до сих пор помню, как ты читал "Насо" в день своей бар-мицвы. Напиши брату письмо, он тебя послушает, ты же старший. Проси его ради памяти ваших родителей сохранить синагогу".

- Я тогда долго думал, что делать, - сказал Айзек сыну, - но письма Арону так и не написал. До сих пор не знаю, правильно ли поступил...

Джино, откровенно говоря, не слишком волновала судьба захвильской синагоги, зато он получил ценную для дела информацию: он узнал фамилию своих родственников, и что они жили, а может быть и сейчас живут в Киеве. Дальше уже было не сложно

---

*Бар-мицва - еврейское совершеннолетие.

узнать адрес Рабочевых в Киеве: это делалось через Красный Крест в порядке розыска разьединенных войной семей. На запрос Джино пришел ответ, что по сведениям от советского Красного Креста в Киеве проживают в настоящее время несколько человек по фамилии Рабочевы, и ближе всего к запрошенным данным подходит Василий Аркадьевич Рабочев, 1933 года рождения; в конце письма был указан его адрес.

Несколько дней Джино и Берта сочиняли письмо вновь обретенному родственнику, потом Берта показывала это письмо друзьям из SDS, и в конце концов письмо приобрело тот окончательный вид, который так не понравился в КГБ. В письме, после сдержанного выражения радости по поводу установления связи с незнакомым двоюродным братом, говорилось о том, что им обоим выпала доля жить в трудное время, когда новая мировая война кажется неизбежной. Правительства обеих сверхдержав, ослепленные ненавистью друг к другу, держат курс на обострение отношений посредством гонки вооружений и демонстрации силы. Это может кончиться только одним - всеобщей ядерной катастрофой. В таких условиях мы, молодежь обеих стран, должны сделать все возможное, чтобы спасти человечество от гибельных последствий теперешней политики. Если бы студентам из Америки и Советского Союза удалось встретиться где-нибудь в нейтральной стране и громко заявить о том, что они ни при каких обстоятельствах не будут принимать участие в войне друг против друга, такое заявление могло бы стать началом широкого молодежного движения в обеих странах, а последствия этого движения могли бы совершенно изменить ситуацию в современном мире. Письмо кончалось вопросом: "Дорогой двоюродный брат, что думаешь ты и твои друзья по этому поводу? С нетерпением жду ответа".

Ответ на этот вопрос получен не был. Вместо ответа пришло официальное уведомление почтовой службы США, что адресат отказывается получать письма от неизвестных лиц из заграницы. Больше Джино не пытался установить контакт с родственниками в Советском Союзе. Да и все это дело по установлению контактов с советскими студентами стало неактуально, началась международная разрядка и, вообще, другие заботы. А самое главное, Джино Чайкин полностью изменил свою жизнь: он ушел из университета и переехал на Западное побережье. Причиной тому было разочарование в университетском образовании. То есть, формально говоря, его отчислили, поскольку он никак не мог сдать зачеты за третий семестр, так что разочарование было взаимным. К этому моменту Джино понял, что его настоящее призвание - киноискусство. Роди-

тели не перечили ему, они только просили изучать киноискусство в Нью-Йоркском университете. Но нет, Джино считал, что учиться творчеству бесполезно и даже смешно, творчеством нужно заниматься, а где же заниматься кинотворчеством, как не в Голливуде? И Джино переехал в Лос-Анжелес.

Кинокарьера у Джино Чайкина не сложилась. В течение четырех лет он обивал пороги студий, писал какие-то сценарии, составлял проекты, но так и не смог добиться ничего. Все это время родители поддерживали его материально. В конце концов, ему стало ясно то, что отец говорил с самого начала: чтобы преуспеть в Голливуде, нужно иметь либо большие связи, либо большие деньги, либо, на худой конец, большой талант...

Осерчав на Голливуд и разочаровавшись в киноискусстве, Джино вернулся в Нью-Йорк, в отчий дом. Он было снова сунулся в Колумбийский университет, но туда его не приняли. Вообще, вскоре стало ясно, с его репутацией нерадивого студента надеяться попасть в хороший университет, по меньшей мере, наивно. В тщетных стараниях "найти себя" прошли еще два года. И вот однажды, совершенно случайно, он встретил днем на улице Бертю Леон. Она была все та же - порывистая, озабоченная, напряженная.

- Ты где пропадаешь? - закричала она с другой стороны улицы - Иди сюда, поговорить надо!

Они встретились, как старые друзья, обнялись, расцеловались.

- Почему тебя не видно? Ты что делаешь? Учишься? Где? - спрашивала она, не выпуская его из объятий.

- Да так как-то... - Рассказывать о своих злоключениях не хотелось. - Колумбия меня не восстанавливает, другие университеты...

- Наплевать на Колумбию! Я скажу, куда тебе идти. Ты ведь житель штата Нью-Йорк, верно? Ну тогда тебя наверняка возьмут в штатный университет Гриндейл. Это недалеко от города, часа три на машине. Нам там очень нужны свои люди, там можно кое-что сделать... Вообще-то ты знаешь, что происходит?

Джино промычал что-то невнятное. Она схватила его за руку и оттащила в сторонку, к витрине какого-то магазина.

- Значит, так. С социалистами мы окончательно расходимся, сейчас главная работа - против войны. Я говорила только вчера с Марком Раддом, он говорит, что Том Хайден тоже так считает. Понимаешь? Это направление очень популярно среди студентов: никому не охота попасть во вьетнамские джунгли... Организация растет как никогда! Но это не значит, что мы забыли наши прежние социальные требования, они должны идти вместе с антивоенными. Вместе, понимаешь?

...Толпа студентов с факелами, камнями и палками приближалась к цепочке национальных гвардейцев, выстроившихся перед административным зданием. Впереди всех шла Берта Леон. Она размахивала факелом, и отсветы пламени мерцали в ее глазах и на коже ее куртки. Она кричала: "Мы мирная демонстрация! Мы не хотим столкновений! Мы только хотим войти в здание и проверить, кто там прячется!".

Когда демонстранты приблизились, и их отделяло от здания футов полтора, вперед вышел командир национальных гвардейцев в форме капитана и прокричал в рупор:

- Здание закрыто, вход воспрещен! Прощу всех разойтись! Если кто-нибудь попытается проникнуть в здание, будет применена сила! Расходитесь!

- Они не поспеют нас тронуть! - высоким голосом закричала Берта. - Не начинайте первыми! - И обращаясь к гвардейцам: - Ребята! Они все врут про нас. Мы не делаем ничего незаконного. Не слушайте их! Мы проводим законную демонстрацию, а вы выполняете преступный приказ.

Она продолжала идти на строй национальных гвардейцев, размахивая факелом. И студенты шли за ней. Джино шел в первом ряду с самодельным транспарантом насчет диктатуры пролетариата - картонка прибитая к рукоятке от лопаты. До строя гвардейцев оставалось двадцать шагов... десять... пять. Гвардейцы стояли недвижной стеной, преграждая путь. "Пропусти!" - повелительно сказала Берта и попыталась отстранить высокого, широкоплечего гвардейца. Тот сразу же, без разговоров, огрел ее дубиной по лицу, из разбитых губ и носа у Берты потекла кровь. И тут началось... В гвардейцев полетели камни, палки, бутылки с горючей смесью. Понимая, что на расстоянии их закидают, гвардейцы кинулись на студентов, круша дубинками налево и направо.

Картонный лозунг на палке - не особенно эффективное орудие, Джино размахивал им больше для остротки. И вдруг перед ним возник высокий гвардеец - тот, который ударил Берту - и одним взмахом дубинки свалил его на землю. Он вырвал у него лозунг и принялся избивать им Джино, хрипло приговаривая:

- Пролетариат? Вот я и есть самый настоящий пролетариат! А ты пидер мокрожопый! Я тебе покажу, что хочет пролетарий!

И палкой по голове, по голове... Джино потерял сознание.

6. Политическая принципиальность

Историю с письмом из Америки Василий, конечно, рассказал те-те Рае, но не до конца: не сказал ей, что комсомольская организа-

ция будет решать его судьбу, иначе говоря, что главные беды впереди. Просто не хотел, чтобы тетка волновалась, она и так потрясена была всем происшедшим, и Василий слышал, как она по ночам ворочалась на топчане в своем углу и тихо плакала. Василий тоже не спал. Он думал о предстоящем комсомольском собрании, которое должно рассмотреть, то есть утвердить или отменить, решение курсового комитета об исключении Василия Рабочева из комсомола с одновременным ходатайством перед дирекцией об отчислении его из института. За обман государственных органов и за политическое двурушничество, говорилось в решении комитета. В чем выражалось это самое политическое двурушничество, Васе не объяснили. "Собрание разберется", сказали ему.

В день комсомольского собрания Вася встал с головною болью. Хотел побриться, но в ванной заперлась соседка. Вася потоптался под дверью и поехал небритый - боялся опоздать на занятия, только этого не хватало...

Собрание назначено было на четыре. Всего на курсе числилось двести восемьдесят комсомольцев, пришли почти все. В большинстве это были Васины сверстники, двадцатилетние парни и девушки, но также и небольшое число демобилизованных, те были постарше. К ним относился и секретарь организации, Ким Кострищев, демобилизованный сержант и негибавший большевик. В институте он всегда ходил в военной гимнастерке с орденскими ленточками, хотя в армию он попал в 1945 году, и воевать ему не довелось. Он-то и докладывал собранию дело Рабочева.

- Настоящее собрание происходит в трудные для советского народа дни, - начал Кострищев свое сообщение. Он поправил складки на гимнастерке и тяжелым взглядом обвел притихший зал. - Великий вождь нашего народа и всего прогрессивного человечества товарищ Сталин болен. Мы все надеемся на его скорейшее выздоровление, но в обстановке его болезни мы обязаны повесить свою бдительность и заострить политическую принципиальность.

Затем секретарь изложил сущность дела Рабочева. Этот, с позволения сказать, комсомолец обманным путем проник в наш институт. Он обманул приемную комиссию, написав в анкете, что не имеет родственников за границей, а на самом деле в Нью-Йорке у него живет родной дядя и двоюродный брат, с которым Рабочев состоит в переписке. Стоит сказать об этом дяде. Он родной брат отца, который был в свое время разоблачен и осужден как враг народа, иностранный шпион и вредитель. Наше гуманное государство допустило Рабочева жить в Киеве и учиться в институте. Так он вместо того, чтобы отмежеваться и очиститься, переписывается с

братом врага, хотя и дядя. И это не все. Стоит внимательно приглядеться, кто он есть на самом деле, так называемый Василий Рабочев. Когда сионистские враги проникают повсюду, делая из-за угла свое враждебное дело, оказывается, никакой он не Рабочев, а настоящая его фамилия Хайкин!

По залу прокатился гул, комсомольцы недоуменно переглядывались. Как это может быть? Вася Рабочев, свой парень, и вдруг...

И тут на трибуну выскочила Валентина Прошкина. Не попросила слова, а вдруг появилась на трибуне. Председательствующий запротестовал было, но из зала стали кричать "дайте ей сказать, она его знает, дайте сказать". И прежде, чем председательствующий восстановил порядок, Валя заговорила:

- Да, я его знаю. Мы дружим с первого курса, тут тайны нет... Но я его защищаю не потому, что он мой друг, а потому, что его обвиняют неправильно, несправедливо. Как Ким подал дело, так это любого из нас можно представить врагом...

Тут председательствующий прервал Прошкину: давай факты, если чего знаешь, а не разводи критиканство.

- Вот вам факты. Никакой переписки с двоюродным братом не было, а было одно единственное письмо из Америки, которое Вася отказался принять. Есть его заявление на почту, где он отказывается. Он никогда не знал про дядю в Америке, просто не знал. Отца арестовали, когда Васе было четыре года, ему просто неоткуда было знать. Насчет фамилии. Это фамилия отца - Рабочев. И в Васинной метрике о рождении эта фамилия, он может показать, и в паспорте, и во всех документах. Это его настоящая фамилия, другой нет. Но он никогда не скрывал своей национальности, никем не притворялся. И в метрике, и в паспорте, и во всех анкетах сказано, что он... его настоящая национальность честно, без утайки представлена. И что тут такого? У нас в стране все равны. А Василий честный человек и хороший комсомолец. Когда на картошку надо ехать, он не отлынивает, не то что некоторые...

Тут в зале поднялся шум. Вообще говоря, к Васе на курсе относились неплохо, он имел репутацию простого парня, который вел себя скромно, не высовывался, но и не отказывался от неприятных поручений. Так что с тем, что говорила Валя Прошкина, многие готовы были согласиться. И Ким Кострищев забеспокоился: проголосуют сейчас эти сопляки против исключения, что он завтра на партийном бюро говорить будет? С такой ерундой, скажут, справиться не смог -- провести резолюцию на комсомольском собрании! Тоже, скажут, руководитель...

Кострищев вошел на трибуну.

- Что здесь происходит? - сказал он суровым партийным голосом, и все почувствовали, кто здесь главный. - Прошкиной в этой ситуации следовало проявить больше политической принципиальности, но нет: лезет защищать своего хахала... Это типичная политическая беспринципность, когда свои мелкие интересы ставят выше государственных. Да, речь идет о государственных интересах, товарищи. Сегодня, в связи с болезнью нашего дорогого Иосифа Виссарионовича, нужно быть повышенно бдительными, потому что сейчас особенно возможны вылазки врагов всех мастей. А что мы здесь видим? Очевидный скрывающийся сионист, который обманывает государство, притворяется и прячется. Типичный политический двурушник. А нам здесь говорят, что он хороший комсомолец, потому что ездил на картошку. Просто ерунда, безответственный детский сад! Между прочим, сегодняшнее собрание покажет, насколько каждый из нас политически принципиален. Те, кто не понимают опасности таких людей, как Рабочев, просто не понимают ленинско-сталинской партийной линии. С ними нужно разбираться отдельно.

Угроза прозвучала достаточно выразительно, но и после нее нашлись ребята, выступившие в защиту Рабочева. Он ничего плохого не сделал, недоумевали они, никого не обманул, за что его исключать? Кострищев пустил в ход тяжелую артиллерию. Один за одним выступили все семь членов курсового комитета, принявшего решение об исключении Рабочева. Они разъясняли, убеждали, давили, нажимали, угрожали.

Последним дали слово Васе. Он поднялся на трибуну бледный, небритый, с дрожащими руками и сдавленным, еле слышным голосом говорил что-то о том, как он предан родине и лично товарищу Сталину, и какой трагедией для него было бы потерять членство в комсомоле. Под конец он заплакал и, не закончив выступления, сошел с трибуны при общем молчании.

Собрание длилось около четырех часов, и когда перешли к голосованию, несколько раз пришлось пересчитывать. В конце концов было объявлено, что решение комитета об исключении из комсомола Василия Рабочева утверждено большинством в одиннадцать голосов. Валентина потом говорила, что если бы считали честно, результат был бы другим.

Так в понедельник 2 марта 1953 года Рабочев был исключен из комсомола и через день отчислен из института. В 1956 году, когда его отца посмертно реабилитировали, Васе предложили подать заявление о восстановлении в комсомоле. Но он отказался: он уже был другим человеком.

7. Койка-дни

На третий день пребывания в больнице Джино запросился домой. Чего ради торчать в палате, он совершенно здоров. Ну, несколько ссадин и синяков, сотрясение мозга в легкой степени, уже все прошло. Врач на утреннем обходе мялся, не сказал ни да, ни нет, а во второй половине дня неожиданно появилась в палате Берта.

Чего тебе не сидится? Куда ты спешишь? - заговорила она чуть ли не с порога.

- А чего мне здесь сидеть, я здоров.

Она присела на край кровати и, наклонившись к его уху, прошептала сквозь заклеенную пластырем губу:

- Нам сейчас очень важны койка-дни, понимаешь? Ну, сколько людей сколько дней провели в больнице. Мы возбуждаем дело о незаконных действиях национальной гвардии, зверски избивших мирную демонстрацию студентов. Пресса на нашей стороне. Понимаешь?

- Понимаю. - Джино недовольно посопел, поворочался. - Скучно здесь. И курить хочется, а не разрешают.

- Ничего, потерпи, - жестко сказала Берта. - На демонстрации держался молодцом, а здесь распустил нюни... Я поговорю с врачом, чтоб тебя отпустили покурить.

И верно: вскоре после ее ухода появилась медсестра и сказала, что Джино может при желании выходить из палаты покурить. Специальная курительная комната находится на первом этаже, справа от главного входа.

Джино обрадовался, но тут же вспомнил, что у него нет сигарет, забрали вместе с одеждой при поступлении в больницу. Что же делать? Он решил идти в курилку, авось там удастся "стрельнуть" у кого-нибудь.

В курилке сидел всего один человек - весь перевязанный-перебинтованный и в корсете, рядом с ним лежали костыли.

- Эй, парень, одолжи сигаретку, - подкатился к нему Джино, - у меня в приемном покое все забрали.

Человек с трудом, всем телом повернулся, и Джино обомлел, узнав в нем высокого гвардейца. Того самого...

Онемев от неожиданности, они некоторое время смотрели друг на друга. Потом перебинтованный гвардеец мрачно усмехнулся:

- Это я тебя так отделал?

- Ничего страшного, уже почти все зажило, - сказал Джино примирительно.

- Да палка-то была не тяжелая, я ведь соображаю, что делаю. Это

вот ваши... - Он безнадежно махнул рукой.

- Что - плохо?

- Уж чего хорошего... Какая-то тварь сзади саданула меня кирпичом, я упал. Так они с меня, лежащего, сорвали шлем и так отдубасили... Доктора не знают, смогу ли работать. А у меня семья, трое маленьких... Да ты бери сигарету, не стесняйся, бери больше, мне жена еще принесет.

Джино прикурил, и они молча дымили несколько минут.

- Ну, ты достал меня этим лозунгом, - прервал молчание гвардеец. - Ах, думаю, говнюк, от имени пролетариата заговорил. А ты хоть один день в жизни работал? Я вон с тринадцати лет вкальваю, на жизнь зарабатываю своими руками, семью кормлю, а ты тут в университетах на деньги родителей... И еще недоволен, диктатуру пролетариата ему подавай.

Джино понимал, что тот говорит ерунду, но как возражать человеку в таком положении?.. Он помолчал и осторожно спросил:

- В случае чего... ну, в смысле нетрудоспособности... пособие тебе выплачивать будут?

Собеседник тяжело вздохнул:

- Будут, наверное, но ведь на это прожить трудно. Нет уж, я на карачках, а работать должен. Я в прошлом году свою мастерскую открыл, ремонт автомобилей. До прошлого года работал у других, но вот подкопил денег и открыл. У меня еще четверо ребят работают. Так что теперь я, рассуждая по-вашему, капиталист и эксплуататор чужого труда.

Он желчно рассмеялся.

- Ты говоришь о том, чего не понимаешь, - осмелел Джино. - Мы вовсе не против таких людей, как ты или твои рабочие. Наоборот, мы хотим, чтобы делами в стране управляли такие вот люди. Тогда бы не было ни войны, ни бедности.

- Ну, парень, ты хватанул... Зачем я буду страной управлять? Я в этих делах не смыслю. Есть люди, специально подготовленные, вот пусть они и управляют, а если эти не справляются, мы выберем других. У нас демократия. А насчет бедности... Я скажу тебе одно: кто хочет работать, тот бедным не будет.

- Неправда! - возбудился Джино. - Есть в стране люди - работают полный день, а прожить не могут.

- Я таких не встречал. Разве что пьяницы какие-нибудь, а этих мне не жалко.

- Напрасно! Они тоже люди, о них нужно заботиться.

Гвардеец только взглянул на Джино, ухмыльнулся и ничего не сказал. Они долго молчали. Джино выбросил окурок и поднялся.

- Ну, пока. Спасибо за сигареты.

- Приходи сюда еще, - неожиданно отреагировал собеседник, - посидим, покурим, поговорим, а то ведь скучно в палате. Тебя как зовут? Джино? Ты итальянец, что ли? А у меня итальянская фамилия - Мариано, Крис Мариано. Дедушка отца, кажется, был итальянцем, а так-то мы ирландцы.

- Меня отец назвал в честь своего друга, Джино Димарко, он погиб во время Большого пожара. Слышал? В Нью-Йорке, на швейной фабрике?

- Приходи в курилку, расскажешь.

Он с трудом поднялся с дивана, Джино подал ему костыли, и Крис, неловко передвигая их, поплелся к себе в палату.

Три дня еще провел Джино Чайкин в больнице, и каждый день они встречались с Крисом в курилке и подолгу разговаривали. Дела у Криса обстояли неважно: поврежден позвоночник, трещина в черепе, перелом руки, не говоря уже о всяких накожных ранах и ушибах. Полностью восстановить трудоспособность он уж не надеялся, но хотя бы приходить каждый день в мастерскую и вести дела... Этого врачи тоже не обещали.

Между тем, появились статьи в нью-йоркских газетах, гневно осуждающие избиение на кампусе мирных демонстрантов. Публицисты требовали привлечь к суду капитана, командовавшего отрядом национальных гвардейцев, и возбудить процесс импичмента против губернатора, пославшего национальную гвардию на кампус. Ректор университета поспешил сам подать в отставку.

- Зачем ты пошел в национальную гвардию? Это же добровольно, - спросил Джино на второй день их разговоров.

- Конечно, добровольно. Мы должны защитить страну от таких ребят, как вы. Иначе вы такую диктатуру пролетариата здесь устроите... Я знаю, что говорю, я воевал к Корее, повидал там ...

Вот они, плоды антикоммунистической пропаганды, подумал Джино. Засорили им мозги, запугали, они и впрямь думают, что мы хотим установить фашистский режим, вроде франкистского. Как объяснить этим людям, что мы и есть подлинные демократы, что только нас волнует благополучие народных масс?

Но как ни странно, они почти не спорили. Крис рассказывал о своей семье, о Корейской войне, на которой он провоевал почти два года, о том, как трудно было набрать денег на авторемонтную мастерскую. Джино, в свою очередь, рассказал о Большом пожаре на швейной фабрике, в котором едва не погиб его отец, об организации производственных профсоюзов и их борьбе за права трудящихся. На этом месте Крис его перебил:

- Я не потерплю никаких профсоюзов у себя в мастерской. Где-нибудь на больших заводах они, может быть, и нужны, а в маленьких мастерских вроде моей... Я сам слежу, чтобы все было нормально, никого не обижаю. А если кому не нравится - скатертью дорога, ищи работу в другом месте. Никто еще, между прочим, от меня не уходил.

Другой раз, когда Джино пытался разъяснить программу студенческой организации за демократию, Крис сказал:

- Это я все слышал: бедность, расовая дискриминация, неравенство... Про это все время говорят. А вот я хочу задать тебе такой вопрос... ну, между нами. Чем объяснить, что в ваших организациях, которые беспорядки устраивают и хотят все перевернуть, чем объяснить, что у вас столько евреев? Нет, правда. Посмотри список руководителей - сплошь они: Абби Хофман, Майкл Спигел, Марк Радд, Джерри Рубин... И эта стерва, которая на кампусе факелом размахивала... Почему?

Джино густо покраснел и стал думать, что ответить. Он с детства привык к тому, что вокруг отца, в руководстве профсоюза швейников, было много евреев. Но и рабочих тоже было много евреев, так что все правильно. Потом он пошел в университет. И там концентрация евреев в революционных организациях казалась ему объяснимой и нормальной. Ведь большинство студентов были дети богатых родителей из солидных, хорошо устроенных в этой жизни протестантских семей, и по окончании университетов для них были уготованы хорошие карьеры и теплые места в семейном бизнесе. А евреи, дети недавних эмигрантов, из бедных семей без всяких связей и знакомств, аутсайдеры, пришлые чужаки, естественно, хотели все перетрясти, изменить, переделать. Так понятно. В конце концов, общественное бытие определяет общественное сознание, Маркс прав. Но вот как все это объяснить ему, Крису Мариано? Ведь он тоже из бедной семьи, без положения и связей, а сознание у него совсем, совсем другое...

Джино так и не нашелся, что ответить. И еще ему очень не хотелось, чтобы Крис догадался, что он еврей...

На следующий день с утра в палате появилась Берта:

- Хватит прохлаждаться, выписывайся. Дело есть. Тут такое заваривается...

Ее глаза горели революционным пламенем.

8. Три мотка мохера

Валя еще раз взглянула на календарь и вздохнула. До зарплаты мужа оставалось четыре дня, а в кошельке оставался один рубль и

одиннадцать копеек. Все бутылки и банки были сданы, все карманы пальто и сумочка обшарены... Квартплату можно внести и в будущем месяце, пусть даже придется заплатить пени. ("Как будто в будущем месяце ты станешь богаче", шепнул ехидный внутренний голос). Но как прожить эти четыре дня? У Василия проездной билет, на еду он денег не берет, "некогда", говорит, только на пачку сигарет. Но придет с работы - надо покормить. И, само собой, завтрак, и ей с Машей среди дня - ну хотя бы молока с хлебом...

Валя прошла по комнате, взглянула в окно. Унылый, мокрый под дождем двор, голые деревья с безвольно опущенными ветвями. Она снова прошла по комнате, постояла над Машиной кроватью. Девочка посапывала во сне. Не от насморка ли? Еще недолго, и кроватка станет ей мала - новые расходы...

Но это в будущем, пусть недалеко, но будущем, а как сейчас дожить до зарплаты? Валя вспомнила, что сосед, инвалид Кукуев, должен был ей три рубля, но разве с него получишь? И ведь когда одалживала, прекрасно понимала, что не отдаст, но вот как-то не удержалась, жалко его стало, старого, больного, без ноги. "Христом-Богом прошу, Валентина Ивановна..." Не удержалась, пожалела. А вот теперь...

Она все же решила попытаться. Без всякой надежды на успех постучала в соседскую дверь. Когда в начале хрущевской эры строили этот дом, разговоры были об отдельных квартирах: каждой семье, мол, отдельную квартиру. А потом, когда стали распределять, решили, что малосемейным больно жирно будет - по квартире. Это что ж - одинокому инвалиду отдельную квартиру? Или женщине с ребенком - квартиру? А молодой паре тоже не положено на двоих - пусть у них будет комната побольше, восемнадцать метров, и хватит с них. И начали заселять по три семьи в квартиру. Ничего страшного, всю жизнь, небось, прожили в коммуналках, проживут еще. Зато с горячей водой и газом. Так и получилось, что в квартире, где жили Рабочевы, инвалид Кукуев и еще одинокая женщина Таисия с ребенком, двери в двух комнатах были застекленные: раз одна семья, как предполагалось, будет жить, от кого прятаться? Василий свою дверь переделал: поставил деревянные филёнки вместо стекол. А инвалид сказал, что ему все равно, пусть подглядывают, если кому интересно. И вот теперь Валя постучала и увидела сквозь стекло, как инвалид Кукуев повернулся на своей кровати, приоткрыл глаза и что-то проговорил - слышно не было.

- Это я, Валентина, соседка. Можно зайти?

Он опять что-то сказал, и Валентина ступила в кукуевское жилище. Она хотела было поздороваться, но ей в нос шибанул такой

дух винного перегара и грязного тела, что она закашлялась.

- Чего тебе? - спросил хозяин тоном, лишенным любезности, и от-
вернулся к стенке.

- Долг с вас причитается, три рубля. Не забыли? Мне бы сейчас
очень кстати, Маше на молоко.

Он посопел и хрипло сказал:

- Я не отказываюсь, что должен. Но только нет у меня. Вон пос-
мотри там на столе. Я вчера бутылок сдал на рубль с лишком, нем-
ного потратил, колбаски взял, но там еще осталось. Бери, сколько
найдешь, остальное за мной.

- Здесь пятьдесят пять копеек. - Валя смела монетки со стола и
зажала в кулаке. - Два сорок пять за вами, не забывайте.

- Бери, бери. Остальное после как-нибудь отдам. Зато пока все не
отдам, просить снова в долг не буду. Тебе же выгодней...

Валя вернулась в свою комнату. Маша все так же посапывала в
кроватьке. Рубль и шестьдесят шесть, пересчитала Валентина. Да,
не разгуляешься... Буханка хлеба - двадцать восемь копеек, две бу-
тылки молока - шестьдесят восемь, картошки нужно - двадцать ко-
пеек, лук и морковка, в суп положить, еще, считай, двадцать. Но
ведь нужно для Васи хоть кусок колбасы пожарить, или пельменей
пачку сварить... А манная каша для девочки! И это только на один
день... Нет, четыре дня им не продержаться.

Валя выросла в деревне в голодные послевоенные годы, и нище-
та, самая настоящая, когда в доме нет еды, была для нее не но-
вость. Но все-таки хотелось бы понять, как это у других получает-
ся, как это люди ухитряются прожить на зарплату? Ведь у Васи зар-
плата совсем не плохая, выше средней. Со сверхурочными выходит
до ста семидесяти. Почти у всех, кого она знает, зарплаты меньше.
Но дело в том, что работают в семье двое, муж и жена, две зарплат-
ты. Она бы с готовностью пошла работать тоже, ведь она как никак
инженер-строитель со стажем, но с кем Машу оставить, вот пробле-
ма. У Василия на работе обещают место в детском саду, но очередь
дойдет через полгода, не раньше. Тогда она начнет работать, и
жить станет легче... Да, но как пока что дожить до зарплаты?

Валя села на кровать, подперла рукой голову и посмотрела дол-
гим взглядом на нижний ящик комода. Вообще говоря, выход из это-
го положения был. Она старалась о нем не думать, а он все время лез
в голову, напоминал о себе: "Сделай так, сделай, ведь другого выхо-
да у тебя нет". Там в комодe, в нижнем ящике лежали три мотка
прекрасной, матово-синей мохеровой пряжи - подарок тети Раи.
Сколько времени мечтала Валя о мохеровой кофте, да ведь разве
осилишь! И даже наберешь денег, все равно не найдешь в магазине,

а только у кого-то с рук... А вот тетя Рая, добрая душа, дай ей Бог, достала.

Сколько можно взять? Пожалуй, рублей по двенадцать за моток. Тридцать шесть рублей, целое состояние! И до зарплаты дожить, и еще на будущий месяц останется, ведь в будущем месяце та же беда придет - опять до зарплаты не хватит. А синяя кофта... ладно, чего об этом плакать!

Приняв решение, Валя заторопилась. Она посмотрела на часы: два ровно. Маша проспит еще час. Ну, что ж, часа ей достаточно, тут недалеко. Она вынула из комода мотки мохера, аккуратно завернула их в газету и положила в сумку. Быстро надела пальто и выскользнула на лестницу.

Под мелким дождем она пересекла двор и выбежала на улицу. В этом новом районе, который предполагалось построить как образец современного городского планирования, торговый центр находился неподалеку, а в нем - двухэтажный универмаг. Магазин построили красивый, с широкими окнами и зеркалами, и назвали в честь первого космонавта Гагарина. Беда однако заключалась в том, что торговать там было нечем: какие-то унылые нитяные чулки, грубые чуть ли не кирзовые ботинки и завал зубных щеток... Правда, иногда в продажу "выбрасывали" венгерские кофточки или польские джинсы. Выстраивалась огромная очередь, и всем желающим не хватало.

Но это бывало редко, а в обычные дни в магазине наблюдалась активность другого рода. Дело в том, что со временем универмаг стал для окрестных жителей центром частной торговли "с рук". Тут у предприимчивых граждан можно было потихоньку купить и заграничный свитер, и капроновые колготки, и туфли на шпильке, и модную мужскую рубашку в талию... чего только не продавали! Конечно, это было опасно: кругом рыскала милиция, и если попадешься, то запросто могли пришить дело о спекуляции. А это до семи лет тюрьмы... Так что следовало соблюдать большую осторожность.

Валентина все это знала. Она как следует осмотрелась, потолкалась сначала на первом этаже в отделе готовой одежды, потом поднялась на второй этаж в отдел галантерейных товаров. Здесь тоже милиции вроде бы не было. Она стала оглядываться в поисках покупателей, и тут подошла к ней женщина среднего возраста в приличном пальто. На бледном лице выделялся ярко накрашенный рот морковного цвета.

- Что у вас, женщина? - спросила она Валю шепотом.

- Мохер, три мотка, - так же тихо ответила Валя. - По двенадцати рублей.

- Цвет?

- Синий. Не яркий, а такой... умеренный.

- Подойдет, - кивнула незнакомка. - Давайте выйдем отсюда, мне посмотреть надо.

Они вышли на улицу, обогнули здание магазина, и здесь, за углом, Валя развернула один моток. Покупательница взяла его в руки, пощупала.

- Хорошо. Но мне три мотка мало. Может, еще найдется? С собой нет, понимаю, а дома есть? Я могу с вами сходить.

И тут неизвестно откуда появился милиционер.

- Торговля в неподобающем месте! - Он крепко стиснул Валину руку повыше локтя.

У Вали перехватило дыхание и зашумело в висках.

- Ничего не торговля, - пролепетала она. - Вот встретила знакомую, показываю...

- Знакомую, - скривилась в усмешке морковная помада. - С каких пор мы знакомы? - И милиционеру: - Ты, Попов, за сумкой гляди, у ей там еще два мотка. Смотри, чтоб не выкинула по дороге в отделение.

Валя поняла, что пропала.

В отделении милиции, пока составляли протокол, она плакала, умоляла отпустить ее хоть на полчаса - покормить ребенка.

- Она сейчас проснется, испугается, плакать будет...

Но ее не отпускали, ждали, пока вернется откуда-то следователь. Тогда она стала просить разрешения позвонить мужу на работу: может быть, он сможет приехать домой, покормить дочку. Но ей и этого не разрешили. Потом ее долго допрашивал следователь, добивался, откуда она получает заграничный товар.

- Да какой товар? Тетка мужа подарила на кофту, а нам приспичило - до зарплаты не на что дожить.

- Все спекулянты так говорят, гражданка Рабочева, - невозмутимо отвечивал следователь. - Вот, подпишите протокол изъятия. "Три мотка пряжи синего цвета". Так? Подпишите здесь.

- Ничего я подписывать не буду! - крикнула Валя срывающимся голосом и отшвырнула от себя лист. - Говорю вам, у меня ребенок один дома, плачет, голодный. Что вы за звери такие!

- Вы подпишите здесь, - сказал следователь, поднял с пола листок и расправил его на столе. - Давайте телефон мужа, я позвоню.

По счастью, Василий оказался на месте.

- Это из милиции, - сказал следователь в трубку усталым голосом. - Жену вашу тут задержали. Да ничего с ней не случилось, не пугайся. Просто задержали за торговлю в неподобающем месте.

Оформлять будем за спекуляцию. Что будет? А я почему знаю, это суд решит. Ты вот что - жми домой скорей, там ребенок некормленный, плачет. Жена когда вернется? Вопрос о мере пресечения будет решаться в прокуратуре. Нет, не сегодня, не раньше завтрашнего дня. Так что на завтра советую взять отпуск. Как минимум, на завтра.

Валентина вернулась домой на второй день, ее отпустили под подписку о невыезде. Уголовное дело по обвинению в спекуляции товарами широкого потребления было возбуждено, и через пару месяцев закончено, материалы следствия и обвинительное заключение за подписью районного прокурора передано в суд.

Судебное заседание состоялось в ноябре 1966 года. В качестве свидетеля выступала тетя Рая, которая показала, что три мотка синей мохеровой пряжи подарила жене своего племянника Валентине Рабочевой на день рождения, поскольку ей, Валентине, всегда хотелось иметь мохеровую кофту. Эти три мотка она купила на рынке у перекупщицы за тридцать шесть рублей. Другая свидетельница, сотрудница милиции Бовницкая, рассказала, как подсудимая пыталась продать ей три мотка мохеровой пряжи за тридцать шесть рублей возле универсама Гагаринский. Прокурор объяснил присутствовавшим в зале суда, какое это опасное преступление - спекуляция, и как она, спекуляция, подрывает экономическую мощь нашей несокрушимой советской экономической системы; он просил суд наказать спекулянтку Рабочеву В.И. лишением свободы на три года. Молодой адвокат, назначенный судом, пытался обратить внимание судей на то, что состав преступления, называемый спекуляцией, предполагает скупку товаров и перепродажу их по более высокой цене с целью наживы. В данном же случае, настаивал адвокат, никакой скупки не было, поскольку три мотка мохера подсудимая получила в подарок. Не было также и стремления к наживе, поскольку... Но тут председательствующая на заседании суда пожилая женщина с орденом "Знак почета" на жакете прервала молодого адвоката:

- Ну уж вы нам тут не это... Что вы нам рассказываете? Ведь она получила мотки вообще задаром, а пыталась продать по двенадцать рублей, и это по-вашему не нажива? А что это такое?

Посрамленный адвокат под смехи публики кое-как закончил свою речь. А суд все же проявил великодушие и вместо трех лет лишения свободы, испрошенных прокурором, дал Валентине только два, учитывая наличие малолетнего ребенка, как было сказано в преамбуле приговора. Подсудимую взяли под стражу в зале суда сразу по окончании заседания.

Как ее увозили, как она прощалась с дочкой, Валентина вспомнить не могла. Все эти дни прошли в каком-то тумане. Преобладало одно чувство - отчаяние. Что будет с Машей? Кто о ней позаботится? Как муж сможет заниматься ею и работать?

И снова в действие вступила тетя Рая. Как некогда она взяла к себе племянника, сына репрессированной сестры, так и теперь она взяла к себе внучатую племянницу, дочь осужденной спекулянтки. Но ведь теперь тете Рае было на двадцать семь лет больше... Конечно, Василий делал все возможное, чтобы помогать ей и как можно больше времени проводить с Машей. Но все-таки целыми днями девочка была с тетей Раей, и для пожилой больной женщины это было нелегко. Кошмарную зиму и последовавшее за ней жаркое лето Раиса пережила, что называется, стиснув зубы. Зато осенью им несказанно повезло: в честь пятидесятой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции была объявлена амнистия, и некоторые категории преступников были выпущены на свободу. И Валя среди них...

Пока Валя сидела в лагере и забота о ребенке была на тете Рае, она держалась из последних сил. Есть на свете такие люди, для которых чувство долга и ответственность сильнее всего остального, даже болезней. Но как только девочка вернулась к матери, старые болезни навалились на Раю с прежней силой и даже хуже: последний год подточил ее и без того слабое здоровье. Весной 1968 года она не могла уже выходить из дома, и покупки для нее делал Василий. Осенью того же года она перестала вставать с постели. Рабочевы взяли ее к себе, в свою комнатушку в коммунальной квартире. Их соседи, инвалид Кукуев и одинокая женщина с ребенком Таисия, тут же написали заявление в районное отделение милиции, копия в домоуправление, что у Рабочевых в настоящее время проживает человек (женщина) без прописки. Пришел участковый, ознакомился с положением и объявил, что тяжело больной родственнице временно можно жить без прописки, учитывая, что она постоянно прописана в Киеве. Можно жить временно... Тетя Рая прожила после этого меньше месяца: в начале октября она тихо умерла во сне.

Незадолго до своей кончины она сказала Василию:

- Нехорошо все-таки, что мы про дядю Исаака ничего не знаем. Родственников забывать нельзя.

9. Нью-йорская телефонная книга

Древнегреческий Эвклид был, конечно, прав: параллельные линии не пересекаются. Разве что где-то там, в бесконечности. Ну, а

если не в бесконечности, а здесь, на нашей замороженной планете, в наше время?..

Жизнь двух ветвей одной семьи, Хайкиных из украинского местечка Захвилье, развивалась параллельными линиями по обе стороны Атлантического океана. Рабочевы жили в Советском Союзе, Чайкины в Америке. Старшее поколение уходило из жизни: Аркадий Рабочев, герой Гражданской войны, был расстрелян как враг народа еще в 1937 году; Айзек Чайкин, видный профсоюзный деятель, доживал свой век на пенсии. Их сыновья, Василий Рабочев и Джино Чайкин, вступили в жизнь почти одновременно, оба учились в институтах, но не закончили (по разным причинам), оба женились - Василий на Валентине Прошкиной, Джино на Берте Леон, оба родили детей, оба сменили несколько профессий, и оба художественно устроили свою профессиональную жизнь: Рабочев в качестве специалиста по холодильным установкам, Чайкин как агент по торговле недвижимостью.

И тут произошло нечто, существенно подрывающее правильность утверждения Эвклида: параллельные линии сошлись в одной точке. В семидесятых годах двадцатого века началась эмиграция евреев из Советского Союза, и в числе первых, протиснувшихся к выходу, была семья киевского инженера Рабочева. В августе 1975 года Рабочевы получили выездные визы и месяцем позже пересекли советскую государственную границу в районе станции Чоп.

В Нью-Йорк Василий Рабочев прилетел холодным осенним утром, как некогда, шестьдесят с лишним лет назад, приплыл его дядя Исаак. Но в отличие от дяди, Василий был встречен в аэропорту сотрудниками еврейской организации по устройству эмигрантов, а позже снял квартиру в бруклинском районе Брайтон Бич. Там же, в Бруклине, в районе Бей Ридж, жила в то время и семья Джино Чайкина. Параллельные линии пересеклись...

Но до того, как двоюродные братья встретились, прошло еще три года. Первое время в Америке Василий и слышать не хотел ни о каких родственниках, хотя Валя время от времени заводила этот разговор: вот было бы хорошо иметь здесь родных, знающих американскую жизнь, они бы могли подсказать... Но Василий был непреклонен, он говорил, что ему претит роль бедного родственника. О чем он не говорил Вале - это что... ну не то чтобы стыдился своего отказа принять то злополучное письмо двадцать с лишним лет назад, а скорее опасался, что родственник не поймет его мотивов.

Свою трудовую жизнь в Америке Василий начал удачно - по специальности. Еврейская служба по приему иммигрантов устрои-

ла его в Сайнай-госпиталь учеником механика по холодильным установкам. Конечно, холодильники здесь были другие, куда сложнее, чем в родном Киеве, но Василий постепенно освоился, и уже через полгода работал самостоятельно. Позже он перешел на работу в порт - занимался рефрижераторами; там он быстро продвинулся, стал руководителем группы эксплуатации и ремонта холодильных установок. Тем временем Валентина закончила курсы бухгалтеров и стала работать на полставки, Маша училась в школе. Жизнь налаживалась. Рабочевы сняли квартиру на Брайтон-Бич в огромном доме с видом на океан.

Время от времени Вася вспоминал о своих американских родственниках, но ведь даже если бы он решился с ними встретиться, то как их разыщешь? Во время той незабываемой беседы в комнате номер 211 безликий собеседник показал ему конверт, но Вася толком ничего не разглядел, не до того было... Помнится он называл отправителя Хайкиным, и произнес его имя, что-то вроде Джаммо... Джеммо... что-то такое. Однажды Василий открыл нью-йоркскую телефонную книгу и стал искать фамилию Хайкин - ни одной не нашел. Потому что искал на букву "Н" (эйч), а надо бы на "Ch" (си-эйч), но этого он тогда не знал. Он был озадачен, разочарован, и признался себе, что Валя, пожалуй, права: родственников встретить было бы интересно, но как их найдешь?..

В таких случаях, как известно, на помощь приходит Случай...

Однажды в декабре Василий получил по почте красивую открытку. Какая-то еврейская организация поздравляла его с... Тут Вася не понял.

- Маша, - крикнул он из прихожей, где разбирал почту, - что такое "чанука"?

Это происходит во всех эмигрантских семьях: сразу же по прибытии в страну дети становятся самыми компетентными в семье людьми: они быстрее родителей осваивают язык, в школе они узнают реалии новой жизни, вкусы их стремительно меняются в сторону пиццы и кока-колы. Через три года жизни в Америке Маша прочно перешла на английский язык, хотя с родителями ей приходилось говорить по-русски. Ее вкусы в одежде вызывали у матери тихий ужас.

- Не "чанука", а Ханука, - объяснила Маша, взглянув на открытку.

- Что? - удивился Василий.

- Ханука, еврейский праздник. У христиан Кристмас, а у евреев Ханука. Ты не знаешь? А ты говорил, что еврей.

Действительно, говорил. Маша как-то спросила родителей:

- А кто мы? Ну, я спрашиваю, мы евреи или кто мы?

Родители переглянулись, и Вася веско молвил:

- Это не имеет никакого значения, все люди в этой стране равны, имеют равные права.

- Я знаю, это называется конституция. Но все куда-то принадлежат. Меня спрашивают, кто я, а я не знаю.

- Зачем они спрашивают, какое кому дело? - насторожилась Валя.

- А чтобы знать, кого с чем поздравлять, с какими праздниками. Мы все друг друга поздравляем.

Валентина в замешательстве посмотрела на мужа. Тот прокашлялся и сказал:

- Видишь ли, тут такое положение: мама твоя русская, а папа еврей. Значит, у тебя есть выбор: ты можешь считаться либо еврейкой, либо русской.

- Русская? Но у нас в школе нет русских. У нас есть евреи, католики и протестанты. Я тогда лучше буду еврей. Is it O.K. with mom?

Удивительно это все-таки, подумал Василий. Чего бы не отдали еврей в той стране, чтобы не быть евреями, а тут - добровольно...

Благодаря случаю с поздравительной открыткой Вася смекнул, что поскольку звук "ха" в английском языке может обозначаться как "Ch", то тогда фамилия Хайкин... Он тут же раскрыл телефонную книгу и нашел там на "Ch" несколько столбцов разных Хайкиных - Чайкиных и еще несколько Хайкиндов. Кто же из них родственник? Тут опять на помощь пришел случай.

Как многие эмигранты в Америке, Василий американских газет не читал, удовлетворяясь вполне "Новым русским словом". Но как-то случайно в метро его взгляд привлекло газетное объявление в траурной рамке. "Isaac Chaikin" - было набрано большими буквами. Постой, постой, ведь это Исаак Хайкин, это имя его дяди. Конечно, при таком количестве Чайкиных, как в телефонной книге, возможны всякие совпадения, но Василий решил все же проверить. Прежде всего, он купил газету... и ахнул: там был чуть ли не десяток сообщений о смерти этого Айзека Чайкина, и все они выражали соболезнование Джино, сыну покойного. Джино! Вот оно, то самое имя, которое произнес тогда, почти четверть века назад, гебешник в 211-й комнате. Вася отчетливо вспомнил: Джино.

В объявлении сообщалось, что похороны состоятся завтра на кладбище Ган-Шалом, справки по такому-то телефону. Василий сразу же позвонил и попросил телефон Джино Чайкина. Ласково-механический женский голос объяснил, что номера дать не может, но может передать Джино, и он позвонит сам. Василий назвал ку-

зеном и оставил свой домашний номер. Он не особенно надеялся, что родственник позвонит, но тот позвонил.

Разговор был коротким, но продуктивным. Джино сказал, что он очень хочет познакомиться со своим двоюродным братом и его семьей. Он бы с радостью приехал к ним, но в ближайшие дни он из дома не выходит, сидит шиву по отцу. "Что?" - переспросил Вася. "Шиву, семь дней" - ответил Джино. Может быть, Василий захочет приехать к нему, почтить память дяди? Между прочим, покойный часто вспоминал своего брата Арона и знал, что у него остался сын. Как жаль, он совсем немного не дожил до встречи... Василий записал адрес, и в следующий вечер поехал.

Ехать до Бей Ридж было не так уж далеко, полчаса примерно, но оказался он в другом мире. Чистые, усаженные деревьями улицы, огромные участки, каждый величиной с парк, и большие дома, напоминающие помещичьи усадьбы. Чайкину принадлежал огромный двухэтажный дом, к которому от чугунных ворот вела кипарисовая аллея. Расторопные ребята в желтых куртках приняли его машину, и он пошел напрямиком в дом. При входе стоял швейцар, он поклонился и показал рукой, приглашая внутрь. Василия никто не останавливал и ни о чем не спрашивал. Он прошел мимо завешенного зеркала и оказался в очень большой комнате, где вдоль стен и за столами сидели люди. На стене против входа висел большой портрет с траурным крепом, под ним стояло пустое кресло, а возле кресла, на полу, сидел человек в шапочке и без ботинок. Вася направился прямо к нему, и прежде, чем успел представиться, тот поднял глаза и сказал:

- You are Basil Rabochev, aren't you? I am Jenó, your cousin. Welcome.*

Он указал глазами на свободное кресло, и Василий сел. Прямо над его головой оказался портрет умершего дяди. Вася запрокинул голову и посмотрел на него.

- Ну что, есть сходство с братом? - спросил Джино. Разговор шел, естественно, по-английски.

Вася смутился:

- Я ведь отца не помню. Мне было четыре года, когда его арестовали.

- Да, мы знаем, что его расстреляли. Можно спросить, что произошло? За что?

---

*Василий Рабочев, не так ли? Я - Джино, ваш двоюродный брат. Добро пожаловать. (англ.)

Вася недоуменно пожал плечами:

- Это было в тридцать седьмом году. В тридцать седьмом году, - повторил он с нажимом.

- Да, в тридцать седьмом. И что произошло? Какая причина?

Вася вздохнул и обвел взглядом комнату. Люди заняты были своими негромкими разговорами, на Джино и Васю, казалось, никто не обращал внимания. В основном, пожилые, солидные люди в темных костюмах, некоторые с шапочками на голове. Господи, с тоской подумал Вася, кто из них знает, что такое тридцать седьмой год? "За что расстреляли?"

- В пятьдесят шестом его реабилитировали. Полностью. Даже все награды вернули.

- В самом деле? - обрадовался Джино. - Вот этого мы с папой не знали. Значит, произошла ошибка.

Василий усмехнулся:

- Ошибка, давайте считать так. Вопрос в том, может ли ошибка повториться несколько миллионов раз...

К Джино подходили люди, произносили сочувственные слова и отходили, а Василий продолжал сидеть подле него в кресле. Некоторым Джино говорил: "Мой двоюродный брат Базил, недавно из России. А это мистер такой-то". Вася не запоминал имен. Ему хотелось расспросить кузена о его жизни, о его семье, но он подумал, что это неуместно. Впрочем, кто тут хозяйка, можно было догадаться: статная женщина в узком черном платье давала распоряжения официантам, обносившим гостей напитками. Ее седые в голубизну волосы оттеняли блеск больших черных газ. Время от времени она подходила к Джино, шепотом обменивалась с ним короткими замечаниями, и снова шла встречать и рассаживать гостей.

- Твоя жена? - спросил Василий.

- Извини, я не познакомил. Берта, подойди на минутку! - И когда она подошла: - Это Базил, мой двоюродный брат из России.

- Тот самый? - она с интересом посмотрела на Васю, он встал и поздоровался с ней за руку. - Мы о вас столько говорили, гадали, что с вами там происходит. Но сейчас не поговоришь. Почему бы вам с семьей не приехать к нам в ближайшие дни, как только кончится шива? Познакомимся поближе. Ведь родственники... А сейчас извините.

И она заспешила навстречу пожилой даме, бросив на ходу мужу:

- С мальчиками познакомь.

Джино подозвал двух высоких пареньков: один смуглый, черноглазый, другой белокурый, с бледно голубыми глазами мес-

течкового мечтателя.

- Это мои сыновья, Дейвид и Джозеф. Им через месяц шестнадцать. Да, близнецы, хотя и не похожи. Бывает такое...

Дома Василий подробно пересказал жене впечатления того вечера. Ей все было интересно, она расспрашивала и про дом, и про сыновей, и про гостей, и про Берту.

- Сама все увидишь. Мы договорились, что в ближайшее время приедем к ним в гости. Все трое, с Машей, разумеется.

10. Пересечение параллельных

Договорились приехать в воскресенье к двум часам. "Outdoor lunch", - сказал Джино.

День выдался жаркий, и Василий наотрез отказался надевать пиджак и галстук, на чем настаивала жена. И правильно сделал, как вскоре выяснилось. Принимали их по-семейному, во дворе у бассейна. От бассейна куда-то вдаль тянулась лужайка с деревьями, замысловато постриженными кустами и цветочными клумбами.

Гости развалились в шезлонгах и неторопливо потягивали пиво и белое вино. Джино в шортах и майке возился у жаровни, Берта, тоже в шортах и майке, подавала гамбургеры и салат на пластмассовых тарелочках. Близнецы появились в купальных трусах.

- Ты купальник привезла? - спросила Берта у Маши. Та растерянно посмотрела на родителей.

- Меня никто не предупредил.

Вася вспомнил, что когда договаривались, Джино что-то сказал насчет "outdoor", но он не обратил внимания.

- Не беда, - сказала Берта, - у меня есть запасной купальник твоего размера.

Когда Маша в белом купальнике побежала вслед за мальчиками к бассейну, все посмотрели ей вслед.

- Красивая, - сказала Берта. - Сколько ей? Четырнадцать? Возраст Джульетты...

Джино сходил за семейным альбомом, и все принялись рассматривать старую фотографию с надписью "Фотография Фридриха Шульца на Петровской ул. гор. Херсонъ. Негативъ сохраняется". В объектив хмуро смотрели две девочки, мальчик, все примерно одного возраста, и молодой мужчина с бородкой.

- Вот этот, взрослый, мой отец, - пояснял Джино. - Мальчик - твой отец, ему здесь лет десять, а это их сестры - близнецы. Не помню, как их звали.

- Малка и Лея, - неожиданно для себя вспомнил Вася. - Они по-

гибли во время погрома. Мне тетя рассказывала.

- Смотрите, - сказала Берта, - Маша похожа на эту вот, справа. Вы не находите?

- Они сфотографировались все вместе, вчетвером, перед отъездом папы в Америку, - вспомнил Джино. - Значит... постой, постой... в 1911 году, так получается. У вас такая же фотография не сохранилась?

- Что ты, - махнул рукой Вася, - когда отца арестовывали, все фотографии забрали, письма, книги - всё... Может, в архивах КГБ по сей день валяется.

Вася снял рубашку и грелся на солнышке, Валя пряталась в тени: на ней была блузка с длинным рукавом и брюки. Берта предлагала найти для нее в своем гардеробе что-нибудь полегче, но Валя отмахивалась:

- С вас на меня? Да не шутите! И пытаться не буду: не хочу сражаться.

Действительно, Валя за последнее время сильно раздалась в ширину. Она сидела на стуле в тени навеса, отяжелевшая, грустная, не ела и не пила, и только время от времени произносила: "Хорошо тут у вас. Так хорошо..."

- Когда вы этот дом купили? - поинтересовался Василий. Джино усмехнулся:

- От Бертиных родителей наследство. Купить такой нам не под силу, хотя я в этом бизнесе почти десять лет, и у меня сейчас свое агенство по торговле недвижимостью.

- Это не интересно, - включилась Берта. - Мне хочется услышать про их жизнь в России. Из первых рук узнать что-то, а то ведь в газетах сплошная пропаганда, одно вранье. Сейчас об антисемитизме пишут. Это правда? Я знаю, при Сталине было "дело врачей", вот тогда действительно... А сейчас-то что?

- Жуткий антисемитизм, могу вас заверить, уж я-то знаю, - сказала Валя. - Я русская, при мне говорят без стеснения. Чего только я не наслушалась! Они и сионисты, и американские шпионы, и страну нашу губят, и лучшие места занимают, и все разворовали...

- Ну, людям не запретишь говорить, - сказал Джино. - У нас в Америке то же самое, я сталкивался с этим. Однажды в больнице лежал, лет десять назад, там со мной один парень был. Даже имя его запомнил: Крис. Он меня спрашивал: почему это евреи все стараются развалить и переделать? Так что в Америке тоже такие разговоры...

Василий покачал головой:

- Конечно, люди могут сказать что угодно. Но все-таки когда го-

сударство издает миллионными тиражами так называемую антисионистскую литературу, а люди понимают это как поощрение антисемитизма... да по сути, так оно и есть... Нет уж, в Америке не то же самое, извини.

Джино сказал, как бы рассуждая вслух:

- А странно это, если вдуматься. Ведь евреи там стали частью русского народа, они вместе со всем народом свергли царский режим, устанавливали народную власть. Какие же к ним претензии?

Вася прямо подпрыгнул:

- Вот эти самые! Да, именно это: "евреи устроили нам революцию и коммунизм".

Берта так и застыла с протянутой Васе тарелкой:

- Подождите, это уже совсем... Вы хотите сказать, что царский режим они считают лучшей формой государства, чем советская власть? Так я вас поняла.

Пылающим взглядом она уставилась на Васю.

- "Они"? - переспросил Вася. - Почему "они"? Я тоже не уверен, что коммунизм лучше царизма. Да-да, не напоминайте мне, я прекрасно знаю и о сословном неравенстве, и несправедливости евреев, и об отсутствии политических свобод. Ну а при коммунизме? Какие свободы? При царизме, мы знаем, существовали политические репрессии, тысячи оппозиционеров были сосланы в провинцию. А при коммунизме? Миллионы и миллионы убиты, целые сословия, целые народы уничтожались. Притом они даже оппозиционерами не были. Мой отец бился за власть советов, под Каховкой ранен был тяжело, еле выжил. Эта же власть его и убила...

Берта бросила в мусорный бак пластмассовую тарелку с гамбургером и села в кресло.

- Подождите, Базил, подождите, - она старалась говорить спокойно. - Тут нужно разобраться... в том, что вы говорите. Царский режим, по-вашему, не хуже народной власти? Ну знаете... Мы ведь тоже тут следим за событиями в мире, у нас доклад Хрущева на партийном съезде был напечатан раньше, чем в России. Да, сталинский режим совершил ряд ошибок и даже преступлений. Но это было извращение идеи народовластия, вот в чем суть. Антипод народовластия - это как раз царизм, или вот такой режим, как тут у нас. Вы приехали сюда и ничего не знаете, кроме официальной витрины жизни. Это понятно, я вас не виню. А слыхали вы когда-нибудь о комиссии Мак-Карти? Это же издевательство над политическими свободами!

- И что, этот Мак-Карти тоже убил миллионы? Или только тысячи? - не выдержала Валентина.

- И убил бы, если бы его не прогнали, - жестко парировала Берта. Вася развел руками:

- Вот в том-то и дело, что в этой стране есть возможность такого человека остановить, прогнать... А там...

Но Берту их доводы ни в чем не убеждали. Она пыталась объяснить этим свежее испеченным американским патриотам, что кроется за парадным фасадом показного благополучия и свободы. Практически вся пресса находится под контролем крупного капитала. А какая бедность в стране! Может быть, в среднем доход на душу населения в Америке довольно высок, но это именно в среднем. Разрыв в уровне жизни между богатыми и бедными чудовищный, и примерно двадцать миллионов людей живут в этой стране ниже порога бедности!

- Вы бы съездили на Юг, посмотрели бы... Да что на Юг, здесь, под боком, в Гарлеме, посмотрите, как люди живут!

И тут Валя, как потом она уверяла, неожиданно для себя сказала:

- Вот и поселили бы у себя две-три негритянские семьи. Места в доме хватит...

Все растерянно замолчали, ошарашенные такой бестактностью. В тишине стали слышны всплески воды в бассейне и радостные вопли детей. Василий прошипел по-русски:

- Ты соображаешь, что говоришь?

- А мне противны ее крокодиловы слезы, - ответила Валентина тоже по-русски.

Первый от шока оправился Джино. Он заговорил со своими гостями мягким, примирительным тоном:

- Все то, что вам так нравится в Америке... я не говорю, что этого не существует, но это не свалилось в готовом виде: все результат длительной настойчивой борьбы. И социальное страхование, и судебная система, и коллективные договоры, и пособия для малоимущих - ничто не досталось даром.

Он рассказал историю своего отца, который оказался волею обстоятельств, что называется, на переднем крае борьбы трудящихся за свои права. В молодости он работал на потогонном предприятии, где по вине хозяев однажды случился пожар. Погибло сто сорок шесть человек. И отец на всю жизнь понял, что только путем неустанной борьбы, предусмотренной, кстати сказать, американской конституцией, можно добиться каких-то улучшений для рабочих. Так он стал профсоюзным лидером.

- Отец сам чуть не погиб в том пожаре. Между прочим, меня он назвал по имени погибшего героя, своего наставника, чтобы я всю

жизнь помнил. И я помню. В студенческие годы я активно участвовал в движении за права трудящихся, за подлинную демократию. Это теперь я как-то... - Он посмотрел на жену, она сидела с каменным лицом. - Понимаешь, бизнес, семья... Но мы всегда поддерживаем движение за социальную справедливость. Деньги каждый год жертвуем, много даем на бедных. Знаешь, сколько людей в этой стране ложатся спать голодными?

Валентина опять заговорила, не обращая внимание на умоляющие взгляды мужа:

- На Юге я не была, конечно, но вот поглядите на нас: мы приехали сюда без гроша в кармане. Евреи поддержали нас первые два месяца, спасибо им огромное. За два месяца я кончила курсы и нашла работу, Вася сразу пошел работать учеником механика, а ведь в Киеве был инженером. Три года прошли, и мы живем, как никогда не жили в Советском Союзе. У нас квартира трехкомнатная, машина, отдыхаем во Флориде... Видели бы вы, в какой комнатенке мы ютились в Киеве: общая квартира, в уборную очередь... Вот я и говорю: если мы, без языка, иностранцы, и смогли, то кто же в этой стране не может? А уж голодать... Не представляю, кто голодает в этой стране. Разве что тот, кто работать не хочет. Да и такой может прожить на пособие. Я извиняюсь, на Юге, конечно, я не была, но у нас свой опыт в Америке, и он, по-моему, что-то значит...

Берта резко встала:

- Пойду, приготовлю кофе.

И ушла в дом. Валентина пересела в шезлонг, откинулась на спинку и прикрыла глаза. Вася и Джино молчали, оба чувствовали себя неловко. Разговаривать не хотелось.

И тут Василий вспомнил, о чем хотел спросить.

- Джино, в 1953 году я получил из Нью-Йорка письмо, они сказали, что от тебя. Я тогда не знал твоего имени.

- Как это? Ты получил письмо, а "они" сказали... Что-то не пойму.

- Действительно, - смутился Вася, - сейчас объясню. На самом деле, письма я не получил. Меня вызвали в специальный отдел, и сказали, что на мое имя пришло письмо из Нью-Йорка от Джино Хайкина. И показали конверт. Ты, говорят, скрыл, что у тебя двоюродный брат в Америке. Я им говорю: не знаю никакого двоюродного брата. Они говорят: но ты с ним в переписке. Я говорю: первый раз о нем слышу (это была чистая правда) и не хочу с ним переписываться. Извини, это грозило тогда большими неприятностями - иметь родственников в Америке. Вот я и отказал-

ся от письма... Только мне это не помогло: все равно исключили из института.

Васина история прозвучала для Джино крайне неубедительно. Как-то концы с концами не сходятся. Если "они" не хотели, чтобы он знал о родственнике в Америке, зачем тогда сами сказали? И причем здесь учеба в институте? Исключили, наверное, за неуспеваемость, а он теперь хочет придать всему делу политический характер. Малый он, кажется, неплохой, но недалекий...

Вслух Джино сказал:

- Я уже забыл про то письмо, ты вот напомнил. А всякие эти "органы безопасности" и у нас вмешиваются в частную переписку. Тут один человек пытался привлечь к суду ЦРУ за перлюстрацию его писем. Скандал был ужасный, но ему так и не удалось ничего доказать.

Господи, да понимает он сам, что говорит? Привлечь к суду ЦРУ? И он еще жалуется? Вася представил себе, как некто в Союзе пытается привлечь к суду КГБ, и рассмеялся совершенно не к месту. За три года в Америке он уже встречал таких людей, у которых весь разговор сводится к фразе "у нас то же самое". В Советском Союзе нет свободной прессы - у нас то же самое, сплошная пропаганда; там антисемитизм - и здесь тоже; у нас КГБ, а здесь ЦРУ, то же самое; там низкий уровень жизни, а здесь знаете, какая бедность на Юге? В общем, никакой разницы нет. Только непонятно, почему миллионы людей рвутся в Америку, в том числе и из Советского Союза. Такой вопрос им задавать бесполезно. И вообще говорить с ними скучно. Например, этот новый родственник, Джино. Может быть, неплохой человек, но такой ограниченный...

Сразу после кофе стали прощаться. Больших усилий стоило извлечь Машу из бассейна, она упрямилась, просилась "еще чуть-чуть". На прощание обещала братьям близнецам приехать, "как только родители соберутся к вам в гости"

В машине Валентине показалась, что от Маши пахнет табаком. Девочка клялась, что не курила, даже не пробовала. И мальчишки не курили. "They are cool!" - добавила она совершенно не к месту.

Дома, когда Маша легла спать, Валентина сказала мужу:

- Вряд ли я захочу к ним поехать еще раз. И уж Машу точно не пущу: боюсь, она от этих парней такого наберется... Ты, если хочешь, встречайся со своим двоюродным братом один, а мне эти люди ни к чему.

Василий ничего не сказал, но с грустью подумал, что едва ли когда-нибудь захочет с ним встретиться.

В течение следующих недель несколько раз звонили близнецы Чайкины, Дейвид и Джозеф, просили к телефону Машу, но Валентина каждый раз отвечала, что Маши дома нет. И они перестали звонить.

Далее история двух семей, Рабочевых и Чайкиных, продолжилась снова как две параллельные непересекающиеся линии. Один раз, тогда, у бассейна, они пересеклись, но не сошлись. В геометрии так не бывает, а вот в жизни людей случается. Пересекутся ли они снова? Может быть, и пересекутся - где-нибудь в бесконечности, в жизни следующих поколений...

Владимир Матлин - бывший москвич. Журналист и киноценарист. С 1973 года живет в США. Почти четверть века проработал на "Голосе Америки", вёл несколько программ под псевдонимом Владимир Мартин. Выпустил пять сборников рассказов и повестей: один в Америке, четыре в Москве в издательстве "Захаров". Печатался в журналах "Континент", "Время и мы", "Даугава", "Звезда", "Новая Юность", "Кольцо А".

Я прощаю тебя навсегда.
Ты меня не простишь никогда.

***

И вот, который раз опять
Скольжу над пропастью, по краю,
И вот, не знаю, что сказать,
О чем сказать, не понимаю.

И только чувствую, что все,
Что было прежде - не годится.
Период, как у Пикассо,
Другого колера страница.

***

Все разошлись и вновь пришли,
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали,
С тобою в доме опустелом.

Событья прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска -
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю,
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

***

Одиночество гонит меня
От порога к порогу -
В яркий сумрак огня.
Есть товарищи у меня,
Слава Богу!
Есть товарищи у меня.

Одиночество гонит меня
На вокзалы, пропахшие воблой,
Улыбнется буфетчицей доброй,
Засмеется,

разбитым стаканом звеня.

Одиночество гонит меня
В комбинированные вагоны,
Разговор затевает
Бессонный,
С головой накрывает,
Как заспанная простыня.

Одиночество гонит меня. Я стою,
Елку в доме чужом наряжая,
Но не радуется радость чужая
Одинокую душу мою.
Я пою.
Одиночество гонит меня.
В путь-дорогу,
В сумрак ночи и в сумерки дня.
Есть товарищи у меня,
Слава Богу!
Есть товарищи у меня.

***

Пишу о смерти. Не моя вина,
Что пред глазами то круги, то тени,
Что жизнь меня учила этой теме,
Как Францию Столетняя война.

Что на мои вопросы нет ответов,
И нету друга. Только звук пустой.
И дорог из шекспировских сонетов
Один лишь только 66-й.

***

Я в детство поглядел...
У игрока
Холодная,
Холеная
Рука.
Под ватю
Покатое
Плечо
И сердце, бьющееся горячо.
Извозчик получает серебром,

БОРИС ХАЗАНОВ

НИНА КУЩОВА

Случаются события, которые на первый взгляд вовсе не кажутся событиями.

В доме поселилась новая жиличка.

Мы, конечно, понимаем: стоит только заговорить о знакомстве мужчины и женщины, и рот наполняется слюной, фантазия читателя - или, может быть, следует говорить о недостатке фантазии? - мгновенно прокладывает рельсы, по которым, как поезд по известному маршруту, покатится вся история; конечная остановка - постель.

Тем не менее жилец, снимавший каморку в полудеревенском доме не улице Александра Невского, не был одержим столь разнузданным воображением. Правильней будет сказать, что он стыдился женщин или, что то же самое, стыдился самого себя. Каждое утро он выходил во дворик справить нужду и совершить обряд гимнастики; тут же, если это было тёплое время года, находился умывальник. Далее, позавтракав чем Бог послал, молодой человек направлялся с чемоданчиком, где лежали его тетради и белый халат, к трамвайной остановке, под вечер возвращался. Вряд ли кто-нибудь в этом сонном Заречье толком знал, кто такой был святой благоверный князь Александр Невский, но, по крайней мере, пожилым людям улица могла напомнить о кинофильме. Вдоль проезжей части по обе стороны улицы тянулись кюветы. Вы поднимали на крыльцо, входили в сени, слева помещались покои хозяйки, справа обитал Володя. Узкая лестница вела в мезонин.

Когда возникла Нина Кушцова, когда она появилась в городе? Годы спустя припомнить было невозможно, история оказалась погребена под завалами памяти. Довольно часто, не правда ли, мы вспоминаем не то, что было на самом деле, а наши собственные воспоминания, и это похоже на кружение в зеркалах.

Он случайно столкнулся с соседкой утром во дворе, она выходила из дощатого домика, в коротком халатике с пояском, подчеркнувшим хилые бёдра. Вернувшись в сени, он увидел её голые ноги, поднимавшиеся по лесенке. На другой день она снова встретилась ему во дворе, пробежала мимо с преувеличенной, как ему показалось, скромностью; потом ещё раз. "Вы учитесь в медицинском?" - спросила она, стоя на нижней ступеньке, и после этого студент её не видел. Она исчезла так же внезапно, как и явилась. Уехала домой, как позже выяснилось, к родителям в Савватьевский район, в несусветную глушь. И больше он о ней вроде бы не вспоминал.

Как вдруг однажды вечером к нему постучались. Он оторвал голову от книг. Была уже осень, на столе горела керосиновая лампа - отключили ток. Или, может быть, ещё не успели провести электричество в Заречье. В комнату ворвалось какое-то дуновение, словно ветер шевельнул страницы, но было ли так на самом деле или то, что затеялось позже, овеяло тревогой незначительный инцидент, придало ему особое значение? Решить трудно, ведь память всегда осложнена тем, что случилось потом.

Это была она, и вновь ему показалось, что тут скорее делают вид, будто стесняются своего вторжения.

Она была небольшого роста, бледная, худенькая, пожалуй, даже болезненная, чем отчасти оправдывалась цель её визита. Мелкие черты лица, короткие, негустые и почти бесцветные волосы, - скользнув по ней глазами где-нибудь на улице, тотчас забудешь.

Она, наверное, помешала? "Вы такой..." - "Какой?" - спросил он. "Так много занимаетесь". Студент пожал плечами, указал на вторую табуретку. Нет, она только на минутку.

"А что случилось?"

"Болят. Всё время колет, вот здесь".

Студент спросил: давно ли? При физических нагрузках или в покое? Есть ли одышка? В этом семестре начались занятия в клинике, пропедевтика внутренних болезней. Прежде чем приступить к осмотру, необходимо выслушать жалобы и собрать анамнез.

Получив неопределённый ответ, он встал, положил на кровать чемоданчик и вынул новенький фонендоскоп. Вставил в уши металлические рога, постучал пальцем по эбонитовой чашечке. Нина стояла лицом к свету, её глаза блестели, похоже было, что она действительно волнуется. Она подняла кофточку, показался нижний край лифчика. Студент деликатно отодвинул край лифчика повыше, приложил фонендоскоп к точке выслушивания митрального клапана, услышал мерные, гулкие, несколько учащённые удары, затем к точке трикуспидального клапана, теперь здесь, сказал он, имея в виду обе верхние

точки - клапаны аорты и лёгочной артерии. Она подтянула кофточку к ключицам, придерживала подбородком, пряча в ладонях чашки тесного бюстгальтера. Врач должен уметь, осматривая больную, отрешиться от посторонних мыслей. Володя вынул из ушей рога фонендоскопа, повесил на шею. Тоны сердца, сказал он, ясные, ритмичные. Шумов нет.

Засим должны были последовать рекомендации, назначено лечение, но стало ясно, что надобности в советах нет. Она что-то лепетала, оправляя одежду, дескать, очень была напугана, но теперь успокоилась. В награду студент был приглашен в воскресенье на день рождения.

Он вернулся из города, когда всё было уже готово, стол накрыт у хозяйки, тёти Груши, которой Нина приходилась дальней роднёй. Шёлковый оранжевый абажур, недавно приобретённый (значит, электричество всё-таки существовало), освещал крахмальную скатерть, рюмки, вилки, тарелки с ломтиками сыра, копчёной колбасы, розоватого свиного сала, графин с водкой, настоянной на лимоне. С подарком в руках студент стоял на пороге, поспешно посторонился - Нина Купцова, неожиданно высокая на длинных, как корабли, лакированных туфлях, в пестром фартуке поверх крепдешинового платья с подкладными плечами, несла в тонких оголённых руках чугунную сковороду с глазуньей. Все уже накладывали себе еду, была чинно выпита первая рюмка и заедена сальцом, и тётя Груша утирала пальцем уголки морщинистого рта, и виновница торжества, поглядывая на Володю, опускала и поднимала густо покрашенные ресницы, когда явилась ещё одна гостя с великолепным приношением - дочь хозяйки, работавшая на кондитерской фабрике. Картонную коробку поставили на стол, распустили шёлковую ленточку. Именинница всплеснула ладонями, на жёлтой маслянисто-кремовой поверхности торта было выложено шоколадное число: 20.

Сидели: тётя Груша с именинницей по одну сторону, дочь тёти Груши с Володей по другую, так что студент и Нина оказались напротив друг друга. Ещё не рядом, что означало бы некую степень официальной близости, но как бы на полпути. Тут он почувствовал, как маленькая ступня, выпростанная из туфли, ищет его колено. При этом Нина, порозовевшая, с блестящими глазами, оживлённо болтала, не глядя на него.

"А вот я вам чего расскажу", - прервала её тётя Груша.

Нога старалась попасть между коленями. Кажется, Нина даже слегка откинулась, отчего нога под столом удлинилась. Он незаметно опустил руку, хотел схватить. Нога отпрянула.

"Бывало, сядем на крылечке, ночь такая звёздная! А я шебутная была".

Игра под столом возобновилась.

"Ишь, говорит, чего задумала - купаться, в этакую темнотищу".

Дочь хозяйки крутила ручку патефона. Послышалось шипенье, задребезжал допотопный эстрадный ансамбль. И - о, минувшие годы, дорогие сердцу воспоминания! - сладко-завлекательный тенор всколыхнул душу. "Я-а-а пришёл в беседку. Где с тобой встречались!" - то был дивный Вадим Козин, довоенная знаменитость. К несчастью, имя это ничего не говорило студенту.

Тётя Груша пригорюнилась, подпёрла щеку ладонью. Гость с хозяйской дочкой прошлись туда-сюда, дама была крупная дородная женщина, выше Володи, норвила сама вести кавалера, и вообще ничего не получалось из танца.

"Да ну его", - сказала дочь тёти Груши и остановила патефон.

"Чай, что ли, подавать?" - спросила она. Нина исчезла. Комната - стены, фотографии, занавески на тёмных окошках - медленно поворачивалась. Часы рядом с портретом молодожёнов прокуковали сколько-то раз. Тётя Груша, держа во рту шпильки, закручивала узелком серые волосы на затылке. Дочь сняла со стены гитару, перевязанную голубой лентой. На столе перед хозяйкой поставили полную рюмку.

Нина стояла на пороге, на ней был снова пестрядинный передник. Тётя Груша, с гитарой на коленях, перекрестилась, взглянула на именинницу, "за тебя, девушка, дай тебе Господь", - медленно выпила, возведя глаза к потолку, утёрла губы и ударила по струнам.

Дррынь! Руки в боки, тта, тта, тта, - Нина Купцова, отшвырнув в сторону туфли, стуча пятками, качая бёдрами, подъехала к гостю, студент встал, но он не умел плясать русского. Перешли, не попадая в такт, на танго. Она извивалась в его руках. Тут, однако, обнаружилось нечто такое, в чём невозможно было усомниться, да, по правде сказать, и не слишком удивившее. Под передником не было бюстгальтера, и вообще не было ничего. Он держал Нину повыше талии, стараясь не уронить, и чувствовал под пальцами её лопатки. Почти произвольно его рука опустилась к завязанному бантиком узлу передника, ниже двигались её прохладные ягодицы. Ноги в паутинных чулках послушно следовали за его шажками. Хозяйка словно ничего не заметила, гитара дребезжала вовсю. Дочь, вместо того, чтобы пить чай с тортом, который уже начал плавиться, уплетала что-то принесённое с кухни Ниной, мутно поглядывала на танцующих. Много лет спустя всё это представлялось каким-то сновидением.

"Жарко было, вот я и сняла". Оба сидели на кухне. Нина успела

вновь облачиться в платье с крупными цветами.

"А как же они?" - спросил он несколько невпопад.

"Что - они?"

"Как же они?.."

"Да никак. Небось пьяные обе. Может, ты чайку хочешь?"

Из комнаты, где остались мать и дочь, не доносилось ни звука.

"А ты, может, чего подумал, - сказала она насмешливо. Он не знал, что ответить. Нина вздохнула. "Чтой-то я не в себе. Вроде бы не пила много. Пойти спать, что ль".

Помолчали.

"Надо бы искупаться", - сказала она вдруг.

Студент воззрился на неё.

"А чего. Я ночью люблю купаться".

Да ведь холодно, осень, хотел он сказать.

"Ничего, мы закалённые. Пойдёшь со мной?"

Рюмки, тарелки с остатками еды, растерзанный торт - всё осталось на столе, одиноко стояла в углу гитара, дочь ушла, хозяйка отправилась на покой. Четвёртый час ночи в начале. В полутьме Нина Купцова бодро - ни в одном глазу, - мелкими женскими шажками спешила по улице Александра Невского вдоль спящих домов, мимо канав и мостков, студент едва попевал за ней. В этом есть определённая логика, думал он. Если вот так, шаг за шагом, она обнажается всё больше перед ним, то ведь это должно что-то означать. Улица растворилась в ночном тумане, пропали фонари, что-то хлопает под ногами. Куда-то повернули, увидели призрачный блеск воды.

Подошли к полустгнившей скамье. "Отвернись".

Студент смотрел на неё, как зачарованный. Отвернись... Но ведь я обнимал тебя, и на тебе ничего не было. Действительно ли она танцевала с ним в одном переднике? Хмель выветрился, и теперь уже не было полной уверенности.

"Баб не видал, что ли, - проговорила она спокойно. - Ты же врач".

Бр-р-р! Пошатываясь и балансируя тонкими руками, она входила в воду, бросилась вперёд, уверенно поплыла и через несколько мгновений исчезла, слышался только слабый плеск.

Володя стоял в трусах, стуча зубами, и не решался последовать её примеру. Вода казалась ледяной. Господи, как же называлась эта речка, где-то неподалёку она вливалась в Волгу. Он поплыл. Нины нигде не было видно. Наконец, он увидел фигурку, белеющую на берегу. Он вышел ей навстречу. Они были одни, словно первые люди на земле. "Ну уж нет, - пробормотала она, - этого ещё не хватало. Убери грапки". Сопротивляясь, она откинулась и на мгновение прижалась лбом. Словно хотела убедиться - убедиться в чём? Он всё ещё

боялся оскорбить её невинность. Молча поплыли назад.

Наутро, с трудом поднявшись, не завтракая, он поплёлся на занятия, вечером и на другой день не видел Нину, она снова уехала. К кому, спросил он. Не к родителям же. Кто-то её там поджидал, местный какой-нибудь ухажёр. Мгновенно всё стало ясно. Она сбежала в город от его домогательств. Но он успел покорить её сердце, и вот, не выдержала, полетела назад, будто бы повидаться с родными, а на самом деле к нему. И там, наконец, ему отдалась. Что ж, - и он зловеще усмехнулся, - если она приедет снова, он не будет больше таким мямлей. С "ними" надо быть решительным. Он брёл со своей группой по коридорам клиники, слушал и не слушал объяснения ассистента, и представлял себе, как он поздним вечером поднимется в мезонин. Нина будет уже в постели. Ах, ах, это ты, - да, я!

Как это он не догадался: она хотела, а он всё не решался. Была уже согласна, а он медлил. Нельзя иначе толковать все её штучки, как готовность сойтись. И он почувствовал - что-то сдвинулось, он уже не думал о том, что она где-то с кем-то. Ревность уступила место одной единственной мысли. Всё сосредоточилось на этом. Он разжигал себя. Без конца вспоминал, как она прижималась низом там, на тёмном берегу. Во всех подробностях воображал свидание в её комнате. Только бы дождаться её возвращения. Но проходили дни, Нина не появлялась. Так и осталась навсегда в своей глухомани. И время охладило Володо, он всё реже думал о Нине Купцовой, и стало даже неприятно вспоминать эту вакхическую ночь. Вероятно, это был первый шаг к тому, чтобы она, наконец, превратилась в нечто маловероятное, небывшее. Была глубокая зима. Снег скрипел под ногами. Огни трамвая показались в сизом тумане, толпа на остановке готовилась к штурму. Втиснувшись, он стал у окна на задней площадке, над змеящимся, заснеженным рельсовым путём. Выехали на каменный мост, город раздвинулся, внизу расстиралось белое поле реки с дорожками пешеходов, и вдали, у излучины, белела, темнела, безглавая башня монастыря. Трамвай затормозил на другом берегу. Здесь больше сходило народу, чем входило. Нина подошла к нему.

Да, это была она, в шапке-ушанке, в форменном пальто и чёрных валенках с галошами. Из подшитых перчаток высовывались два пальца, большой и указательный, чтобы удобней было отрывать билетки и отсчитывать мелочь, на груди у Нины висели бумажные ролончики, на животе кожаная сумка. Ваш билет, сказала она.

Пассажир смотрел на неё, открыв рот. Она повторила:

"Билет предъявите".

"У меня нет билета".

"Платите штраф".

"Нина, - проговорил он. - Откуда ты?"

"От верблюда. Нет денег - ходи пешком".

Она высунулась из вагона, громко заверещал её свисток. Студент ждал, что будет дальше. Можно было удрать, он медлил. Трамвай стоял на остановке. Милиционер подошёл к подножке. Нина сказала:

"Извини, сержант, побеспокоила. Безбилетный попался, не хотел платить штраф".

"Заплатил?"

"Заплатил, куда ж он денется".

"То-то же", - сказал сержант, смерив глазами студента. И трамвай тронулся.

"Чего ж так обеднял-то", - бросила она и двинулась валкой походкой к переднему входу. Студент спрыгнул на ходу перед поворотом на главную улицу, которая, как все главные улицы во всех городах, называлась Советской.

Город был не мал, но и не так уж велик. Как положено, на центральной площади, посреди цветника возвышался алебастровый вождь мирового пролетариата. В пяти минутах ходьбы, на месте бывшего собора, находилась вторая площадь, где тоже стоял памятник - теперь уже невозможно вспомнить, кому. За оградой - здание медицинского института, а напротив, по другую сторону от площади, импозантный дворец, там, как утверждали, царица Екатерина останавливалась на пути из одной столицы в другую. Необъяснимым образом дворец уцелел в войну. И всё так же торчал вдали, где река, изгибаясь, образовала полуостров, в своём жалком величии остов древнего монастыря.

Время от времени, когда ветер менял направление, город окутывало желтоватое облако. Дыхание чрезвычайно важного, секретного химкомбината, которому город был обязан районом новостроек, изменило облик горожан, лица мужчин сделались жёстче, мрачней, проступили северные угрофинские черты, а у женщин, всё ещё сохранивших среднерусскую мягкость, лица стали бледней и прозрачней. Володя приехал из столицы - здесь было легче поступить в институт, - кое-что знал из истории здешних мест. Город был едва ли не старше Москвы, некогда оспаривал у Владимира великокняжеский стол. Сколько-то веков тому назад дружина здешнего князя расколошматила рать татарского хана Кавгадая, победила его союзника, московского князя Юрия, но полегла и сама. С той поры войны в остроконечных шлемах поднимались из могил всякий раз, когда городу грозил набег и гудел набат. Давно уже нет набатного колокола, ничего не осталось от собора. Никто не вышел из-под земли страшной осенью сорок первого года. Дважды город на Волге был разрушен, сперва отс-

тупавшие взорвали всё, что успели, остальное погибло в уличных боях, когда наши вернулись. И теперь город отстраивался заново, но уже по-другому.

Вечером, воротившись домой, студент ожидал увидеть Нину, где же она, спросил он. "Нина твоя здесь больше не живёт", - мрачно ответствовала тётя Груша, и больше ни слова.

Глядя в пол, он спросил:

"А где же?"

"Что где?"

"Где она теперь живёт?"

"Я почём знаю".

И надо же было случиться, что, сойдя на другой вечер с трамвая на остановке Александра Невского, он столкнулся с ней.

Она была всё в том же трамвайном пальто и валенках с галошами, но вместо ушанки на ней была низко надвинутая вязаная шапочка колпаком; концы волос закрывали щёки, придавая Нине детский вид; мельком взглянула на него и перевела взгляд на толпу.

Он спросил, трудно ли работать кондуктором.

"А я там больше не работаю!"

Почему, спросил он.

"Да ну их. Надоело".

"Ты... - он замялся. - Ты кого-нибудь ждёшь?"

"Тебя, кого же".

Он сказал: "Неправда".

Подошёл следующий трамвай, снова вывалилась толпа, и опять она искала глазами кого-то. "Ну, я пошёл", - пробормотал он. Нина остановила его.

"Замёрзла я чтой-то. Ещё простыну. Проводи, раз такое дело".

"Да не так, - говорила она, - учить тебя надо... - Оба неловко шагали по узкой дорожке вдоль засыпанной снегом канавы. - Девушку надо взять под руку. А то ещё шлёпнусь, не дай Бог".

Сумерки сгустились, это была улица, соседняя с Александром Невским. Улица называлась Канавка. Дом был поменьше, чем у тётки Груши.

Поднялись на крыльцо, у Нины свой ключ, там сени, потёмки, глухая тишина. Скрипнула дверь, щёлкнул выключатель. Глазам предстали хоромы. С потолка, вся увешанная сосульками, свисала, допотопная люстра, тусклое призрачное сияние озарило портреты в облупленных рамах, выставку икон в красном углу, старинный резной комод и обширную кровать с затейливым изголовьем, с подушками горой и сероватым кружевным подзором. Нина сидела в разлапистом кресле, студент опустился на колено, стянул с неё валенки.

Она подтягивала чулок, высоко подняв ногу, поправляла подвязку.

В комнату, неслышно подкравшись, заглянула щербатая старуха-горбунья.. Студент поднялся с пола, Нина одёрнула подол.

"Брат приехал, бабушка".

"Откеля?"

"Из Москвы, бабушка".

"Нешто у тебя в Москве брат?"

Хозяйка водила утиным носом, приглядывалась, принюхивалась.

"Мы, бабушка, чай будем пить".

"Здесь нельзя".

"Чего нельзя?"

"Ночевать нельзя. Вишь ты, брат приехал", - и зашлёпала прочь.

Откуда это всё, думал студент, оглядывая комнату. Нина Кушцова объяснила: из деревни. Там у них помещики жили, вот она и награла.

"Тут ещё в комодке куча разного добра, хочешь, покажу?"

"Ты хотела чай".

"Успеется".

Выдвинула нижний ящик и рылась там, похихикивая.

"Вот! - она объявила, поднимаясь с колен, держа что-то воздушное, невесомое. - А теперь закрой глаза... Или нет, лучше выйди. Говорят тебе, выйди! Я позову..."

Он вошёл через минуту, и обомлел, увидев её совершенно нагую в большом поцарапанном зеркале над комодом. Оглянулся - Нина сидела на кровати, опираясь ладонями голых рук, скрестив ноги, на ней было белое полупрозрачное платье на бретельках, с кружевами на груди, а вернее сказать, ночная рубашка. Тотчас она встала, босиком, в длинном и, очевидно, рассчитанном на крупную женщину одеянии, едва держащемся на плечах, покачиваясь, балансируя худыми руками, прошлась по комнате. В этом и заключалась загадка зеркала: двуязычный иероглиф пола никогда не может быть расшифрован до конца. Володе (как он рассказывал нам спустя много лет) не приходило в голову, что одежда не прячет женскую наготу - напротив, выставляет её напоказ. Нина в рубашке казалось обнажённой больше, чем если бы на ней вовсе ничего не было. До некоторых банальных истин приходится добираться самому.

Спектакль продолжался ещё некоторое время, к тусклому свету с потолка прибавилось её свечение. Наконец, она плюхнулась на кровать. В сильном волнении он подошёл к ней и спросил:

"Тебе не холодно?"

Она тоже была взволнована. Увы, не от предвкушения того, что должно было, наконец, произойти. Волновало, и будоражило, и буди-

ло в ней женщину то, что было на ней. В сказочной кружевной рубашке, должно быть, показывалась любовнику какая-нибудь "принцесса". Нина Купцова почувствовала себя на сцене. Загадочная, манящая, доступно-недоступная, она принадлежала всем этим сотням восхищённых глаз, но никто не смел к ней подняться, коснуться её рук, плечей, бёдер. Вскочив, она подбежала к комоду, впиалась в волшебное стекло, медленно, приподняв рубашку кончиками пальцев, поворачивалась, водила головой, приближалась и отступала. Это занятие настолько увлекло Нину, что она чуть не оступилась, с опаской взглянула на гостя, словно только сейчас вспомнила о нём.

"Ну ладно... - пробормотала она, - коли уж так вышло..." - снова села на кровать, и в зеркале - странным образом то и дело тянуло в него заглянуть, словно там откроется ещё что-то, - в зеркале отразилось её лицо, часто дышащий рот, металлический блеск глаз - ведьма, сущая ведьма! Ясно, что ею руководил не расчёт, а то, что движет ведьмами и заменяет им рассудок. "Чему быть, тому не миновать!" - сказала она значительно более твёрдым голосом, расправила на коленях полупрозрачную ткань, спустила бретельки, высвободила тонкие руки. Совсем уже было улеглась.

Проклятье! Она оттолкнула Володо.

"Почему?" - тупо спросил он.

"Потому. - Вытянув шею, показала глазами на дверь. - Бабка".

"Что бабка?"

"Стоит там".

"Нет там никого! Нет там никакой старухи".

"Всё равно нельзя. А то закричу".

"Ну и кричи", - зло возразил он. И опять кончилось ничем, во тьме студент плёлся из одной улицы в другую, по обледенелым дорожкам, мимо слепых изб, наутро отправился в институт, пылал презрением и не мог ни на чём сосредоточиться, не мог думать ни о чём, кроме шутовского парада полунаготы и злорадного, как теперь казалось, выражения на лице Нины Купцовой.

Эндокринное существо, вместо мозгов всем правят железы внутренней секреции: яичники, щитовидная железа. Ясно, что не девушка, кто-то её уже пробуравил. Ему нравилось быть грубым в разговоре с самим собой. Чего ж она тогда кочевряжится? Это упорное сопротивление... Студент стал опаздывать, а потом и вовсе перестал ходить на лекции, сидел в одиночестве на скамейке в городском саду, продрогнув, вставал, бродил по пустынным аллеям, снова садился. Эта страсть и унижала, и возвышала его. Он оказался в мифологическом пространстве, где нет случайностей и нет свободы решений. Все и он сам были участниками немого заговора, всё наполнилось тай-

ным смыслом, события подстерегали за каждым углом. И это жалкое существо, провинциальная барышня, дрянь, которая сама не знает, чего хочет, эта худосочная, анемичная девица с испытанным лицом, с соломенными волосами, с недоразвитой грудью, смешно сказать, была всему причиной. Сама того не подозревая, она несла в себе весь смысл, сама была этим смыслом. Да, при всем её ничтожестве. Он думал о том, что было бы, если бы она явилась, вдруг показалась за поворотом аллеи, почуввав тёмным женским инстинктом, чутьём вороватого зверька, что он здесь, - если бы она показалась, - он шагнул бы навстречу, тяжело, по-мужски, и выложил бы ей всю правду о ней. Ему даже показалось, что объясниться важнее всякого обладания. Объясниться - и привет. Выйдя из горсада, он побежал наперерез трамваю, на ходу вскочил на площадку и поехал в Заречье, на улицу под названием Канавка.

Он не знал номер дома, шел мимо окон в глухих занавесках, запертых ворот, заборов, наугад вступил на крыльцо, никто не отозвался на его стук. Сошёл со ступенек, но что-то заставило его снова подняться. Голос за дверью спросил: чего надо? Любопытство победило страх, проскрежетал ключ, отщёлкнулась задвижка. Горбатая бабуся с птичьим носом и провалившимся ртом показалась в просвете. Он повторил свой вопрос.

"А ты кто будешь?"

"Вы, наверно, меня помните".

"Брат, что ль? Нетути её".

"А где она?"

"Почём я знаю. Таскается где-то".

"Что ж, она больше не живёт у вас?"

"Вроде бы живёт".

"Ночует?"

"Когда ночует, когда нет, почём я знаю? Я ей не указ".

"Как же это вы не знаете, - сказал он с досадой, - деньги за квартиру она платит?"

"Кабы не платила, кто ж бы её пустил".

Он продолжал спрашивать: может, поехала домой? Дверь хлопнула. Студент поплёлся к реке, дошёл до старого моста. Он бродил по городу до изнеможения. С некоторых пор призрак Нины стала попадаться ему то там, то здесь, она спешила в толпе на другой стороне Советской, мелькала в окнах трамвая, однажды он чуть не догнал её. Наведывался в дом на Канавке, ему не открывали. Старуха подглядывала за ним из окошка. На сессии он завалил подряд два экзамена, грозило отчисление.

Это должно было чем-то кончиться. С этим надо было что-то де-

лять. Либо порвать окончательно с институтом, вернуться к матери - и, чего доброго, загреметь в армию! Либо... но тут оставалось только пожать плечами. Он был всё-таки разумный человек и медик. Попытаемся, сказал он, трезво оценить ситуацию. Назвать это любовью? Не ум и не чувство управляли этой более чем заурядной девицей, и пробудить она могла только элементарное влечение. Если бы она сдалась, наваждение рассеялось бы в одно мгновение. Он увидел бы, с кем он имеет дело.

Назовём вещи своими именами, фрикция о стенки влагалища раздражает поверхностные рецепторы. Поток нервных импульсов вызывает сокращение мышц, и происходит семяизвержение. И вот так же выплеснется вся любовь. Женщина это знала каким-то тёмным знанием: стоит только уступить, как к ней потеряют всякий интерес. Собственно, этим и объяснялось её поведение.

Всё просто! Но что-то уж слишком просто.

Володя не был склонен к самоанализу и скорей всего осознал это много позже. Веление пола, дымящее чёрное пламя, называйте, как хотите, - всё-таки не последняя истина. Под ней таится тоска одиночества, жажда общения и тепла, - не правда ли, только самоотверженная женственность способна разбить эту скорлупу. Каким-то уголком мозга, как видят краем глаза, он, может быть, и догадывался, что принимает позу возвышенного страдальца, которого спасает подруга, - мы бы сказали, классическую позу, - но тут уже начинаются дебри, куда Володя, с его простой душой, не дерзал забираться. Когда в сотый раз он пытался представить себе, как войдёт в его жизнь Нина Купцова, его фантазия кружилась, как бабочка у огня, вокруг заветного мига - и не дальше.

Мы спросили, не приходила ли ему в голову самая обыкновенная мысль. "Приходила", - сказал он. Конечно, у него не было никакого опыта, к тому же не следует забывать, что в те времена начинали половую жизнь гораздо позже, чем теперь. Да и не было в нашей стране по крайней мере узаконенной проституции. Но он знал одного парня на курсе по фамилии Плюхин, бывалый человек, он усмехнулся: а чего тут такого, приходи вечером на пяточок. - А сколько это стоит? - Она сама тебе скажет. Да ты не бойсь, много не возьмёт. Володя, однако, боялся не столько дороговизны, сколько опасности заразиться. Приятель успокоил его. Хочешь, я с тобой пойду?

Пришли, это было место, куда сходились аллеи сада. Горели фонари, в ярком сумраке на дощатой эстраде гремел и дудел духовой оркестр, толкались пары. Ну как, девочки, прошвырнёмся? - сказал Плюха. Он взял за руку одну из них, и они отправились танцевать. Володя остался один. И вдруг он увидел её, она шла с военным. Она

сделала вид, что не заметила его. Принадлежала ли она к той же компании?

Несколько времени спустя они встретились.

"Здравствуй, Нина", - сказал он.

Он шёл по набережной, без всякой цели, и увидел её у парапета.

Она откликнулась: "Здравствуй", - спокойно, не поворачивая головы. На ней была кокетливая модная шляпка, щёгольские сапоги, узкое, в талию пальто,

Наступило молчание. Наконец, он вымолвил:

"Я не могу понять".

"Чего ты не можешь понять?" - тем же спокойным, почти равнодушным тоном.

Он хотел сказать, что не понимает, чего она от него хочет. Куда она исчезает время от времени. Откуда у неё эти модные тряпки.

Нина вздохнула. "Мне пора".

"Куда?"

"Много будешь знать".

"Постой, мы ведь даже не поговорили".

Ответа не последовало, он смотрел на её удаляющуюся фигуру, глянецовые сапожки, он не стал её догонять, - чего ты за мной увязался? - это было бы окончательным унижением. Зато его осенила другая мысль, судьба кивнула напоследок. Весна была уже в полном разгаре. Площадь перед автовокзалом была забита народом, люди метались, теснились вокруг автобусов с детьми, с чемоданами, с продуктовыми сумками. В зале перед кассами тоже не протолкнуться. Студент изучал расписание. Он смутно представлял себе, где находится Савватьево. Железной дороги там не было, автобусом ехать шесть часов, да и то скорее всего лишь в хорошую погоду. Прибытие поздно вечером, а ведь надо ещё выяснять в адресном бюро, если оно там вообще существует. Так или иначе, на рейс сегодня он опоздал. Он выбрался на волю, тут его окликнули

"Куда это собрался?"

Он обернулся. Сердце заколотилось, как бешеное.

"К тебе", - сказал он, задыхаясь.

"Вот так здорово. Куда ж это?"

И, услышав ответ, она звонко расхохоталась.

Оказалось, родители больше там не живут, - если только она говорила правду. Где же они? У крёстной в Калининграде. И снова смех.

"А ты?"

"Что я?"

"А ты, - спросил он, - куда собралась?"

"Никуда. Передумала. Тебя увидела и передумала".

Свежий ветер с реки, только что пронёсся дождь. Солнце сверкает в лужах. Счастье, счастье снова её увидеть! Двинулись куда глаза глядят.

Позвольте, однако: тут было что-то не то. Если родители переехали, то зачем же она туда направлялась? Он сказал:

"У тебя там кто-то есть".

"Где?"

Она шла, старательно обходя лужи.

"Я хочу знать".

"Что ты ко мне привязался. Может, и был кто, а теперь нет".

Выяснилось, что она по-прежнему обретается на Канавке. Что касается попыток выведать её тайну, итог был неопределённый, как всё у Нины Купцовой. Вела ли она в самом деле какую-то вторую жизнь? Видимо, был всё-таки кто-то, это можно было заключить из смеси хихиканья, передёргиванья плечами, презрительных реплик, всяческих "чего привязался", "скажешь ещё", "да пошёл ты", - на минуту она как будто даже согласилась: офицер или курсант военного училища, познакомились на танцах, когда он приезжал на каникулы. Откуда приезжал, уехал ли, неизвестно. Чего доброго, савватьевский земляк. Видится ли она с ним по-прежнему? Понять невозможно. Не говоря уже о том, что офицер мог быть чистой выдумкой. Для этой девушки не существовало границы, отделяющей правду от лжи. Но зато они шли рядом.

Не хотелось идти домой, ничего не хотелось, лишь бы бродить вдвоём, но и тут его подстерегала неожиданность. Не сразу, в кривых переулочках, где город уже вовсе не был похож на город, по ту сторону железной дороги, отыскалась церквушка. Покопавшись в книжках, можно было бы узнать, что церковь древняя, чуть ли не татарских времён. Остаётся загадкой, как она уцелела.

Я сейчас, сказала Нина. И вот тянется время, а её нет. Опять она обвела его вокруг пальца! Наконец, она вернулась, за ней мелко семенила, глядя в землю, тётка, похожая на монашку. Поднялись на узкую паперть, заскрежетал ключ, вошли в каменную полутьму, провозжата пропала, они остались одни. Нина ходила вдоль стен, усердно крестилась и прикладывалась к иконам, взяла с лотка тонкую, наподобие елочной, свечку, положила монетку. Искала, куда приспособить свечу.

Вышли, щурясь от яркого солнца. Он спросил:

"Ты хотя бы знаешь, что там нарисовано?"

Она помотала головой.

"А ты вообще в Бога веришь?"

"Не-а".

"Чего ж тогда".

"Так. А вдруг он есть?"

Помолчав, студент проговорил:

"Слушай, Нина..."

Вдруг понадобилось спросить. В который раз - но теперь уже совершенно спокойно:

"Только правду. У тебя кто-нибудь есть?"

Она задрала голову к небесам, её глаза блуждали. "Не-а..."

Вряд ли это было так, а впрочем, кто её знает.

"Почему ты?.." Он хотел сказать: почему не даёшь, но это было слишком грубо.

"Почему ты не хочешь?.."

Она спрыгнула с паперти землю, тра-ля, тралляля, - затянула невыносимо фальшивым голоском.

"Хватит дурачиться, - проворчал он, - я серьёзно".

Она спросила:

"Так уж непременно надо?"

От досады он осмелел и выпалил:

"Неужели тебе самой не хочется?"

И они побрели через весь город, через каменный мост, на улицу под названием Канавка.

Студент уже не жил в Заречье. Общежитие медицинского института находилось в районе новостроек, куда надо было долго ехать на трамвае, потом тащиться пешком по грязным улицам; зато напротив воздвиглась новая больница, и Володя, как это часто бывает в студенческие годы, восплаивший интересом к хирургии, вызвался дежурить по ночам вместе с дежурным врачом. В ожидании новых поступлений (это было так называемое скорпомощное отделение) оба сидели в ординаторской, мурлыкало радио, доктор читал детективный роман, а Володя клевал носом в углу дивана.

Зазвонил телефон. Оба вышли в полуосвещённый коридор. В холле между мужской и женской половинами находился пост дежурной сестры с настольной лампой, двери двух лифтов, пассажирского и грузового, и выход на лестницу. В приёмном покое, в ярко освещённой комнате, на каталке под простыней лежала пациентка, без пульса, с посиневшими губами, без сознания. Платье и бельё, пропитанные кровью, уже были разрезаны и удалены. Вместе с никелированной стойкой, на которой покачивалась капельница, каталка была поднята наверх, в операционный блок, на другой стойке укреплена ампула с кровью, но вены окончательно спались, хирург рассёк сосуд и вставил канюлю для переливания. Тазы с горячим раствором

нашатыря стояли наготове, но мыться было некогда, всё происходило быстро и молча, хирург в стерильном халате и марлевой маске облил руки спиртом, то же сделали ассистент и студент. Операционная сестра, вся в белом, подъехала со столиком для инструментов к операционному столу. Нина лежала, залитая ровным, ярко-безжизненным светом, на операционном столе, с ножевой раной повыше пупка. И так же молча хирург вышел из операционной, сорвал с лица маску, стянул с рук резиновые перчатки. Студент, как был, в халате и шапочке, вышел на лестничную площадку, сел на ступеньку и, как будто прорвалась плотина, разрыдался.

Борис Хазанов родился в 1928 г. в Ленинграде, вырос в Москве. Учился на филологическом факультете Московского университета. На последнем курсе был арестован органами госбезопасности. Отбывал срок в Унжлаге. После освобождения закончил медицинский институт в Калинин (Тверь), работал врачом в деревне и в Москве, кандидат медицинских наук. За участие в самиздате подвергся новым преследованиям. Эмигрировал в Германию в 1982 г.

Автор романов, рассказов, эссеистических произведений, многочисленных публикаций в России и за рубежом. Многократно переводился на западные языки. Несколько литературных премий Международного ПЕН-клуба и премия города Гейдельберга "Литература в изгнании". Живёт в Мюнхене.

ВАДИМ ФАДИН

АВТОПОРТРЕТ С ПОНЯТЫМИ

Работа сочинителя перед зеркалом трудна тем, что, описывая себя, неловко бывает давать волю воображению; то, что в других случаях называлось бы художественным вымыслом, здесь считается ложью, и если в вольных сочинениях третьи лица допускается наделять попутчиками, преследователями, супругами либо конвоирами или же, напротив, щедро одаривать уединением, то при честном письме от первого лица не удаётся ни приблизить к себе кого-нибудь лишнего, ни прогнать навязавшихся чужаков. Последние бывают столь настырны, что, описывая себя, устаёшь замалёвывать то и дело проступающие на фоне многие лица соглядатаев, и стоит ненадолго отвлечься, как мирный автопортрет начинает походить на картину Босха; диву даёшься, каких уродцев посылают доглядывать за мною. Если же отступить от такого полотна подальше, чтобы их подлые черты стали неразличимы, получается, пожалуй, только хуже: рассыпанные по холсту их физиономии видятся тогда нездоровой розовой сыпью, как при краснухе или кори. Мне и в самом деле уже в довольно зрелом возрасте (далёкое это было время) пришлось переболеть краснухой; раньше она считалась детской болезнью, но на моих глазах поражала и взрослых, почему-то оказываясь наиболее опасной для художников - неважно, поэтов или живописцев. Вызывающий её микроб с годами совершенствовался, народные средства вроде суровых или красных ниточек скоро устарели (кроме водки, конечно, - не исцелявшей, но приносившей верное облегчение), и приходилось выдумывать всё новые лекарства; говорят, будто наконец

нашли даже и подходящее, да наш терпеливый и не падкий на новинки народ так долго собирался его испробовать, что одна болезнь перешла в другую. Лечась у себя дома и по-своему, то есть соскабливая старые мазки жёсткой щёткою, я однажды переусердствовал и счистил с холста вместе с сыпью и собственное, выписанное с огромным трудом лицо - очень кстати, потому что когда меня вскоре призвали к ответу неизвестно за что, я сумел привести замечательный довод: вот оно, дело жизни, моё полотно, на котором соглядатаи есть, а меня - нету. Врачи, впервые наблюдавшие сыпь в отсутствие пациента, только переглянулись; он же, мнимый больной, возгордился изобретением нового жанра - автопортрета в состоянии алиби.

Итак, поинтересоваться моим бытием пришли - без меня. Помимо неперенных уродов в компанию затесались и двое понятых: немолодая лифтёрша Лида и сапожник дядя Паша, живший в каморке без кухни и уборной на первом этаже, возле лифта: как раз напротив его двери и сидела на своём жёстком стульчике востроносая Лида. О них известно было то лишь, что одна "стучит", а второй - пьёт, как сапожник; думаю, что Лида о нас знала куда больше.

Этой паре, видимо, следовало бы поразиться убранством жилища, по нашим представлениям - скромного (о том, как жили они, я мог судить лишь по виду дяди-пашиной каморки, дверь в которую вечно стояла открытая настежь, так что всякий входящий в лифт видел, что вся её обстановка состоит из лежанки, стула да сапожной оснастки; где и как жила Лида, можно было - и не хотелось - только догадываться). Они и впрямь были поражены - я бы никогда не догадался, чем: отсутствием кабинета; Лида так и спросила: "Где же они работают?" Мой ответ был бы непрост: я и сам не понимал, как во всей просторной квартире не нашлось места не то что для рабочей комнаты - дерзкая мысль о ней даже не приходила мне в голову, - но и для письменного стола: для письма я использовал чертёжную доску, кладя её одной стороной на деревянный подлокотник дивана, другой - на рояльный винтовой табурет, наращенный стопкою книг. В этом доме не верили в необходимость моих умственных занятий, отчего, наверно, о них и узнали чужие. Лида, едва ступив в прихожую, сразу завертела головой, ища место преступления; но моя доска в отсутствие хозяина всегда стояла за шкапом.

Всё же вопрос о кабинете, едва заданный, повис в воздухе: уже стало ясно, что тут не хватает большего. Понятым было невдомёк - я и спустя долгое время не хотел объяснять им, - что на сложив-

шейся картине осталось белое пятно, что там присутствовали и случайные прохожие, и они сами, понятия, и мелочи антуража, я же был тоже, но - не там.

Родители на эти дни куда-то уехали, и моим сестре и подруге, ещё не ставшей женою, а в сей неподходящий момент забежавшей отдать какую-то книгу, пришлось играть роль хозяек. Неуверенность незваных гостей они почуяли сразу, и если сестра потерялась и сама, то подруга, смекнув, улучила момент и на всякий случай осторожно проводила дядю Пашу на кухню. Делом минуты было налить ему чайный стакан водки.

- Надо соблюсти, - к её великому удивлению, возразил он и аккуратно слил половину обратно в бутылку, а выпив залпом остальное, проговорил, наверно, обо мне: - Порядочный был мужик.

- Что это вы - словно о покойнике? - возмутилась моя девушка.

- Так ведь другая слава пойдёт.

Слава и впрямь в любом случае теперь ожидалась иная; задумавшись об этом, подруга не слышала, что понятого уже звали, хватившись. Тот, доедая на ходу огурец, ушёл незаметно для неё, хотя с первого раза и не вписался в дверной проём: половина стакана была, видимо, не первую. За его дальнейшими приключениями в дороге не наблюдал никто, и никто не помог ему выбраться из стенового шкапа, куда он забрёл вместо комнаты. Меня, впрочем, не было и там.

Искали, однако, не меня, а какую-то мелочь - бумажную, разумеется. Сестра, выдерживая расспросы, разводила руками: с каких это пор я позволял ей знакомиться с глубинами портфеля, в котором, за неимением стола, хранился весь мой жалкий архив? Настоячивые требования пришельцев скоро подействовали, и она раскаялась, но помочь им всё равно не могла. Чертыхаясь, те продолжали действовать самостоятельно, но без толку, и даже ставшая венцом всего разделка свежего судака (мы жили над рыбным магазином) не принесла им успеха.

- К допросу, к допросу надо переходить, - вдруг занервничал младший из сыщиков, не совсем ещё урод, а всё-таки карлик.

- Без субъекта?

- Сами справимся. А понятия подтвердят.

Усевшись друг напротив друга, они принялись допрашивать с пристрастием. Поначалу дело шло споро: имя, отчество, год рождения были известны заранее, год смерти они, к счастью, прочеркнули, и лишь с особыми приметами вышла заминка; пришлось призвать на помощь женщин, но и это не помогло, оттого что те разошлись в оценках - заспорили, например, о цвете моих глаз: сестра

настаивала на сером, подруга - на голубом, а лифтёрша твердила об очках. Истина в споре не родилась (участники не были единомышленниками), и главный из тех двух писарь решительно проставил в нужном месте "б/ц", что означало: без цвета. Находясь я рядом, запись рассмешила бы меня, но я узнал о ней позже, слишком поздно, и тогда испугался за автопортрет, отчаянно не желая малевать себя белоглазым - вскоре, впрочем, вспомнив о своём праве на художественный вымысел и тем успокоившись.

Разделавшись с формальной частью, гости принялись сочинять скучный боевик, отчего понятые окончательно перестали понимать, что к чему. Лида то и дело вздымала взгляд к стенным часам, словно ждала, не могла дождаться моего возвращения, а дядя Паша на глазах терял всякое представление о действительности. Сдавая, он тщетно пытался что-то сказать лифтёрше, тоже изменившейся от волнений настолько, что первоначальное сходство её с доберман-пинчером, курящим папиросу, переменялось на сходство с черной крысой. Мычание сапожника мешало ей прислушиваться к говорившемуся в комнате не для неё, но едва она будто бы невзначай прикрыла рукою ухо с его стороны (а с другой, наоборот, приставила ладошку раковинкой), как дядю Пашу наконец прорвало:

- А башмаки у другого чинил, - торопливо, пока получалось, посоветовал он.

Между тем уродец уже предъявлял какие-то бумаги - будто бы найденные, а в действительности минуту назад сочинённые им самим: строчил он усердно.

- Мы неграмотные, - трезво предупредил сапожник.

- Мне лучше знать, - охладил его уродец, от которого несло сырой рыбой.

- Наше дело извозчичье, - смиренно проговорила Лида, потупив острые чёрные глазки. - Куда велят, туда и едем.

Куда ехать, не знал сегодня никто; не обнаружив моих бумажек, сыщики поскущнели и, наверно, давно бы уже исчезли, когда б их не удерживали запахи из кухни (рыба ещё не подрумянилась). И всё же им не повезло: на исходе жарки прозвенел телефон, большой уродец забубнил в трубку о своих достижениях, но на том конце провода слушали плохо или слышали и, перебив, призвали агентов в контору. Заторопившись, те не сообразили, что должны вести с собою понятых.

Оставшаяся без командиров Лида притворно вздохнула:

- Жди теперь до ночи, пока о нас вспомнят.

- Теперь совершенно нечего ждать, - испуганно возразила подруга. - О вас не вспомнят никогда, и лучше, не теряя времени, распо-

рядитесь собой сами. Можете хоть махнуть на какую-нибудь из великих строек коммунизма.

- Нас тут как будто на пост поставили...

- Только будто. Вот, рыбки поешьте - и свободны, - нашлась сестра.

Так им всем и запомнилась эта вечеря, в масштабе один к трём: четверо едоков рыбы. Не хватало, правда, летописца, чтобы увековечить действие - я появился через день. Ничего не подозревая, я, помахивая тем самым портфелем, взбежал, пропуская ступени, к лифту - и остановился, удивлённый пространными словами Лиды, с которой мы обычно только раскланивались, не более:

- Тут позавчера искали...

- Что или кого?

- Сдаётся, вас. Хотя, раз не устроили засады, то, может, бумагу какую?

Неопытный, я всё-таки подумал, что она, видимо, таким манером предупреждает, и надо уносить ноги - и унёс бы, если б на голо-са не выглянул дядя Паша.

- Что она болтает? - довольно связно выговорил он. - После нас там никого не осталось. Сам я, правда, не помню.

В квартире и в самом деле не было ни сестры, ни засады - я почувал это ещё с порога, как часто чуешь особенную пустоту помещения, из которого все ушли, но не поленился заглянуть за шторы и в шкафы (честно говоря, из последних меня интересовал только холодильник). Не найдя ничьих следов, я включил магнитофон - выбрав, по настроению, концерт Сары Воэн, - и, выпив отцовской водки, задумался над своим положением. Получалось, что спастись бегством можно было погодить: в хронике минувшей недели мои черты не запечатлелись. Ничего бы не изменилось, если бы в эти дни я вообще не жил на свете: я не отбросил тени, зато приметы сапожника и лифтьёрши, о роли которых пока приходилось гадать, явно были где-то отмечены - неважно, где. Самым скверным было то, что они все знали обо мне что-то, а я сам пребывал в неведении - относительно и этого "что-то", и тайных их намерений. Будучи единожды призваны, они могли счесть своим долгом продлить начатое и отныне присутствовать при каждом моём действии - всякий заметил бы, как отчаянно хотелось этого Лиде. Лишь бедному сапожнику было не до того: он либо пил, либо зарабатывал на водку, приколачивая бесконечные набойки. Перед моими глазами так и стояла несуществующая картина Босха, в самом уголке которой (внизу слева) тщательно выписанные уродцы обжирались жирной рыбой, а рядом с ними, сгорбившись, тачал сапоги знакомый са-

пожник. С волнением я всмотрелся в остальную нарисованную толпу - моего лица, слава Богу, не попало, как не попало и сирой безликой фигуры. "Что ж, пусть пишет", - позволил я незнакомому автору.

Вскоре приехали с каких-то берегов родители. Не знаю, что поведала им моя сестра, только они ничем не показали, что знают о происшедшем. И в те же дни умер дядя Паша. Проститься с ним пришлось на удивление много народу. Протиснувшись при выносе тела вперёд, я вдруг понял, что не смею заглянуть в открытый гроб: ещё неизвестно было, чьё лицо придётся там увидеть.

ОЩУЩЕНИЕ ОСТРОВА

"Лучше гор могут быть только горы..." - даже те, кто на них не бывал, принимали эти слова на веру, разнося потом по свету как истину: к месту и не к месту вспоминали в речи, а чаще повторяли под гитару на вечеринках или у туристских костров. Во дни, когда сложились эти стихи, многие люди ещё ждали от поэзии либо откровений о жизни, либо пророчеств: они ещё ждали поэзии. Человечество тогда делилось на лириков и физиков, а последние - на горнолыжников и альпинистов. И те, и другие, и третьи не прочь были наблюдать не одни лишь горные, а и морские, равнинные, лесные - любые виды, как известно, не предьявляемые нам раз навсегда: полюбуешься - и отвлечёшься на другое, насущное, и потом уже не вернёшься на прежний круг. Впрочем, хороший зритель всегда остаётся зрителем, и даже если его перебили, скажем, неуместной рекламой, всё же можно поручиться, что первое впечатление успело отложиться и что-то изменить в нём.

С годами старые деления забылись, и увлечения стали иными. Случайно попавший сию минуту под наше перо одинокий наблюдатель, Ивонин, оказывается, не знал ощущения горы. Не знал он и ощущения берега: подходя к линии прибоя, видел перед собою то, чего ждал, синее или серое, или сине-зелёное море, не испытывая при этом никаких нечаянных чувств - ни ужаса, ни трепета, - а трезво оценивая его, как и любой другой пейзаж. Правда, раньше, при жизни в Союзе, его ещё волновало то, что далеко впереди, на воображаемом другом берегу, только доплыви, лежит чужая страна - Турция или Швеция, - но теперь и это потеряло значение.

Как не бывает физического ощущения неба над головой, так для него не было и ощущения берега, перестававшего быть существен-

ным, едва море уходило из поля зрения и слуха. На самом же берегу, вопреки тому, что Ивонин слышал или читал раньше, безграничность простора порождала совсем неожиданное ощущение - несвободы, оттого что дорога вперёд была заказана пешему человеку, и со своего места у воды он мог бы отправиться не на все четыре, а только на две стороны: уйти либо вдоль берега, либо назад, вглубь него. Отступая оттуда в прибрежные лесок или камни, в дюны и дальше на материк, он с каждым шагом становился вольнее в поступках, получая наконец возможность выбирать страны света.

Попав однажды на остров, Ивонин не испытал также и ощущения острова: не почувствовал окружения водой, которая была то в двух шагах, то, скажем, в километре, то всё ж за горизонтом, но не дальше, чем в полчаса езды; это не определяло ни настроения, ни поведения, тем более, что места были вполне цивилизованными, и в любую минуту он мог, сев на автобус, добраться до здешней древней столицы, где о море напоминали только прилежно начищенные дверные молотки в виде дельфинов; там, несмотря на отсутствие зелени, скорее приходила на ум вполне сухопутная Альгамбра. Там-то он впервые и опечалился тем, что никакое шестое чувство не помогло бы ему догадаться о близости или о возможности наступления со всех сторон воды; эта мысль была не случайной, но и не естественной, связанной с предыдущими, нет, он придумал её нарочно, так же, как вслед за нею вывел, что никогда не знал и ощущения горы, любая из которых до сих пор бывала для него всего-навсего крупной деталью пейзажа, настолько же обыкновенною, как в иных краях - поля, перелески и тихие речки. Склоны он оценивал, в первую очередь, по их пригодности для лыжных спусков, а ущелья и пики - по живописности, нигде близ них не почувствовав необычайности среды. Так бывало везде - и на Алтае с его скромным рельефом, и на Камчатке, рядом с вулканом, поставленным на уровне моря, и на Тянь-Шане, и на Кавказе, среди льда и дикого камня, над облаками: Кавказ подо мною, один в вышине... - но и только.

Эти горы со временем оказались недостижимыми - совсем не в спортивном смысле: где-то шла война, где-то пролегали новые государственные границы. Потом и сам Ивонин уехал в другую страну - и для него вдруг стало проще простого отправиться в Альпы. В них-то, даже ещё на подходе к ним, в их бесснежной части, его восприятие вдруг изменилось: лесистые склоны тут были пусть и круты, но не отвесны же, от них нельзя было ждать ни камнепадов, ни лавин, и всё-таки Ивонину, стоявшему ещё на ровном месте, на

шоссе, стало не по себе: от гор исходило необъяснимое напряжение, словно это были не преувеличенные складки местности, а живые существа. Они не просто высились над дорогой, не только были доступными или нет для восхождения, но и, казалось, оценивали уместность здесь путника; прогулка у подножий могла иметь последствия.

Он закрыл глаза, но тревога не прошла.

Это был первый случай, когда он узнал ощущение горы. Потом, много позже, Ивонин понял, что оно может настичь его даже на равнине, что не всякой горе надобно возвышаться над местностью, и что следует с осторожностью отнестись к прежним представлениям. Он подумал о Голгофе - которой, правда, пока не видал, - что, хотя она по альпинистским меркам и не гора вовсе, но подъём на неё немислим, потому что Голгофа сама и есть ощущение горы - особенно сильное для несущего крест (но для Того и спуск в ущелье, в долину, в Великий Каньон равнялся бы восхождению к вершине). Что же до альпинистских мерок, то Ивонин был знаком с ними не понаслышке; другое дело, что среди альпинистов, которых множество встретилось ему в жизни, он не знал - или не заподозрил - верующих; ни один из них не открылся. Это было, правда, в трудные времена, когда мало кто, особенно из молодых, осмелился бы вслух говорить о своей вере, но и непонятно было, как можно, оказавшись над миром, один на один с небесами, не обратиться к Богу. Откуда же лучше было бы взывать к Нему - неужели с острова? С этого острова, на котором число храмов равно числу дней в году, и на котором хотя будто бы и нету гор, но дороги изобилуют такими подъёмами и спусками, что пешеходы, рискнувшие в жару одолеть пять-десять километров до соседнего города, надолго перестают верить карте.

Ивонин, поверив ей, сейчас каждой клеточкой тела чувствовал бы, что находится посреди моря, - но нет, в нём ничего не изменилось после перелёта с материка, из европейской столицы, в которой он обосновался несколько лет назад. Глядя из своего эркера на невысоком этаже, он мог видеть не море, а два ряда тесно составленных зданий в стиле модерн, застывших горизонт. Через дорогу располагался модный магазин, по обе стороны от него - маленькие кафе, и то, что говорилось за их столиками, и обрывки того, что говорилось праздными пешеходами, были слышны Ивонину в его комнате - забавное смешение многих языков, выделить из которого местный, в первый день принятый им за слегка облагороженный латынью турецкий, ему почти не удавалось.

Неподалёку от его дома стоял большой собор. Скромная таблич-

ка на ограде взывала: "Помолчите! Это - дом Бога!" - и суетные речи увядали ещё на лестнице: к дверям храма приходилось подниматься на добрых два десятка ступеней, и это было единственным возможным здесь восхождением. Туристов более занимали спуски - не в мифические каньоны, а под воду.

Выбрав день попрохладнее, Ивонин отправился на дальний конец острова, чтобы поглядеть на одну из немногих здесь природных достопримечательностей. Справившись с осмотром на удивление быстро и зная, что обратного автобуса придётся ждать около часа, он уселся в прибрежной закуской со стаканом ледяного местного напитка из трав: жара, вопреки прогнозу, оказалась пуше вчерашней. Неподаляку изрядная компания русских ныряльщиков складывала своё снаряжение в пыльный фургончик. Потом все они направились к прилавку. К столику Иволина подошли две женщины - одна, студенческого возраста, была, на его взгляд, неуместно нарядна в ти-шорте, джинсах и сандалиях, другая же, вдвое, наверно, старше той (его собственный возраст приходился, как он прикинул, на серединку между), эта другая выглядела в своих ти-шорте, джинсах и сандалиях едва ли не замарашкой. Младшая спросила, не свободны ли места, - по-английски, и он, поколебавшись, не разыграть ли, ответил всё же на русском. Она поразилась, по неведению - в действительности её соотечественников попадалось здесь предостаточно, - и не сразу поняла осторожное замечание Иволина о том, что он живёт в совсем другой стране.

- И это возможно? - наивно спросила она.

- Как видите.

Она уткнулась в свой стакан с колой.

Старшая нехотя поинтересовалась, кто, что, откуда. Начав отвечать с конца, он попал в точку: все оказались москвичами. Но Ивонин давно заметил, что чем дальше отъезжаешь от дома, тем вернее становится нечаянная встреча с соседом.

- Вам не хватало общения - потому и сбежали? - предположила студентка.

Ивонин посмотрел на неё с интересом.

- Я искал совсем другого.

- Ну, да, когда-то говорили: "Он выбрал свободу".

- Примерно так.

- А дым отечества?

- Загазованность, - поправил он, пытаясь сообразить, не встречал ли эту девушку раньше, и зная, что не встречал, а просто соскучился по когда-то обыкновенному в родном городе (или просто в своей прошедшей юности?) типу, к чертам которого относил гус-

тые брови, полноватые губы, тонкие пальцы с продолговатыми ногтями, зелёные глаза. Бывшая жена к этому типу не относилась, но теперь это уже не имело значения, оттого что ей-то оказалась ненужной призрачная (она говорила: пресловутая) иноземная свобода.

Вторая женщина была совсем не пара студентке - не из-за возраста. "Тётенька с кошёлкой", - определил Ивонин.

- Зина, - сказала о ней младшая, - как раз крупный спец по охране среды.

- Не забрать ли вам отсюда пузырьрёк морской водички? Как эталон?

- Имеет смысл, - согласилась Зинаида. - Такой чистой я ещё не видела. Нырнуть - и умереть, так?

Он не нырял ещё ни разу, и ей пришлось долго живописать словами.

- Затонувшие галеоны, сокровища... - предположил он.

- Там рыбе царство.

- Да что я - о галеонах? - спохватился Ивонин. - Говорят же, что кусочек суши, на котором мы расположились, это остатки Атлантиды.

- Атлантиде, вроде бы, место в Атлантике, - неуверенно возразила девушка; теперь он знал, что её зовут Ириной, и что она напоминает ему не кого-то из прежней жизни, а самое прежнюю жизнь.

- Тут мнения расходятся. Каждый пишет свою диссертацию.

- Но тогда ведь произошла какая-то страшная катастрофа. Неужели не осталось следов? Геологических неправильностей?

- На морском дне.

- Между прочим, - со смешком сказала Зинаида, - всё на свете повторяется, рано или поздно - не через год, так через тысячу.

Но это были и мысли Ивонина: он не раз задумывался о ненадёжности жизни на острове, но следом - и о ненадёжности жизни вообще, и тогда память к стати и некстати предъявляла кадры недавнего цунами в Индокитае, и он воображал, как гигантская волна смывает всё живое ещё и с этого острова, оставляя необитаемыми здешние дворцы и бастионы. "Не через год, - повторил он про себя, - так через миллион лет. Что было, то и будет".

Беда, сожалел он, что никому не дано услышать, сколько недовольства скопилось в окружающем море или в мире, в толпе, участником которой всякому легко стать даже невзначай, просто переходя улицу; накопившееся в ней электричество может разрядиться и на случайного прохожего, именно из-за случайности его появления среди чужих, а скорее - из-за случайности его появле-

ния на свет. О себе же Ивонин думал, что при случае, быть может, распознает опасный заряд человеческой массы, скопившейся прямо под его окном с одноцветными флагами в руках, а то и угадает эту массу издали, за несколько кварталов, но никаким чутьём не уловит недобрых намерений затерявшихся среди обывателей одного-двух человек, способных или даже нарочно посланных причинить ему зло.

- Вы думаете, мы не избавились окончательно? - проговорил он.

- Что толку думать? Живите, пока живётся.

- Пока? Не очень-то уютный совет, - ответил он холоднее, чем хотел. - Впрочем, я жил и в годы, когда не жилось. Просто не приходилось чувствовать себя в безопасности. Правда, некоторые неприятности легко предвидеть. Мы же то и дело жалеем о предупреждениях, которыми пренебрегли.

- Вы говорите как бывалый человек, - заметила старшая. - Что же нам всё-таки грозит?

- Об этом лучше промолчать, чтобы не накликать.

В Москве вряд ли помнили прежние претензии к Ивонину, там, наверно, сменились и люди, и намерения, и он, не ожидая особенных пакостей, всё же понимал, что к нему, если, например, выпадет случайная оказия, вполне могут наведаться любознательные гости.

- Полно вам, - лениво проговорила Ирина, протянув к нему руку, словно останавливая и утешая. - Видите, в каком симпатичном месте мы сошлись...

- Событие.

- Для вас - событие, для вас, - оживилась она. - Встретить таких интересных женщин!

Он наконец улыбнулся, но не успел ответить: Зинаиду окликнули из дальнего угла заведения, где собралась вся подводная команда, и она охотно поспешила туда. Так и должно было сделаться, подумал Ивонин, чтобы он остался наедине с Ириной.

Из всех людей, собравшихся у лодочного причала, под тентами закуской и на автобусной остановке, каждый, быть может, пятый происходил из покинутой им страны, и там, где все они собрались, с одной стороны простиралось море, а с другой - скуная суша, слиток лавы, не так уж далеко за горизонтом обрывающийся всё в то же море. У Иволина было такое чувство, будто его обложила рукопашная охота; поискав взглядом - и не найдя - флажки, за которые не посмел бы пойти, он укорил себя в несправедливости.

- Странно, - сказал он, - что я не встретил здесь этих женщин раньше. Если Зинаида не оговорила, мы с вами уже несколь-

ко дней живём буквально в соседних кварталах: около форта. Если учесть, что все приезжие выходят вечерами на одну и ту же улицу...

- А я каждый вечер - на новую. Впрочем, это шутка: выбор велик. Если хотите, вот ещё одна шутка: вы живёте у форта, а мы - под водой, каждый день на новом месте. И каждый год.

- Много где побывали?

- Совсем немного. Нигде. Это мой первый выезд.

Рассчитывать на продолжительное знакомство было нечего: даже если девушка была одинока, он не мог поехать следом за нею сейчас в Москву или следующим летом - на новый берег, любоваться очередными кораллами и полосатыми рыбами; но и легко распрощаться с нею не получалось: он почему-то знал, что это усугубит его нынешнюю тревогу.

- Если мы всё-таки соседи здесь, - начал он, думая, что если девушка подслана, то просто обязана согласиться, - то не поболтать ли нам вечером в каком-нибудь кафе близ форта? Или - у гавани? Мне хотелось бы о многом расспросить вас. И рассказать самому.

С сожалением посмотрев на него, девушка напомнила, что приехала сюда со своей компанией - которая снова соберётся из разных российских городов лишь через год. На вопрос, есть ли у неё с этими людьми что-нибудь общее, кроме плавания, она, поколебавшись ответила, всё ж, уклончиво, заявив, что во время отпуска принято оставлять свои интересы дома. По крайней мере, у всех них были разные профессии, отчего им пришлось условиться никогда не говорить о работе.

- Не будем о своей и мы, - попросил Ивонин.

- Посмотрим, как это получится, - неопределённо проговорила она, добавив после долгой паузы: - Вам здесь очень одиноко.

Он не уловил в её словах вопроса.

- Нет, не на острове, а... - уточнила она.

- У меня почти не бывает свободного времени.

Ивонин не стал говорить, что, найдись у него досуг, он только и думал бы, что об окружении - водой, затаившей гибельные волны, или прелестными мастерицами на случайные встречи - всё равно.

ТИГРЫ ПОВСЮДУ

Мужчине надоело здесь, больше он, казалось, не мог выдержать, но и не мог ничего изменить, приходилось бороться с одино-

чеством, с заключением в крохотной хибарке, огороженной мощным забором - в его первой, единственной и, как он думал, последней крепости, последней - потому что он не надеялся больше, знал, что не выйдет, не вырвется отсюда, из этого места, о котором недавно мечтал, куда стремился, чтобы пожить в тишине, вдали от людей, чтобы дописать здесь свою книгу, места, о котором так мечтала его женщина, и в котором они успели провести много счастливых дней. "Мой дом - моя крепость", - вспомнил он тогда, впервые подходя к своему будущему жилищу, и засмеялся, довольный, потому что оно и в самом деле выглядело надежной крепостью, за бревенчатой изгородью которой можно было чувствовать себя в безопасности. "Mi casa, su casa", - вспомнил он тогда, подходя к своему будущему пристанищу, и повторил это вслух женщине, потому что и в самом деле его дом был ее домом, по крайней мере, он хотел, чтобы это было так и чтобы женщина это почувствовала; возможно, она и почувствовала это тогда, быть может она и в самом деле считала это строение своим - никто не знает, что она думала, переступая порог, и что она думала и чувствовала потом, когда жила здесь, не знает никто, и он, мужчина, тоже не знает, и не знает даже, имеет ли это значение теперь, когда она ушла, очень легко, спокойно ушла, просто отодвинув бревна, перегораживавшие выход, и пошла по тропе, ведущей к зарослям и через них, и не нужно было идти с ней, потому что никто не посмел бы на нее напасть, и нельзя было идти с ней, потому что она запретила это. Дом остался мужчине, и все имущество осталось только ему - оружие, посуда, стол, книги, раскладушка, рукопись и керосиновая лампа, - и каждый из предметов мало-помалу стал его собеседником в долгие тоскливые дни и в долгие тоскливые ночи, подаренные бессонницей для работы, он научился говорить с любым предметом, только не с рукописью, которую теперь не мог закончить, больше не находя для нее слов, и не с книгами, каждую из которых прочел по несколько раз, и которые теперь словно бы онемели, он больше не находил в них слов для себя; все, кроме книг и рукописи, кричало ему о женщине - автомат, из которого она училась стрелять, раскладушка, на которой она спала одна, и циновка, на которой она спала с ним, стакан, из которого она пила, и приемник, который сломала. Когда мужчина подходил к окну, он видел ворота - гладкие бревна, аккуратно задвинутые ею за собой (без его помощи, она не хотела помощи от него), и тропу, по которой она ушла, отдалилась, уменьшилась, пропала в зарослях; ему казалось, что он и сейчас видит ее следы, более того, видит ее ноги, оставляющие на песке четкие отпечатки - видит не женщину, уходящую за деревья, а только ноги,

только узкие босые ступни, печатающие следы, один за другим, все дальше и все неразличимей - на тропе, уводящей от дома, дороге, ведущей через заросли, в которых никто тогда не посмел тронуть женщину - возможно, по той простой причине, что в зарослях до того дня никого не было.

Теперь там бродили тигры.

Прежде тигры не водились в этих местах - так говорилось в книгах, и в книгах говорилось, что тигры не живут, не бродят стаями, такими огромными бандами, и когда мужчина увидел их впервые, когда мужчина увидел, как за стволами деревьев неторопливо движутся полосатые тела, он принял их в утренней мгле за зебр - и, подойдя к изгороди с фотоаппаратом, ужаснулся, увидев увеличенную телеобъективом мягкую злую морду.

Тигры, казалось, вовсе не отдыхали, спокойное движение за деревьями совершалось безостановочно, может быть, оно не затихало и ночью, но мужчина, к счастью, не мог знать этого. Теперь он не смел, покинуть свою крепость; его появления на крыльце дома тигры, казалось, не замечали, продолжая методично, словно разминая свои мягкие лапы, передвигаться в зарослях, но стоило подойти к изгороди, взяться за бревна, как животные выступали из чащи, и до его слуха доносилось раскатистое рычание. Между тем именно теперь ему и понадобилось уйти, оставить свое убежище, в которое он совсем недавно стремился, свою тюрьму, жизнь в которой стала тягостной с того момента, как снаружи появилась эта строгая охрана - ничто не изменилось, он жил, как прежде, но сознание своей несвободы угнетало; теперь он пошел бы следом за женщиной, теперь ему нужно было пойти за ней, ведь она не ушла далеко, он еще мог видеть ее ноги, оставляющие следы на тропе, это было так просто - пойти за ней, требовалось лишь отодвинуть хорошо пригнанные, легко скользящие в пазах бревна и ступить на тропу, пройти по ней через вырубленный участок до зарослей и сквозь заросли - до реки, и это был уже длинный путь, и говорили, что это опасный путь, но женщину звери не трогали, а стрелять из автомата она умела хорошо, даже стрелять навскидку, от живота, это он, мужчина, научил ее, и тогда она ушла со своим автоматом, хотя животные чащи, казалось, знали, что она любит их, и не злились на нее, и ее не боялись, а самые страшные звери, тигры, не водились в этих местах, и тогда мужчина мог пойти за ней и вернуть или же уйти вместе с ней к реке и затем - в город, но он остался, и лишь теперь необходимо стало пойти по ее следам - даже не за женщиной, может быть, не для того, чтобы вернуть ее, а по другому важному, неотложному делу в город, - но единственный путь через

заросли стал не просто опасным, а невозможным, и умение метко строчить из автомата, не поднимая его к плечу, не могло служить даже слабым утешением. Пока мужчина находился в доме, тигры вели себя спокойно, оставаясь за деревьями, но он сам чувствовал себя не в своей тарелке, если не видел их, не знал, где они затаились, и тогда выходил из жилища с оружием, чтобы постоять у изгороди, выманить зверей, привыкнуть к их виду, потому что к этому необходимо было привыкать, и как бы осторожно ни подкрадывался он к изгороди, стоило лишь подойти к ней вплотную и взглянуть в щель между бревнами, как тигры одновременно, словно солдаты, поворачивались к нему и, недобро рыча, выступали на вырубленное пространство всей стаей, армией, так что если бы мужчина решился подпустить их ближе, он не смог бы выбрать, в кого первого стрелять; но он не подпускал их, а уходил в дом и, оглядываясь, видел, как и тигры отступают в заросли. Постепенно он стал задерживаться у изгороди дольше, и армия стала подступать ближе, так что и простым глазом различались яростно суженные кошачьи зрачки; постепенно тигры привыкли выходить из зарослей и бродить по расчищенному месту, оставаясь там, даже если мужчина скрывался в хижине, и теперь он уже не расставался с автоматом и в доме: только оружие в руках и водка помогали сохранять хотя бы видимость спокойствия. Но запасы спиртного кончались.

Близость хищников беспокоила мужчину, но еще более беспокоила, приводила в отчаяние невозможность работать: его книга оставалась неоконченной, потому что из-за отсутствия женщины он утратил свободу; не будь за оградой тигров, у него не появилось бы навязчивого желания выйти, ступить на тропу, догнать женщину и добраться с нею до города, тогда уединение не превратилось бы в одиночество, и он спокойно писал бы за своим столом, но сейчас его стерегли, и ему прежде всего, прежде работы, следовало освободиться от неволи.

Иногда мужчина начинал сомневаться во враждебности животных, словно внутренний голос убеждал, что они не тронут его; однако стоило с надеждою приблизиться к воротам, как тигры по-прежнему оскаливали зубы. И все-таки что-то день ото дня менялось в их поведении, они будто бы привыкали к человеку, и однажды, выйдя утром во двор, мужчина увидел, что тигры лежат на траве, что-то жуя и тупо уставившись в пространство. Он стоял, держа палец на спусковом крючке и чувствуя, как мерзко потеет от страха, потому что тигры лежали всего в десятке-другом шагов от забора, и им ничего не стоило, едва поднявшись, перемахнуть прочную, но невысокую изгородь, но они лежали, мирно жуя, мужчина мог

бы даже поклясться, что видел в пасти что-то зеленое, траву или сено, и когда он случайно встретился взглядом с одним из животных, вместо привычного злобного огонька в зрачках увидел там оловянную пустоту. Это было непонятно и поэтому особенно жутко: он не сумел усомниться в том, что это его убийца заглянул ему в глаза; поспешив вернуться в дом, он не выходил до следующего утра. Новый день не принес изменений, тигры по-прежнему жевали свою жвачку, лежа у забора и лениво помахивая хвостами - то, что мужчина видел сегодня, было мирное домашнее стадо, и стадо ждало пастуха. Мужчина соорудил длинный тяжелый кнут и, сжимая его в одной руке, а в другой, левой, неловко держа взведенный автомат, подошел к воротам; сдвинув верхние бревна, он взмахнул своим бичом, раздался громкий, как выстрел, щелчок, и угрюмый матерый тигр, вздрогнув, нехотя поднялся, чтобы перейти на другое место; после новых щелчков еще несколько зверей отошли подальше. Мужчина был в восторге от удачи своего опыта; у него хватило, однако, благоразумия не продолжать игру, а вернуться в жилище. Он воспрянул духом, увидев, наконец, реальную возможность уйти.

В эту ночь он плохо спал и поднялся на рассвете.

Не увидев никого за оградой, он не поверил своим глазам. Заросли казались необитаемыми, как в тот день, когда ушла женщина, и тропа была пуста, лишь полустертые женские следы уводили от дома в темноту чащи и дальше, к реке, а звериных следов на тропе не было. На расчищенной площадке, между пнями, блестели, лоснились на солнце арбузы; вид у этих сверкающих, словно только что вымытых, арбузов был несъедобный, как у еще не просохших после окраски муляжей. "Лучше бы - тигры", - подумал мужчина, снова чувствуя, как голова покрывается холодным потом. И еще он подумал, что путь свободен.

Тщательно прицелившись, мужчина сделал одиночный выстрел. Самый крупный арбуз лопнул, взорвался от попадания, далеко разбросав черные семечки и сочную алую мякоть. Страх пропал, уступив место жажде, желанию отведать сочного, спелого арбуза, но мужчина заставил себя не торопиться; вернувшись в дом, он взял давно приготовленный рюкзак, где лежали только патроны, рукопись и немного еды, и тогда уже уверенно направился к выходу. Перед тем, как отодвинуть бревна, он на всякий случай выстрелил еще раз, и еще один арбуз аппетитно раскрылся от удара. Открыв ворота, мужчина вышел на тропу. Мертвая тишина стояла кругом, словно мир был только что сотворен, а сам он был первым, единственным существом на земле. Боязливо оглянувшись, муж-

чина присел на корточках возле самого крупного, полосатого, как хороший тигр, арбуза и ударил ножом. Треснув, как и те два, арбуз не брызнул во все стороны переспелыми семечками, а только сверкнул недозрелыми, белоснежными - острыми зубами по краям разверзшегося багрового зева. Треск разломившегося арбуза продолжился, разросся - оттуда, куда вошел нож, и из-за спины мужчины, и из зарослей - со всех сторон раскатился, сотряс воздух дружный рык. Громче него оказался только крик обезумевшего от страха человека с рюкзаком, опрометью несущегося по пустой тропе.

Вадим Фадин - член международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр и Центр писателей в эмиграции в немецкоязычных странах), Союза писателей Москвы и германского союза писателей "Verband Deutscher Schriftsteller". Изданы: книги стихов "Пути деревьев", "Черта", "Нить бытия" (long list Бунинской премии 2007 года), повесть "Темна вода во облацех", романы "Рыдание пастухов" (вошёл в long list премии Букера 2004 года и в long list Бунинской премии 2005 года, а в 2005 году удостоен диплома премии "Серебряная литера" (Санкт-Петербург) "За трепетное отношение к русскому языку") и "Семеро нищих под одним одеялом" (все книги изданы в Москве и Санкт-Петербурге).

С 1996 года живет в Германии.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

***

И он узнал, что смерть не пустота,
не одиночество,
а негатив бывшего,
хранящий только общие места,
после того как сказанное слово
покинуло холодные уста.

Москва

Это я ни к кому.
Закрываю глаза и плыву
в Карфаген моих зим,
где посыпаны солью дворы,
где татары живут
с незапамятно-мутной поры,
и где в пять пополудни
давно уж не видно ни зги.

Желтый булочной свет
на сугроба холодной муке,
и в кромешности труб
блеск летит по незримой реке.
Там в глухую играли
у сытных парных кабаков.

А теперь ты стоишь
у трамвайных бессмертных кругов.
Ты стоишь у прудов,
на закраинах дуг голубых,
на старинном снегу.
Говоришь ты, но голос твой тих.

Я тебя не встречал
ни с друзьями, ни в школьных дворах.
Лишь порой на семейных
обрамленных фото,
что стоят на комодах
в теперь опустевших домах.
Там, где шарят впотьмах
звезды, фары машин
в тишине и при ясной погоде.

Я тебя узнаю. Закрываю глаза и плыву,
абонент всех сетей,
по бездомной теперь Божедомке.
Ты меня не ищи,
ни по спискам, ни в ликах витрин.

Я живу далеко,
у какой-то невидимой кромки.

***

Мне хотелось узнать почему треска
и хотелось узнать почему тоска.
А в ушах гудит: "Говорит Москва,
и в судьбе твоей не видать ни зги".
Так в тумане невидим нам мыс Трески.

Мне хотелось узнать почему коньяк,
а внутренний голос говорит: "Дурак,
пей коньяк, водяру ли, Абсолют,
вечерами, по барам ли, поутру,
все равно превратишься потом в золу".

Я ему отвечаю: "Ты сам дурак,
рыбой в небе летит судьба!"

И я знаю, что выхода не найти,
так хоть с другом выпить нам по пути,
и, простившись, надеть пальто и уйти".
"Не уйдешь далеко через редкий лес,
где начало, там тебе и конец.
Так нечистая сила ведет в лесу,
словно нас по Садовому по кольцу,
и под ребра толкает носатый бес".

Там, я вижу, повсюду горят огни,
по сугробам текут голубые дни,
и вдали у палатки стоит она.
И мы с ней остаемся совсем одни,
то есть, я один и она одна.

***

Бытие - тихий люкс нежилого отеля
над скелетом вокзала.
Долгий транзит у голландской, индейской реки.
То, что сегодня не досказала, долетит -
продолженьем руки.
Указаньем на временный выход
из безумья, квадратного ночью.
Я вот все думал, что это лишь выдох.
А это - жизнь, как и есть она, в общем.

Где все по крошкам: табак, хлеб и мелочь
на безличной поверхности быта.
Как ни прикидывай - не получилось.
Но выясняется: ты не убита.

Ты лежишь на краю теплой бездны,
названной одиночеством ночью.
Или покоем? Судить бесполезно.
Каждый себя доживает заочно.

Так вот и я; оживая помалу,
впрок берегу затвердевшую данность.
Мертво губами шепчу все условия
и прижимаю к себе одеяло.

Нью-Йорк

Стечение времен,
где не находят места
провалы голосов, зияние извне.
Сыреющие дни,
под сумрачным навесом
окрестных городов дрожащие огни.

Гниет река и, чувствуя начало,
гербарий осени торжественно раскрыт.
Прохладный тлеет парк,
над брошенным причалом
сочится свет в церковные дворы.
У зеленой - языческие краски,
и статуя корейца на углу
безжизненна.
Закат. Витрины гаснут.
День бесконечен.
Я тебя люблю.

***

Ситуация грустная, моя дорогая.
Воздух распадается на хладные глыбы.
Мы в них живём, оберегая -
каждый своё, я, например - губы.

Сколько лет я шепчу, прошу слова.
Мы с жизнью всю жизнь говорим о разном.
Я не прихожусь ко двору и каждый раз снова
ищу полосу жизни, за которой - бездна.

Но и к бездне глаз привыкает устало.
Там что-то знакомое движется и мерцает:
мешки, головные уборы, без конца и края
тоска-пересадка, толчея вокзала.

Вариации на тему

Я знал, это ошибка - возвращаться
к засохшим сотам восковой фигурой,

храня в глазах потусторонний дым.
А подойдешь поближе - он густеет
и, постепенно превращаясь в слепок,
становится глазницами у сфинкса,
что навсегда притягивают взгляд.

Наверное, долги за детство платят так,
в который раз бессмертно выходя
в московское заснеженное поле,
и каждый раз на сквере превращаясь
в седого купидона-пионера,
(с комком у бледно-гипсового горла),
сжимающего вместо горна лук.

Я ждал тебя в условленном метро
(что означало разрушение дома)
под циферблатом с ликом Фаренгейта,
навечно перепутав города.
О, только бы дождаться, ждать до лета,
чтобы потом нам вместе затеряться
хоть в Аризоне, в Юте, навсегда.

Но поздно, холодно. Да и рукой подать
до той зимы: декабрь по Фаренгейту,
озноб по Цельсию, заботы по-английски,
советы доброхотов - лепет детский,
а в снах чудесных слов не разобрать.

Тот огонь

Я ушел и огонь догорал без меня,
и никто не сидел без меня у огня.
Я зашел в магазин, и в аптеку, и в банк,
но горящий огонь все не шел из ума.

Я давно переехал и в новом доме
напеваю и грустно нормально живу.
Жизнь идет и привычно зовет западня.
А огонь все горит и горит без меня.

Президенты сменялись и несколько зим,
я скучал по кому-то в какой-то связи.

Говорил и писал и хватал за рукав.
Собеседников круг поседел на глазах.
Жизнь живуча. Я вот - в магазин или в банк,
то присяду к огню потому что устал.
Я дошел до угла на мигающий свет
этих фар и тепло все дышало мне вслед.

Я живу в новом горьком житейском дыму,
но того же огня я найти не могу.
Отдыхая, сижу у другого огня,
но то пламя горит и горит без меня.

Андрей Грицман родился в Москве. С 1981 г. живет в США, работает врачом, специалист по диагностике рака. В 1998 г. закончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе.

Пишет по-русски и по-английски, публикуется в журналах "Октябрь", "Новый мир", "Арион", "Вестник Европы", "Новая Юность", "Сибирские огни" (Россия), "Новый журнал", сборнике "Встречи" (Америка), "Иерусалимский журнал" (Израиль), "Стетоскоп" (Париж), "Крещатик" (Германия) и других.

Стихи и эссе по-английски публикуются в американской и британской периодике: Richmond Review (London, UK), Manhattan Review, New Orleans Review.

Автор книг стихов "Ничейная земля", 1995; "Вид с моста", 1998; "Двойник", 2002; "Пересадка", 2003; "In Transit" (на английском и румынском языках), 2004; "Остров в лесах", 2006. На английском вышел сборник стихов и эссе Long Fall (2004).

ДИНА РУБИНА

КАК Я ЛЮБЛЮ ОДЕССУ!

Как же я люблю Одессу! Я всегда ее любила - по книгам, ни разу в ней не бывав. Стоит ли объяснять - что значат для литератора эти имена - Бабель, Олеша, Паустовский, Ильф и Петров?..

Покидая в 90-м Советский Союз, я оплакивала свою несбывшуюся Одессу, так как была уверена, что уже никогда, никогда... Но - колесо Истории вертится исправно. В тяжелом и нищем 93-м меня уже из Израиля пригласили приехать в Одессу, выступить. И вот - ноябрь, промозглый, обветшавший город, вывернутые лампочки в подъездах, выбитые окна... Первая наша встреча с легендарным городом как-то не заладилась. А может, грустно подумала я, Одессы-то уже и нет, одесситы разъехались, остались дожди, грязь, пустые прилавки... И с этими тяжелыми мыслями я взобралась в вагон пустого по вечернему времени, трамвая. И первым делом увидела плакат, на котором была изображена дамочка, перебегающая трамвайные пути. Рисунок был снабжен четверостишием: "Быть может, мечтая о сцене, о славе, она отступила от уличных правил, - забыв, что подобная неосторожность буквально отрэжет такую возможность!"

Замерев от восторга, я опустила взгляд и на спинке сиденья увидела процарапанное: "Все мужчины - обманщики и притворщики!" - и чуть ниже: "Вы, Розочка, тоже не ангел!". А уж усевшись, и подобрав с сиденья оставленный газетный лист, немедленно уперлась в объявление Одесской киностудии: "Для съемок нового, цветного, широкоформатного художественного фильма требуются люди с идиотским выражением лица", и не успев задохнуться от проглоченного вопля удачи, тут же прочла в разделе "Спортивные новости": "Вчера в Москве состоялся матч между одесским "Черномор-

цем" и местной футбольной командой".

Нет, подумала я, Одесса никуда не уехала, ее не размьли дожди, просто она переживает очередную эпоху очередной революции... Надо, поняла я, оказаться в одесском трамвае в час пик. И уже на другой день я висела на ступеньке трамвая номер три, вслушиваясь в переключку внутри: "Соня, ты вошла? Соня!" - "Она еще как вошла! Она мне уже трижды на ногу наступила!" Меня подпирал какой-то молодой человек в голубой рубашке, висящий на подножке. Двери не закрывались, и вожатый время от времени говорил в микрофон: "Ну ты, холубой... поднимись с подножки... Холубой, я ж сейчас не знаю - шо будет... Тебя мамця не узнает, холубой..." Наконец, он остановил трамвай, выскочил с обрубком резинового шланга и со всего размаху как треснет по спине молодого человека! Я со страху чуть не свалилась. Вот, думаю, будет сейчас побоище! Ничуть не бывало. Не выпуская поручней из рук, молодой человек повернул голову в профиль и сказал спокойно: "Не понял юмора!".

И еще одну прелестную сцену видела я в одесском трамвае. Это был полупустой вагон, и у окна сидели две то ли москвички, то ли петербуржанки. И одна из них громко обсуждала пыльную, грязную и провинциальную Одессу, которая ни что иное - как литературный миф... После этих ее слов в вагоне воцарилась тяжелая пауза. Одесситы переглядывались и ждали - кто возьмет соло. Наконец, маленький сутулый старичок, меланхолично глядя перед собой, сказал задумчиво: "Да-а-а... коне-е-ечно... Одесса могла понравится только такому голодранцу, как Пушкин... Но он здесь полюбил, и ему ответили взаимностью! А вам, мадам, даже если б вы и полюбили здесь кого-то, ответить взаимностью не смог бы даже такой старый еврей, как я!". И все вздохнули с облегчением, и трамвай покатил дальше...

А объявления - одесские объявления! На дверях одной аптеки - я видела целых два. На одном было написано: "аптека временно закрыта", а на другом, пониже: "Фима, заходи!". И еще одно, на дверях ночной аптеки, нацарапанное от руки: "Слышу! Уже иду!"...

Вообще, в этот, да и в следующие мои приезды со мной в Одессе происходили разные забавные и трогательные случаи и встречи, о которых когда-нибудь расскажу. Но самым страшным впечатлением был мой собственный вечер в Культурном центре. Ну, думала я, одесская публика, конечно, должна быть самой чувствительной к юмору... Выступаю я легко, артистично, рассказываю много смешного и, в общем, не утомляю публику своей прозой. Наградой мне обычно бывает неумолкающий смех аудитории. Но тут... Внима-

тельно и строго глядя на меня, одесситы молча выслушивали всю мою ударную программу... Прошли полчаса... Я поняла, что это - провал... Никогда в жизни мне не было так страшно и одиноко на сцене... Благодаря своему опыту "вечной выступальщицы", я дотянула вечер до конца, промямлила какие-то завершающие слова. И тогда из заднего ряда поднялся здоровенный пожилой дядька с лицом персонажа из бабелевского рассказа, и вежливо проговорил авторитетным тоном:

"Спасибо! Вы всех нас удовлетворили!"

ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Уффф!! - миновали наши Пасхи, отгремели, отлетели. И та и другая, - какое облегчение!

Все путем, все как обычно: одни вышли из Египта - куда надо; у других - кто надо вовремя воскрес. Может показаться, что я пишу это с некоторой долей иронии... Боже упаси! Просто земля такая, Святая, но с твоим конкретным адресом прописки. Святая земля, но ты на ней живешь, выносишь по утрам ведро с мусором, попиваешь кофе, поглядывая на Масличную гору, гуляешь со своим псом... И к разным праздникам всех религий относишься привычно, как к вехам смены времен года... А их, этих разных праздников разных религий на этой единственной Святой земле столько, что только успевай поворачиваться. Опять же, отмечают они приверженцами не всегда только песнями или постом, или каким-нибудь еще чинным и богоугодным действием. Тут у нас на какой-нибудь Рамадан можно и камень схлопотать в стекло машины, да и не только камень...

Однако, вот, пасхальные недели как-то особенно... значимы. Особенно... нагружены. И все тут зависит от календаря: иногда еврейская и христианская пасхи идут с перерывом. И население страны, за неделю ошалевшее от мацы, успевает отъестся до приезда паломников. А иногда они почти совпадают и даже накладываются друг на друга, вот, как в этом году. В один и тот же вечер здешняя молодежь с энтузиазмом устремляется в кабачки Иерусалима - отхватить, наконец, кусок булки крепкими молодыми зубами и запить его хорошим бокалом хорошего пива; а христианские паломники в эти же часы устремляются к храму Гроба - хотя б одним

глазком узреть, как сходит Благодатный огонь...

Ох, тяжелое время - весенние праздники на Святой земле! Думал ли пресловутый Понтий Пилат, ненавидевший одну Пасху, что весьма скоро к ней прибавится еще и другая?!

С тройной нагрузкой работает в эти дни аэропорт имени Бен-Гуриона: евреи, особенно светские, стремятся уехать на время нелегкой пасхальной недели в отпуск; христианские паломники стремятся отслужить священную службу в священном храме. Расцветает в эти недели туристический бизнес. Арабы в Старом городе торгуют крестиками и свечками на любой вкус. Желаящие пострадать паломники и туристы за немалую цену волокут на спине тяжелый деревянный крест по Виа Долороса.

Экскурсоводы в эти недели все падают с ног. Тут важно не перепутать вероисповедания каждой конкретной группы, важно уметь ответить на все деликатные вопросы, например - почему Дева Мария повсюду на руках держит мальчика, и никогда - девочку?

Важно повести верующих в нужное место и сказать нужные слова. А, главное, не сказать ненужных... А как тут все упомнишь и как разберешься, и как разведешь всех по положенным маршрутам, когда в Старом городе святыня на святыне сидит, и святыней погоняет!? И все эти святыни разным конфессиям принадлежат, и разными конфессиями охраняются!?

- Евреям хорошо-о-о, - говорит знакомый экскурсовод, человек бывалый и циничный. - Храм разрушен, одна стена только и осталась. Стой себе у стеночки, кланяйся, молись, и - никаких хлопот! А тут по приделам все поделено, мало того, что все друг с другом воюют, так еще и ключ от двери у арабов надо кланчить.

Это, увы, правда: храм Гроба стоит на земле, много веков принадлежащей одной арабской семье. И каждое утро священнослужители идут за ключом к хозяину. А ну как не даст открыть?!

Густо живем мы, не скучно.

Нашей полиции тоже совсем не скучно. Все дни христианской Пасхи усиленные наряды служб безопасности курсируют по Старому городу и охраняют святыни. Да не от террористов! От паломников. Они же все разные: католики, протестанты, лютеране, православные...

- Поверишь, - говорит знакомый полицейский, - ни единого года без драки не обходится. А не будем охранять, так и смертоубийства жди. Ох, и дерутся братья во Христе! Ох, и топчут друг друга... В этом году с главного их Патриарха шляпу сбили!

- Шляпу?!

- Ну... митру, или как этот головной убор называется... Он Благодатный огонь нес, а кому-то это не понравилось... А сколько

увечий среди паломников!

(За что уважаю любую религию - за смирение. За любовь к ближнему).

Ну, физическими-то увечьями израильтян не удивишь, живем мы, повторяю, густо и не скучно. А вот с душевными проблемами посложнее будет. Тут нарядом полицейских делу не поможешь. Ежегодно в весенний период в клиниках Иерусалима выделяется вдвое больше "койко-мест" - для впечатлительных паломников. Диагноз звучит вполне научно: "Иерусалимский синдром". Опять же, паломник паломнику - рознь. Возьмем, для примера, мужчин. Не всякий, даже сумасшедший, стремится, чтобы его распяли. Он, если даже и объявляет себя Иисусом, то... как бы это поделикатнее выразиться... старается проскочить всякие неприятные предварительные этапы, и является уже воскресшим, так оно здоровее.

Зато с женщинами случаются поразительные метаморфозы! Недавно я навещала в больнице приятеля, угодившего туда по случаю сердечного приступа. И проходя по коридору мимо одной женской палаты, была потрясена единообразным выражением лиц пациенток, - выражением, я бы сказала, торжественной святости. Все, как одна, обеими руками благоговейно поддерживали животы, расхаживая по палате мелкими осторожными шажками.

- А эти у вас тут, что - на сохранении? - поинтересовалась я.

- Да нет, - отмахнулся он, надкусывая принесенную мной шоколадку. - Это богоматери с мнимой беременностью...

...Но вот, - миновало, слава те, Хосподи! В хлебных отделах израильских лавочек и супермаркетов снова изобилие булочек, кренделей, бисквитов, хлебов... В полутемных христианских храмах - прохлада и воскурение ладана.

Отгремели пасхи боевые...

До будущего года.

В разнообразно Святом Иерусалиме.

КРЫСЫ, УДАВЫ И "ПРАЙВИСИ"

Нынешняя поездка по Америке выдалась напряженной и, в преддверии выборов, особенно нервной: моя персона весьма подозрительна американским службам безопасности. Израильский паспорт вкупе с моей внешностью интеллигентной арабки дают в американских аэропортах поразительный эффект. Мой багаж (быва-

лая и битая бесконечными дорогами сумка) перетряхивается до основания, выворачиваются пакеты с несвежей пижамой, досконально просматриваются все бутылочки с гомеопатическими каплями.

- Мэм, - строго спрашивает меня неохватных размеров мулат, - что это?

Прежде я отвечала: "драг", наблюдая вытаращенные глаза персонала. После того, как друзья объяснили мне, что "драг" означает еще "наркотики", я стала говорить: "медисин". Персонал согласно кивает, аккуратно застегивает сумку. Верит на слово?

Вообще, именно в аэропортах, на процедуре проверки пассажиров, наглядно видишь столкновение того самого прекрасного американского "прайвиси" с необходимостью обыскать подозрительного субъекта. А поскольку чуть не каждое утро я летела из города А в город В, то лично участвовала в этой процедуре. Как особо опасного пассажира меня отсылали в отдельный отсек, где покорно я разоблачалась: кроссовки, дорожный жилет, шарфик и все, что можно отцепить, открепить и отодрать. Затем босая, с раскинутыми руками, в позе распятого Иисуса становилась на резиновый коврик, и тут начиналось поистине удивительное представление:

- Мэм, - вежливо и строго сообщала очередная чернокожая дама в форме, - сейчас я коснусь вашей правой груди.

- О'кей...

- Мэм, сейчас я коснусь вашей левой груди!

- Валяй, - вздыхаю я по-русски.

- Мэм, сейчас я ощупаю вашу спину...

Каждый раз при этом я вспоминала ребят в израильском аэропорту, их странную на первый взгляд манеру задавать идиотские вопросы, внимательно следя за реакцией пассажира:

- Скажите, ваша мама пела песни на идиш?

- Почему моя мама должна петь песни на идиш?! - вскипает дюжий русский мужик. Все в порядке, человек адекватно реагирует на вопрос. Конечно, и израильтяне, бывает, обыскивают багаж того или иного подозрительного пассажира, но случается это значительно реже. Словом, видно, что "боевая готовность номер один", в которой мы существуем ежедневно, для американцев - еще непривычная реальность.

Вообще, не только на экстремальных примерах сталкиваешься с кризисом здравого смысла, который высекает то самое столкновение морали демократического общества с естественными

нуждами дела.

Моя американская подруга Наташа - химик, работающий над созданием противоракового препарата, - рассказывает о своих опытах. Крыса (специальная, генетически отобранная, "чистая линия"), стоит дорого - 35 долларов. Когда Наташа получает их для опытов в лаборатории, она подписывает бумагу, где одним из пунктов стоит условие - умертвить крысу после опыта.

- Почему?! - удивляюсь я.

- Не гуманно оставлять их в живых. "Зеленые" засудят.

Накануне нового опыта коллега, в ответ на сетования Наташи о дороговизне крыс, говорит:

- Тебе же не нужна для этого опыта "чистая линия", походи в зоомагазин и купи там крыс по 2 доллара за штуку.

- Но ведь, если я скажу, что мне они необходимы для опытов, мне их не продадут! - резонно замечает Наташа.

- А ты не говори.

- А если спросят?

- Ну, если спросят, - легко отвечает коллега, - скажи, что у тебя есть удав, и тебе необходимо его кормить...

Этот ее рассказ я пересказала при встрече Игорю Губерману. Мы посмеялись невесело, обсуждая причудливый крен морали демократического общества, заметив, правда, что лучше уж такой крен, чем в противоположную сторону.

- Интересно, вот мы с тобой кто - крысы или удавы? - задумчиво спросила я.

- Мы - кассиры в их зоомагазинах, - секунды не промедлив, ответил Губерман.

Любопытно, что наши, "русские" в Америке, со всем их тяжким багажом советского опыта, с умением читать между строк и догадываться по двум фразам об истинном положении вещей и событий, в целом представляют собой оплот здравого смысла и умения чутко опасаться. После выборов я написала своему приятелю: - "Черкните, поздравлять вас, или соболезновать? - не помню ваших политических предпочтений". Он ответил: - "Что до наших политических предпочтений, то голосовали мы за Буша. Так что мы счастливы и за себя, и за вас, и в особенности за то, что старушке Европе и всему миру было показано, что нас так просто не запугаешь. Очень хочется верить, что все будет хорошо".

СОСЕДИ

В нашем подъезде меняют трубы. Фраза, боюсь, получилась эпическая. Но и процедура эта весьма эпическая: целыми днями грохот и треск, как будто у нас в подъезде полицейские ликвидируют пресловутый "подозрительный предмет". Замену труб осуществляет бригада арабских рабочих, а именно: Имад - полный, как вавилонская танцовщица, улыбчивый человек лет пятидесяти, и его подручный - безымянный бессловесный парень, который, собственно, и работает.

Имад - человек почтенный. Уже тридцать лет он, житель соседней - через ущелье - арабской деревни Аль-Азария (где когда-то Иисус воскрешал безнадежно умершего Лазаря), кочует с ремонтами из одного дома в нашем городке в другой. У него безупречная рабочая репутация, проникновенный влажный взгляд и широкая улыбка. Пожалуй, слишком широкая...

Название нашей улицы в переводе с иврита звучит изысканно - "Время соловья", - и это вполне определенный соловей, муэдзин деревни Аль-Азария. Ежедневно, часа в четыре утра, гнусавым рыком через громкоговоритель, установленный на куполе минарета, он окликает правоверных. И затем это повторяется еще 4 раза в день. В полдень бригадир Имад расстилает молитвенный коврик на площадке между этажами и, коленапреклоненный, бьет поклоны в сторону Мекки. Я в это время возвращаюсь с прогулки с собакой. Увидев молящегося Имада, я беру на руки своего пса и на цыпочках проскальзываю мимо, к своей квартире. У нас здесь почитают все веры - не дай Бог оскорбить религиозное чувство молящегося.

С Имадом я иногда перекидываюсь двумя-тремя словами на иврите, которым он владеет великолепно.

- Вот, думаю... - сказал он недавно. - Машину новую купить... или жену купить?..

- Зачем тебе еще одна жена?

- Старая рожать перестала...

- А сколько у тебя детей, Имад? - любопытствовала я.

- Семнадцать...

- Семнадцать... и тебе мало?!

Он помолчал, широко улыбнулся, показывая все зубы, сказал:

- Женщина должна приносить детей...

...Днем он звонит ко мне в квартиру и вежливо просит кофе. Я приглашаю обоих, кипячу чайник, ставлю на стол чашки, молоко,

банку с кофе, какие-то коржики и удаляюсь в кабинет: женщине не пристало сидеть за столом с мужчиной, да и о чем бы нам говорить?

В это время обычно передают новости. Попивая очень крепкий кофе, Имад со своим безмолвным рабом бесстрастно выслушивают очередные сообщения о том - сколько терактов за последнюю неделю предотвращено израильскими силами безопасности, сколько начиненных взрывчаткой молодых палестинских героев остановлено по пути к семидесяти гуриям на небесах...

А я посматриваю с балкона в сторону дороги на Иерусалим, пытаюсь понять - попаду ли я сегодня в такую же страшную пробку, как позавчера, когда солдаты на блокпосту проверяли не только каждую машину, но и вбегали в каждый автобус, дотошно заглядывая под сиденья и остро всматриваясь в лица, - видать, получили от внутренней разведки очередные "предупреждения"...

А вчера я угодила сразу в две истории: сначала на центральной автобусной станции, куда забежала выпить кофе по пути на урок вождения, и вдруг по динамикам объявили о "подозрительном предмете" на пятом этаже станции, и всех пассажиров минут сорок держали на третьем этаже, пока сверху не расстреляли рюкзак какого-то забывчивого олуха. Зато после урока вождения я попала в ту же историю уже на улице, по пути к остановке своего автобуса. Полицейская машина перегородила дорогу, публика теснилась в стороне, и уже всю шла подготовка к ликвидации "подозрительного предмета". А я по своему легкомыслию решила, что успею еще купить в лотке пирожок. И тогда взмыленный, с блестящим от пота лицом, молодой полицейский в покоем на скафандр, бронжилете, защищающем все части тела, заорал на меня: "Геверэт, тебя вся улица ждать должна?!" - и я поджала хвост и юркнула к огороженному участку. И вот тогда грохнуло по настоящему!

Но это было вчера... А сегодня Имад попивает кофе и выслушивает очередные новости о том, что "всего в начале этой недели израильские спецслужбы располагали 42 предупреждениями о намерениях террористов совершить теракты на территории нашей страны".

- А ты не хочешь застеклить верхний балкон? - спрашивает меня Имад. - Я сделаю это недорого и качественно...

- Спасибо, Имад, - говорю я ему. - На днях улетаю в Европу, вот вернусь, тогда позвоню...

Он улыбается широкой, пожалуй, слишком широкой своей улыбкой, кивает...

- Лети с миром, - говорит он мне. - Лети с миром...

"СМЕРТЬ БУДЕТ ВАМ БОГОМ..."

Что касается местожительства, то скажу твердо: я свой балкон ни на какие версали не променяю. Нависает он над Вади Эль-Хот, древнейшей дорогой в Иерусалим, дорогой, по которой паломники и завоеватели всех мастей поднимались из Иерихонской долины в этот непростой и непокорный город. Всегда проходили здесь торговые караваны, разные люди встречались, передавались из уст, что называется, в уста предания старины...

Ну, а мой балкон тоже до известной степени - перекресток путей, место встречи проезжих людей... Редкая залетная птица, щебечущая по-русски, пролетая над Иерусалимом, не присядет на мой балкон. Шендерович подтвердит: сам сидел недавно, орешки клевал, клюв в вине замочил, байки рассказывал.

Самые разные темы питают здешние разговоры под оклики муэдзина с минарета соседней мечети.

Я даже задумываюсь в последнее время: не завести ли новую рубрику - "байки с моего балкона"?

Дня три назад, к примеру, оказалась здесь моя приятельница, профессор из Бостона Анна Гейфман, специалист по истории и психологии современного террора, автор книги на английском языке "Смерть будет вам Богом (от российского нигилизма до мусульманского терроризма)". В этой книге, кстати, автор подробно описывает методы, которыми создают профессиональных террористов. Описывает "фабрику смерти", дьявольское производство террористов-самоубийц: жесткий отбор в группы, психологическую подготовку, социальную инженерию, поэтизирование смерти. Аня говорила весь вечер, а я вкратце перескажу основное.

- Политические-то убийства существовали испокон веков. Но массовый террор против гражданских лиц - это достижение 20 века. И, как ни удивительно, зародился он в России. Например, мало кому известно, что за несколько лет первого десятилетия нового века было осуществлено 21 тысяча покушений, из них - 17 тысяч - "удачных".

Мало кто знает, что упавшие башни 11 сентября имели свой российский прообраз: боевая организация эсеров в начале века плани-

рвала уничтожить дворец в Петергофе при помощи летательного аппарата. А член боевой питерской организации большевиков Наталья Драбкина перевозила взрывчатку на теле собственной четырехлетней дочери...

...Анна оказалась в Израиле в составе группы американских наблюдателей - юристов, журналистов и политологов, которые совершили подробный и познавательный вояж по израильским тюрьмам.

В тот день, когда Аня сидела на моем балконе, Израиль обязался освободить еще одну партию палестинских заключенных. Много чего за две недели повидавшая в Израиле и совершенно обалдевшая, Аня пересказывала диалог между американским журналистом, борцом за права заключенных, и высоким чином внутренней разведки Израиля.

- Вы считаете этичным применение пыток? - спросил борец за права заключенных.

- Что вы называете пытками? - вежливо уточнил высокий чин.

- Ну, например, не давать подследственному спать...

- Послушайте, - внешне не теряя благорасположения, произнес офицер. - А вы представьте ситуацию, когда нам удалось схватить и обезвредить террориста, и он сидит передо мной, нагло разваливаясь. Смертной казни у нас, видите ли, не существует. Поэтому что бы он ни натворил, у него всегда есть надежда, что года через два-три-четыре он может выйти на свободу в обмен на тело какого-нибудь убитого израильского солдата. Вот он сидит передо мной, но я-то знаю, что еще два таких типчика вместе с ним вышли из Шхема вчера утром и бродят где-то в поисках автобуса или дискотеки, или детского сада. Время идет, счет идет не на часы, а на минуты... И что - он у меня будет спать? - вкрадчиво осведомился толстый и на вид вполне добродушный дяденька. Повисла пауза.

- Нет, он у меня спать не будет! - закончил офицер.

И надо было видеть, с какими вытаращенными глазами специалист по террору, повидавший несколько израильских тюрем, описывала условия, в которых живут убийцы. Да еще накануне группу возили на корабли израильского военного флота, и у "борцов" была возможность сравнить весьма жесткие и тесные условия жизни военных моряков на подводных лодках и просторные камеры с телевизором, где бодрые упитанные террористы встречают "борцов за

права" требованием немедленно сообщить еще адреса правозащитных организаций в Европе и Америке.

- Мы приехали с Севера после целого дня поездок - уставшие, голодные... Подоспели к самому тюремному обеду. Увидели эти фрикадельки... ох, как захотелось присоединиться к трапезе... Не дали!

До поздней ночи сидим мы на балконе. Сверкает извилистая цепочка фонарей на старинном пути паломников, торговых караванов и странников разных сортов и мастей.

Я стелю гостье постель и напоследок перед сном открываю газету.

И по известному принципу "притяжения сюжета" первым делом натыкаюсь на маленькую заметку, в которой сообщается, что двое амнистированных палестинских заключенных отказались выходить из тюрьмы. И далее по тексту: "Дело в том, что один из них решил продолжить учебу на аттестат зрелости в рамках учебной программы Управления тюрем, а второй предпочел остаться в камере с братом. Палестинские заключенные выразили удовлетворение тем, что в израильских тюрьмах им создаются все условия для сдачи экзаменов на аттестат зрелости".

И уже засыпая, думаю - не взорвать ли мне кого? Отдохнуть, подучить иврит, закончить бесплатные курсы по античной, например, этике...

Дина Рубина родилась в Ташкенте в семье художника. Окончила Ташкентскую консерваторию. Эмигрировала в Израиль в 1990 году. Она - широко известная писательница, автор более 30 книг, куда вошли рассказы, повести, эссе, романы "Вот идет Мессия!" и "Синдикат". Лауреат нескольких литературных премий.

Произведения Рубиной переведены на 12 иностранных языков. Её романы, повести и рассказы изданы отдельными книгами на иврите, а также на английском, болгарском, французском, чешском и эстонском языках. Член СП СССР (1979), международного ПЕН-клуба, Союза русскоязычных писателей Израиля. Живет в Иерусалиме.

МАРГАРИТА БОРУКАЕВА

АКВАРЕЛЬНЫЕ КАРТИНКИ

*Глухой слепец, мешая кистью краски
В желании судьбу изобразить,
А год за годом сбрасывает маски,
Чтоб спутанный рисунок обнажить.*

Сайпан

О том, как мы переехали из Ленинграда в Павлодар, а потом в Семипалатинск, я знала только по рассказам. Себя я помню уже в Алма-Ате, совсем не похожей на теперешний город. Была ли асфальтирована улица Фурманова к моменту, когда на ней построили наш дом, я не помню, но сразу за его большим двором, на улице Красноармейской, лессовая пыль была мягкой и теплой под нашими босыми ногами ещё долгие годы. По ней шествовали верблюды и, конечно, резво бегали многочисленные ишачки. В отдалении, на фоне роскошных сине-снежных островершинных гор, Красноармейская улица венчалась зданием оперного театра.

Казалось, город был построен прямо в яблоневом саду - домики, в основном, одноэтажные, были им окружены и в него погружены. Горы, возвышающиеся прямо над молодой растущей казахстанской столицей, придавали ей неповторимую красоту и торжественность.

Здесь протекло мое детство и юность, всплывающее сейчас в моей памяти, как яркие акварельные картинки.

Сайпан - маленький розовый поросёнок - был для нас, десяти-рых ребят большого дома на улице Фурманова, не просто поросён-

ком, а нашим весёлым другом и самым любимым участником летних игр во дворе. Сайпан приехал в наш дом в старом кожаном портфеле Евгения Дмитриевича Шлыгина, нашего соседа. Крошечный поросёнок был вручён профессору в качестве премии в ознаменование праздника Первого Мая. Во всякое другое время такая награда обидела бы Евгения Дмитриевича и вызвала бы недоумение окружающих как плохая шутка, но шёл четвёртый год войны, четвёртый голодный год, и это делало поросёнка желанным подарком для кого угодно, даже для серьёзного профессора.

У нас, ребят, появление четвероногого жильца вызвало полнейший восторг. Война успела внести свои изменения в нашу городскую жизнь и добавила ей сельский привкус уже хотя бы тем, что все клумбы во дворе нашего "Дома профессоров" были превращены в огородные участки и разделены на маленькие заплаточки - по числу жильцов. Мы дружно высаживали лук, редиску, морковку, укроп и даже кукурузу, дававшую нам десяток сладких початков, которые мы варили осенью в самоваре. Мы уже знали, как отличить ростки посевов от сорняков и с замиранием сердца наблюдали за появлением из земли красных лобиков редиски, но живой поросёнок - это было что-то совершенно новое и вызвало у нас, ребят, ажиотаж радости и любопытства.

Шесть девчонок и четверо мальчишек столпились вокруг ванны шлыгинской квартиры, рассматривая маленькое розовое существо с крохотным нежным рыльцем и весёлыми глазками. Ванна давно уже не выполняла свою функцию, горячая вода была отключена с первого же месяца войны, и вот теперь на дно её постелили неизвестно где добытую солому, и она превратилась в поросычий дом.

Наклонив наши головы над новым четвероногим соседом, мы придумывали ему разные нежные или, наоборот, военно-героические имена, но все предложения были отвергнуты - у Шлыгиных насчёт этого была своя идея. Уже с утра стало известно, что дружеские войска - американцы взяли штурмом японский остров Сайпан. Это был ещё один шаг к победе, мечтой о которой мы все жили, и новое слово, никогда до этого не слышанное, звучало сегодня из всех репродукторов как радостный предвестник мира. Наш новый друг стал живым памятником этому замечательному событию. Поросёнка называли Сайпан.

В течение следующих двух недель каждый из нас, ребят, придумывал самые невероятные предлоги, чтобы проникнуть в шлыгинскую квартиру и посмотреть ещё раз на поросёнка. В конце-концов профессорское семейство сдалось, не выдержав упорного стука в

дверь, и нам было разрешено играть с Сайпаном в нашем большом общем дворе. В это время как раз наступили летние каникулы, родители наши были с утра до ночи заняты на работе, и мы, предоставленные самим себе, проводили весь день во дворе.

Игры нашего военного детства, которым мы предавались взахлёб и с упоением, почти всегда были связаны с этим, самым главным событием нашей жизни - с войной. Мы стреляли из палочных "ружей", бросались в "атаку", скрывались от "врага", ловили "языков" и проникали "разведчиками" в "лагерь противника". Естественно, никто и ни за что не хотел быть фашистом, поэтому каждый из двух сражающихся друг с другом отрядов считал себя "нашим", и обе стороны чувствовали себя героями Красной армии.

*Небеса иссиня-синие,
Воздух жаркий и сухой,
Тополей прямые линии
С арыковой водой...*

*Жизнь суровая, военная
Жарким летом и зимой
Нам была - обыкновенная,
Мы не помнили другой.*

*И не бегали мы в салочки -
А игра была одна:
Ружья делали из палочки:
В бой, вперёд - война, война!*

*И босые, невесомые,
Мы носились по дворам,
Сытость - гостья незнакомая
Нашим тощим животам.*

*Мы не знали, как без жалости
Обокрала нас война,
И со страстью без усталости,
В бой играли до темна.*

"Охота на шпионов" была не менее волнующей, чем "сражение на фронтах" и немножко страшной, поскольку эти хитрые "фашистские оборотни" водились на чердаке - огромном, тёмном, с резкими полосами врывающегося в щели света и жарким, душным возду-

хом, пахнувшим гарью от толстого слоя шлака, устилающего пол, вероятно, в целях изоляции. Мы крались вдоль деревянных балок тихо-тихо, только сердца наши колотились с таким остервенением, что их оглушающий стук, видимо, спугивал всех шпионов.

Вторым притягательным таинственным местом в нашем доме было полуподвальное помещение - сплошной длинный коридор со множеством дверей. Этот мир очень отличался от нашего, возвышающегося над ним тремя просторными этажами с высокими потолками, большими окнами и балконами. Там, внизу, в полумраке, в спёртом воздухе, пахнущем луком и бедностью, жили убогость и печаль. Меня всегда томила смесь жалости к обитателям полуподвала, смешанная с непонятной виной. Ходить этим длинным сумрачным коридором мы боялись, так как суровая наша одноглазая дворничиха Серафима Михайловна, именно там и проживающая за одной из многих дверей, нас оттуда гоняла. Входов в подвал было два, с двух противоположных сторон, но один был всегда закрыт на большой висячий замок. Вот там-то мы и нашли таинственный уголок - перед закрытой дверью в подвал и за открытой дверью на лестницу, ведущую во двор. Туда мы набивались, и в неуютном полумраке с запахом сырости и плесени слушали страшные истории, нами же придуманные. Помимо всяких кладбищенских тем, от которых сердце моё холодело, была ещё бесконечная - про Гитлера. "Нет, - говорила Зинка, сидя на корточках и натягивая платъице, из которого давно выросла, на острые коленки тонких, как две палочки ног, - нет, девочки, и не ждите, война никогда не кончится. Гитлер теперь сидит в кресле и не шевелится. Его кормят белым хлебом с маслом, и поэтому он никогда не умрёт. И война теперь будет всегда". От этих её слов на душе становилось тоскливо и серо.

Сайпан внёс неожиданную мирную струю в наши военные игры и с первой же минуты стал разделять их всем своим поросычьим сердцем. Он с удовольствием разрешал нам обнимать себя и целовать, купать до розовой чистоты и расчёсывать редкие белые щетинки. Он любил быть любимым и на все наши ласки отвечал счастливым "хрю-хрю".

Наш новый четвероногий приятель оказался на удивление смышленным. Каждый день ровно в шесть часов вечера он вдруг переставал играть и стремительно несся через весь двор к калитке, вертясь там в нетерпеливом ожидании. Обычно через несколько минут появлялся Евгений Дмитриевич, возвращающийся домой из Горного института. Сайпан встречал его радостным хрюканьем, провожал до подъезда, а потом бежал к нам продолжать игры. Для всех было совершенно непостижимо, как поросёнок так точно уга-

дывал время, но он никогда не ошибался, как будто часы были вмонтированы в его маленькую головку.

Очень скоро Сайпан научился совершенно самостоятельно спуститься по утрам с третьего этажа шлыгинской квартиры, легко преодолевая семьдесят две ступеньки. Вечером, уже в сумерках, когда из открывающихся окон раздавались призывные голоса наших родителей, и мы разбредались по нашим квартирам, Сайпан деловито карабкался по ступенькам вверх, возвращаясь в свой дом на третий этаж.

Поросёнок был вечно голоден, как впрочем, и все мы. Когда он достиг двухмесячного возраста, он походил больше на тощую собачонку, чем на поросёнка и бегал за нами со скоростью гончей. Маленький животик Сайпана ссыхался от голода, а между тем, здесь же, по периметру двора, на заплатках-огородиках редиска поднимала из земли свои красные макушки, и молодая морковка кучерявила хохолки нежной ботвы. Для Сайпана, видимо, было непостижимо, почему мы бегаем с тощими животами по двору и не набиваем их соблазнительно-сладкими и восхитительно пахнущими плодами земли, растущими к тому же прямо под нашим носом. Эта его крамольная логика скоро превратилась для нас в настоящую проблему. Как мы и предполагали, хозяева заплаток-огородиков вовсе не собирались принимать как лестный комплимент восторги Сайпана по поводу качества редиски и морковки. В это голодное военное время трудно было ожидать от наших соседей умиления перед неистовым желанием поросёнка полакомиться их крохотным овощным подспорьем. Разрытые грядки приводили их в совершенную ярость. Нас предупредили, и очень строго. Мы следили за Сайпаном изо всех сил, но - куда там! Редиска была слишком сладкая, а поросёнок - на редкость умным. Он притворялся, что увлечён игрой и совершенно игнорирует зов плоти, но стоило нам потерять нашу бдительность, как он уже, радостно хрюкая, выпихивал из земли розовым рыльцем очередную морковку.

В конце-концов наш друг был пойман. Рассвирепевший хозяин одного из огородиков, только что навещённого Сайпаном, сгрёб беднягу и на глазах у всей нашей ребячий команды швырнул его через высокий забор, отгораживающий наш двор от большой улицы Фурманова, по которой шмыгали туда-сюда грузовики и телеги. Мы замерли от ужаса, а потом с воплями бросились к забору, стараясь рассмотреть через щели, что случилось с нашим злополучным гурманом. К счастью, поросёнок был жив, но проделанное сальто-мортале совершенно его обескуражило, он барахтался в густой полыни, растущей

вдоль забора, и бестолково крутился во все стороны.

Мы призывно стучали по забору и звали Сайпана всеми возможными ласковыми именами, но он, видимо, оглушенный, не обращал на нас никакого внимания. В конце концов поросёнок выбрался из травы, повернулся неуверенно сначала направо, а потом налево и затопал на своих маленьких копытцах вперёд, прямёхонько на дорогу, опасность которой была ему неведома. Все мы немедленно атаковали забор, но он был для нас слишком высоким. Тогда, по общему решению, меня подсадили, как самую лёгкую и цепкую, и, ухватившись за верх забора, я подтянулась на руках, перевалилась на другую сторону, заскользила подошвами по шершавым занозистым доскам и, оттолкнувшись от них, прыгнула. Только земли я не достигла, а повисла на гвозде, как кукла из цирка Карабаса-Барабаса. Ребята колотили кулаками по доскам забора и кричали: "Давай! Скорей!", а я беспомощно болтала в воздухе ногами, пока гвоздь рвал подол моего драгоценного по тем временам ситцевого платёшишка. Несмотря на всю отчаянность ситуации, я успела подумать под пугающие звуки лопающихся ниток: "Ну и попадёт же мне от мамы!", и в ту же секунду с последним треском матери упала на землю. Слишком поздно! Сайпан уже был на дороге, и огромный американский "студебеккер", полный наших солдатиков, надвигался на него с роковой неизбежностью. Я почти пролетела по воздуху и в следующее мгновение уже лежала на дороге, ухватив поросёнка за задние ноги. Четвероногая жертва частнособственничества оказалась, наконец, в надёжных руках с хорошим шансом быть раздавленным грузовиком в компании верного друга.

"Студебеккер" встал, как вкопанный, в двух метрах от перегораживающей дорогу пары, и тут началось что-то несусветное. Всё происшедшее - поросёнок, пересекающий дорогу, мой полёт за ним и следующая за этим распластанность двух тел перед колёсами тормозящего со зловецим скрипом грузовика - вызвало бурную реакцию свидетелей и очевидцев. Какофония поднялась редкостная: солдатики, сгрудившись у бортов "студебеккера", хохотали, свистели и улюлюкали; высунувшийся из кабины шофёр посылал мне что-то нецензурно-злое; оставшиеся за забором колотили по нему кулаками и радостно вопили; прохожие, остолбенев, что-то кричали в мою сторону; с балконов нашего дома доносились громкие перепуганные призывы. Но весь этот шум и гам перекрывался истошным визгом поросёнка.

Пришла осень и вместе с ней - еда до отвала для нашего четвероногого друга. В небольшом скверике прямо против нашего дома, "парчке", как мы его называли, росли раскидистые дубы, и мы со-

бирали для Сайпана полные мешки желудей. Вскоре осенние дожди и холод остановили наши дворовые игры. Мы были заняты уроками и чтением, а Сайпан - поеданием желудёвого запаса. Он уже не был тем худым, шустрым и весёлым поросёнком, с которым мы играли летом, а превратился в большого и серьёзного борова. Спускаться вниз с третьего этажа и подниматься вверх, преодолевая семьдесят две ступеньки, было для него теперь трудно. Мы видели его всё меньше и меньше. Холодным ноябрём снег покрыл землю, потом замелькали короткие тусклые декабрьские денёчки и, наконец, наступил Новый год.

Мы, не знающие ни Рождества, ни Хануки, отдавали всё наше сердце "Ёлке", самому желанному и самому весёлому празднику в году, разрешённому всевластным нашим правительством незадолго до войны. В мирное время в канун Нового Года вся взрослая половина Советского Союза собиралась за столами с коньяком, водкой и икрой, или поскромнее - с водкой и колбаской, или же совсем уж скромно - с неизменной водкой и отварной картошечкой с селёдкой. В военные годы тоже собирались за столами, и опять-таки эти столы были очень разные, иногда и вовсе пустые, с одним зремурусом - дикой капустой, вольготно произрастающей на горных склонах, - в голодные военные времена часто заменяющим и икру, и колбаску, и картошечку.

Наши ребячьи "Елки" в "Доме профессоров" на улице Фурманова начинались вместе с зимними каникулами первого января. Во время войны у нас, как и у всех, не было ни электричества, ни центрального отопления; продукты, или вернее жалкое их подобие, "отоваривались" по карточкам, и фабрики, выпускавшие в мирное время игрушки, посылали теперь на фронт гранаты. Но несмотря ни на что наши "Ёлки" были самыми весёлыми на свете. Их было обычно пять в течении десяти дней каникул, в пяти различных квартирах. Сподвижники-родители совершали неведомые нам, детям, чудеса изобретательности и героизма, чтобы мы веселились так, как будто не было на свете ужаса войны и ничто нам не угрожало. Самодельная "буржуйка", пожиравшая полученный по талонам сакаул и заодно, всё что можно, из мебели, согревала одну комнату, и её же освещали керосиновые "коптилки". Сама ёлка, установленная в центре, сияла "довоенными" игрушками, старательно сохранёнными и дополненными гирляндами из газетной бумаги. Самым сложным было угощение. Спасало то, что всё, составляющее в нормальное время праздничный стол, было нам неведомо. Мы просто не знали или не помнили о такой роскоши, как пирожки с мясом или пирожные с кремом. Мы и сахара-то уже давно не видели. Всё, что удавалось сберечь, добыть по карточкам, выме-

нять на барахолке, поглощалось нашими тощими животами без промедления, любая еда чуть лучше злополучного эремуруса была для нас лакомством.

Ёлку в доме Шлыгиных мы с сестрой любили почти также, как нашу собственную: Вера Андреевна, мама нашей белоголовой и голубоглазой подружки Оли, была большой затейницей. И в этот раз наше нетерпеливое ожидание вознаградилось сполна.

Аккорды старого потускневшего пианино под сильными пальцами Веры Андреевны оповестили о начале праздника. Распахнулись двери комнаты с ёлкой, сияющей посередине, и мы с замирающими от радости сердцами пошли вокруг неё цепочкой в такт "Матросскому маршу", выполняя все положенные движения хорошо нам известного "матлота". Веселье - шумное, самозабвенное - началось. Жмурки, прятки, ловля рыбы из океана, сделанного из старой занавески, "испорченный телефон", шарады со смешным переодеванием... и всё это - с радостным визгом, с хохотом до слёз. Только на секунду весь этот гам остановился, когда вдруг раздался голос: "Вера Андреевна, а нас будут кормить?" Наша хозяйка широко улыбнулась: "Конечно, и чем-то очень вкусным, такого вы ещё никогда не ели!" И веселье стало уже совсем неуправляемым, мы как будто захмелели от предчувствия скорой еды.

И вот, наконец: "Дети, к столу!" Двери небольшой смежной комнаты открылись, и на нас пахнуло таким дивным запахом, что головы наши закружились. Мы горохом посыпались к столу, и вот уже что-то мягкое, невообразимо вкусное наполнило наши рты и разлило блаженное тепло по всему телу. Тарелки нам дали полные, так что можно было есть совершенно не заботясь, что вот сейчас это блаженство кончится, и не делить на кусочки, как обычно, чтобы растянуть "на подольше".

- Вера Андреевна, что это?

- Это колбаски из мяса, из свинины, и вы их заслужили. Если бы не ваши жёлуди, разве наш тощий поросёнок вырос бы в такого большого и толстого борова?

Тощий поросёнок? У нас у всех перехватило дыхание. Вот это розовое блаженство, это... Сайпан?! Горе, невыразимое горе сжало наши души. Наш маленький, любимый... его превратили в колбаски и сварили, и вот теперь мы его едим! И нет больше весёлого Сайпана, а только эти розовые колбаски на тарелке... Ну конечно, розовые - ведь Сайпан был такой розовый, когда мы его купали... Слёзы рекой катились из наших глаз и капали, капали на тарелки... Мы плакали, вскоре уже навзрыд. Плакали... и ели, потому что голод за четыре военных года вырос в нас такой огромный, что управлять им уже было невозможно. Мы плакали и ели.

"Немка"

Всем своим видом Людмила Павловна как будто извинялась за то, что она так непривлекательна. Широкое, плосковатое лицо новой учительницы, обрамлённое неумело накрученными завитушками, постоянно краснело, отчего становилось уже совсем некрасивым. Высокая и худощавая, Людмила Павловна неуверенно ходила на каблуках, её колени при ходьбе были всегда чуть согнуты, что делало её нескладной. Она была ещё молода, но даже молодость не украшала её, а вносила в её облик какую-то блёклость.

Все тридцать восемь девчонок, школьниц восьмого "Б", дружно фыркнули, когда их новая учительница немецкого языка, пройдя своей неуклюжей походкой от двери до стола, обратилась к ним с неожиданным и нелепым: "Здравствуйте, товарищи", - после чего опустила глаза и покрылась красными пятнами. Судьба бедной "Немки" была решена раз и навсегда - её никто не боялся и никто не принимал всерьёз.

Дела с немецким языком были у меня никудышными по причине несколько необычной. Мои родители, совершенно справедливо считая, что язык нужно познавать с раннего детства, наняли мне и сестре в учителя добрейшего старенького поволжского немца, сосланного в годы войны вместе со всеми бедолагами того же племени в наши края. Уроки Карла Матвеевича, которые продолжались два года, были для нас скорее забавой, чем серьёзными занятиями. Многочисленные истории из жизни нашего наставника, которые мы просили его рассказывать, не имели ничего общего с немецким языком, кроме сильнейшего акцента. Но, так или иначе, к пятому классу, когда в расписание наших школьных уроков был поставлен немецкий язык, мы с сестрой уже знали его настолько, что могли не беспокоиться о домашних заданиях. И в таком приятном бездельи провели мы три года, когда оказалось, что всё, чему нас учил когда-то Карл Матвеевич, уже забыто, а в школе мы ровнёшенько ничего не приобрели.

Появление новой учительницы, боявшейся поднять на класс глаза, давало нам прекрасный шанс, не волнуясь за наши знания, или, вернее, незнания, заниматься на её уроках чем угодно, только не немецким языком. А дел действительно было много, так как готовить домашние задания после школы было некогда. Нас прямо-таки трясла лихорадка книгопожирательства. Едва переступив порог дома, мы самозабвенно погружались в мир книжных героев и проглатывали в упоении всё, что было в наших библиотеках, как городских, так и домашних, так что на школьные задания не оста-

валось ни минуты. Но плохо учиться было просто невозможно - этого наши родители никогда бы не поняли, да и самим нам было бы стыдно. Выход оставался один - на всех предыдущих уроках лихорадочно готовиться к следующим, захватывая все перемены. Эта была трудная, напряжённая и чрезвычайно нервная жизнь. Я просто не знаю, как мы не сошли с ума от такой акробатики. Сорок пять минут немецкого языка, в течение которых мы могли готовиться к алгебре или химии почти открыто, стали подарком судьбы.

Между тем школьная жизнь катилась своим чередом, не обещая решительно ничего, выходящего за рамки скучной рутины. До нас доходили волнующие слухи о невероятных приключениях в мужских школах. С этими созданиями другого пола мы общались мало, и их "подвиги" (которые были, конечно, простым хулиганством) вызывали у нас ужас, смешанный с завистью. В нашей женской школе царствовала строжайшая дисциплина.

Чем больше было слухов, тем больше разжигалось наше воображение. Нам тоже хотелось сделать что-то дерзкое, что-то опрокидывающее понятие послушных девочек, которое нам теперь, в восьмом классе, казалось оскорбительным. Случай представился как нельзя лучше опять-таки с появлением злосчастной Людмилы Павловны. Не знаю, в чьей голове зародилась эта идея, но мы решили сыграть злую шутку с нашей "Немкой", подстать "подвигам" мужской школы и были в радостном возбуждении от сознания непозволительности того, что делаем. С энтузиазмом трудясь всю перемену, мы умудрились укрепить особым образом над классной дверью метлу, добытую в чулане уборщицы.

Прозвенел звонок, и мы замерли в ожидании. В необычной тишине класса нам слышен был стук каблуков приближающейся Людмилы Павловны. Вот она потянула дверь, сделала шаг... вся нервность класса взорвалась хохотом, когда метла ударила её по голове и свалилась ей под ноги. Дальше должно было быть что-то волнующе ужасное: появление расвирепешего завуча или, может быть, самого директора, вызов родителей, допросы, опросы, школьное собрание и наше героическое молчание. Но всё складывалось совсем по другому. Лицо и шея "Немки" покрылись красными пятнами. Своей неуклюжей походкой она дошла до стола, села и стала долго и нервно перебирать какие-то бумажки, не поднимая глаз и не произнося ни слова. Нам вдруг стало ясно - она боялась директора ещё больше, чем мы... Видимо, мысль о необходимости рассказать в учительской о метле, о смехе, признаться в абсолютном неуважении к ней учеников парализовала её. Так мы и сидели - тридцать восемь девочек и учительница - в страхе от того,

что произошло и от того, что теперь будет.

Но ничего не случилось. На следующем уроке Людмила Павловна, повернувшись лицом к доске, долго объясняла что-то из грамматики, и её, как обычно, слушали вполуха, занимаясь делами более интересными и нужными. Класс был радостно возбуждён и, убедившись в своей безнаказанности, уж совсем чувствовал себя героем.

Да, всё было хорошо, но только не для меня. Кажется, первый раз в жизни я узнала, что такое гложущая душу совесть. Я смотрела на краснеющую нашу учительницу и испытывала простую и ясную человеческую жалость. Я обнаружила, что вместо подготовки к алгебре слушаю её застенчивое объяснение немецкой грамматики и даже, ко всеобщему изумлению, поднимаю руку с вопросом. Я дошла до того, что после школы отложила любимого Джека Лондона и открыла учебник с ненавистным "Anna und Marta baden". С каждым днём становилось всё хуже и хуже. В конце концов в один из вечеров я не выдержала и пришла к отцу за судом и советом. Он был лаконичен:

- Если ты хочешь жить в мире с собой, ты должна извиниться перед этой беднягой, твоей учительницей, открыто, во время урока.

- Ну что ты, папа! Девчонки меня не поймут и будут презирать!

- Даже если тебя не поймёт и будет презирает весь класс, ты сделаешь хорошее дело, извинившись, и будешь сама себя уважать. Это в сто раз важнее. Согласна?

Конечно, я знала, что отец как всегда прав, но вот так, в открытую, перед всем классом извиняться... брр... может быть, просто забыть обо всём этом?

На следующий день, стоя перед обалдевшими девчонками и не верящей своим ушам "Немкой", я с тоской, но громко обвинила себя в совершении злодеяния с метлой, а потом самым искренним образом за это извинилась.

"Садись", - только и смогла тихо сказать мне покрасневшая до корней волос Людмила Павловна, а потом быстро отвернулась к доске, постукивая почему-то по ней мелком.

На перемене разъяренные девчонки обвиняли меня во всех грехах, но я знала, что собрала всё своё мужество, чтобы извиниться, - какая уж тут трусость, и взяла всю вину на себя - какое уж тут предательство... Я лишила девчонок волнующего ощущения равенства с мальчишками из соседней школы - вот это была правда. Но что делать? В мужской школе, говорят, учителя свирепые, их, может быть, и не жалко, а тут... Девчонки объявили мне бойкот и

презрительно отворачивали от меня носы, но на следующем же уроке немецкого языка я чувствовала себя так хорошо, что отложила в сторону "Anna und Marta baden" и стала готовиться к алгебре.

"Плесень"

В год, когда я перешла в девятый класс, в женской 37-й школе ввели новое правило: помимо школьного журнала на столе учителя лежала обычная тетрадка, куда записывались дисциплинарные замечания. Если их набиралось десять, родителям виновницы об этом сообщалось. Тетрадка эта выбрасывалась, когда все страницы были заполнены, и сменялась новой. Тоненькая и подвижная Аня Мамцова постоянно получала письменные замечания, а так как дома за это (и за всё прочее) Ане отчаянно доставалось, то каждый раз, когда количество замечаний подходило к критической цифре, тетрадка исчезала. Это всегда сходило Ане с рук.

В этот очередной раз я оказалась на перемене в классе как раз в тот момент, когда злополучная тетрадка нырнула в Анин портфель. Она взглянула на меня с вороватой улыбкой:

- Дай честное комсомольское, что никому не скажешь.
- Да ладно тебе, конечно, не скажу.
- Нет, ты дай комсомольское!
- Ну хорошо, честное комсомольское.

Начался урок, учительница поискала пропажу и, ворча что-то вроде: "Стыдно девочки, опять то же самое!", записала очередное замечание уже в новой тетрадке.

Прошла неделя. На уроке литературы вдруг резко, без стука открылась дверь, и в класс вошла директриса Вера Павловна. Выражение её лица не предвещало ничего хорошего. Девочки автоматически втянули шею в плечи. С суровой многозначительностью Вера Павловна заговорила о краже каких-то государственных документов, о том, что виновные будут найдены и наказаны. Девочки не могли поверить своим ушам - этим важным государственным документом оказалась никем не принимаемая всерьёз злосчастная дисциплинарная тетрадка. Потом Вера Павловна назвала Аню Мамцову и ещё четыре фамилии - среди них мою. Нас четверых объединяла одна особенность - мы были из "благополучных", интеллигентных семейств. Всем нам было приказано немедленно следовать в директорский кабинет. Я шла по коридору, и под ложечкой у меня противно сосало. Что всё это значит?

В кабинете директора сидел незнакомый человек. "Представитель районного комитета комсомола", - отрекомендовала его Вера Павловна. Почему райкома? При чём тут он? Всё это выгля-

дело пугающим и непонятным.

Похитительницей Аней Мамцовой, кажется, интересовались меньше всего. Настоящий допрос устроили нам четверым. Когда очередь дошла до меня, я призналась, что знаю, кто украл тетрадку, но не могу сказать, так как дала честное комсомольское молчать. С наивной глупостью моих пятнадцати лет я была уверена, что объяснение это вполне исчерпывающее, ведь все девять лет мне твердили, что честное комсомольское слово не может быть нарушено даже под страхом смерти. Мои инквизиторы оживились какой-то недоброй радостью.

Сразу же после допроса было объявлено общешкольное комсомольское собрание. Перед притихшей большой аудиторией директриса читала статью из самой главной партийной газеты "Правда" под крупным заголовком "Плесень". Газета плевалась грубыми штампами вроде "язвы общества", "паразиты на теле трудового народа" и "интеллигентская плесень" - в выражениях не стеснялись. Из всего этого оглушающего шума стало понятно, что дети профессоров обвиняются в растлении нравов в силу их "оторванности от рабочего класса и заражённости барством". "Они имеют даже отдельные комнаты в квартирах родителей", - захлёбывалась от возмущения статья. Кончалась она, как обычно кончались такого рода директивы "сверху", призывом "бороться и очищать ряды".

Наконец дело дошло до нас пятерых, понуро стоящих перед всеми учениками. Выдержав небольшую паузу, Вера Павловна с драматической твёрдостью в голосе объявила:

- Здесь, в нашей советской школе, мы допустили расцвет этой плесени, и в результате - налицо падение морали и преступление: растленной группой совершена кража государственного документа, похищена дисциплинарная тетрадь. Мы должны со всей ответственностью дать отпор этому позорному явлению. Я предлагаю исключить из рядов комсомола... - дальше перечислялись пять фамилий.

У меня закружилась голова. Мои мозги, сердце и всё моё существо были запрограммированы на абсолютную преданность и неотъемлемость от "комсомола, партии, народа". Вне этого жить казалось невозможным, исключение из комсомола воспринималось, как расстрел. Двести шестьдесят смотрящих на нас обескураженных комсомольцев думали точно так же. Нас все знали, и такой стремительный переход от лучших учеников к "преступникам" был уж слишком несуразен. Ни одна рука не поднялась за наше исключение, и было вынесено решение ограничиться выговором.

Сразу же после собрания нас повели в райком, в кабинет перво-

го секретаря комсомола, где Вера Павловна с пафосом говорила об активной борьбе школы с "плесенью" и о том, что сегодня, час назад, комсомольцы единогласно исключили виновниц из своих рядов. Я смотрела на директрису и не верила своим ушам. Трудно было представить, что такая вопиющая ложь вообще возможна, но услышать её из уст самого авторитетного лица школы - казалось совершенно невероятным.

- Всем пятерым явиться завтра для разбора дела, - сухо сказал секретарь райкома и, прощаясь, сердечно пожал руку Вере Павловне: - Хорошая, быстрая реакция на сигнал.

На следующий день мы, девочки, встретились в назначенное время у райкома. Я с удивлением смотрела на Аню Мамцову - та напялила на себя какое-то старьё и даже повязала голову козынькой.

- Что за маскарад?..

- А вот увидишь, райкомовцам это понравится!

Нас пятерых посадили в центре большой комнаты, вокруг нас разместились кольцом человек пятнадцать. Опять заговорили о "плесени". Аня была в лучшем среди "преступниц" положении, и я вполне поняла смысл её маскарада, который громко заявлял, что к растленным и избалованным детям профессоров она никакого отношения не имеет. Райкомовцы говорили с ней в каком-то даже благожелательном тоне, и она им подыгрывала, признаваясь, с выражением простушки (какой она вовсе не была), что дружит с мальчишками, "но они хо-о-рошие". Мои дела оказались самыми худшими, мой отец совмещал все пороки - он был и профессор, и академик. Правда, вот уже почти полгода он почему-то безвылазно сидел дома, и семья жила только на мамину зарплату. Мне и сестре было сказано, что, во-первых, папа болен, а во-вторых, ему надо написать книгу, собрать вместе результаты его многолетних трудов. Объяснение звучало странно, но я об этом не слишком задумывалась.

Четырёх моих подружек, в том числе и зачинщицу Аню Мамцову, в конце-концов отпустили. Мне устроили перекрёстный допрос по всем правилам криминальной науки. Я не успевала поворачиваться, мне не давали ни секунды передышки, голова кружилась от града вопросов, смысла многих я просто не понимала, наверное, потому, что моя жизнь уж слишком далека была от того криминального мира, в который изо всех сил меня пытались захватить. Когда мне, наконец, объявили: "Комсомольский билет - на стол, решением райкома комсомола ты исключена...", я поняла, что жизнь моя кончена. "Лучше посадите меня в тюрьму, я не

могу жить без комсомола", - пролепетала я непослушными губами. В комнате раздался дружный издевательский смех. Этот циничный, оскорбительный смех как будто вытряхнул меня из мягких пелёнок детства. С холодеющим сердцем я вдруг поняла, что ни я, ни моя жизнь ничего для них не значат. В душе моей что-то сломалось и ошетинилось. Я молча положила билет на стол и вышла. Я им верила, а они... тупые рожи! Рады, что выслужились, "быстро прореагировали на сигнал"!

Я шла, не видя ничего вокруг. Сердце колотилось от мысли, что я стала парией, что в один час и моя жизнь, и я сама переменялись. На душе было противно до тошноты, и не только от потери комсомольского билета, без которого ещё утром я не мыслила жить, но и от оскорбительного смеха надо мной, над моей детской верой. В какой-то мере меня утешало, что я так и не нарушила своего честного комсомольского, и каким бы смешным фарсом это не выглядело, но даже сейчас, когда я потеряла право давать это слово, оно было для меня свято.

В школе меня сразу же вызвали в кабинет директора
- Аттестата зрелости ты не получишь. Мы выдадим тебе справку об окончании школы. В институт тебя с ней не примут, пойдёшь работать.

Моя сестра ждала меня в коридоре у директорского кабинета и крепко обняла:

- Я знаю, что ты не сделала ничего плохого и никогда не сделаешь. Я тебе верю, абсолютно верю!

Вечером дома новость об исключении приняли молча. Я ожидала, что отец, который всегда был моим защитником, заступится за меня, добьётся правды. А он ничего не сказал, только брови его сурово насупились. И невдомёк мне было, что беда нависла над всей семьёй, что мой отец, лишённый всех его должностей, званий и регалий, ждал суда, который по заведённому страшному стандарту неизбежно поставит на нём клеймо "врага народа" и приговорит... к тюрьме? К ссылке?

Тусклые зимние месяцы тянулись долго. Днём в школе я чувствовала себя отщепенкой, ночью мысли о закрытом для меня пути в любой ВУЗ мучили дурными снами. Мне страшно было думать о будущем: без университета оно не имело никакого смысла. Спасали книги, я проглатывала одну за другой и дома, часто вообще не готовя уроков, и в школе, прижимая книгу к щеке в парте и не слыша, что происходит в классе. Я читала даже

ночью под одеялом с фонариком.

В марте умер Сталин. Как и все вокруг меня, я была потрясена. "Что теперь будет, как жить, если Сталин умер?" - написала я в своём дневнике и кинулась к отцу с этим же вопросом. Он опять удивил меня своей сдержанностью, обнял за плечи и ответил, не объясняя: "Может быть, всё станет на свои места. Всё будет хорошо". Я не видела в нём никаких признаков скорби, охватившей всю страну, и это меня совсем обескуражило.

В апреле солнце светило уже во всю свою южную силу. Мне невольно хотелось верить словам отца, что всё будет хорошо. И похоже, что это хорошее началось, потому что на перемене директорша подошла ко мне и сказала: "Поддай апелляцию в райком, ведь через год нужно получать аттестат!"

Сердце моё стучало, как бешеное, когда я протянула секретарше, сидящей в приёмной за окошечком, написанную просьбу о пересмотре моего дела. Та взглянула, и вместо того, чтобы положить в папку "На рассмотрение", открыла ящик конторского стола и, пошарив среди какой-то ерунды, протянула мне мой комсомольский билет: "Твой, что ли? Забирай!" Вот так просто, без выяснений, без комиссий, как будто это был не важный документ, а какая-то... дисциплинарная тетрадка. Райком "быстро прореагировал на сигнал", и я ему больше была не нужна. Да и времена переменились... А вскоре после этого отец со счастливыми блестящими глазами обнимал меня, сестру и маму - он был реабилитирован.

Маргарита Борукаева - доктор наук, много лет проработала в Институте химической физики (Москва, Черноголовка). В 1981 году эмигрировала в США. Подтвердив ученое звание, занималась научной деятельностью в области генной инженерии и руководила исследовательской группой в Милуоки, Сарасоте, Рочестере. Распрощавшись с генетикой и биохимией, переехала в Денвер, где у нее появилось время писать. Ею изданы стихи "Странички одной жизни", изд. "Фарманта", рассказы (на английском) в журнале "New Authors" (2002, 2003, 2004), сборник повестей и рассказов "Убегают вдаль дороги", изд. "Радуга", 2005 и сборник "Долгая дорога в Канзас", изд. "Аграф", 2008.

Маргарита Борукаева также периодически публикует стихи и рассказы в русскоязычных газетах разных городов Америки.

ИРИНА СЫСКИНА

ОЗЕРО ЛЮБВИ

*Не плачь, потому что это прошло,
Улыбнись, потому что это было.
Сервантес*

У меня есть два часа, сделаю несколько набросков. Какое удивительное озеро! Красный ржавый цвет кипарисов и зелень бамбука завораживают, но это не мое. А вот серый уголок озера потрясающий. Серый - мой любимый, а здесь интересная возможность показать все оттенки. Какой размытый акварельный цвет! Дымка, туманность, как это передать? Мягкость и печаль обнаженных деревьев. Застывшая красота. Грустный мостик. Стив опять упрекнет в депрессивных настроениях, но я ничего не могу поделать. Цвет одиночества и гармонии, всего лишь фон...

Сегодня прохладно. Хорошо, что взяла термос с кофе. На другом берегу парочка, он в длинном черном пальто, она - в красном. Как он на нее смотрит! Еще бы, она такая красивая! Если бы Стив на меня так смотрел и слушал! У меня ни фигуры, ни лица. Меня создали из остатков, сложили наспех кое-как, а в конце приделали громадный нос. Ингрезовскую фигуру я успешно прячу под тряпками, нос не спрячешь. Мне нужна пластическая операция, тогда моя жизнь изменится. Приезд в Америку, конечно, был ошибкой, не нужна я Стиву. Так, удобна для совместного проживания и оплаты ренты.

Рыжая красавица все рассказывает, а тот, в черном, само внимание, идеальная пара. После прогулки пообедают в дорогом ресторане, вернутся в шикарный дом с камином, будут пить вино, он будет гладить ее руки, целовать губы. Потом они будут занимать-

ся любовью, красиво и нежно. Почему-то кажется, что любовь у красивых людей должна быть особенной. Я хочу быть красивой!

Она фотографирует озеро, ей оно тоже нравится. Остановились на мосту, смотрят на воду. Они в моем пространстве, в моей картине. Боже, а что если их нарисовать? Пусть хоть раз серый цвет послужит фоном, красный его смягчит, сделает картину теплой. Потрясающе! Я назову картину "Озеро любви".

"Джой, может, попробуем еще раз?"

"Зачем?"

"Понимаешь, я встречался со многими после тебя. Сволочи в большинстве. Всем нужны мои деньги и мое положение".

"Боишься за капиталы? Но ведь того, что мне надо, у тебя нет. Поздно, поезд ушел, я теперь другая. Та, забытая дурочка, в прошлом. Все пять лет я задавала вопрос, зачем ты живешь со мной? Только меня это больше не волнует.

Извини, ловлю мгновенье. Озеро потрясающее, посмотри, какое оно разное. Вот здесь - царство ржавых кипарисов. У них корни выступают как маленькие гномики. А вот просто спрут какой-то, как причудливо сплелись корни!

Обойдем озеро вокруг. Я хочу сфотографировать все его берега. Вон там, на противоположном, зеленеет молодой бамбук, целая рощица. Серый мостик просто сказочный, да и весь берег в какой-то дымке, серые облетевшие деревья. Как жизнь человеческая: зелень бамбука, роскошь кипарисов и мертвая красота голых деревьев.

Извини за отступление. Не могу не фотографировать".

"Джой, давай начнем сначала. Ты, кстати, потрясающе выглядишь. Рыжий цвет тебе идет".

"Что я слышу, ты ли это? Первый в жизни комплимент. Раньше я никогда не могла тебе угодить. Плохая хозяйка, плохой вкус, плохой секс, что же остается?"

Боже, как я старалась! Я постигла вершины кулинарного искусства, чтобы накормить тебя чем-нибудь особенным. Я хотела быть единственной и неповторимой. Я шила сногшибательные платья, убивавшие всех, кроме тебя...

Помнишь серое, мое любимое? Как мне не терпелось его надеть! "У тебя что, нет ничего другого?" - твоя милая реакция. Я все равно пошла в сером, правда, в отвратном настроении. Дамы были в восторге от моего платья. Кэт предлагала за него любые деньги. Кстати, как насчет Кэт? Она тоже была твоей любовницей?"

"Джой, ты в своем уме?"

"Майкл, брось, я все знаю, хотя и не говорила с тобой об этом.

Все вокруг знали и молчали, не хотели меня огорчать. И это был ты, изводивший меня своей ревностью?

Однажды твой отец сказал мне: "Если Майкл будет тебя обижать, скажи, я с ним разберусь".

Твои родители, простые фермеры... Ты не хотел меня знакомить с ними. Вы были такие разные, мне кажется, они не понимали и даже боялись тебя. Ферма, лошади и табак тебя не интересовали. Помнишь, ты уехал с фермы на следующий день, сославшись на дела? А мне там понравилось. Мать чудесно готовила, отец научил меня ездить на лошадях. Короче, идиллия. Но потом произошло ужасное. Отец напился и гонялся за матерью с ножом. Он тоже ревновал ее к соседу. Я поняла, почему ты не пьешь. Прячешь свое я, ты удивительно спокоен и выдержан, но внутри тебя отец с ножом.

Я не хотела жить как твоя мать...

Ты пришел поговорить со мной, а говорю как всегда я. Правда, сейчас ты, по крайней мере, слушаешь. Ладно, хватит. Давай лучше наслаждаться красотой, а не ворошить прошлое.

Посмотри, вон там художница рисует озеро. Как я ей завидую! Ну ничего, может выкрою время для рисования в следующем году.

Вот и бамбуковая рощица. Подожди, я зайду в нее, желто-красные листья просвечивают меж зеленых палочек бамбука. Я знаю, что раздражаю тебя своей непоследовательностью, скачу с фотоаппаратом. Но мне хочется, я уже больше не думаю о том, чего хочешь тебе".

"Джой, только одного: давай попробуем!"

"Майкл, все уже было, пробовали. Забыл, как ты ушел от меня в первый раз? Помнишь меня, сумасшедшую, бродящую вокруг этого озера? Ты был спокоен и не объяснял ничего. Ты просто взял и уехал, оставив меня одну. Только озеро и знает, что я пережила. Так вот, я была тогда беременна, и у меня был выкидыш".

"Почему ты не сказала мне об этом? Я не знал..."

"О чем? О беременности или о выкидыше? Вопрос, почему ты вернулся? Я думаю, тебе не понравился букет, он был слишком большой и дорогой. Я не была нужна тебе, но и отдать меня кому-то ты не желал. А я была тогда слишком слабой, и мне было все равно. Я видела, ты пытался, мы даже впервые отдыхали вместе. Но что это был за отдых! Мучение.

Что ты обо мне знаешь? Мой любимый цветок, время года, духи, книги? Когда мне было хорошо, тебе всегда было плохо, ты не мог видеть меня счастливую, танцующую с кем-либо. И потом, я

смотрю на жизнь не так пессимистически, как ты. У тебя жизнь - борьба, а я не хочу бороться.

У меня мало времени и много желаний, но моя жизнь интересна, я люблю то, что делаю, я счастлива. Помнишь наши проблемы с деньгами? Я точно жила с тобой не из-за денег, ты мне их просто не давал. Сейчас у меня нет проблем с деньгами".

"Джой, у тебя кто-то есть?"

"Какое это имеет значение? Да, у меня есть кот Майкл. Помнишь, как я хотела кошку? Ты был категорически против. Мой Майкл меня любит и ждет дома, он ничем не огорчает меня, зато я получаю море любви!

Вот мы и сделали полный круг, давай постоим на мостике. Круги на воде. Наверное, рыбки. Я люблю смотреть на воду, успокаивает".

"Джой, ты с кем-нибудь встречаешься?"

"Да, у меня есть друг, но я не спешу. Нам хорошо вдвоем. Тайком от меня он даже строит мой дом-мечту. Я узнала случайно".

"Но ведь ты не любишь его?"

"Почему ты так думаешь? Уверен, что люблю только тебя? Не будем углубляться. Любовь, она ведь разная.

Всё, я еду домой. Пожалуйста, убери руку с моего плеча. Больше не действует! И все-таки спасибо за урок. Без тебя я, наверное, не стала бы той, что я есть. У нас все еще будет, только у каждого свое. Прощай, Майкл!"

Выйдя из ресторана, Майкл решил пройтись по выставкам, последняя пятница - время вернисажей. Картины его не интересовали, только возможность случайно встретиться с Джой.

В первой галерее сидели синие от холода голые манекенщицы, позируя нескольким художникам. Процесс в чистом виде. Майклу зрелище не понравилось, манекенщицы старые и вызывали только жалость. Во второй галерее было трудно пройти, организаторы не поскупились на вино и закуски. У окна, слева висела только одна картина. Майкл не верил глазам: озеро, мостик, он и Джой. "Озеро любви", Франческа Бернини. Он долго искал в толпе владельца галереи, решил купить картину, чего бы она ни стоила. Это будет подарок Джой.

"Картина давно продана. Она здесь на выставке", - сообщил владелец.

"Могу ли я хотя бы встретиться с художницей?"

"Нет. Она умерла год назад. Вон там стоит ее автопортрет. Правда, красивая? Такой она себя представляла после пластичес-

кой операции. Её огромный нос не давал ей покоя. Она продала картину с озером и сделала пластическую операцию. Заражение крови, короче, не стало ее. Странная была девочка, талантливая. Да вы сами посмотрите, вон там дальше висят ее картины Венеции: каналы, гондолы, дома и ни одного человека. Цвет только серый. Да, картина "Озеро любви" необыкновенная, такое начало! Жалко девочку!"

Ирина Сыскина приехала в США в 1994 году из Новосибирского Академгородка. Печаталась в журналах "Вестник", "Другие берега", "Чайка" и других изданиях.

Выпустила книгу "Магазин". Скоро выйдет в свет ее новый сборник рассказов "Кролик в белых перчатках" (рассказ "Озеро любви" из этого сборника).

ПАВЕЛ ГРУШКО

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Теорема *1960*

В жизни - как в теореме:
дано - некое время.
Докажи -
        что живешь безо лжи.
Эту задачу решают все сами,
она - не из новых.
Это экзамен.
Без переэкзаменовок.

Мольба *1965*

С экрана неба, ближе к ночи
спадает света пелена,
пожаром звёздных средоточий
земная глушь ослеплена.
Пока ещё в разгаре сборы
тех, что в залунный мир умчат,
Земля, уйми земные споры,
утихомирь драчливых чад.
Здесь хватит всем стихов и хлеба,
наш разум не смертельно хвор.
Какая блажь, - в просторы неба
мести наш непотребный сор.

Репортаж с карнавала *Гавана, февраль 1964*

К вечеру,
как пёстрый вал, -
Его Горластое Величество,
Его Несметное Количество
Карнавал!

А пестро на Карнавале,
словно нитку бус
порвали!

На запруженном Прадо
музыкальный винегрет.
Всё начинается с парада
феерических карет.

Первая карета -
Королевы трон:
водопады света,
барабанов гром.

Карета вторая -
оркестр на сорок душ -
дёргается, играя
сатанинский туш!

А карета третья -
сплошное междометье!
Изнутри светится,
вся из стекла,
танцовщица вертится,
как юла:
сама в себя одета,
смуглота сплошь,
(вашего корреспондента
продирает дрожь!),
эпицентр танца
в области живота,
руки в небо тянутся,
ноги - два хлыста!

прошу тебя, со мною
побудь ещё!

3
Остановись мгновенье,
не улетай во тьму!
Тебя я у забвенья
навек отниму!

4
Ну, куда ты спешишь, Время?
У тебя ещё есть время.
А его у меня
всё меньше день ото дня, -
моё время убывает всё время.

5
Ни секунды Время не вернёт.
Что прожито, не прожить опять...
Время движется вперёд,
память -
вспять...

Вина *1989*

Зверя, он так искусно его убивал,
при этом оставлять в живых его не забывал,
чтобы корчился от боли до самой старости
или сам повесился от болевой усталости!..
Просыпаясь, ужасался кровавому сну,
свою ненависть ставил себе в вину,
и к Богу взывал: "Больше так не могу!
Боже, верни мне состраданье к врагу!"

Песенка летописца

или

Апология истории *2005*

Леониду Полякову

Память - шумное создание,
поученье, назиданье
для грядущих дней,
смутный слух о том, что было, -
столько страсти, столько пыла
поначалу в ней.

Вот уж милая простушка:
что нашепчут ей на ушко,
то и запоёт.

Много хитрого народца
возле Памяти толчётся,
свой совет даёт.

Каждый встречный хочет Память
подманить и прикарманить,
навязать свой взгляд,
чтоб она напропалую
гомонила аллилуйю
тем, кому велят.

Учат Память - что забыть ей
из ненадобных событий,
и наоборот -
что раздуть невероятно
из того, что, вероятно,
подбодрит народ.

А бывает и похлеще,
наплетут такие вещи, -
со стыда помрёшь.
Упражняясь в словоблудье,
призывая Память в судьи,
обеляют ложь.

Так неужто я, чьё дело -
бальзамировать умело
Память на века,
не могу, искусства ради,
коё что подправить, сгладить,
приодеть слегка?!

Между не сказанным и несказанным 19 апреля 2008

Леониду Перловскому

Между не сказанным и несказанным
мается что-то болью немой:
в мокром саду - седовласым туманом,
в старом колодце - влажною тьмой.

Этот поток мысленосный - из тлена?
Это беззвучье - из будущих дней?
Что домогается ночью и денно
необязательной речи моей?

Слово, безмолвного таинства милость,
молвиться хочет, рождения ждёт.
Это безмолвье - для мысли на вырост.
А и не скажется - не пропадёт.

Павел Грушко - поэт, драматург и переводчик, автор трех книг стихотворений - "Заброшенный сад", "Обнять кролика" и "Между Я и Явью". Его стихи в переводе на испанский опубликованы в Испании, Мексике и Перу отдельными сборниками. Лауреат золотой медали по жанру поэзии "Альберико Сала" (Италия). Широкую известность приобрела одна из его восьми пьес в стихах - "Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты" по мотивам Пабло Неруды.

Перу Павла Грушко принадлежат многочисленные переводы с испанского и английского (Гонгора, Кеведо, Кортасар, Борхес, Гильен, Неруда, Оден, Уилбер и др.). Автор проекта "Trans/формы" (теория и практика художественного перевода как метод преобразования в разных жанрах искусства). Член Союза писателей Москвы.

Живет в Бостоне (США).

ВЛАДИМИР ШУЛЯ-ТАБИБ

УОЛДЯ

*Когда Бог хочет наказать человека,
он исполняет его желания.*

Арабская пословица

"Скотч" обволок мягкой ароматной пеленой, ненавязчиво потянул в никуда.

Где-то внизу остался мир: пестрое "было", серое "есть" и какая-то пустота вместо "будет".

И они снова пьют вдвоем: он и тот, который в зеркале. За несколько лет в Нью-Йорке они успели привыкнуть друг к другу, даже к тому, что их в разное время дня и зовут по-разному: утром на работе Уолтер, а вечером, дома, Володя. И смотрит из зеркала некий Уолдя, ни на одного из них не похожий. Володя, скажем, никогда не пил в одиночку, а Уолдя чаще всего именно в одиночку и пьет.

Жил когда-то в незапамятные времена и за тридевять земель отсюда поэт-романтик Володя, Вовка, учился в математическом 10-а, и было у него много умнящих и славных друзей. Теперь в Нью-Йорке живет жизнерадостный веселый толстяк Уолтер - таким его знают на работе. И только иногда, в часы одинокой пьянки, из зеркала хмуро глядит отставной майор воздушно-десантных войск Владимир - жесткий, временами жестокий тип, в Афгане и Чернобыле растерявший юношеские иллюзии. Недоверчиво, недобро глядит на мир отставной майор.

Но это иногда. А вообще-то все трое: Володя, Уолтер и Владимир - мирно уживались в Уолде и редко конфликтовали меж собой. У каждого были свои заботы, свои часы для раздумий, и только пили

они всегда вместе. Случалось и грызлись при этом.

Человек из зеркала, хотя и умный, каким ему положено быть, друзей однако заменить не мог. А они все остались там. Многие, правда, еще дальше, чем там, уже нигде. Ну, приятели, конечно, есть и здесь - "гайс, баддис", то есть, они ничего толком не знают о тебе, ты столько же о них. Здесь не принято распахивать душу на ширину кухни и пускать туда кого ни попадя. Хау ар ю? Гуд, хаваем помаленьку. И все о'кей, и Боже тебя упаси с кем-то делиться своими проблемами или лезть в чужие. У каждого есть свой чирий на заднице, но снимать штаны и демонстрировать его всем необязательно.

Целыми днями, в любую погоду-непогоду, хмурый майор и веселый толстяк-шофер колесили по улицам и закоулкам Нью-Йорка, к вечеру приползали домой, чтобы неспешно выпить стакан "скотча" и забуриться спать. А утром снова туда, на улицы, где машин больше, чем людей.

И вдруг однажды солнце взошло на западе - приехала Она, его первая, еще школьная любовь, его Люська. Впервые это солнце вспыхнуло 35 лет назад - и все вокруг заиграло, засветилось. А потом... потом он уехал в Питер, солнце зашло за тучку, затерялось в питерских туманах. Но, оказывается, не погасло, только понял он это через многие-многие годы.

Все было в эти годы: Военно-медицинская академия, Ленинград с театрами, музеями, барами, а потом война в Афгане, Чернобыль, другие женщины - одни на годы, другие на неделю-две. Друзей с годами становилось все меньше, как в песне Галича, они уходили "одни в никуда, другие в князья". В никуда - больше. И родные уже все в США, и у самого билет в кармане туда же. В родном городе еще осталось двое школьных друзей, заехал проститься с ними. Сидели, грустно пили водку, и вдруг - звонок.

Она! Через четверть века - она, Рьжик, Люська, единственная его девочка. И какое это имело значение, что ей давно за сорок, что многовато у девочки морщинок - он их не видел, она была все той же, что в палатке над тихой лесной речкой двадцать пять лет назад. Она тогда спала, а он смотрел на ее лицо с золотистым пушком на щеках и не мог решиться ее поцеловать, робел. А она только притворялась спящей и злилась на его недогадливость и робость...

Спит она и сейчас, рядом, тихонько посапывает. Уже давно спит. Целыми неделями - снотворные и морфий спасают от диких болей. У нее свирепая меланхолия, с метастазами. Она знает об этом, но еще надеется, верит в Бога, в своего ангела-хранителя. И еще верит в него, своего Вовку, в его врачебное могущество.

Но он, повидавший смерть во всех обличьях, он-то точно знает, что надеяться уже не на что. Знает, но не хочет поверить, что Господь, в которого верит она, столь жесток и коварен: через столько лет помог им встретиться, помог получить американскую визу, когда многим отказывали, а ей дали, - словом, помог Господь вернуть любовь, но всего на два года! Причем второй - уже с тяжкими муками, госпиталями, отчаянием, надеждами на чудо.

И вот уже не осталось ничего, кроме мучительного ожидания конца. Держаться самому и поддерживать в ней надежду, а когда она уснет, глотнуть виски и постараться уснуть. Хотя бы часика на три-четыре, иначе не продержаться. Завтра - 14 часов крутить баранку по Нью-Йорку, продираться в уличных потоках, как в байдарке по порожистой реке. А до этого Люсю покормить, переодеть, перестелить ей постель, довести до туалета, пока еще она сама, вцепившись в тебя, может переставлять ноги. И пока она свято верит, что слабость только от лечения, от проклятой химии. И постоянно дочку вспоминает, Светку, что в России осталась с бабушкой.

Господи, не дай сойти с ума! Какой болван придумал, что ад - это раскаленные сковородки, смола, пламя? Чушь собачья! Ад - это, когда твоя любимая медленно умирает, а ты бессилен и еще должен шутить, улыбаться, не давать ей впасть в депрессию, а потом спешить на работу и там тоже шутить, тоже улыбаться - в Америке не принято плакать на работе. Они, американцы, нормальные люди и все понимают, и сочувствуют, и готовы помочь. И, конечно же, помогут. Когда придет пора хоронить. Скинутся, кто сколько может, и помогут. Но сейчас никто тебе помочь не может, поэтому шути. Улыбайся изо всех сил. Улыбайся, черт тебя подери, ты ведь уже американец!

- Водку ты уже разлюбил - стареешь, приятель. Хотя в молодости выпил не меньше цистерны.

- Водка бьет по голове, - возразил он человеку в зеркале, - вытаскивает наружу подозрительность, злобу, агрессию. А утром болит голова.

- Согласен, - кивнул человек в зеркале и назидательно поднял палец: - Пей "скотч", только не бери дешевку!

- А я что пью? - обиделся Уолдя. - Еще скажи, что пить надо маленькими глоточками, только со льдом и неразбавленный. Болтун ты, братец!

Человек в зеркале кивнул и отвернулся.

Уолдя допил стакан и провалился в сон.

...Когда он открыл глаза, то долго не мог сообразить, где он: пески, барханы до самого горизонта, южная ночь - черная, густая, с яр-

кими звездами - картина, знакомая по Афгану. А он хорошо помнил, что засыпал в Нью-Йорке! И лежит он на большом плоском камне, еще не успевшем остыть от дневного солнца. Неподдалеку журчит ручей, и это странно: барханы - и ручей, а кругом ни травинки, кроме сухой верблюжьей колючки.

- Здравствуй, Владимир! - прошелестело слева: откуда-то из ничего соткался невысокий лысоватый человек весь в сером: недорогой, но аккуратный костюм, такой же неброский галстук, голубоватая сорочка - явно клерк из какого-то офиса, нигде от этой чиновничьей братии не скроешься, и в пустыне достали.

- Здравствуйте, - неприветливо ответил Уолдя, - только я что-то не припомню, чтоб мы были знакомы! Вы насчет страховки или...

- Или, - улыбнулся незнакомец и ткнул пальцем в небо. - Я откуда, из Бюро жалоб и молений четвертого подотдела сектора Информации.

- Вот даже как! - округлил глаза Уолдя, но почему-то не удивился, хотя никогда прежде не задумывался о том, что там, на Небесах, что-то или кто-то есть, тем более чиновничий офис со всякими бюро, отделами, секторами, подотделами.

- Именно так, - подтвердил незнакомец. - В нашем Бюро зарегистрировано несколько твоих обращений к Богу. Кстати, весьма невнятных. К тому же ты у нас на учете как бывший коммунист и, значит, официальный безбожник. Чего же ты хотел от Бога?

- А вы, стало быть, его посланник? - насмешливо прищурился Уолдя.

- В определенной степени, - усмехнулся незнакомец. - Бог занимается проблемами глобальными, а всеми прочими делами занимаемся мы, Небесная Канцелярия.

- И у вас бюрократия, - вздохнул Уолдя.

- А как же! - учительским тоном сказал незнакомец. - Есть только два способа управления человечеством: военно-полицейский и мирно-бюрократический. Других, увы, Бог придумать не смог.

- Ну вот, - разочарованно протянул Уолдя. - А пели: каждый человек - Вселенная, каждый уникален, неповторим! Для бюрократа же все мы всего лишь некие условные единицы!

- Вы себе льстите: в массе все вы очень даже повторимы! Ибо люди не изменяются, какими были во времена египетских фараонов, такими и остались. Отдельные гении не в счет, речь ведь о массах! Итак, чем же ты недоволен?

- А с кем все же я говорю? Конкретно?

- Я младший эксперт отдела сбора информации по личным вопросам, ангел восьмого класса.

- Восьмого класса? - переспросил Уолдя. - Это что, чин, равный майору? И я майор. Ну и чего ты от меня хочешь?

- Я? Это ведь ты жаловался Богу. Мне поручено разобраться. Слушаю тебя внимательно. Чем ты недоволен?

- Да всем! Что я такого Богу сделал, что он мне всю жизнь поломал?

- Ты что-то путаешь, человеке: Бог, наоборот, исполнял твои желания, причем точь-в-точь как ты просил.

- Ну, ты! - вскочил Владимир. - Мне плевать, какого ты там класса ангел или черт, но у меня умирает жена, самый мой любимый человек, всё, что у меня есть, а ты хочешь сказать, что это я просил Бога убить ее? Ты соображаешь, что несешь, пидор небесный?!

- Лаешься, как прапорщик, а еще майор! - поморщился незнакомец. - Даже стойку боевую принял, вояка, а я ведь дух бестелесный, забыл? Садись и вспоминай, напряги свои извилины и вспоминай! Ну? Юность, юность припомни, как с другом своим читали Ремарка. Вспомнил? Как мечтали о девушке, похожей на Патрицию Хольман? Ну, а разве твоя Люся была не такой? Отвечай: не такой?

- Лучше! - почти крикнул Уолдя. Немного остыв, добавил: - Ты понимаешь... Она не такая, как все бабы. Они все, сколько я их знаю, норовят как-то сломать тебя, перекроить на свой лад, слепить что-то подходящее под их идеал или, вернее, под их представление об идеале. А она - нет! Нету таких во всем белом свете. Понимаешь, нету!

- Знаю. Она любила тебя таким, каков ты есть, со всей твоей гусарской придурью, любила с юности и всю жизнь, только ты оценил это... через столько лет! Так при чем здесь Бог?

- Оно так, - вынужден был признать Уолдя. - Но ведь понял же, оценил! И чудом выгтащил ее сюда, в Америку. И мы были счастливы! А твой Бог...

Уолдя отвернулся, чтобы незнакомец не увидел его слез.

- Вот-вот! Чудом он ее, видите ли, выгтащил! Ты просил, Бог услышал твою мольбу, вот и все чудо. И чем же ты недоволен? Ты хотел Патрицию - ты получил ее. Только почему-то забыл, что Патриция Хольман умерла от туберкулеза на самом пике их любви. Когда ты просил о Патриции Хольман, именно этого ты не учел. Роберт Локамп, который тебе тоже очень нравился, через два года похоронил свою любимую - будь готов и ты к тому же! Таковы правила игры.

- Правила игры? - снова взорвался Уолдя. - Для вас это игра? Все наши радости и горести - всего лишь игра?

- Игра, - подтвердил незнакомец. - Сценарий сочиняете вы сами,

мы скрупулезно исполняем ваши просьбы, ну а то, что спектакль редко получается таким, как был задуман, это уж не наша вина.

- Ладно, я понял: два года были predetermined. Но разве мы не могли эти два года прожить чуть-чуть иначе, чем вы дали нам? То, что я врач и неплохой, между прочим, врач, а здесь работаю шофером - это тоже я выпросил? Это тоже исполнение моих желаний?

- А как же, мой френд? - незнакомец явно издевался. - Твой любимый Роберт Локамп любил свою Патрицию, однако шастал с друзьями по кабакам, играл проституткам на пианино, кстати, и у тебя это неплохо получалось, - и работал таксистом, и автомехаником, и тоже порой сидел без гроша в кармане. Все это ты также получил, не так ли? К тому же, в детстве ты мечтал стать шофером? Осуществляются мечты!

Уолдя кивнул. Что есть, то есть, но не об этом же речь, не это главное, чего этот тип увиливает от главного?

- Ну, а то, что в Америке ты не стал врачом... Помнишь старый анекдот? Один еврей пожаловался Богу, что вот-де он соблюдает все заветы и предписания, а награды никакой, ну дал бы разочек выиграть в лотерею, что ли. На что Бог ответил: "Для этого хотя бы купи билет!" Так и ты: ты хоть раз пытался сдать экзамен?

- Я знаю мужиков, которые всё сдали, а место в резидентуре годами получить не могут! И они помоложе меня. Чего ж зря силы тратить?

- Ну, а вдруг? Это ведь их судьба, а у тебя разве не могло быть иначе? Предъявляешь претензии Богу, а не самому себе!

Уолдя не ответил. Вытряхнул из пачки сигарету, чиркнул зажигалкой, глубоко затянулся. Струйка дыма потянулась в сторону незнакомца, прошла сквозь него и растаяла. Уолдя потряс головой - видение не исчезло.

- Положим, до сих пор ты был прав, - наконец, выдал он. - Правда, как-то крохоборно, не по-людски.

- Так я же и не человек!.. Твой ангел-хранитель дал мне официальную справку о том, что он для тебя сделал. Вот она, смотри!

В его руках появился листок с большой, тиснутой золотом гербовой печатью.

- Ты, помнится, мечтал о подвигах, о славе? В Афган, правда, не напрашивался, но если бы тебя не пустили, оскорбился бы, не так ли? Твоему ангелу-хранителю пришлось-таки потрудиться! Отделался ты легким ранением и заработал две медали - а сколько твоих друзей полегло там или осталось калеками? Так что не ропщи. Ну, а что вместе с наградами довелось наглотаться всякой грязи и мерзости, так ведь это неременное приложение к любой войне...

А сколько раз твой ангел-хранитель спасал тебя здесь, в Нью-Йорке? И когда ты от усталости дважды заснул за рулем, и когда вдрызг пьяный ехал с какого-то юбилея - это ведь он и никто иной не дал тебе разбиться и не попасть в лапы копам! Ну?

- Сдаюсь, - поднял руки Уолдя. - Похоже, я дурак, каких поискать. Есть же у американцев пословица: "Не ездите быстрее, чем твой ангел-хранитель летает". А я ездил...

- Наконец-то.

- Слушай, а могу я в последний попросить Бога? В последний раз, а там уж что будет, то будет, а?

- Попробуй, - усмехнулся незнакомец. - Бог редко кому отказывает.

- Боже милостивый! - Уолдя молитвенно сложил ладони. - Пожалуйста, дай ей пожить еще немного, хоть чуть-чуть! Ну, пожалуйста, что тебе стоит! Она такая добрая, хорошая, я люблю ее, Господи!

- Я передам твою мольбу. Не сомневаюсь, что и это твое желание Господь исполнит! - кивнул незнакомец и грустно усмехнулся: - Хотя, боюсь, человече, ты опять ничего не понял!

Уолдя растерянно хотел переспросить, но видение исчезло, он оставался один в бескрайней пустыне, и только барханы, барханы до самого горизонта и огромная луна над ними.

Он проснулся от прикосновения. Люська сидела рядом, гладила его по руке. Химиотерапия и гормоны сделали ее лицо одутловато-круглым, она облысела - и все равно самая чудесная, самая-самая.

- Проснулся? А я вот сижу и думаю, как хорошо, что ты у меня есть!

- Как себя чувствуешь, Рыжик?

- А знаешь, лучше, много лучше! - Она вдруг нахмурилась. - Пока не забыла... Пообещай: когда я умру, ты дочке моей Светке помогать будешь. Поклянись!

- Ну что ты, Люсь, о чем ты? Не умирай раньше смерти, тебе ведь уже лучше, все будет хорошо!

- Ну, а если... Если все же?

- Ну, конечно, не оставлю...

- Ну и хорошо, милый, спасибо! Что-то я немного устала. Давай чуток поспим.

Они еще немного пошептались и уснули.

Она умерла во сне...

...Ранним утром выходного дня, когда город еще спал, Уолдя поехал на кладбище. Машин на хайвэе было немного, и до кладбища он домчался за двадцать пять минут, хотя оно было и неблизко, миль тридцать.

Проходя по аллее, Уолдя невольно вглядывался в даты на памятниках. 73 - куда ни шло, а вон там аж 85. К Люсе Господь оказался куда менее милостив.

Памятник был еще не готов, пока из дерна торчала временная табличка.

Уолдя поправил табличку, положил рядом цветы, присел на сложенные неподалеку доски, закурил.

Подумал: видно, не дошла до Бога моя последняя молитва, не успела.

- Прости, Рыжик, что нечасто бываю: работа сумасшедшая. А со Светкой твоей все в порядке: замуж собирается за хорошего парня. Я ей звоню каждую неделю, помогаю, чем могу. Вот так и живем...

Набежавшие слезы заволокли все туманом, он не вытирал их, ту-по повторяя "так и живем... так и живем... так и живем...".

Скорбная статуэтка на недалекой могиле вдруг приблизилась и, казалось, увеличилась в размерах, уже можно было различить строгий, направленный куда-то в пространство взгляд.

- Это ты, Господи? - тихо спросил Уолдя. - Что ж ты моей последней просьбы не выполнил? Не так уж много я просил, верно?

- Ты опять неправ, - откуда-то из пространства зазвучал негромкий голос. - Ты просил дать ей пожить еще чуть-чуть. Я дал. Восемь часов, но семь из них ты проспал.

- Разве я восемь часов имел в виду? Ты же всеведущ, ты не мог не понимать, что я просил! Почему ты оказался таким скупым, почему уцепился за нечаянное слово "чуть-чуть"? Ты же понимаешь, что такое любовь...

- Я живу в вечности, и понятие "чуть-чуть" для меня не существует. Восемь часов или восемь веков - все это "чуть-чуть" в сравнении с вечностью. Я всего лишь в который раз исполнил твою просьбу. Могу и сейчас помочь, если нужно. Помочь?

- О нет, с меня хватит! Спасибо тебе, Господи, ты поистине щедр! Но мне от тебя больше ничего не надо! Ни-че-го!

Владимир Шульман (литературный псевдоним Владимир Шуля-Табиб) родился в Белоруссии. Закончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Служил в десантных войсках в Средней Азии и Афганистане. Работал в Чернобыле по ликвидации последствий техногенной катастрофы.

В США с 1994 года. Автор двух повестей и десятков рассказов, опубликованных в СССР, США, Канаде, Израиле.

ВИКТОРИЯ ЛЕГЕЗА

ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ?

- Что происходит на свете? - спрашивает она. Что-то хрипит и клочечет в телефонной трубке. Я смотрю в черное непроглядное окно и вижу заснеженную ветку в мертвенном свете фонаря. На минуту все озаряется синими вспышками - деревья в снегу и синагога "Сыновья горы Синай" на другой стороне улицы. По мостовой с ревом пролетает пожарная машина. Завывание сирены заглушает шум в трубке. Мы не говорили с ней с прошлого года.

- Зима, - отвечаю я, когда все затихает.

- Зима? - задумчиво повторяет она на другом конце провода и в голосе ее слышится недоверие. - Ты полагаешь - это зима?

- Полагаю... Вчера выпало шесть дюймов снега. Минус двадцать по Цельсию и ледяной ветер с озера. Если это не зима, то что же?

- А у нас - миндаль цветет под окном, и ветер горячий из Сахары... Знаешь, восход такой нежно-розовый, и облака закрученные, как страусовые перья. Приятно, когда воскресенье начинается таким восходом.

- У нас еще суббота, и ничего не начинается. Глубокая ночь. Ты звонишь из завтрашнего дня и не даешь мне спать. Ты вообще не существуешь! Мираж и дым..

Она хихикает, и в трубке опять что-то хрипит.

- Не выдумывай, ты не спал. У вас сейчас около восьми вечера. Разница во времени всего девять часов. Если я не существую, кто будет оплачивать счет за телефонный разговор. Ты, что ли?

- Нет, я не буду. Я теперь - полноправный американский безработный, одинокий и почти бездомный.

В ее голосе вспыхивает новый интерес: "Ты развелся с Людой?" "Почти..." "Что значит - почти? Почти разведенный мужчина звучит, как немножко беременная девушка. Либо ты разведен, либо нет!" Она раздражена, и ее тяжелое раздражение доносится через континенты,

пустыни, горы, моря и океаны, собираясь в темные грозовые тучи.

- Мы разъехались, но на развод не подавали. Придется переезжать на другую квартиру поменьше и найти кого-нибудь в сожители, я не осилю рент в одиночку. Совсем денег нет...

- Я могу представить, кого ты найдешь! Алкоголика себе под стать, или девку подберешь... - Ее раздражение достигает апогея и неожиданно разряжается короткой вспышкой молнии, за которой следует далекий громовой раскат. Звенят стекла.

- Дикая погода в Чикаго. Зима, и вдруг - гроза, - примирительно говорю я, стараясь переменить тему.

- Вот и переехал бы в Израиль, к нам, в Хайфу. Тут хотя бы тепло. Что тебя держит в Чикаго, безработного и одинокого?

Я ничего не отвечаю, гляжу на пустую улицу, на косо летящий снег. Я молчу так долго, что она начинает дуть в трубку и стучит ногтем по микрофону где-то на другом конце Земли. Я закрываю глаза и вижу ее узкую смуглую руку (наверное, она загорела в Израиле) со знакомыми кольцами, длинные ярко-красные ногти. Интересно, красит ли она ногти ежедневно, как в былые времена. Для нее это был почти религиозный ритуал. Она всегда повторяла: руки художника - его лицо.

- Алло! Алло! Ты меня слышишь? Черт, опять прервалось...

- Не чертыхайся, я тебя слышу.

- Ты меня слышишь, но не понимаешь! Ты приедешь?

- Как твои мальчишки, как Петя?

- Мальчишки - нормально. Ходят в школу. Младший говорит только на иврите, из принципа.

- Как Петя это переносит? Он был таким советским патриотом, истинно русским по духу... Помнишь, какой скандал он устроил, когда я сказал, что уезжаю в Америку? Клеймил меня предателем Родины и врагом народа. И как ему сейчас в Хайфе?

Она невесело смеется.

- Ты ничего не знаешь. Он сейчас еще более ярый патриот Израиля, чем был патриотом России, больше еврей, чем я и ты вместе взятые. Ярый патриотизм - это как стригучий лишай, всегда при тебе и не зависит от места проживания.

- Петр Подгорный - патриот Израиля?

- Теперь он не Петр. Он - Пинхас, и фамилию он взял мою. Ходит в кипе, отпустил пейсы и бороду и упрекает меня за то, что мой дедушка был наполовину немец.

- Я всегда подозревал, что твой Петечка...

- Что "мой Петечка"? Он, между прочим, на мне женился и вырастил твоего сына, когда ты с Людкой шлялся неизвестно где.

- Ты сама меня тогда выгнала, - бессильно защищаюсь я, забыв, что все давно уже говорено-переговорено, перегорело, обратился в пепел и поросло густым бильем. - Я не знал, что у нас будет ребе-

нок. Ты же сама мне ничего не сказала. Я узнал, только когда вернулся через два года. Ты уже замужем была и ждала второго ребенка, что я мог сделать? И с Людой у нас ничего не было в то время, мы просто поехали на заработки вместе, целой группой.

- Но женился ты не на группе, а на Людке, на этой бестолковой мокрой курице! Ничего лучшего не мог найти. Да что говорить...

Над материками и океанами опять повисает тяжелое молчание. Наверное, солнце в Хайфе уже взошло, и она жмурится на желтые лучи, вспоминая былую боль и обиду.

- Я не могу приехать в Израиль. Ты меня слышишь? Я не могу... опять все сначала начинать, новый язык, новая работа. Что я буду делать? Мостовые подметать или грузчиком вкалывать? Мой сын даже не знает, что я его отец. Кому нужен безработный художник в Израиле?

Она молчит. Длинная пауза.

- Ты что, решила, наконец, уйти от Пети, то есть Пинхаса?

- Твоя ирония неуместна!

Я чувствую, что теперь она по-настоящему разозлилась. Тогда я судорожно и невпопад начинаю торопливо рассказывать, как в прошлом году меня задавила ностальгия, и я съездил летом на Украину, в Киев. Встретился с ребятами из нашей институтской группы и подрабатывал художником в разных клубах. Я болтаю обо всем на свете, лишь бы она не бросила трубку: "Помнишь Алика, на год старше нас, который женился на Оле Голубко, она жила в общежитии? У них уже трое детей, все девочки, все блондинки в Олю. Алик пытался купить квартиру, но сейчас в Киеве с жильем совсем туго. Так он к своей однокомнатной на первом этаже пристроил застекленную террасу, а под полом выкопал подвал и оборудовал там мастерскую. Мы с ним оформили выставку в клубе авиазавода. Теперь это уже ночной клуб "Бинго" с бильярдом, кегельбаном, стрип-баром и живым крокодилом в вестибюле. Когда мы там вкалывали, подошли к нам ребята блатного вида и спрашивают: "А небо на потолке можете?"

Дали нам расписать какой-то зланный притон на Русановке. Шестьсот квадратных метров настенно-потолочной живописи. Спокойное небо переходит в струи, они скручиваются в око тайфуна, и по колоннам обрушиваются на балкон. Когда мы заканчивали, в зал вошла кошечка, милая такая. Подняла глазки к нашему потолку, да как завопит прямо по-весеннему. А когда убежала, на ковре, извини, осталась куча. Так что и кошка ценит великое искусство живописи. Мы, между прочим, с Аликом работали на высоте десять метров, на тонкой телескопической вышке, как обезьяны. Целый месяц цирк показывали. Заработали неплохо. Алик меня зовет весной на Западную Украину, церкви расписывать. Киев теперь совсем изменился. Зланных мест - тьма. Все продают на гривны и доллары.

Слово дефицит вышло из употребления, только плати. Старикам плохо. Мои родители собираются уезжать в Америку. На свою пенсию они уже не могут прожить".

- Что же теперь будет? - Ее голос звучит растерянно.

- Будет апрель. Будет весна. Я, наверное, поеду с Аликом на Буковину, а на обратном пути заберу родителей в Штаты. Им страшно одним ехать, ну и собраться помогу.

- Так и будешь мотаться туда-сюда по всему свету? Тебе же не шестнадцать лет...

- Я соберу немного денег и открою свой бизнес в Чикаго. Реставрация живописи. (Помнишь, как я здорово Рубенса подделал на третьем курсе, и меня чуть из института не вышибли?) Портреты, пейзажи и классы живописи для домашних хозяек. Я уже мастерскую присмотрел, недалеко от Мичигана. Вид потрясающий. Правда, район жутковатый, стреляют по ночам... Чикаго - город гангстеров. Хочешь посмотреть на гангстеров? Приезжай!

- Это что, официальное приглашение?

Я опять вспоминаю ее тонкие руки и своего сына, которого видел два раза, случайно на улице. Сколько лет прошло? Девять? Нет, уже десять...

Она чувствует, что "перебрала" с прямым вопросом, и делает шаг назад.

- Я боюсь гангстеров. У вас в Чикаго до сих пор, наверное, орудуют наследники Аль Капоне. В газетах пишут, на юге города каждый день перестрелки между разными бандами.

- В газетах пишут, что террористы в Израиле взрывают что-нибудь каждый день. Террористов ты не боишься?

- Мы привыкли... Они же не всюду одновременно взрывают. Страшно, конечно. Особенно, когда подумаю, что мальчиков заберут в армию. Хорошо, что пока они маленькие. Но и за маленьких беспокоиться все время. Впрочем, тебе мои родительские волнения, наверное, не интересны.

Это уже запрещенный прием. Удар под дых.

- Знаешь что, - говорю я, - ты разоришься на телефонных разговорах. Пора завязывать нашу светскую беседу. Тебя ждут твои родительские обязанности и перековавшийся Петр-Пинхас. Всего хорошего! - Я выпаливаю все одним духом, но не спешу положить трубку. Мне интересно, как она отреагирует на мой выпад. Реакция неожиданная

- Я в состоянии оплачивать свои счета. Я достаточно зарабатываю.

Это для меня новость. Я слышал от общих знакомых, что она не смогла устроиться художником и работает по ночам няней в круглосуточных яслях, и получает считанные копейки, то есть шекели.

- Я оформила книжку для детей и получила еще несколько новых

казов. - В ее голосе - гордость и вызов. Она всегда была сильным графиком. Представляю, как тяжело ей было сидеть без работы. В Киеве, на киностудии мультфильмов, она за несколько лет после института выбилась в художники-постановщики и сделала два очень милых фильма. Не ее вина, что киностудия развалилась вместе с Советским Союзом, и нас разметало по свету. Я искренне рад за нее, и вся моя злость куда-то уплывает.

- И что же ты теперь будешь делать со своими миллионами? Купишь яхту и поедешь в кругосветное путешествие, как ты всегда мечтала? - В институте это была постоянная тема наших разговоров и фантазий. Она ежедневно рассказывала мне, куда ей хочется уплыть, и какая погода сейчас в океане, где-то возле Огненной Земли. В зависимости от настроения она обещала взять меня с собой, или грозилась, что уплывет навсегда со своим котом Кузькой ("Единственной мужчиной, который не действует мне на нервы!"), а мне будет присылать цветные открытки из каждого порта, что бы я лопнул от зависти. Даже имя для яхты она тогда придумала "Флигар", но никогда не объясняла, что это значит.

- Твой "Флигар" уже стоит, наверное, в какой-нибудь средиземноморской заводи под парусами.

- Как же, не с моей удачей. Держи карман шире... Знаешь, я на море Средиземном за все эти годы была всего четыре раза, и один раз ездили к Красному морю. Там вода, как студень соленый, обжигает кожу... Все мотаюсь, как ненормальная, или мальчишки болеют, или еще что-нибудь. Недавно бежала на автобус - подвернула ногу, пришлось неделю пролежать. Вот тебе и отпуск. На свои миллионы я нашу себе ситцевых платьев, и буду щеголять по Хайфе, как царица Савская.

Мне становится ее жалко до слез. Самая живая, самая яркая, самая беспечная из всех девчонок... Я представляю, как она бежит с тяжелыми сетками к автобусу. Ее пиджон Петя никогда ей ни в чем не помогал, она только из гордости его всегда хвалила. Одна заслуга, что зарплату в дом приносил. Та еще скотина! Мне ее подружки рассказывали. Завалится после работы перед телевизором, как граф, и скандалит, что обед недостаточно вкусный - его мама лучше готовила. На ней все хозяйство было - и покупки, и стирка, и детей забрать из садика. Конечно, она больше не красит ногти каждый день и вообще, наверное, не красит. Я пытаюсь вспомнить, был ли у нее маникюр, когда я видел ее последний раз перед отъездом, и не могу. Но мне не хочется выдавать своего волнения.

- Почему, как царица Савская, а не Софи Лорен?

Она смеется: "Потому что у царицы Савской, по легенде, были волосатые ноги, как у меня. Суровая расплата за то, что родилась брюнеткой. А брить ноги мне всегда было лень, и противно как-то. Так что я ношу длинные платья, чтоб было незаметно. Ты что, за-

был? А правда, что в Америке все женщины безволосые, как ящерицы, и бреются каждый день с ног до головы?"

Я вспоминаю ее ноги, ее улыбку, волосы... Мне приходится прислониться к холодному оконному стеклу, чтобы спала накатившая горячая волна. Я начинаю молоть глупости: "В Штатах вообще невозможно отличить мужчин от женщин. Техника шагнула вперед, и все делают операции по перемене пола раз в пять лет, чтобы не было скучно. Американские женщины бреются два раза в день, и от этого у них растут борода и усы. В Чикаго в этом сезоне усатые женщины входят в моду. И голову они бреют, и..."

Она меня прерывает: "У тебя что, жар? Что ты болтаешь? Я зарабатываю хорошо, но этого недостаточно, чтобы через океан слушать твои бредни об усатых женщинах".

- Извини, глупо, конечно. Что пожелать тебе в Новом году? Ты ведь позвонила поздравить меня с Новым годом, правда? У нас сейчас бушует вьюга, настоящий праздник, но что следует за всем этим?

Это - из прежней жизни. Мы познакомились на новогодней вечеринке. И наш первый разговор был о том, как мы оба любим этот перелом времени, метели и елки в огнях, подарки и прочие чудеса в решетке... Мы ссорились и мирились, и не встречались подолгу, но всегда на Новый год обменивались добрыми пожеланиями.

Следует короткое молчание (я смотрю в окно на смерчи из белых хлопьев), а потом она цитирует слова песни, которую мы оба так любили: "Следует жить, ибо сколько вьюге не кружить, не долговечна ее кабала и опала..." И я заканчиваю строфу, охрипшим от волнения голосом: "...так разрешите же в честь Новогоднего бала руку на танец, сударыня, Вам предложить". "Звучит, как настоящее предложение руки, нужно подумать". Неожиданно в трубку врываются детские крики и шум улицы, как будто распахнули дверь. По-летнему гудят машины и звучат далекие голоса. Она говорит с кем-то, прикрыв трубку рукой, так что слов не разобрать. Потом я слышу ее нарочито-равнодушное: "Ну, пока! С Новым годом, с новым счастьем..." и короткие безнадежные гудки, как последние удары сердца перед разрывом. Что мы скажем друг другу в следующем году?

Виктория ЛеГеза родом из Киева, живет и работает в США с 1989 года. Печатается в США, в России, на Украине, в Израиле, в Германии и других странах. Автор книг "Эмигрантские сказки" т.1,2, "Хвосты и крылья", "Повести Кошкина" и "My Grandma's Chevy". Составитель сборников эмигрантской женской прозы АРЕНА и АРЕНА-2.

ИЛЬЯ РУДЯК

"ПОЛУШКО-ПОЛЕ"

Адвокат Норман Бейли давно уже не занимался мелкими происшествиями. Подумывая после операции на сердце уйти отдохнуть, он брался только за дела крупные, беспроигрышные, высоко оплачиваемые. Но эта русская женщина, что просила секретаршу принять ее по поводу первой в ее жизни автомобильной "катастрофы", как она выразилась, сразу же привлекла его внимание. И бледностью под красивыми синими глазами, и мягким голосом, и неправильной речью с акцентом. В молодости он изучал в Нортвестернском университете русский и кое что помнил: "Зидиравствуйте!", "Доберой ночи", "До свидания", "На здоровье", "Ошен приятно".

- Как вас зовут? - спросил он неожиданно.

Женщина растерялась, услышав обращение к себе высокого, с густой седой шевелюрой мужчины.

- Я Норман Бейли.

- Очень приятно. Меня зовут Полина, Поля.

- Полушко-поле. Знаете эту песню?

- Конечно, - ответила она и просияла.

- Идемте, и вы мне расскажете про вашу "катастрофу".

Он уже решил, что поможет ей.

- Сколько, как вы в Америке?

- Девять месяцев.

- Вы работаете?

- Да. Присматриваю за старушкой. - И после паузы: - В России я была хореографом.

- Вы танцевали?

- Да. А потом вела балет в школе.

- Что у вас за семья?

- Сын с невесткой и внучка.

- Бабушка, - сказал он, ударяя на "у".

Она покраснела. "Прекрасно, - подумал он, - а ведь ей лет 45, не больше".

- Вы живете вместе?

- Пока да.

- А что ваш муж?

- Он умер за три года до отъезда. - Слезы навернулись на глаза. - Извините.

- Что вы, что вы, это я должен просить извинения. Когда у вас суд?

Она протянула ему "тикет".

Он быстро прочел его и, вставая, сказал:

- Не волнуйтесь. Все будет в порядке.

Она поблагодарила и направилась к двери.

Он проводил ее внимательным взглядом. Она слегка споткнулась на высоких каблуках. "Эти русские женщины довольно романтичны. А в этой такая симпатия и... тишина. Да, именно тишина." Он давно уже не испытывал такого приятного чувства.

"Процесс" он выиграл легко, и как задумал еще раньше, повел ее отметить это событие в хороший ресторан. По дороге она пыталась вручить ему гонорар, но он предложил, что она расплатится за ужин:

- Вы не против?

- О, что вы, с радостью.

В ресторане она просила, чтобы он заказывал самые дорогие блюда и очень сожалела, что тот отказался от коньяка.

- А если рюмочку водки? - все же допытывалась она.

- Вотка? Немножко, - это о'кей!

С "Полушко-поле", как он ее прозвал, было легко. Правда, он знал случаи, когда русские женщины притворством, покладистостью, коварством облапошили нескольких знакомых в городе.

С каждой новой встречей Норман понимал, что "Полушко-поле" - подарок судьбы. Она была не требовательной, ни разу не спросила о его семейных делах, была предупредительной и тактичной.

Он сам все ей рассказал: жена Шарон, старше его на год, следовательно, ей шестьдесят два, они прожили примерную, богатую жизнь, у них трое детей и семеро внуков. Он не хотел бы никогда и ни за что огорчить своих близких. Он будет счастлив один раз в неделю бывать с "Полушкой-поле"...

- "Фиалки по средам", - тихо промолвила она.

- Что это?

- Рассказ Андре Моруа.

- Не знаю. Не читал.

Когда "Полушко-поле" перешла в отдельную квартиру, он предложил оплачивать ее, если это останется в полном секрете.

- О, нет, нет, - запротестовала она, - я могу все сама.

Больше он не настаивал. Хотя при его богатстве, думал он, можно было бы себе позволить одарять ее щедрее, чем он это делает. Но намного приятнее считать, что это по любви.

Когда они, как дети, плескались вместе под душем, а "Полушко-поле" нежно целовала шов на груди Нормана, он шептал ей: "Лублу тибя, Полушко-поле, лублу."

...После смерти ее мужа, такой неожиданной, такой быстрой - они пришли с репетиции, он пошел к холодильнику за яблоком, надкусил его и стал медленно валиться на пол, - она замкнулась в себе, ни с кем не встречалась. А здесь в Америке найти человека близкого по духу - это как иголку в стоге сена. Хотелось крепкое плечо, защиты. "Адвоката", - заулыбалась она самой себе.

Норман переживал с "Полушкой-поле" вторую молодость. В день ее рождения он привез Полушко-поле в автосалон.

- Давай выберем под цвет твоих глаз синюю "Волво".

Она зарделась и тихо промолвила: "Спасибо!".

- Вот эту, - и он показал на новую модель.

- А нельзя ли... поскромнее?

Он уже понимал ее с полуслова и согласился.

В одну из их "сред" после душа, ласк, любви он почувствовал себя неважно. И только два шарика нитроглицерина сняли боль. Это насторожило их. В следующий раз он дал ей запечатанный конверт и сказал полушутя, полусерьезно: "Открыть только после моей смерти".

Она не раз собиралась его открыть, но считала это неэтичным. Ей очень хотелось знать, что же там находится: неужели какое-то завещание, или еще банальнее - чек? А лучше всего, если-бы письмо начиналось бы со стихов:

... о, как на склоне наших лет

Нежней мы любим и суеверней.

- Кто это?

- Тютчев.

- Не знаю. Не читал.

Как-то Норман не пришел. Не позвонил. Она ждала звонка на другой день. Встревожилась. Осмелилась и позвонила в контору сама.

- Мистер Бейли два дня назад скончался, - ответила секретарша. Полина присела в кресло с телефонной трубкой в руке.

Она не слышала непрерывный зумер. Внутри все застыло. И вдруг прорвался плач, неудержимый, по-русски жалостный. Вспомнила про письмо. Вскрыла.

"Дорогая Полушка-поле! Я понял - это может случиться в любую минуту... Если бы я умер у тебя в квартире, - это грозит полицией, допросами... Ты моя последняя любовь в жизни. Я благодарен тебе за все.

P. S. Уже двадцать лет кроме как книг по юриспруденции, газет и журналов ничего другого не читал. Рассказ Моруа - восхитительный!"

Илья Рудяк живет в Чикаго (США). С сорок первого по сорок четвертый находился в Джуриинском гетто (Украина). После освобождения - школа, театральная студия, институт. С 1959 по 1980 - в Одессе. Преподавал режиссуру и мастерство актера, ставил спектакли, фильмы.

В США выпустил альбом о гениальном фотографe Моисее Нанпельбауме в издательстве "Ардис". Затем, к 200-летию Одессы - две книжки рассказов. В московском издательстве "Вагриус" вышел большой сборник новелл "Мы здесь и там", "Гете в гетто" и "Прощание с местечком".

За последние десять лет появились публикации: "Эмиграммы", "Колумбуры", "СтиСШАта", "ПаРУДЯКсы". Подготовлены к изданию книги: "Рассказы, не похожие на меня" и "Рассказы, не вошедшие в другие книги". Альбомы и эссе: "Чемодан Михоэlsa", "Одесса и Владимир Высоцкий", "Короткие встречи с Кирой Муратовой", "Чикагола".

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

"Все, все, все! - успокаивала она себя. - Решение принято. Самолет не остановишь. Я лечу в Москву. У меня отпуск. Я хочу немного отдохнуть. А там, внизу на земле за десять дней моего отсутствия ничего критического не произойдет. К тому же в городе осталась мама. Мама была неизменной опорой с самого детства, символом надежности, который никогда не подводил. Она будет забегать ко мне домой каждый день после работы, как обещала. И если что, не дай бог, не так - позвонит в Москву - и я мигом прилечу обратно в Нью-Йорк". О том, что может произойти "не дай бог, не так", Татьяне было страшно подумать, и она гнала от себя тревожные мысли, как непрощенных гостей, прямо с порога, чтоб не только не заживались, но, вообще, в дом ни ногой.

Поездку в Москву Татьяна запланировала заранее, когда дела дома были еще не так плохи. Кто же знал, что здоровье мужа так резко пойдет на убыль? Врачи прогнозировали год, может, два... В вопросах жизни и смерти, как говорил Воланд, только тот может оборвать жизни нить и знает, когда пришел черед, кто эту жизнь за ниточку подвесил. Словом, Татьяна пыталась всяческими рассуждениями оправдать несвоевременность и даже безрассудность своей поездки.

После еды она надела на глаза темные очки-маску и погрузилась в недолгую полудрему, когда все слышишь и просто нет сил пошевелиться. Сидячий полусон не приносил отдыха телу. Ноги наливались тяжестью, плечи болели, шея, не выдерживая груза гудящей головы, клонилась на сторону, а голова так и норовила прилечь к плечу соседа справа, который, слава богу, не возражал и даже, наоборот, радовался неожиданному сближению с хоро-

шенькой женщиной. Каждый раз, когда Татьяна голова соприкасалась с его плечом, Татьяна вздрагивала, пробуждалась и бормотала "sorry". На что сосед, приятного вида мужчина лет пятидесяти, невозмутимо и с готовностью услужить отвечал: "Ничего, ничего. Вы меня абсолютно не беспокоите. Отдыхайте, пожалуйста!" И Татьяна продолжала "отдыхать" до следующей кормежки.

Слева соседа не было. Слева был иллюминатор, задернутый шторкой для пущего затемнения, так как по нью-йоркскому времени наступила ночь и теперь уже точно полагалось спать. Большинство пассажиров, укрыв ноги тоненькими казенными одеяльцами, так и поступили. А Татьяна, наоборот, отделившись от мужчины справа, который безвозмездно подставлял ей дружеское плечо под голову, окончательно пробудилась, зажгла ночник, автоматически провела расческой по волосам, зачем-то подкрасила губы и взялась за бестселлер.

Татьяна пыталась углубиться в книгу, но глаза почему-то беспомощно бегали по строчкам и нить авторской мысли, все время запутывалась, завязываясь в маленькие узелки, которые никак невозможно было распутать. Татьяна злилась, дергала за виртуальную ниточку, и тут авторская мысль и вовсе обрывалась, оставляя Татьяну наедине со своими тревожными думами, от которых не удавалось спрятаться в пристанище бестселлера.

"Прошло двадцать пять лет. Я так хочу снова увидеть Москву, пройти по центру, заглянуть на Спиридоновку и Никитские ворота. Съездить на метро в Измайлово, протащиться на "Аннушке", если она еще существует, до Краснопресненских прудов. Заскочить на Ваганьковское и украдкой нарвать там черемухи. Ах, да, сейчас сентябрь, не сезон. Кто меня встретит в аэропорту? Володя или Рита? Наверное, только Рита. Он побоится, перестрахуется. Я позвоню ему на работу и мы встретимся позже, на другой день, через пару дней... Какое это имеет значение? Лишь бы мы снова увиделись... в этой жизни. Двадцать пять лет - это очень много, у кого-то треть всей жизни, у кого-то - половина. Жизнь так быстро пролетела, и вот уже скоро стукнет пятьдесят. Отец умер, когда ему было пятьдесят два, а мне двадцать три. Он тогда казался мне жутко старым. Еще двадцать лет, и, может быть, не будет уже сил и возможности встретиться с Володей, может быть, мы рассыпемся в прах или истлеем в земле. Я все сделала правильно. Не откладывая ничего важного на завтра, потому что завтра может и не наступить", - думала Татьяна, подбадривая себя, как актриса, которой вот-вот предстоит выход на сцену. И страшно и радостно ей было в предчувствии этого выхода.

При мысли о Володе, как после опьянения, приятно кружилась голова и сердце билось часто и громко.

Она закрыла глаза и попыталась представить Володю, как он теперь выглядит на вершине зрелых сорока восьми лет. Располнел, наверное, слегка и виски седые. А волосы... хотелось, чтобы он сохранил свои черные волнистые волосы. А если полысел, тогда как? Лысым она его представить не могла никак, хотя логически понимала, что сия возрастная метаморфоза вполне вероятна.

- Внимание! Внимание! Пассажиры, займите свои места и пристегните ремни. Наш самолет идет на посадку. Через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту Шереметьево в столице Российской Федерации - городе Москве. Температура в столице двадцать градусов по Цельсию, идет дождь, - послышалось над головой. - Ladies and gentlemen...

Пассажиры вмиг пробудились, задвигались. Послышалась возня, шуршание скомканных газет и журналов. Ремни послушно пристегнуты, на лицах ожидание... Самолет пошел на снижение. Еще каких-то двадцать минут, и окончится этот долгий полет... Но полет почему-то не кончался. Татьяна приникла к иллюминатору. Яркое солнце слепило глаза. На дождь не похоже. За бортом тоннами сверкающей ваты были рассыпаны кучи облаков. Пронзив их мягкую толщу, самолет застыл и, вместо того, чтобы опускаться ниже, повернул в сторону, как бы завернул за угол и поплыл по кругу.

"А где же дождь? - подумала Татьяна. - Дождь, наверное, внизу, а мы над ним". Самолет явно не хотел идти на снижение, он упрямо кружил в пространстве между снежно-белыми перистыми и грозно-темными кучевыми облаками. Что-то было не так, не по плану, вне расписания... Стюардессы, с невозмутимым видом, но с плохо скрываемым испугом в глазах забегали, засуетились. Радио молчало, никто ничего больше не объявлял.

Какое-то время пассажиры безмолвствовали, потом зашептали, заговорили, заголосили: "Что случилось? Почему мы не приземляемся? Москва не дает посадку или произошло (происходит) что-то еще, более серьезное, такое, о чем и подумать-то страшно - не то, что спросить?" Стюардессы, не получившие никакой команды от командира корабля, на вопросы не отвечали, только пожимали плечами и разводили руками, мол, сами не знаем и удивляемся.

Татьяне стало по-настоящему страшно. Она не была религиозной, то есть не придерживалась никакой религии, но искренне верила в единого Бога-создателя и высшую справедливость. Она принялась усиленно молиться, вспоминая каждый свой грех в отдель-

ности, и просила Господа простить ее. Удивительно, что она вдруг отчетливо вспоминала все свои вольные, сознательно совершенные грехи. Их было не то, чтобы очень много, но, наверное, достаточно для того, чтобы погибнуть при крушении самолета. Первый грех был в далеком детстве, когда десятилетняя Таня, играя с собачкой, подаренной ей на день рождения, перевязала животному лапки веревочкой и с детской жестокостью смотрела, как беззащитное существо, переваливаясь, хромот по паркету. Щенка отобрали, Таню отругали, заперли дома и запретили играть с подругами. Других значительных грехов детства она не помнила.

От первого до второго греха прошло много лет. Второй грех был не столь жесток, но, с библейской точки зрения, более греховен, ибо являлся повторением греха первородного. Желая вкусить от древа познания, Татьяна, соблазнила одного из своих поклонников и потеряла девственность не по любви, а из чистого любопытства. Влюбленный в нее по уши молодой человек сразу же предложил руку и сердце. А она, с горечью осознав, что никогда не сможет полюбить своего первого мужчину, не только наотрез отказалась выйти за него замуж, но неожиданно для себя самой вдруг впала в дешевый юношеский цинизм и браваду, поблагодарив парня за то, что "он прорубил окно в Европу". Господи! Какая же она была своенравная молодая идиотка!

Ну, были еще всякие малые, незначительные грешки типа мелкой лжи или утаивания правды. Не одолжила родственникам денег, сказала, что сама нуждается. Не навестила больную подругу, сославшись на плохое самочувствие... А самым большим, самым непростительным грехом, конечно, была эта поездка в Москву. Грешно было оставлять больного мужа, хоть и под маминим присмотром. Да и сама цель поездки - увидеть Володю и, может быть, возобновить старый роман - была греховней некуда. И вот теперь наступил час расплаты.

Татьяну охватило отчаяние. Не хотелось умирать так вдруг, не довершив до конца начатых дел, не повидав Москвы и друзей молодости, не встретившись с Владимиром, не простившись с мамой и умирающим мужем и не попросив у него прощения. А еще был у Татьяны двадцатилетний сын Гриша, который год назад бросил престижный колледж и сбежал в Лас-Вегас с группой бродячих музыкантов. Татьяна сначала онемела от неожиданности, потом почернела от горя, а потом как-то по привычке, смирилась и махнула на все рукой. Гриша иногда давал о себе знать телефонными звонками и жалостливо просил денег. Татьяна молча посылала деньги и ждала, когда блудный сын вернется под родительский кров. Вре-

мя шло, Гриша не возвращался... Неужели Татьяне так и не удастся повидать Гришеньку?

Самолет упорно не хотел приземляться. Он кружил и кружил над Москвой и не было конца этому необъяснимо зловещему кружению. И вдруг раздался голос командира корабля: "Внимание, уважаемые пассажиры! Просим прощения за задержку информации. Ввиду того, что над Москвой сильный туман и мы не имеем возможности приземлиться, наш самолет берет курс на Санкт-Петербург. Просьба сохранять спокойствие!"

У Татьяны в Питере была дальняя родственница - троюродная сестра. Можно будет ей позвонить... А впрочем, лучше не звонить вовсе и заночевать в гостинице. Татьяна слишком ценила свою и чужую свободу, чтобы так вдруг сваливаться кому-то на голову, хоть из самой что ни на есть Америки.

Однако все произошло совсем не так, как она ожидала. Посадка в Питере была краткой. Пассажиры оставались на местах, самолет заправился горючим и снова взял курс на Москву.

В "Шереметьево" Татьяну никто не встречал. Услужливые леваки наперебой предлагали подвезти до места. Она вежливо их благодарила: "Спасибо, но пока не нужно. Жду друзей, хотя, если не дождусь, может, и воспользуюсь вашим предложением".

Утомленная тяготами перелета, она притулилась в уголке зала ожидания и внимательно просеивала глазами толпу в поисках хоть одного знакомого лица. Никого! "Боже мой! Как я устала! Никому-то я здесь не нужна. И зачем я, вообще, приехала? Чужие лица. Чужой город. Развернуться, проставить сегодняшнюю дату отлета - и домой", - грустно рассуждала она. И вдруг она заметила очень высокого седого мужчину с огромным букетом цветов. Мужчина возвышался над толпой и тоже кого-то искал глазами. Его лицо показалось Татьяне знакомым. И тут ее осенило. Да это же он, Володя! Постаревший, отяжелевший... и все же он. Татьяна вскочила и с криком "я здесь, это я!" бросилась к нему. Он оглянулся на ее голос и, узнавая, не узнавал ее. Татьяна, понимая и разделяя это неузнавание, развела беспомощно руками. Что делать, какая ни есть, это все же я.

Они обнялись. Вернее, Татьяна с разбегу уткнулась лицом в массу его мощного тела где-то на уровне груди. Так они постояли немного, не зная, что делать и что говорить дальше. Потом он взял ее свободной от букета рукой за подбородок, наклонился и коротким сухим поцелум прикоснулся к ее губам. "Тень поцелуя," - подумала Татьяна.

- Это тебе, - сказал он, протягивая ей огромный букет цветов.

- Спасибо! - она задрала голову, чтобы встретиться с ним глазами.

Господи, как же он был высок! На полторы головы выше Татьяны. Татьяна вспомнила, что разница в их росте была одной из причин, из-за которой она себя неловко чувствовала в молодости. С Володей нельзя было пройти под руку и танцевать было неудобно. Татьяне казалось, что все вокруг подсмеиваются, осуждают. Малышка нашла себе верзилу! Как же давно это было! Тридцать лет назад.

Из толпы отделилась Рита и молча встала рядом, боясь нарушить альянс их встречи. Татьяна, оторвавшись взглядом и мыслями от Володи, бросилась обнимать Риту. У Татьяны в Москве было несколько близких подруг. Все они, кроме одной - Риты, не одобрили Татьянин отъезд в Америку и испуганно исчезли с горизонта. Рита проявила дальновидность мышления и преданность дружбе. Они переписывались двадцать пять лет и вот, наконец, встретились. Рита выглядела великолепно. Все так же красива и изысканно, неброско, со вкусом одета. Разве что слегка постарела. Если пристально рассматривать, можно заметить "гусиные лапки" у глаз и обострившиеся складки от носа ко рту и в уголках рта. Но это только на очень близком расстоянии. А издали - настоящая Сюзан Саренден.

Они обменялись комплиментами.

- Ты ничуть не изменилась!

- А ты выглядишь на все сто. Девчонки попадают...

Володя легко приподнял Татьянин огромный чемодан на колесах - в Володиных руках колеса чемодана смотрелись декоративно-игрушечными - и они втроем пошли к его машине. Машина была скромной иномарки. "Видимо, не хочет выделяться. Так ему легче выживать в условиях бандитского капитализма, - подумала Таня. - А может, и не богат вовсе?"

Стоял сентябрь 2000 года. Вокруг была знакомо-незнакомая Москва. На добротных зданиях сталинских времен огромные щиты рекламировали Пепси-колу, Макдональдс и прочие атрибуты ново-московской жизни. Совсем, как в Нью-Йорке. Накрапывал дождь. Всю дорогу от Шереметьева до Пресни они о чем-то говорили, смеялись. То, о чем они говорили (о погоде, старых друзьях, о Москве) было, в общем-то, настолько незначительным по сравнению со значимостью и даже определенной торжественностью самой встречи, самого факта, что Татьяна снова в Москве. Она несколько раз уцепилась за руку, чтобы убедиться, что все это - явь.

Приехали домой к Рите. Рита жила все в той же квартире на

Пресне, теперь уже одна. Родители умерли. Замуж Рита не вышла. Так уж сложилось. Все девчонки-сокурсницы (включая дурнушек и тех, кто прямо-таки не хватал звезд с неба) повыходили замуж и нарожали детей, а красивая, образованная, умная, энергичная Рита осталась одна. Хотя любовных историй было немало.

Татьяна скинула туфли, плюхнулась на диван. Рита стала накрывать на стол. Володя сел в кресло напротив Тани, и они стали молча изучать друг друга.

Хорошо выглядит для своих сорока восьми, и сохранила миловидность и стройность, но это была совершенно другая женщина, и внешне (традиционно выкрашенная в блондинку, чтобы скрыть седину?) и, наверное, внутренне. А впрочем, не только другая, но и совершенно незнакомая ему, чужая... Женщина, которая приехала из-за океана для того, чтобы попытаться вернуться в юность и пробыть в этом нереальном состоянии 10 дней. Знакомого в ней было разве что глаза, голос и улыбка.

Володя, а ныне Владимир Александрович, еще не определил для себя линию поведения с этой новой Татьяной. "Как будет, так будет, - решил он. - Впрочем, она всегда была умной и осторожной. Будем надеяться - такой и осталась и не станет на шею вешаться. Поплывем по течению".

Как изменился Володя, заматерел, пополнел... И что-то сделалось с шеей. У него в юности шея была не то чтобы тонкая, но стройная. А теперь появился двойной подбородок, который почти без изгиба переходил в бычью шею. "А я-то, дурочка, привезла ему в подарок итальянские галстуки, На него ни один галстук не налезет, разве что шарф или шейный платок". Волосы были абсолютно седые, но их было много, по-прежнему богатая шевелюра. Улыбка, по причине коронок, а может, и вставных зубов, была незнакомой, но приятной. Все, что осталось от Таниного любимого юноши - это рост, стать, голос и темные, бархатистые глаза. От них исходило мягкое, ласковое сияние, как от солнышка перед закатом.

Володя как истинный джентельмен взял инициативу разговора в свои руки и, буквально, засыпал женщин анекдотами, которые хоть и отличались некоторой пошловатой скабрзностью, но все же были смешными и как-то разрядили повисший в воздухе знак вопроса. Рита завалила стол деликатесами, принесла коньяк. Володя пить напрочь отказался. Объяснение было простое, но веское: "Не пью. За рулем". "Завязал, - подумала Таня. - И это к лучшему. Терпеть не могу пьяных мужиков, хоть и некогда любимых".

Так они посидели где-то час, другой, и Володя, сославшись на предположительную Танину усталость, начал прощаться. Догово-

рились, что он завтра позвонит не слишком рано, чтобы Татьяна могла выспаться, и они выработают план поездок по Москве.

- Он очень приятный, остроумный и в нем есть определенный шарм. Я понимаю, почему ты его когда-то любила, - сказала Рита.

- Да, да, приятный, мужественный и этот мягкий, ласковый взгляд... Но, понимаешь, Рит, он совсем, совсем другой, и я не знаю, как мне себя вести, чтобы не испортить нашу встречу. Слишком близко? Вдруг он отшатнется, и я спугну его. А если на пионерском расстоянии - он может обидеться и не понять. Мол, зачем тогда приехала - и я тоже отпугну его. Я что-то совсем растерялась.

- Знаешь что, подруга, ложись-ка ты спать. Интуиция подсказет, - здраво рассудила Рита.

Рита постелила Тане на диване в гостиной, пожелала спокойной ночи и ушла к себе в спальню. А Таня долго не могла уснуть, все размышляла, какая тактика поведения будет правильной. Перед тем как провалиться в сон, Таня подумала, что от обилия впечатлений и нахлынувших воспоминаний забыла позвонить в Нью-Йорк мужу и маме. Но муж опередил Танин запоздалый порыв и позвонил сам. Господи, какое это было счастье услышать его родной, заботливый голос! С мужем говорить было привычно и просто и не надо было думать, что и как сказать. Татьяна вдруг остро осознала, как сильно его любит и в который раз мелькнула мысль, что не должна была его оставлять и вся эта поездка в Москву напоминала заранее обреченную на провал попытку ступить второй раз в одну и ту же воду.

- Танечка, дорогой мой человек, как ты долетела? Наверное, ужасно устала.

- Все в порядке, милый. Не волнуйся. Просто самолет немного опоздал, и все пошло-поехало вне расписания. Я вот-вот хотела тебе звонить. Как ты там без меня? Справишься? Десять дней пролетят мгновенно. Оглянуться не успеешь, как я вернусь.

- Обо мне не беспокойся. Я - стойкий оловянный солдатик и за эту жизнь еще поборюсь. А вот на счет "оглянуться", я оглядываюсь, а тебя нет рядом. Не могу привыкнуть к твоему отсутствию. Твоя фотография передо мной на столе. Говорю с тобой и смотрю на тебя. Ты там не очень-то загуливай, ладно. Помни, что я очень тебя люблю и не делай глупостей.

- Я тоже тебя очень люблю. Какие загулы? Ты о чем? Просто по-видаю старых друзей, навещу родные пенаты, проностальгирую всласть и вернусь.

- Хорошо, хорошо! Спокойной ночи, родная. Тебе надо выспаться. Целую. - В трубке раздался длинный гудок.

После такого разговора спать совершенно расхотелось. Татьяна не могла себе позволить прободрствовать всю ночь, утопая в жалости и любви к мужу. Завтра позвонит Володя, они поедут кататься по Москве. Надо выспаться и выглядеть свежей и отдохнувшей. Она решительно приняла снотворное и забылась.

Наступило пасмурное сентябрьское утро. Татьяна открыла глаза и с удивлением обнаружила себя на незнакомом диване в незнакомой, тесно обставленной старинной мебелью, комнате. Ах, да... Она в Москве в гостях у Риты. Начались "московские каникулы" и провести их надо так, чтобы не было мучительно больно... Боже, какие пошлые мысли лезут в голову!

Татьяна накинула халат и подошла к окну. Раздвинула шторы, раскрыла окно. В комнату ворвался шум города: гул машин, скрип тормозов, людские голоса на автобусной остановке. Пресня жила напряженно крикливой, пестрой жизнью большого города. Татьяне захотелось быстренько одеться и проникнуть в эту жизнь, пощупать ее изнутри, раствориться в толпе, нырнуть в метро, как когда-то. Помотаться по городу - и домой. Да, только дома ее здесь больше нет, и возвращаться придется в гости к Рите. Ощущение "бездомности" и "сиротства" в родной Москве казалось странным и неправдоподобным. Немного взгрустнулось.

Из кухни доносились смачные запахи - Рита готовила завтрак. Таня застыла в дверях, любуясь подругой, быстрыми, ловкими движениями ее рук. И как это у Риты все здорово получалось! Раз-раз - и яичница с помидорами шипит на сковородке. На столе - ну прямо настоящий натюрморт! Хрустальные розеточки с джемом. Сыр трех разновидностей аккуратно выложен - словно солнышко на тарелке. А кофе, настоящий, свежемолотый, не какой-нибудь растворимый "Taster choice", был налит по-восточному в до-смешного маленькие чашечки и издавал такой аромат, что его хотелось выпить сразу, немедленно перед завтраком.

- Какая же ты обалденная нереализованная жена, Ритуля! - Воскликнула Таня - вместо обычного "доброе утро".

- Не всем же быть женами! Кто же тогда в любовницах ходить будет? Как спалось на новом месте? Отдохнула? - подруги обнялись.

- Великолепно. Чувствую прилив сил и энергии и готова к жизни, полной приключений.

- Приключений не обещаю - это по Володиной части, а вот завтрак на столе. Ну, чем вы там питаетесь с утра пораньше в Америке? Яичница, творог, сыр, джем, тостерный хлеб, кофе. А может, сварить овсяную кашу, по-нашему, по-старинке.

- А питаемся мы в нашей Америке гостерным хлебом с сыром и джемом. От яичницы тоже не откажусь. Что-то у меня аппетит не на шутку разыгрался. Какая у нас на сегодня программа? Володя не звонил?

- Звонил и сказал, что заедет за тобой в одиннадцать. Раньше ему удрать из бизнеса не удастся. В общем, легенда такая. Он целую неделю будет сопровождать американскую делегацию.

- Не понимаю я его. Зачем эти великие тайны и выдумки? Мы с ним не виделись двадцать пять лет. Наш роман был так давно, что стал вполне историческим. Неужели нельзя рассекретиться и раструбить по всей Москве, включая собственную жену, что Таня Полякова приехала из Америки на побывку?

- Не знаю, не знаю. Наверное, чувствует опасность перехода романа из исторического в любовно-приключенческий.

- О чем ты говоришь? К черту мои романы. Давай лучше поговорим о твоих. Где они, эти многочисленные представители слабого мужского пола? Почему не у твоих ног? Все при тебе: внешность, ум, заработок, квартира в центре Москвы. Казалось бы, они должны слетаться к тебе, как мотыльки на огонек.

- Честно говоря, не знаю. Что-то во мне сломалось. Ослабла сила притяжения. Да и кого притягивать? Не тот нынче мужик пошел. В массе своей не может приспособиться к новому общественному строю. Не умеет заработать на хлеб с маслом. Все ищет, к кому бы прислониться да где бы обогреться. А такие, как твой Володя, все прочно женаты.

- Да, такие, как Володя, навсегда женаты, хоть и позволяют себе романы - большие и затянувшиеся на всю жизнь, нереально-виртуальные (как в моем случае) и маленькие романчики, этакие шалости, очень даже реальные, возможно, даже известные женам, которые мудро закрывают на них глаза. И между прочим, правильно делают. Только так можно удержать в семье любителей страсти нежной, подобных Володе.

Так они болтали за завтраком, вспоминая былые романы, подруг и друзей. За двадцать пять лет разлуки и тринадцать лет перестройки многое изменилась. Некоторые девочки из их группы прочно встали на ноги, а Наташа К. даже поднялась (или опустилась) до звания "новая русская". Большинство же перескакивало с одной работы на другую, может, чуть более оплачиваемую, но все же недостаточную, чтобы вести такую жизнь, какую хотелось - с путешествиями, театрами, концертами, тряпками и ресторанами. Рита занимала среди них прочное место где-то посередине. Она много и успешно работала синхронной переводчицей, давала частные уроки

английского за хорошие деньги и построила, пусть не роскошный, но вполне удобный и приличный быт своими руками. Без высоких связей и тайных покровителей - Рита была self-made woman, тем и гордилась.

А Володя, то бишь, Владимир Александрович, между тем ехал по направлению к Ритиному дому и думал о том, какая сложная, хоть и приятная, роль ему предстоит в общении с Таней. В самом начале перестройки Володя раньше других сообразил, что к чему, и, отбросив партбилет, без лишних эмоций и сожалений переквалифицировался в капиталисты. Помогли связи, образование, смекалка, умение крутиться. К тому же Володя еще с юности отличался смелостью поступков и не боялся рисковать. Кто не рискует, тот не выигрывает. Владимир Александрович рисковал по-крупному и очень скоро сделал свой первый миллион, а потом миллионы стали расти, как снежный ком, и Володя не без гордости, хотя и с долей иронии, причислил себя к сословию русских миллионеров. Он занимался экспортом теплоприборов, торговал со странами Азии и Восточной Европы. Потом завел сеть ресторанов, издательств и продовольственных магазинов. До звания олигарха он, пожалуй, не дотягивал, да это и к лучшему - безопаснее. В общем, достиг в жизни всего, чего хотел и даже более. Все производственные и торговые каналы были налажены, раскрученный бизнес крутился теперь сам по себе, и Владимиру Александровичу уже не приходилось так много работать. Он все чаще уезжал на дачу, прочь от московской суеты и загазованности, и там, в сосновом бору, качался в гамаке, попивал коньяк и предавался игре в депрессию.

У Владимира Александровича была жена, молодая любовница, взрослые дети и даже внуки. Он всех устроил и определил в этой жизни, и всем им было хорошо. "Чего я хочу?" - спрашивал себя Владимир Александрович и сам же себе отвечал: "Ничего! У меня все есть".

Татьянин приезд в Москву разбередил в нем старые нежные чувства. Нет, скорее не чувства, а воспоминания об этих чувствах. Он копался в воспоминаниях их юношеской любви, таял и не знал, что с этим делать. Эти чувства были неприемлемы для нынешней ситуации, в которой фигурировала незнакомая привлекательная женщина средних лет, свалившаяся ему на голову из Америки. Он не мог в нее влюбиться заново, хотя бы потому, что вряд ли вообще уже был способен на влюбленность. Не мог он с ней также поговорить по душам, поделившись своей пресыщенностью и депрессией. Это значило раскрыть о себе всю поднаготную. Она не только не поймет, но, пожалуй, еще, чего доброго, испугается его миллионов,

лимузина, охраны и прочих атрибутов стиля жизни богатых и знаменитых. Небось, насмотрелась фильмов и начиталась книжек о новых русских и выработала к ним снисходительно-презрительное отношение.

Поразмыслив, Владимир Александрович отпустил охрану, взял в рент обычную, не первой свежести "Тойоту" и решил предстать пред Таниными очами благополучным дельцом средней руки. "Покатаю ее по городу, проедемся по местам наших свиданий, сможем на Воробьевы горы, сходим пару раз в ресторан... а там, глядишь, и неделя пролетит", - успокаивал он себя.

Как только Володя увидел Таню, выпавшуюся, отдохнувшую, посвежевшую, с яркими голубыми глазами, радостно распахнутыми для встречи с ним, он даже несколько смутился и для прикрытия неожиданного смущения стал усиленно кашлять.

- Ты что, простудился? - заботливо-ласково спросила она.

- Да, нет вроде, просто по дороге купил пирожок, вот увидел тебя и от восхищения не в то горло попало.

- Милый лжец! - Таня оживленно засмеялась. Настроение у нее было чудесное. Они решили для начала махнуть на Пресненские пруды и побродить по местам былых свиданий. В Москве было на удивление много машин. "Больше, чем в Бруклине", - подумала Таня.

- Может, лучше нырнем в метро, - предложила она.

- Да ты что, я уже лет десять как там не был, - проговорился он.

- А чего так? Боишься народных масс или высокий сан не позволяет?

- Не угадала. Просто лень. Заношу себя в авто утром и сам себя вытаскиваю вечером. Аж, прости, попа к сиденью прирастает.

- То-то и видно, поправился ты слегка. Скоро совсем ходить разучишься, - съехидничала она.

- Не разучусь. У меня дома спортивный зал. По дорожке бегаю, на разных машинах отжимаюсь, - опять проговорился он.

- Как это? Дома целый спортивный зал! У тебя, наверное, жутко огромный дом.

- Да нет, ты не поняла. Не в моем доме, а в доме, где я живу, - спортивный клуб. Ну и я туда иногда хожу жир сгонять и мускулы нарачивать, - увлеченно врал он.

- А чем ты вообще, занимаешься? Какой у тебя бизнес? Ты говорил мне по телефону, а я что-то не совсем усекла.

- Да, какой там особый бизнес! Продаем теплоприборы в Турцию, Грецию... Китай тоже. Много конкурентов. Держу круговую оборону. В общем, крутимся, на хлеб с маслом хватает. Слушай,

мне этот бизнес во как надоел. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом. Ты писала, что муж болен и сын подался в странствующие музыканты...

- Все это так, - погрустнела Таня. - Муж очень серьезно болен, не знаю, сколько ему жить осталось. Сын, ничего не сказав, не объяснив, вдруг исчез. Мы все больницы и морги обзвонили, а через неделю приходит письмо без обратного адреса со штемпелем Лас-Вегас, Невада. Пишет, что все прекрасно, счастлив. "Не разыскивайте меня. Я вам сам звонить буду"... - потом добавила виновато. - Я, как мой сыночек. Муж болен, а я к тебе укатила вчерашний день искать. Ты ведь не очень сердисься, что я свалилась тебе на голову?

- Да что ты! Зачем ты так говоришь? Ты же знаешь, первая любовь - это навсегда, что бы там ни было, - вдохновенно провозгласил Володя, так что даже сам начал верить в свою великую любовь.

- Ах, как я рада, как счастлива, что могу тебя видеть, что ты все такой же... Только... очень-очень повзрослевший. Ты не бойся, я не собираюсь врыватья в твою жизнь, просто немного побуду с тобой в Москве и укачу восвосяси.

- А я и не боюсь. Я слишком много повидал в этой жизни. Я вообще ничего не боюсь.

Владимир Александрович притормозил, запарковал машину, заглушил мотор и повернулся лицом к Тане. Глаза его увлажнились, он расчувствовался, обнял ее, привлек к себе. Ему вспомнилось, как они в первый раз поцеловались на лавочке у Пресненских прудов. Он тогда относился к ней, как к иконе и целовал ее бережно и нежно, словно паж, которому дозволено было прикоснуться к шлейфу принцессы. Таня закрыла глаза и потянулась губами к его губам, но тут у нее почему-то вдруг закружилась голова, и все вокруг тоже закружилось. Она вдруг вспомнила, как вчера над землей кружился их самолет в безнадежной попытке обрести посадку. Застучало в висках, и внутренний голос отчетливо произнес слово "грех". Кружение самолета в голове казалось настолько реальным, что Таня испугалась, отпрянула от Владимира, рванула ручку двери и выскочила из машины.

- Ты что? Что с тобой? Я что-нибудь не так сделал? - испуганно спросил он и выскочил за ней.

- Нет, нет! Мне просто вдруг стало нехорошо. Голова закружилась. Кислородное голодание, - пробормотала Таня и прижалась спиной к машине, чтобы не упасть. А самолет все кружил и кружил внутри ее головы и грозился рухнуть на землю.

"Что со мною? - испуганно подумала она. - Что все это значит? Я, кажется, схожу с ума".

- Володечка, милый, поддержи меня, я сейчас упаду.

- Не упадешь, не бойся! Я очень крепко тебя держу. Это все нервы и смена часовых поясов. Акклиматизация. Давай-ка оставим здесь машину и спустимся к прудам. Вон видишь, там скамейка. Та самая скамейка, на которой мы с тобой впервые поцеловались. Ну, может, не совсем та, но стоит на том же месте.

Володя наклонился к Тане, обхватил ее за плечи, и они медленно пошли вниз к скамейке. Пруды совсем не изменились, все такие же мелкие и заброшенные. Никто их не чистит. Кому нужны они вдали от центра Москвы? Разве что юным влюбленным.

- Тебе немного лучше, Танюш?

- Да, спасибо. Давай здесь просто посидим.

- Давай. А вон твой дом буквой "П".

- Какой он маленький. А когда-то казался огромным. А там вдали за углом твой дом. Я ведь у тебя дома так ни разу и не была.

- У нас были скромные жилищные условия, и мне было стыдно тебя приглашать.

Они сидели на скамейке и вспоминали историю их первой любви, которую, несмотря на ссоры, разрывы и примирения, пронесли через годы, другие романы и брачные узы с другими.

- А знаешь, если бы в нашем доме не произошел пожар, мы бы не переехали на Пресню, я бы не поступил в нашу школу и не встретил тебя.

- Знаю, помню, ты рассказывал... А мне, то есть нам... Если бы нам не дали новую квартиру, мы бы тоже не переехали на Пресню, я бы не поступила в нашу школу и не встретила тебя. Я влюбилась в тебя с первого взгляда. Ты был такой красивый, высокий, очень мужественный, но робкий с девочками. Почти все девчонки нашего класса да и младших классов тоже были в тебя влюблены.

- А ты была моя маленькая, голубоглазая, кудрявая принцесса. То вздорно суровая, то милостиво добрая. Я валял дурака и плохо учился только для того, чтобы тебя прикрепили ко мне позаниматься английским. И добился своего. Прикрепили. Помнишь, как мы оставались после уроков и ты вдалбливала в мою одуревшую от обожания тебя голову разницу между употреблением определенного и неопределенного артиклей? Я повторял за тобой правила чисто механически, а когда дело доходило до примеров, путался, вставлял артикли наугад, иногда попадал в точку, иногда - мимо. Господи, как я боялся твоего строгого взгляда, твоей насмешки! Ты произносила английские звуки своими пухлыми губами, а я витал в облаках и думал о том, что вот сейчас расхрабрюсь и поцелую эти губки, и к черту английский! Иногда ты хвалила меня, но чаще

критиковала. Я никогда не знал, что ждать от тебя: казни или помилования.

- Неужели я была такая вредная? Как же ты терпел меня, бедненький? Послал бы куда подальше и завел бы роман с другой. Впрочем, ты так и сделал, когда вы снова переехали и ты снова поступил в другую школу... Мне донесли, что ты встречаешься с другой девушкой и что у вас с ней серьезно. Я не могла поверить, что ты променял меня на другую. Не могла выкинуть тебя из головы. Потом, уже много лет спустя, вышла замуж, прожила долгие годы с мужем, любила своего мужа и, все равно, надеялась, что мы когда-нибудь встретимся с тобой и соберем хоть крохи того утерянного счастья.

- Я не променял тебя на другую. Просто так уж сложилось. Но я не переставал думать о тебе.

За какие-то пару часов Володя освоился и привык к новому Таниному облику. Его снова потянуло к ней, захотелось прикоснуться губами к ее коже, вдохнуть запах ее духов. Но после первой неудачной попытки поцеловать ее в машине он боялся все испортить и не знал, как правильно вести себя, чтобы не спугнуть ее.

Таня, справившись с приступом головокружения, поборола внутренний голос и успокоилась. Она тоже привыкла к новому Володиному обличию и уже не замечала его излишней полноты и седых волос. Таня снова отметила про себя, что он все так же обаятелен и, наверняка, попрежнему - сердцеед. Ее тянуло к нему. Хотелось взять его за руку и спрятать свою ладонь в его крупной ладони с красивыми длинными пальцами, прикосновения которых она все еще помнила. Хотелось сесть к нему на колени и поцеловать... сначала глаза, потом губы. Но Таня ничего этого не сделала, так как боялась первой проявить чувства и быть смешной. А больше всего она страшилась, что у нее в голове снова закружится самолет и она упадет в обморок. Таня надела на себя нейтрально игривую маску - чуть-чуть кокетства, милый дружеский настрой и погрузилась во внутреннее ожидание, что же будет дальше.

Они зашли в ресторан, не слишком шикарный, но вполне приличный по ценам и интерьеру. Обслуживала их молоденькая миловидная официантка. Таня заметила, как Владимир Александрович оглядел девушку с ног до головы быстрым оценивающим взглядом. "Господи! Какая же я дура! Я же - его ровесница, а значит, для него - старуха. Неудивительно, что он не реагирует на мои увядающие прелести", - с грустью подумала она, абсолютно позабыв, что еще пару часов назад Володя пытался поцеловать ее в машине, и ей вдруг стало плохо. Мышление у Тани была воистину женским, то есть, не логическим, а интуитивно сиюминутным. Мышление и поступки порыва, настрое-

ния. "Ну что же, значит проведем встречу на высоко духовном, платонически дружеском уровне, -- резюмировала она. - Так оно даже лучше и безопаснее для меня. Не придется обманывать больного мужа".

После ресторана они поехали на Воробьевы горы и долго стояли на смотровой площадке. Внизу разлеглась, блестя куполами церквей, высотными зданиями и парками, красавица Москва. Захватывало дух. Тане захотелось обрести крылья и воспарить.

- Боже, какая красота! - воскликнула она. - Я так люблю тебя, моя Москва!

- Если любишь, возвращайся, - полушутя, полусерьезно предложил Володя.

- Нет, Володечка. Мой московский поезд давно ушел. Я уже больше американка, чем россиянка, хотя по-прежнему интересуюсь русской культурой и читаю русские книги.

- Есть еще один вариант. Некоторые то здесь поживут, то там. У меня есть приятель. У него два бизнеса: один в Нью-Йорке, другой в Москве. Так и катается между двумя мирами.

- Так то же бизнесмен, Володечка, а я - простая американская служащая. У меня в Нью-Йорке семья, дом, работа, страховка и будущая пенсия.

- Скучно рассуждаешь, Татьяна! Эх, где твой былой романтизм?

- Наверное, там же, где твой. В юности остался. И мы с тобой безуспешно пытаемся его оттуда вытащить.

- Безуспешно? Я бы этого не сказал. Но об этом после... А сейчас мне, к сожалению, пора, да и Рита, наверное, тебя заждалась.

Володя озабоченно посмотрел на часы. Время приближалось к четырем часам дня. Надо было еще заехать в пару мест по бизнесу и позвонить-отметиться домой жене. Они сели в машину и через жуткие пробки и заторы приехали на Пресню, где Володя сдал Таню Рите с рук на руки. Он поцеловал ее в щечку, и они расстались до завтра. Наметили купить билеты на какой-нибудь популярный спектакль.

На вечер Рита пригласила подруг-однокурсниц. Накануне она полночи не спала, что-то пекла, готовила. Таня помогла Рите накрыть на стол. Потом долго рылась в чемодане, выбирая наряд, соответствующий вечеринке. Хотелось выглядеть хорошо, но так, чтобы не очень выпендриться и не вызвать осуждения и неодобрения девчонок. "Девчонок, - думалось Тане. - Слово-то какое неподходящее. Кажется, кое-кто уже стал бабушкой".

Вечеринка удалась на славу. Все хвалили Танин наряд и удивлялись, как она здорово выглядит. О себе никто много не рассказывал. Так, в общих чертах. Незачем было расписывать жизнь в деталях, на каждом лице отражалась судьба. Кто в преждевременных морщин-

ках от забот и тягот жизни, кто с гладкой кожей, холеной от денег, кремов и массажа. Тане было приятно, она чувствовала себя королевой бала. Много ели, пили, хохотали, фотографировались в смешных и торжественных позах. Разошлись в первом часу ночи.

Утром Рита с Таней поехали навестить свою старенькую университетскую преподавательницу русской литературы 19 века, кумира юности. Светлана Федоровна еще работала - в свои без малого восемьдесят лет. Некогда вольнодумка, будившая молодые умы и сердца в дни хрущевской оттепели, она неожиданно - в начале перестройки - крестилась и так же страстно увлеклась православием, как прежде - идеями либерализма и демократии. Светлана Федоровна вышла на пенсию и стала преподавать русский язык и литературу в православной гимназии. Она приняла Риту с Таней в своем кабинете, все такая же величественно высокая, немного сгорбленная, с громким, хорошо поставленным голосом, по-прежнему красивыми чертами, хоть и в морщинках, лица и пронзительными темно-кариыми глазами. Светлана Федоровна говорила о новых для России временах, когда настало царство бездуховности и стремления к наживе.

- Так трудно воспитывать молодое поколение в наши дни, - жаловалась учительница. - Частная школа - для богатых и состоятельных. У детей абсолютно все есть. Материальными благами их не удивишь. Родители запихнули детей к нам в гимназию, потому что у нас - дисциплина и нет наркотиков. Русский язык дети не берегут, развлекают английскими словечками. О Толстом и Достоевском разве что слыхали, но не читали. Вот я и пытаюсь привить им любовь к ближнему и прекрасному через веру в Бога.

- Ну и как? Получается? - поинтересовалась Таня.

- Не всегда и не со всеми подростками. Когда я учила ваше поколение, было легче. Правда, вы были на пару лет постарше, первокурсницы. Одевались скромно, губы не красили, волосы тоже, словом, внешне не старались выделиться из общей массы. Но в каждой из вас была индивидуальность и стремление к прекрасному. Я читала вам Гоголя, и у вас глаза горели. Я гордилась вами и собой заодно, что могла достучаться... Как хорошо, что вы, девочки, меня не забываете! Вот парадокс, в Бога-то не верите, а любовь к ближнему несете.

- Это не совсем так, Светлана Федоровна! Я искренне верю в Бога. Может, не в вашего с иконами и ладаном, но в единого Бога точно верю. - И Таня рассказала учительнице о том, как она молилась в самолете и Бог услышал, помог.

На следующий день Володя снова поехал к Тане. По дороге на Пресню он думал о том, как ему наскучила его молоденькая любов-

ница, с которой до и после секса было нечего делать и не о чем говорить. "Ах, как это все глупо, тривиально и пошло! Старый греховодник и восемнадцатилетняя красотка. Почти что герой Набокова. Нет, не гожусь я в такие герои. Пора кончать этот нелепый роман!" Володя представил себе Танины голубые глаза с темным ободком, ее по-прежнему звонкий, как в юности, голос, и весь ее милый, теперь уже близкий, облик, и на душе у него потеплело. "Отчего нас развела судьба? Мы ведь так любили друг друга!"

Таня надела голубой костюм, который делал ее глаза воистину небесными. Она вся светилась. Володя и Таня обменялись взглядами и оба почувствовали, что наступила новая фаза их отношений. Первая любовь не умерла, она видоизменилась, вобрав в себя романтизм юности и понимание и опыт зрелости. Что и как произойдет, они не знали, но понимали, что сегодня должно случиться все. И Таня больше не боялась. Страх отпустил ее.

Таня попросила Володю отвезти ее на кладбище поклониться могиле отца. Ехали молча, боясь словами нарушить гармонию их новых отношений. Володя рулил одной рукой, другая рука обнимала Танины плечи. Его рука дрожала. А может, дрожали Танины плечи и ее дрожь передалась ему. Дрожь не от страха. Сладостная дрожь ожидания.

На кладбище у могильной плиты отца Таня разрыдалась. Володя обнял ее, прижал к себе, потом вдруг наклонился и стал губами вытирать ее слезы. Приятно было чувствовать тепло его губ. Как-то так получилось, что они вдруг поцеловались прямо у могилы. И этот неуместный, не ко времени поцелуй длился бесконечно. Двадцать пять лет жизни на разных континентах - ничто по сравнению с бесконечностью. Таня и Володя скинули с себя годы, как лишнюю одежду, и очертя голову ринулись назад в молодость.

- Поедем в отель, - прошептал он. - Сейчас, немедленно. Я так соскучился по тебе. Ну можем же мы быть вместе хоть раз в двадцать пять лет.

- Да, да, конечно. Один раз в двадцать пять лет. Я тоже так по тебе соскучилась. Никто ведь не узнает, правда? И, значит, никто не будет страдать.

- Я привезу тебя в гостиницу. Ты подождешь меня в холле. Я только заскочу в одно место по бизнесу и мигом вернусь. Хорошо?

- Хорошо, хорошо.

Гостиница была неплохая, но какая-то безликая, незапоминающаяся. Где-то на ВДНХ. Таня сидела за столиком и листала женский журнал. Она не помнила, сколько времени прошло. Время тянулось невыносимо долго.

Тане надоело сидеть на месте, и она подошла к полураскрытому окну. В окне она увидела, как Володя захлопнул дверь машины и направился к гостинице. Потом раздался хлопок, Володя вздрогнул, замер будто в недоумении и упал затылком о тротуар.

Таня сначала ничего не поняла. Ее как бы парализовало на мгновение. Она выбежала на улицу, подбежала к Володе. Он лежал в луже крови, глаза его были открыты. Он еще дышал.

- Помогите! - взвывла Таня. - "Скорую"! Почему никто не вызвал "Скорую"?

Таня плохо соображала. Она обхватила Володину голову руками и повторяла: "Ты только не умирай, ты только не умирай, пожалуйста! Ты не можешь, ты не должен вот так здесь умереть. Я же люблю тебя. Я по-прежнему люблю тебя..."

Вокруг собирались люди. Кто-то бубнил об очередном заказном убийстве. Таня ничего не понимала, она сидела на корточках возле Володиного распростертого тела и беззвучно рыдала.

Минут через десять приехала милиция, потом "Скорая". Володю увезли. Подошел милиционер, спросил Таню: "Вы ему кто будете, гражданка?"

- Никто! Я ему абсолютно никто. Я прохожая. Нет, я проезжая, - сказала Таня, понимая, что ничего другого говорить не имеет права, отмахнулась от милиционера и побежала в метро.

...Татьяна не помнила, как добралась до Ритино дома. Рита едва узнала ее. Таня рухнула на диван, не снимая плаща.

- Что случилось, Танюша? На тебе лица нет.

- В Володю стреляли. Только что. Его увезли в больницу. Я хотела поехать с ним, но не имела права. Он же меня засекретил. Это какой-то кошмарный сон. Что мне делать, Рита? Я даже не знаю, жив ли он...

Сообразительная Рита включила телевизор. Ровный, невозмутимый голос ведущего московских новостей произнес: "Час назад произошло покушение на крупного российского бизнесмена Владимира Александровича Спиридонова. Причины покушения не известны. Спиридонов помещен в одну из городских больниц. Состояние раненого критическое. В больницу прибыли его жена, дочь и сын.

- Ах, вот он кто - твой Володя. Он, оказывается, Спиридонов, один из самых богатых бизнесменов Москвы. Сильный мира сего.

- Я знаю, что он Спиридонов. Но он и словом не обмолвился, что так богат и знаменит. Не хотел спугнуть меня. Ездил сам, без шофера и охраны. Господи, это я во всем виновата! Я приношу себе и другим одни несчастья.

- Таня, Танечка! Ну при чем тут ты? Это было его решение. Он хотел, как лучше.

Таня не могла успокоиться. Она сотрясалась от рыданий, проливая безутешные слезы. Слезы обиды на судьбу, слезы жалости к Володе и к себе. Какая жуткая поездка в Москву! И, вообще, какая нелепая, непредсказуемая, жестокая жизнь! И снова, как вчера, у нее закружилась голова и внутренний голос теперь уже негромко, почти шепотом, жалостливо, с мягкой укоризной повторял: "Грех, грех, грех!" Татьяна схватилась за голову в безуспешной попытке избавиться от наваждения.

Зазвонил телефон. Рите не хотелось снимать трубку. А телефон все звонил и звонил, призывно, требовательно, заглушая Танины рыдания. Наконец Рита не выдержала, подошла к телефону.

- Тань, это твоя мама. Ты будешь говорить?
- Скажи ей, что меня нет, что я катаюсь по Москве.
- Она говорит, чтобы ты немедленно возвращалась в Нью-Йорк. Твоему мужу стало хуже. Он в больнице. Все. Она повесила трубку.

...Девять часов полета Таня просидела в состоянии полнейшего оцепенения. Глаза ее были закрыты, но спать она не могла. Ей мерещился Володя, распростертый в луже крови на мостовой. Потом Володино лицо меняло свои черты, плавно переходя в лицо Таниного мужа. Таня в испуге открывала глаза и махала руками, пытаясь прогнать наваждение. "Господи, что же я наделала? Зачем я оставила больного мужа и ворвалась в Володину благополучную жизнь? Хотела свою жизнь сдвинуть с мертвой точки. Вот и сдвинула... С моей мертвой точки да в самую смерть для них. Только бы они оба остались живы. Господи, сохрани им жизнь! Ничего другого не прошу", - молилась Таня.

Самолет приближался к Нью-Йорку. Над городом расстилался густой туман. Лайнер пошел на снижение и вновь поднялся над облаками. Он все кружил и кружил в надежде на скорую посадку.

Елена Литинская окончила МГУ. В 1979 г. эмигрировала в США. В 1992 г. издала свой первый поэтический сборник. Стихи, переводы и рассказы печатались в газетах "Новое Русское Слово", "Форвертс", "Эмиграция", в журналах "Новый мир", "Слово/Word", в альманахах, а также в антологии "Общая Тетрадь: Русские Поэты Северной Америки". В 2002 г. выпустила второй поэтический сборник "В поисках себя". Живет в Нью-Йорке.

ЕВГЕНИЯ БОСИНА

"И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ НА КОНЧИКЕ ПЕРА..."

* * *

А мы никуда не исчезли,
Не сгнули и не пропали:
Ненадолго с поезда слезли -
На целую вечность отстали.
Застряли на станции сонной
В пустынном краю без названья
И дремлем под грохот вагонный
В зелёной тоске ожиданья.
Мы дети счастливой планеты,
Несчастные, злые подранки,
Раскиданы кем-то по свету -
По станциям и полустанкам.
Но если мы можем, как прежде,
Заплакать от голоса скрипки,
Забытые вспомнить надежды
И новые сделать ошибки,
Дождавшись заветного часа,
Пролиться, как ливень, стихами,
То, стало быть, счастья запасы
Ещё не истрачены нами!
Недаром на старом вокзале
Холодною полночью звёздной
Сердца и колёса стучали:
"Не поздно, не поздно, не поздно!"

* * *

Дом жил отдельной от меня,
Таинственной и странной жизнью:
Скрипел, как будто бы браня,
А то молчал, но с укоризной,
Шуршал, вздыхал, ворчал и пел,
И кто-то лёгкими ногами
То вверх по лестнице летел,
То мерял комнату шагами,
То еле слышный шепоток
Журчал в углу - не в том, так в этом,
То падал кружевной платок
С плеч неизвестной на портрете,
Стонали, лишь сгущалась мгла,
Резные двери цвета вишни.
Я понимала, что была
Ненужной здесь. И даже лишней,
Рояль невидимый звучал,
Но дело шло не дальше гаммы,
И быстро близился финал
Чужой и непонятной драмы,
Тревожно тикали часы.
Забыв о звании настенных,
Вплетали хриплые басы
В хор неприкаянных Вселенных.
И было в доме не до сна,
И всё нуждалось в объясненьи...
Ах, да, конечно же, весна -
Разлад и смута. Наважденье.

* * *

Как маленькие брошенные дети
В пустом и ветхом брошенном дому,
Живут ещё стихи на белом свете,
Ненужные нигде и никому.
Меж тем - живут.
А чем живут? - Бог знает.
Нелепые, как в стужу мотыльки.
Вот-вот погибнут - и не погибают,
Неласковому веку вопреки.
А век - он полон боли до предела,
Он глух от криков, скрежета, звонков,

А век - он что?
Ему-то что за дело
До крохотных озябших мотыльков,
Летающих в февральской круговерти
И бьющихся в закрытое окно?
Он не заметит крохотной их смерти,
Он и к большой привык уже давно,
Давно приучен к пушкам и ракетам,
К боям и бойням, к выстрелам в упор,
Но этой смертью, тихой, незаметной,
Он сам себе подпишет приговор.
И я кричу - гортанью, сердцем, кожей:
- Спасите нас, и грешных, и святых!
О, мотылёк, держи, покуда сможешь,
Наш грустный мир на крылышках своих!

* * *

Когда-нибудь придётся заплатить -
О, если б за грехи или ошибки! -
За каждый день спокойный, за улыбки,
За то, что жить хотелось, просто жить!
Когда-нибудь придётся отвечать -
Поверьте, будет спрошено сурово! -
За каждое оброненное слово,
Как и за то, что не смогла сказать.
За каждый - даже крохотный! - успех
Настигнет неизбежная расплата...
За то, что так любила и за всех,
Меня любивших краткий миг когда-то,
За то, что было много мне дано,
Что детство было праздничным и светлым,
За то, что было после суждено
Гореть огнём, но восставать из пепла,
Что над собой умела хохотать,
Что не была несчастной и убогой,
Какую цену мне назначат боги?
Чем оправдаться? Если б только знать...

* * *

Летели недели гремящим составом
По рельсам опасным, лихой колее,
Бросало вагоны то влево, то вправо,

То будто рукой прижимало к земле.
Вагоны мелькали, вдали пропадали,
И в каждом - набитом обрывками снов -
Всего было вдоволь: любви и печали,
И будничных тайных и явных Голгоф.
Поля, перелески, разъезды, вокзалы...
Ни выйти нельзя, ни вернуться назад.
Те, кто распинал и кого распинали, -
Все вместе несутся вперёд наугад.
Грохочет состав по стальным параллелям
Сквозь пыльные бури, сквозь ливни и снег.
- А что же потом, за последним туннелем?
О, бедный, о, слабый, смешной человек!
О, эта безумная вечная тряска!
Но снова с улыбкой на сонном лице
Ребёнок в купе засыпает под сказку
Про свет, что обещан был кем-то в конце.

* * *

Мы доживём до светлой полосы,
Из тёмной выползая постепенно,
Увидим снова волны в лёгкой пене,
Изгиб травинки в капельках росы,
Увидим корабли и паруса,
В высоком небе - промельк белой птицы,
Как в первый раз - любимых наших лица,
Как в первый раз - услышим голоса.
Дитя лепечет, скрипочка поёт...
О, как мы были глухи и незрячи
В эпоху тёмной полосы! Иначе,
Теперь вся жизнь иначе потечёт!
Мы доживём до светлой полосы:
До ярко-синей, золотой, зелёной,
И будет ветер, резкий и солёный,
И старый дом, и на стене часы...
Рассвет придёт, он должен нам помочь,
Любая ночь кончается рассветом!
О, только б нам не позабыть об этом,
Когда на душу снова
ляжет
ночь.

* * *

Написанное - после происходит:
Что было словом - делом станет вдруг.
Судьба - пером, перо - судьбою водит,
Последней точкой замыкая круг?
Написанное - после воплотится
По всем законам древней ворожбы
В разлуки, встречи, страны, вещи, лица,
И станет строчка линией судьбы.
Бесплотные магические знаки,
Возникшие из отблесков зарниц,
Из недр земных, из света и из мрака,
Умеют жить отдельно от страниц.
О, Пишущий! Дай Бог тебе отваги,
Чтоб, справившись с сомнением и тоской,
Не убояться... слова на бумаге,
Начертанного собственной рукой.
Играть со словом - нет опасней дела,
Но как прекрасна вечная игра!
Ночь. Тишина. Листок бумаги белой.
И жизнь, и смерть на кончике пера.

* * *

Не может быть боли, не может быть горя,
Когда за окном Средиземное море.
А выбежишь к морю - немислимо-близко
Проносится чайка крылатой запиской.
Я раньше не знала, что письма летают...
Но кто же их пишет и как их читают,
Куда улетают живые листочки,
А с ними слова, запятые и точки?
В какие такие лазурные дали -
Где слёз и печали в глаза не видали?
Быть может, туда, где в оливковых рощах,
Живётся иначе - счастливей и проще?
Где люди - как дети, а боги - как люди?
Где помнят, что было, и знают, что будет?
О, белая птица на зыбкой волне!
Что если оттуда ты послана мне?
О, ветер, летящий из Трои и Спарты!
Ты голову кружишь, ты путаешь карты,
Ты шепчешь о том, что нет боли и горя,

Когда за окном Средиземное море,
Когда оно рядом живёт, по соседству,
Доставшись мне даром - по праву наследства.

* * *

Ну, что увидишь, выглянув в окно?
Такое же окно в соседнем доме,
Пейзаж, приятный глазу, но знакомый
До мелочей уже давным-давно,
Квадратик неба, стаю голубей,
Всё тех же пальм зелёные макушки,
Развешанные утром для просушки
Штандарты одеял и простыней.
Да много ли увидишь, милый мой?
Конечно, много, невозможно много!
Летящих птиц увидишь и дорогу,
И звёзды у себя над головой,
Всю землю, все озёра, все моря,
Столь разных городов родные лица -
И Богом позабытых, и столицы,
И сроду незнакомые края.
А главное - увидишь сквозь стекло
Любимую до слёз фигурку сына,
Спешащего по зимней серой стыни
Домой - сюда - к тебе - скорей! - в тепло.

Снегопад в Галилее

Сначала возникло предчувствие снега -
Полёта, прорыва, исхода, побега.
Потом он пошёл, становясь всё смелее,
Ложился на плечи и грудь Галилеи,
На стыльную землю, Кинерет и горы,
На красные крыши и серое море,
Прикрыл одеялом асфальта заплаты.
Он лекарем был, милосердным был братом.
Лечите же, вьюги, студите, бураны,
Наркозом мороза - горячие раны
И души, что были изорваны в клочья!
Врачуйте их днём и - особенно! - ночью,
Бинтуйте их снежною лентой, шепчите,

На лбы - ледяные ладони кладите,
На свежие швы и на старые шрамы -
Подуйте! Засыпьте воронки и ямы,
Останки автобусов и пепелища -
Пусть их никогда и никто не отыщет,
Пусть станет всё белым и чистым листом,
Чтоб было с чего начинать нам потом.

Евгения Босина родилась в 1956 году в Киеве. В 1980 году окончила филологический факультет Киевского государственного университета (русский язык и литература). В 1990 году вместе с семьёй репатрировалась в Израиль. Сейчас живёт недалеко от Хайфы в небольшом городке Нагария, преподаёт русский язык.

Лауреат израильского конкурса поэзии "Возьмёмся за руки, друзья", а также Международного Пушкинского конкурса (США, 2004, 2005, 2007 гг.). Победитель Открытого поэтического турнира в Штутгарте (Германия, 2004 г.)

В 2005 году в свет вышел первый сборник стихов Евгении Босиной "Снегопад в Галилее". В 2006 году была принята в Союз писателей Израиля.

ДАВИД ГАЙ, ИГОРЬ ШИХМАН

ТВОРЯЩИЙ ЧУДЕСА

*Подлинная история John of God,
знаменитого бразильского целителя*

(Отрывки из книги)

Авторское предуведомление

Если бы еще год назад нам сказали, что мы напишем эту книгу, мы бы крайне удивились: наши творческие интересы лежали совсем в иной плоскости. Ранее в своей журналистской, писательской работе мы не занимались подобной тематикой, более того, относились к ней с определенной долей скептицизма. Мы и имени-то John of God слыхом не слыхивали.

Однако случилось то, что случилось - близкая родственница одного из нас, получившая тяжелейшую травму ноги, совершила вместе с мужем поездку в Бразилию, в деревню Абаджания, к целителю, Медиуму, которого называют самым могущественным из всех живущих сейчас на нашей планете. Их впечатления об увиденном настолько поразили, что мы решили узнать как можно больше об этом человеке.

Но и тогда мы совершенно не думали что-либо писать по этому поводу. Решение созрело в тот момент, когда один из нас впервые попал в Casa - духовный госпиталь и собственной персоной прошел лечение у John of God, называемого в миру его подлинным именем - Жоао.

...Так родилась эта книга, посвященная знаменитому целителю, первая на русском языке. Вот она, перед вами.

Мы не ставили целью возвеличивать своего героя, заниматься его популяризацией - он в этом не нуждается.

Мы строго подошли к отбору материала, не заикливаясь исключительно на уникальных случаях в его практике. Тем не менее, мы привели множество свидетельств людей, в том числе говорящих по-русски, которые на собственном примере испытали воздействие духовной силы Жоао.

Мы не скрывали и того, что у нашего героя немало недоброжелателей и врагов, омрачающих его существование, безуспешно пытающихся объявить его чуть ли не шарлатаном...

Мы хотели нарисовать подлинный портрет человека, к которому устремляются паломники из десятков стран. Целителя, совершающего тяжелейшую работу, своего рода миссию ради и во имя страждущих.

И если хотя бы некоторые люди, утратившие веру в себя и в возможность своего выздоровления, прочтя книгу, решат поехать в Абаджанию и обратиться к целителю Жоао, мы будем считать свою задачу выполненной.

*"Чудеса - там, где в них верят,
и чем больше верят, тем чаще
они случаются..."*

Дени Дидро

Белые одежды

Игорь Шихман: Я встал рано утром. Облачился в традиционные для Абаджании, но непривычные для меня белые одеяния - хлопковую тунику и балахонистые "Бермуды" - и вышел за калитку.

Одновременно из соседнего двора вышли двое незнакомцев в похожих белых нарядах. Потом еще пара. За ней показался одинокий молодой человек в замысловатой чалме, делающей его похожим на индийского факира.

Светало. Солнце едва пробивалось сквозь плотный слой облаков. Стояла обычная для сезона дождей погода. Облачно и невероятно влажно. Ткань костюма мгновенно стала влажной и прилипла к телу.

Наша небольшая группа молча дошла до главной улицы Абаджании и влилась в общий поток. Все спокойно, чинно, не обгоняя друг друга, двигались в одном направлении.

Я огляделся. С боковых улочек и многочисленных постоянных дворов, расположенных на абаджанском Бродвее, к нам присоединялись новые и новые паломники, образуя живописную процессию из людей различных возрастов, вероисповеданий и цветов кожи. Многие передвигались в инвалидных колясках самых неожиданных и замысловатых конструкций. Немало людей с видимыми физическими недостатками, вероятно, вследствие перенесенных тяжелых заболеваний.

Пристально всматриваюсь в лица паломников. Лучшего слова для определения статуса этих людей, образующих толпу *страждущих*, прибывших в Абаджанию в надежде на чудо, на мой взгляд, трудно подобрать.

Мною прожита достаточно долгая жизнь. Я многое видел на своем веку и в полной мере научился состраданию и острому восприятию чужой беды. Вглядываясь в лица спутников, я поразился: их не нужно было жалеть, они в этом не нуждались, в их глазах читалась вера и надежда.

Молчаливая, по-своему торжественная утренняя процессия пробудила во мне, на первый взгляд, странные ассоциации. Вдруг мне почудилось, что все это происходит не в далекой, затерявшейся за экватором бразильской деревне, а где-то на гигантской съемочной площадке, и здесь создается очередной голливудский блокбастер о чудесах Иисуса Христа. Все мы - участники процессии - не просто паломники, а загримированные статисты массовой. Сейчас вспыхнут юпитеры, явится очередная кинозвезда - исполнитель главной роли, и по команде знаменитого голливудского режиссера начнется великое таинство. Слепому вернется зрение, немому речь, парализованный начнет ходить...

А вдруг... Вдруг это вовсе не съемки, а фантастическая машина времени перенесла нас в истинно Христовы времена?..

В следующее мгновение я очнулся и вернулся к действительности. Процессия привела меня к воротам Casa Ignasio (Дом Игнатия Лойолы), где тридцать лет творит подлинные чудеса признанный целитель, великий медиум Жоао, известный миру под именем John of God.

С разными чувствами приходят сюда паломники. Большинство, по моим наблюдениям, идет с сомнением и скептицизмом. Другим, потерявшим надежду на традиционную медицину, не остается ничего другого, как верить. Сомнения многих людей легко понять - уж больно нереальными и фантастическими кажутся рассказы об абаджанском кудеснике. Рассказы, которые больше походят на легенды.

(Забегая вперед, замечу, что после короткого пребывания в Абаджании и знакомства с Жоао, абсолютное большинство посетителей Casa становятся рьяными приверженцами и пропагандистами медиума).

С каким же чувством я впервые переступил порог Casa? В целом отношу себя к категории здоровых людей, хотя, конечно, есть проблемы, как у любого, перешагнувшего шестидесятилетний рубеж. Впрочем, с ними можно мириться и нормально жить, если вести здоровый и активный образ жизни. Что я изо всех сил стараюсь делать. Словом, я определенно не входил в категорию людей, рассматривающих паломничество к медиуму в далекую Бразилию как свой *последний шанс*.

Меня в Абаджанию привело скорее любопытство, желание познать что-то новое. Честно признаюсь: мое любопытство подкреплялось в целом позитивным отношением к целителям. (Конечно, если они не ловкие проходимцы, умело играющие на человеческих слабостях и вере в чудо).

Дальше все происходило, как накануне и обещал ассистент Медиума Диего, проводивший ориентацию для вновь прибывших. Обычно эта встреча проходит во вторник вечером, перед началом очередного недельного цикла. К ней не стоит относиться как к формальности. Вообще, все, что происходит в Casa, строго продумано и четко выверено. От паломников требуется самая малость: следовать заведенным правилам.

Диего, который, как правило, встречает новичков и вводит их в курс дела, - человек необыкновенно приятный и интеллигентный. Самое главное, он обладает неиссякаемым запасом терпения и такта. Я искренне позавидовал его спокойствию и невозмутимости. Ему можно задавать любые вопросы, даже самые нелепые, и вы всегда получите на них исчерпывающие ответы.

- Вы говорите, что следует молиться перед тем, как войти в зал медитации, - напомнил я. - Но я не знаю не одной молитвы...

Судя по реакции моего собеседника, вопрос не застал его врасплох.

- Молитва - не просто обращение к Богу. Ее проникновенные слова расслабляют душу, делают ее более восприимчивой к добру.

Диего внимательно посмотрел на меня.

- Этого можно добиться не только с помощью слова божьего, - продолжил он. - Например, читайте хорошие и добрые стихи. О любви, о матери, о мире...

Я не преминул воспользоваться советом Диего. Повторял про се-

бя любимые стихи Иосифа Уткина. Добрые, грустные и немного ироничные...

Люди, попав на территорию Casa, вначале направляются в маленький магазинчик. Здесь паломники получают талоны для посещения Жоао. Один цвет для тех, кто идет на первый прием, другой цвет означает второй визит. В магазинчике продаются кристаллы, от маленького кулона на шею до гигантского для украшения жилища. Здесь же различная эзотерическая литература, атрибутика Центра.

Получив талон-пропуск, занимаю место на просторной крытой террасе. Небольшой овальный подиум, немного напоминающий эстраду. Нам рассказали, что тут Жоао периодически публично проводит контактные (физические) операции. Без капли наркоза делает надрезы, удаляет новообразования, потом накладывает, также без анестезии, швы. Внедряет в ноздрю медицинской зажим - глубоко, на всю его длину. Крови при этом бывает самая малость. Простым кухонным ножом чистит глазное яблоко...

Стену подиума украшает молитвенный деревянный треугольник - точка притяжения всех паломников. Основание его заполнено записками и фотографиями. Треугольник - это способ общения людей с Entities. Entities - часто повторяемое в Casa слово. Этот термин относится к Духу, который в определенный момент сеанса вселяется в тело Медиума (Жоао).

К треугольнику постоянно очередь. Люди задерживаются здесь на одну-две минуты. Шепотом говорят о самом сокровенном: просят помочь в житейских и семейных делах, молят о здоровье для себя и близких, жалуются на судьбу и несправедливость. Мало ли что тревожит нас, мешает полноценно жить и быть счастливыми... Один мой знакомый просил избавить его от пагубной страсти картежника. Теперь клянется, что его мольбы дошли и возымели действие.

Дожидаюсь своей очереди, снимаю обувь и босиком иду к треугольнику. Не задумываясь, повторяю действия всех, кто прошел передо мной. От старожиллов Абаджании доводилось слышать об особом тепле, исходящем из треугольника. Памятуя это, вплотную приближаюсь лицом к центру магического знака. К своей досаде, ничего не ощущаю. Это обстоятельство несколько обескураживает меня, но отнюдь не понижает мое любопытство.

Спустя несколько дней, когда я вновь пришел к треугольнику, то действительно почувствовал не просто тепло, а настоящий жар, исходивший от него.

- Не удивляйся, - пояснил мне один из помощников Медиума, его

тетка, профессор зоологии Гоянского университета Жоао Ристли, посвятивший Casa десять лет жизни. - Ты не исключение. Так случается часто. Все зависит от настроения, восприятия души.

...В Casa пропадает охота смотреть на часы. Время течет плавно и спокойно.

В ожидании встречи с Жоао удивительно легко завязываются новые знакомства. Люди, еще час назад не знавшие друг друга, непринужденно и без утайки рассказывают самое сокровенное, делятся бедами и заботами, в одночасье становясь близкими. Безусловно, в воздухе Casa витают особые флюиды доброжелательности и миролюбия. Недаром побывавшие в Абаджании потом охотно поддерживают знакомства, завязавшиеся в этом месте. Возникает ощущение, будто тут паломников посвящают в члены особого духовного братства.

...Постепенно вырастает длинная очередь. В половине восьмого утра появляется помощник Жоао по имени Рикардо, которого я немедленно переименовал в Апостола Петра. Тот, как известно, нес вахту у врат рая; Рикардо выполняет ту же роль, только у двери, ведущей в святая святых Casa - зал медитации. Именно здесь проводит большую часть времени Жоао.

В помещении приглашаются пришедшие медитировать. Ассистенты зорко следят за занимающими места паломниками. Почему зорко? Потому что за долгие годы прекрасно изучили их психологию. Новички изо всех сил стараются устроиться поближе к Медуму. Вопреки привычной логике, такое соседство не всегда приносит пользу. Случается наоборот...

Ровно в восемь доступ в зал медитации прекращается и дверь закрывается. Опоздавшие, а их единицы, даже не пытаются уговаривать с виду добродушного Апостола Петра. Он неумолим. Все знают: в Casa - железная дисциплина.

Наступает время коллективной молитвы. Ее по очереди ведут помощники Жоао. Здесь, как в хорошем театре, все роли давно распределены. Одни ведут молитвы, другие поддерживают порядок, третьи служат переводчиками, четвертые ассистируют во время контактных операций... И каждый из них обязательно время от времени медитирует в зале, оказывая поддержку Жоао.

Познакомившись со многими из них поближе, узнав их истории и причины, приведшие их в Casa, я понял: все они - глубоко и искренне верующие люди. Вера у них особая. Они беззаветно верят в Жоао и его благородную миссию. Верят, что Бог и Entities помогают ему творить добро. Для них утренняя молитва - не просто традиционное обращение к Всевышнему. Это, по их мнению, важная

составная часть духовной терапии.

Утренняя церемония завершается "всеобщим братанием". Последние слова молитвы паломники читают, обнявшись.

Дверь вновь раскрывается, и в зал приглашаются паломники, ранее встречавшиеся с Жоао. Очередь движется равномерно. В среднем каждый задерживается возле Медиума не более минуты. Бывают исключения, и тогда возникает легкий затор. Как правило, его "виновниками" становятся бразильцы, имеющие перед другими языковое преимущество, т.е. способные общаться с Жоао без переводчика. Часто дополнительными вопросами они стараются детализировать его ответ, получить более полную информацию. Никто, включая ассистентов, не вмешивается в ход беседы. Терпение и еще раз терпение.

В Casa выработан четкий ритуал общения с Медиумом. Паломники из числа иностранцев, а их большинство, заранее, до начала сессии, выбирают переводчика и излагают ему суть своих проблем. Последний собственноручно со стенографической краткостью записывает услышанное на отдельном листке бумаги, который остается у паломника. Переводчики находятся рядом с Жоао и по необходимости приходят на помощь своим подопечным. Переводы, как и другие услуги, добровольные помощники Медиума оказывают бесплатно.

В своей жизни я вдоволь насмотрелся на очереди. Не помню случая, чтобы нудное стояние обходилось без какого-либо инцидента. Это естественно: людей раздражает бессмысленная трата времени, яблоком раздора может стать любая мелочь. Даже неосторожно брошенное слово.

Очередь в Casa - особая, в ней никогда не бывает ссор и конфликтов. Даже стандартная ситуация, когда кто-то со стороны присоединяется к знакомым, не вызывает у окружающих негативной реакции. Никто ему не указывает: "Встаньте в очередь..."

Медленно в общем потоке движусь по направлению к Жоао. Наконец, до его кресла остается не больше трех метров. Я отчетливо вижу его лицо. Устало, склонив голову на бок, он внимательно слушает людей, не позволяя себе даже на мгновение расслабиться. Медиум весь внимание. Сам говорит предельно мало. Мне показалось, даже неохотно.

Поражают его глаза. Даже толстые стекла очков не могут скрыть их выражения. Глаза грустные-грустные. В них словно отражаются беды, с которыми приходят к нему страждущие. Глаза, полные сострадания и сочувствия. Они - зеркало его души, готовой принять на себя человеческие несчастья.

Наконец, делаю последний шаг и оказываюсь лицом к лицу с Жоао. Сбоку только переводчик. Быстро опускаю свою ладонь в его поднятую руку, но это не обычное рукопожатие. Скорее так врач проверяет пульс пациента и определяет его тонус. На какое-то мгновение он задерживает мою руку, словно пытаюсь собрать больше информации о моем организме. Отпускает руку и быстро что-то говорит переводчику Артуру. Он повторяет мне слова Жоао на английском:

- Пять сеансов кристаллической кровати и завтра на утренней сессии спиритуальная операция.

Аудиенция получилась столь мимолетной и стремительной, что даже трудно говорить о каких-либо впечатлениях. Запомнились только глаза Медиума. Глаза, которые иногда мне снятся...

Выхожу во двор. Здесь во время сессии всегда многолюдно. Народ не спешит расходиться.

Полностью подчиняюсь здешнему ритму жизни. Отключил мобильный телефон и на время забыл о бизнесе. Все отправляются есть знаменитый абаджанский суп, и я вместе со всеми.

Признаюсь, я очень люблю супы. Для меня обед без первого блюда не обед. О супе, которым потчуют в Casa, я слышал еще до поездки. Говорят, его рецепт принадлежит самому Жоао, который, как утверждают сведущие люди, в частной жизни любит готовить и угощать друзей. Он неплохой кулинар. А еще любит шить.

Пока я размышлял, подошла очередь к кухонному окну. Любопытства ради заглядываю во внутрь. На большой плите, какие встретишь в любой русской деревне, на огне в двух гигантских кастрюлях, ведер на пять-шесть каждая, булькает аппетитное варево. Пахнет вкусно. Немедленно появляется чувство голода. Приветливая бразильянка щедро опрокидывает содержимое половника в тарелку, сверху кладет краюху хлеба и протягивает мне. Здешняя столовка на крытой террасе удивительно напоминает солдатские столовые. Те же длинные столы человек на двадцать, покрытые простой клеенкой, вместо привычных стульев - лавки. Нахожу свободное место. За столом Вавилон наречий: звучат английский, испанский, португальский, польский и еще какие-то незнакомые мне языки. Все говорят наперебой и, самое удивительное, прекрасно понимают друг друга без переводчика.

Тщательно изучаю содержимое тарелки. Морковь, кабачок, лук, макароны, что-то еще, никак не могу разобрать. Суп действительно вкусный, наваристый, но без мяса. Его готовят местные поварихи, а всю черновую работу по очистке овощей добровольно выполняют энтузиасты из числа паломников. Основное и незыблемое ус-

ловие Casa: никто никого ни к чему не принуждает. (Через неделю на кухне я видел бывшего полковника ВВС США Гленна, прекрасно перемальвавшего кабачки. Им командовала расторопная чернокожая повараха).

Набравшись энергии (недаром Диего на ориентации утверждал, что суп исключительно богат энергией), я пообещал себе не пропускать здешних трапез.

Теперь с новыми силами можно заняться делами, решаю я, и отправляюсь в лавку купить талоны на процедуру "кристаллическая кровать" - единственную платную услугу в Casa. Правда, плата минимальная, скорее символическая. Следуя предписанию Жоао, записываюсь на пять сеансов...

Утренняя сессия подходит к концу. Расспрашиваю людей, перенесших спиритуальную (бесконтактную) операцию. Завтра мне предстоит пройти такую же процедуру. Подвожу итог дня. Заработал свой первый опыт, слегка освоился в Casa. Обстановка пришлась по душе, люди тоже...

Диалог авторов

По мере того, как накапливались сведения, раскрывающие облик знаменитого целителя, личные впечатления от пребывания в Абаджании, множились истории излеченных им, возникало желание порассуждать на некоторые острые темы, взглянуть на Медиума и его спиритуальную работу под разными углами зрения.

Мы решили преподнести это в форме диалогов авторов. Диалогов, в которых каждый волен высказывать свою точку зрения, спорить, дискутировать. Итак...

Игорь Шихман: В Casa на каждом шагу я видел обожание, преклонение, любовь, обращенные на Жоао. Людям свойственно сотворять себе кумиров, но здесь особая, ни на что не похожая атмосфера. Если ты приезжаешь в Абаджанию на костылях, а покидаешь деревню на своих двоих, то вполне естественны, оправданы чувства бесконечной признательности этому уникальному человеку. Отсюда и отношение к нему чуть ли не как к божеству...

Давид Гай: И тем не менее недоброжелателей, врагов у него хватало. Его преследовали - и врачебные организации, и церковники. Некоторые обвиняли его в шаманстве. Его арестовывали, заставляли платить штрафы, но он продолжал свою деятельность.

И. Ш.: И вовсе не ради денег. За свое целительство он ничего не

берет. Люди сами жертвуют на Casa определенные суммы - или не жертвуют. В здании есть ящик для сбора пожертвований, однако не было случая, чтобы кто-то кого-то принуждал. Напротив, каждый вторник вечером, на так называемой ориентации для вновь прибывших, помощник Жоао непременно подчеркивает, что пожертвования - дело сугубо добровольное. Никакие суммы не обсуждаются и не становятся предметом гласности. Персонал Casa не вправе давать на сей счет какие-либо рекомендации.

Д. Г.: Тем не менее, Жоао не бедный человек, для Бразилии даже богатый. Он - совладелец двух шахт и хозяин двух ранчо. Когда американский тележурналист Кьюнонес в разговоре с ним отметил, что Абаджания превратилась в своего рода туристический центр для тысяч людей, тратящих здесь деньги на покупку лекарственных трав и прочего, глаза Жоао увлажнились, он вмиг стал выглядеть больным. Он сказал, что имеет деньги, но тратит большую их часть на еду и образование бедняков. "У меня есть ранчо, но этого недостаточно, чтобы поддерживать Casa". Между прочим, мне попала на глаза цифра доходов от продажи капсул Пассифлоры. 400 тысяч долларов в год. Согласись, невелика сумма, если учесть, каких расходов требует содержание Casa.

И. Ш.: Давай вернемся к взаимоотношениям Жоао с властями. Он знает, что такое тюрьма. Был такой случай. Полиция задержала его на торговой площади, когда он беседовал с другом. Его избили дубинками. Это было не первое избиение, но самое сильное и жестокое. Ему пробили голову, кровь текла по одежде... Его тащили по бульжной мостовой в полицейский участок, продолжая лупить дубинками, кулаками и ногами. Спина была в кровоподтеках. Его бросили в камере в полубессознательном состоянии. Скоро должен был прийти старший офицер и предъявить обвинение... Как обычно, оно основывалось на жалобах врачей в связи с деятельностью Жоао, лечившего людей без медицинского диплома.

Жоао терял сознание, камера кружилась, последнее, что он видел, - ухмыляющаяся физиономия офицера...

Едва офицер и сопровождавшие его полицейские вошли в камеру, как через несколько секунд почувствовали страшную боль, будто их самих избивали. Они катались со стонами по полу, не отдавая себе отчет в происходящем. Entities вошли в тело Жоао и передали боль его мучителям.

Полицейские отпустили Медиума без предъявления обвинений.

Д. Г.: Да, преследования сопровождали Жоао многие годы. Только сейчас, находясь на вершине славы, он, похоже, избавлен от подобных действий властей.

И. Ш: Хотелось бы верить.

Д. Г: Но в прошлые годы с ним случалось всякое. Иногда - трагикомическое. Будучи в очередной раз арестован, он предстал пред очи офицера-женщины. Та неожиданно попросила Жоао предсказать ей судьбу. К ее изумлению, Медиум открыл столько темных сторон ее прошлой и будущей жизни, что женщина предложила ему вариант: она его освобождает, а он клянется никогда ни с кем не делиться относительно секретов ее жизни.

Иногда гонители Жоао вынужденно прибегали к его помощи. Так, в центральном бразильском штате Гояния было совершено убийство, сбившее с толку следователей. Они не могли найти никаких подозреваемых и обратились в Медиуму. Ему удалось навести их на след убийц, распродававших вещи убитого ими мужчины.

И. Ш.: Один из первых вызовов Медиума в суд произошел еще в 1981-м году. Он происходил в городе, где живет Жоао, - Анаполисе. К счастью, его уже широкая к тому времени популярность и практические результаты обеспечили ему широкую поддержку местного населения, против которого суд не пошел. Жоао был оправдан.

И тем не менее жизнь Медиума не стала легче. Будучи в Абаджании, я узнал такой факт. Известный в Анаполисе доктор и политик через год после оправдательного вердикта суда нанял киллеров с целью убить Медиума. Детали покушения неизвестны, однако рассказавший мне эту историю подчеркивает: Жоао удалось спастись чудом.

Другой случай, относящийся к середине 90-х. Полицейские пришли в парк города Каприна, где Жоао проводил очередную сессию, с ордером на его арест. Спасся он благодаря расторопности своих адвокатов. Они немедленно обратились к члену Верховного суда страны, и тот принял необходимые меры для защиты Медиума. Судья этот лечился у Жоао, сделал у него операцию. Любопытно, что не только он один - к услугам Медиума прибегали и другие высокопоставленные слуги Фемиды, иногда открыто, иногда втайне.

Меня потрясла история, также услышанная в Абаджании. Комиссар полиции, один из наиболее ярких преследователей Жоао (кажется, называлась фамилия Франки или Франко, за точность не ручаюсь), однажды утром приехал в Casa и присоединился к людской очереди. Выглядел он тяжело больным - с темными кругами под глазами, затрудненным дыханием. Его избыточный вес также свидетельствовал об этом. В записке, которую он подал Жоао, говорилось, что Ф. страдает заболеванием почек.

Рядом с Ф. стояли люди. Жоао, быть может, впервые изменил своему правилу и строгим голосом обратился к полицейскому на-

чальнику: "Скажите им всем, кто вы". Ф. назвал свои должность и звание. "Вы преследовали меня немало лет. Вы отравляли мою жизнь. Вы посылали своих друзей лечиться ко мне, знали, что я действительно помогаю людям тогда, когда им уже никто не может помочь, и тем не менее продолжали меня преследовать. И сейчас вы пришли ко мне за помощью?!" Он повернулся к стоявшим рядом. "Расскажите этому синьору о своих болезнях и о том, как вы чувствуете себя после моего лечения..."

Рассказы были более чем убедительные. Комиссар слушал, понурясь. Потом он неожиданно произнес: "Я готов дать письменное подтверждение, что вы не обманщик и делаете полезное, нужное дело ради людей".

Жоао назначил Ф. спиритуальную операцию...

Д. Г.: История и в самом деле необычная...

Медиум сталкивался и с другими попытками уничтожить дело, которому он служит. Намеренно распускались слухи, компрометирующие целителя. Так, местная прокурорша, которая вела расследование деятельности Саза, заявила, что якобы Жоао посылал ей через родственника смертные угрозы. Медиум напрочь отрицает это. А слух остался... Или другое. Некая женщина заявила, что Жоао воспользовался ею в момент лечения.

И. Ш.: Бьюсь об заклад - это была американка...

Д. Г.: Очень может быть, учитывая страсть наших соотечественниц судиться по любому поводу. Выглядит смехотворно: Жоао никогда не остается с теми, кого лечит, один на один, вокруг него всегда люди...

И все-таки, чем можно объяснить столь давнюю и упорную борьбу властей с Медиумом? Я понимаю заинтересованность докторов, представляющих традиционную медицину, запретить Жоао заниматься целительством. Жесткая конкурентная борьба. Деньги. Однако Жоао не только не отрицает достижения традиционной медицины, но постоянно подчеркивает, разговаривая с приезжающими в Саза: следуйте предписаниям ваших врачей, принимайте прописанные ими лекарства... Он лечит совсем иначе, для него врачи - не враги и не соперники, а просто другая медицина...

И. Ш.: Мне кажется, бразильские юридические законы, базирующиеся на Римском праве, содержат немало двусмысленностей, неясностей. За что могут судить Жоао? Судить его могут по двум статьям: нелегальная врачебная практика и целительство. Криминалом считается целительство, связанное с выпиской рецептов на лекарства, рекомендация для приема каких-либо веществ, использование жестов, слов и любых других способов воздействия, а так-

же вынесение диагнозов. Наказание - от полугода до двух лет тюрьмы.

На мой взгляд, ни одно из действий Медиума не подпадает под упомянутые выше статьи. Рецепты он не выписывает, лекарства не использует, за исключением растительных добавок Пассифлоры, которые, как мне известно, изготавливаются из натуральных плодов маракуя, обладающих полезными тонизирующими свойствами. Они хорошо известны фармацевтам и специалистам по пищевым добавкам. Кстати, их изготавливает местная муниципальная аптека. Добавки эти продаются свободно, без рецептов, в аптеках и магазинах, торгующих витаминами. У нас в Америке они есть всюду. В Бразилии - тоже. Никакие иные вещества он не рекомендует. Диагнозы не ставит - если их и выносят, то исключительно спириты, Духи.

Что же касается использования жестов, слов и других способов воздействия, то как тогда быть с религиозными службами, с молитвами, звучащими под сводами церквей? Их тоже придется объявить криминальными.

Мне известен такой факт. Один нью-йоркский доктор с помощью священника подобрал молитвы, сделал аудиозапись, положив церковные тексты на специально подобранную музыку, и использовал этот материал для аутотренинга людей, страдавших депрессией и нервными расстройствами. Результаты такого воздействия превзошли все ожидания. Как к этому отнестись? Это что, криминал?

Я уверен: хороши все средства, способные вернуть человеку утраченное здоровье.

Д. Г.: Согласен с тобой. Рассуждая логически, исходя из здравого смысла, к иным выводам прийти просто невозможно. Однако судьи трактуют упомянутые статьи, игнорируя логику, и не хотят вносить поправки или разъяснения. Не случайно член Верховного суда Бразилии Хосе Либерато Коста Попоа, тот самый, кто сопровождал Медиума в поездке в Перу и воочию убедился в ее замечательных результатах, назвал своих коллег лицемерами, а их рвение - пародией на правосудие.

Лет восемь назад Жоао хотели запретить проводить контактные операции. Несколько нервных недель, бесконечные судебные заседания, и новый вердикт, опять в пользу Медиума - можно продолжать проводить контактные операции. Сколько же такое может продолжаться?!

И. Ш.: Боюсь, долго. Столько, сколько John of God будет исцелять паломников Casa.

Помощники Жоао

Игорь Шихман: Я провел достаточно много времени в различных помещениях Casa, накопил немало личных наблюдений, имел очень интересные беседы со знающими людьми. Все это позволило мне сделать отчасти парадоксальный вывод: спиритизм и медитация - занятие коллективное. Здесь один в поле, даже такой ярчайший индивидуум, как Жоао - не воин.

В зале медитации работают медиумы, которых неосведомленные паломники воспринимают как своих. На самом же деле...

Австралийка польского происхождения Беата в обычной жизни - приветливая, общительная молодая женщина. Разговорившись со мной и желая сделать приятное, произнесла по-русски несколько слов. О своей же работе в Casa говорила скупко. Что с ней происходит в зале медитации, не помнит.

Во время медитации, когда Беата впадает в транс, ее не узнать. Увидев впервые женщину в таком состоянии, я мысленно стал называть ее "сигнальщицей".

Вы когда-нибудь видели матроса на корабле, семафорящего флажками азбуку Морзе? Беата похоже повторяет его движения, сидя на стуле. Делается это очень быстро, так что глаз едва успевает следить за движениями ее рук. Свои действия она тоже сопровождает громкими шипящими звуками.

На одном из сеансов я занял стул рядом с ней. На протяжении двух часов этого удивительного соседства у меня была исключительная возможность самым скрупулезным образом наблюдать за "сигнальщицей". Ее руки пролетали буквально в двух сантиметрах от моего лица, но Беата ни разу не коснулась его.

Это соседство имело для меня определенные последствия. После сеанса я почувствовал непривычные усталость и вялость, которые быстро, буквально через час бесследно исчезли. Легкое недомогание объяснялось воздействием избыточной позитивной энергии, производимой Беатой.

Я заметил, что иногда во время сессии Жоао пересаживает женщину с места на место. Вероятно, тонко реагирующие Entities ощущают, где она более полезна и кому требуется ее соседство.

Беата далеко не единственная, кто медитирует столь оригинально. В зале очень часто присутствует другая женщина, прозванная мною "рукодельница". Это прозвище я присвоил ей тоже благодаря выполняемым движениям. Она поочередно словно катает тесто, лепит пирожки, что-то пришивает, гладит, стирает пыль, кого-то причесывает... Движения точны и выверены. Так же, как Беата,

она никогда не касается руками соседей, хотя медитирует с закрытыми глазами.

Наверное, самым ярким и запомнившимся всем, кто хоть раз посетил Casa, является помощник Жоао по имени Артуро. Невысокого роста, полноватый, с веселыми живыми глазами, скрытыми за толстыми стеклами очков, он словно магнитом притягивает паломников. Все наперебой стараются с ним пообщаться, что-то спросить, о чем-то посоветоваться. Он в Casa выполняет функции переводчика. Непоседливому, подвижному, ему трудно усидеть на одном месте. Чем-то он напоминает любимый сказочный персонаж детворы - Карлсона, который живет на крыше. Невозможно представить, что этот человек на протяжении нескольких лет был нарочью лишен подвижности.

Много лет назад Артуро работал в Сиднее каменщиком. Однажды по чьей-то халатности ему на ногу упал блок кирпичей весом сто двадцать килограммов, раздробив кость и повредив нерв. Мужчина перенес в Австралии шесть тяжелых операций, не давших результата. Он стал инвалидом. Жуткие боли и отечность не давали бедняге покоя.

По совету друзей обратился к иглотерапевтам. Прошел специальный курс лечения, но, к сожалению, безрезультатно. Потом были еще две операции. После них Артуро все равно ходил с палкой и специальной повязкой на щиколотке. Впрочем, ходил - громко сказано. Он еле передвигался, потому что любое движение вызывало нестерпимую боль.

Кто-то рассказал ему о John of God, и через неделю Артуро был в Абаджании. Впервые за последние несколько тяжелых лет появился луч надежды. Жоао сказал, что Артуро должен приехать сюда пять раз.

Его история любопытна еще и тем, что, в отличие от всех паломников, мужчина перенес спиритуальную операцию не в Casa, а ночью дома. Он отчетливо ощущал, как происходят необычные манипуляции с ногой. Была жуткая боль, Артуро четко запомнил, как плакал во сне.

В следующей визит он перенес еще одну операцию и опять во сне. После нее он отказался от палки. Потом приезжал еще трижды. Последний раз приехал навсегда, решив жить в Абаджании. Купил неподалеку от населенного пункта ферму - источник его существования, и теперь не представляет своей жизни без Casa и Жоао.

Общаясь с обитателями Дома Игнатия Лойолы, у меня созда-

лось мнение, что пережившие тесный контакт с Entities как бы обретают новое рождение, у них появляется нечто делающее их необычными людьми. Тот же Артуро в определенной мере обладает способностями медиума. В этом имел возможность на собственном опыте убедиться мой хороший знакомый, близко подружившийся с ним.

Однажды этот человек в шутливой форме высказал помощнику Жоао свои сомнения по поводу всемогущества медиумов. Артуро воспринял его слова с обидой и предложил вернуться к этой теме на следующий день. На прощанье добавил:

- Ты вспомнишь о нашем разговоре в два часа ночи.

Знакомый рассмеялся. У него никогда не было проблем со сном, обычно в такое время он спал, что называется, без задних ног. Каково же было его удивление, когда он проснулся посреди ночи. Часы показывали без одной минуты два. В следующее мгновение он ощутил дикую вибрацию. Словно какая-то невидимая машина трясла его сердце, желудок, переворачивая все внутренности. Ощущение было близко к паническому. Рядом как ни в чем не бывало спала его жена, все предметы в комнате спокойно стояли на своих местах. Слава Богу, вибрация исчезла. Она продолжалась минуту, может, две, показавшиеся ему вечностью.

Он больше никогда не шутил с Артуро.

Таня, помощница Жоао, - сестра Артуро по несчастью. Ее тоже привела в Casa беда с ногой. Она сопровождала в Абаджанию знакомого. По дороге в аэропорту зашла в туалет, оступилась и упала. Почувствовала дикую боль. Пришлось ехать в госпиталь. Рентгеновский снимок принес неутешительную информацию: раздроблено колено. Врачи предложили немедленно сделать операцию. Таня только разрешила наложить тугую повязку и продолжила поездку.

В Casa женщина перенесла несколько спиритуальных операций и сегодня вспоминает о своем приключении и переломе с улыбкой. Именно благодаря этому она сегодня живет в Абаджании. Она - владелица крохотного магазинчика натуральных продуктов.

Дверь в дверь с ним - магазин моих друзей, тоже помощников Медиума - Маризы и ее супруга, профессора зоологии Жоао Ристли. В свободное от Casa время они торгуют оригинальными ювелирными изделиями из бразильских камней. Долгие годы они жили и работали в столице здешнего штата.

Мариза много лет страдала целым букетом болезней. Были проблемы с сердцем, желудком, поясницей, но больше всего мучила, проще сказать, истязала мигрень. Когда начинались приступы,

женщина была близка к самоубийству. К каким только врачам не обращались супруги, сколько потратили денег...

Потеряв веру в традиционную медицину, жена профессора поехала в Абаджанию. Прошу не забывать: профессора зоологии. Он - человек с докторской степенью, кстати, полученной в престижном университете США, был готов верить во что угодно - лишь бы же не стало лучше. Медиум помог профессорской супруге.

Когда муж достиг пенсионного возраста, Мариза сказала ему:

- Дорогой, всю нашу совместную жизнь я следовала за тобой. Теперь хочу, чтобы ты последовал за мной.

Они переехали в Абаджанию, где женщина навсегда рассталась со своими недугами. Оба являются добровольными помощниками Жоао, постоянно занимаются медитацией. Университетский диплом и ученая степень главы семейства отнюдь не мешают ему заниматься этим. Кстати, свое новое амплуа он удачно совмещает с научной деятельностью, которую не прерывал ни на один день. По-прежнему ведет дипломные работы студентов, участвует в научных конференциях. И рассказывает коллегам о чудесах, творимых его тезкой в Абаджании. Дочери супругов Ристли тоже проложили дорогу в Casa, не упускают возможность провести время в зале медитации.

Рассказ о людях Casa, безусловно, был бы неполным, если бы я умолчал о Дороти. Уже десять лет она является важнейшим членом команды John of God. Речь идет о чернокожей красавице, которая неизменно сидит рядом с Жоао под сенью хрустальной пирамиды. Всегда в нарядных белых одеяниях, с неизменной элегантной прической. Непосвященному даже трудно представить, что этой женщине минуло семьдесят шесть лет. Я говорю об этом вопреки этикету, потому что Дороти не скрывает свой возраст, напротив, при каждом удобном случае подчеркивает его.

Поражает не только ее внешний вид, но и физическая форма. На протяжении всей сессии, которая длится с утра до двух часов дня, женщина сидит с поднятыми руками, лишь изредка двигая ими. Она делает движения, будто отталкивает от себя воображаемый предмет. Я попробовал поддержать руки в таком положении. Выдержал не более пятнадцати минут. Потом они опустились сами.

Мне представилась прекрасная возможность испытать ее способности на себе. Однажды очередь паломников, двигавшихся на встречу с Жоао, неожиданно затормозилась. Я тоже остановился и оказался как раз напротив Дороти. Нас разделяло три-четыре метра. На моих глазах она сделала свои движения руками, и в следую-

щее мгновение я почувствовал легкий воздушный толчок. Это же ощутили мои соседи по очереди.

В общении Дороти показала себя на удивление простой, словоохотливой собеседницей. Наш долгий и откровенный разговор оказался чрезвычайно любопытным.

Прежде всего, несколько слов о роли, которая отводится ей в Са-са. Она не случайно сидит, будто перекрывая сбоку подход к Жоао. Будучи мощным генератором позитивной энергии, она выполняет функции своеобразного "щита", нейтрализуя принесенную паломниками извне негативную энергию.

Напротив Дороти обычно располагается Анжелика Кремер или кто-нибудь из ассистентов Жоао. Им предписывается насытить защищенную зону перед Жоао живительной энергией, создав положительный фон. Это как бы облегчает работу Entities, позволяет им лучше увидеть скрытые медицинские проблемы людей.

История жизни Дороти позволила мне расставить точки над i. Понять истоки ее уникальных способностей. Осмелюсь утверждать, что она не родилась с ними. Они развились с годами. Точнее, этому способствовали жизненные обстоятельства.

В три года она осталась круглой сиротой, которую воспитала дальняя родственница, злая и желчная женщина. Она попрекала девочку каждым куском хлеба, нещадно наказывала за малейшую провинность.

В девять лет Дороти определили на работу - убирать богатые дома. К обидам, которым не было счета дома, добавились тычки и незаслуженные наказания от прислуги в домах, где она работала. Она жила в ауре, сплошь состоящей из негативной энергии. Выжить в таких условиях, сохранить человечность и доброе, отзывчивое сердце - задача была не из легких.

Каждый вечер, забираясь в глухую каморку, отведенную девочке под жилье, она молила Бога о спасении и погружалась в аморфное состояние, похожее на полузабытье. Нет, это был не сон. Она помнила все, что происходило с ней. Это состояние ей требовалось даже больше, чем сон. Оно придавало необыкновенную силу. Иначе Дороти не выжила бы. Думаю, это были ее первые опыты медитации. Наивной, неосознанной, детской.

Она перепробовала в жизни много профессий, многого добилась. Удачно вышла замуж за руководителя голливудского джаза. Долгие годы была певицей в оркестре супруга. Познала славу и популярность, но все это сегодня воспринимает как мишуру.

О своих необычных способностях она имела весьма смутное представление. Знала, что может успокоить любого человека,

снять любую боль. Однажды, случайно попав в госпиталь, помогла поставить правильный диагноз пациенту, который представлял загадку для докторов.

Свое истинное призвание Дороти раскрыла, лишь встретившись с Жоао. С тех пор они не расстаются.

...Наше знакомство состоялось в первый же вечер второго визита в Абаджанию. Мы с женой едва успели занять место в столовой пасады - постоянного двора - так переводится с португальского это слово и перемолвиться парой фраз по-русски, как к нам подошла милостивая молодая женщина.

С виду я бы никогда не принял ее за бывшую соотечественницу. Да и говорила она по-русски с легким акцентом. Правда, уловить его характер было трудно. Она скорее походила на восточную женщину. (Потом выяснилось, что мои предположения имели под собой почву).

- Русские? Впервые в Абаджании? Нужна помощь? - с места в карьер засыпала она нас вопросами, предложив свои услуги и участие.

Мы познакомились. Анжелика Кремер, так звали нашу новую знакомую, оказалась землячкой. Тоже из Нью-Йорка. Ребенком родители увезли ее из Душанбе в Израиль. Спустя время семья переехала в Штаты. Анжелике удалось сохранить русский язык.

Это знакомство стало для меня настоящим подарком судьбы. Сегодня трудно даже представить сбор материалов для книги о John of God без активного участия Анжелики. Молодая женщина на поверку оказалась не просто паломницей. Она - ученица Жоао.

Анжелика прониклась идеей создания первой книги на русском языке о знаменитом Медиуме из Абаджании. Проникшись нашим замыслом, она немедленно начала действовать. Именно Анжелике я обязан частной встречей с Жоао, во время которой он дал эксклюзивное интервью. На этом ее участие в нашем проекте не закончилось. Она предоставила уникальные фотоматериалы, рассказала немало ценного о работе команды помощников Жоао и многое другое.

Анжелика оказалась на редкость добрым и сердечным человеком, остро чувствующим боль и беду, умеющим сопереживать чужому несчастью. Такой у нее характер...

Буду откровенным до конца. Поначалу мне были не вполне понятны причины, приведшие ее в Casa. Молодая, здоровая, красивая, образованная, удачно вышла замуж... Что еще требуется для женского счастья? Что угодно, кроме того, чтобы возиться с немощ-

ными и обездоленными. Оказалось, я ошибался.

Считаю своим долгом поведать читателям историю Анжелики, которая лично для меня стала ключом к пониманию природы подвижничества ее самой и таких, как она.

...К двадцати пяти годам у нее было все, о чем могут мечтать ее сверстницы - любимый и любящий муж, дом, деньги, положение. Анжелика окончила университет в Нью-Йорке и успешно работала финансовым аналитиком во всемирно известной компании. Ее ожидал блестящий карьерный рост, но...

Она все чаще стала задумываться о смысле жизни, о ее истинных ценностях. Например, работа. Служить в транснациональных корпорациях престижно. Однако далеко не все выдерживают их чудовищный ритм. Они, словно фантастический молох, перемалывают множество молодых судеб, проверяя на прочность кандидатов в успешные и благополучные. Многие уходят сами, не выдержав гонки, и, самое главное, осознав ее, по большому счету, бессмысленность.

Несколько лет назад в крохотном городке в горах Поконо в штате Пенсильвания я познакомился с молодым садовником Джоу. Он разительно отличался от местных жителей своими манерами. Однажды мы разговорились. Джоу получил отличное образование и ему сразу же предложили престижную работу на Нью-Йоркской фондовой бирже. С первого дня пошли заработки, которые многим только снятся. Попал в среду молодых преуспевающих людей. В этой среде было принято поражать друг друга суперновыми моделями автомобилей, часов... Чтобы поддерживать заданную планку и соответствовать принятым стандартам, приходилось ежедневно вставать в пять утра, а после работы еще допоздна "гулять" с приятелями.

В один прекрасный день Джоу сбежал из опустылевшего Нью-Йорка и стал незаметным, скромным садовником. Два года не появлялся в городе Большого Яблока, хотя живет в полутора часах езды. Теперь он чувствует себя по-настоящему счастливым. Год назад у него родился сын...

Однако вернусь к героине моего рассказа. Перемена образа жизни стала для нее осознанной необходимостью. Тогда, семь лет назад, ей здорово повезло. После долгих раздумий и попыток найти свой истинный путь, Анжелика встретила потрясающую женщину. Назовем ее Ириной. (Анжелика не назвала подлинное имя своей наставницы, зная ее природную скромность). Она оказалась ярчайшим медиумом и широкой души человеком, будто была послана Богом.

Я убежден, что в нашей жизни случайности имеют огромное значение. Любая случайная, на первый взгляд, встреча, поездка, любое неожиданное действие предопределены, имеют свой смысл. Так произошло и с Анжеликой. Ирине, с которой она встретилась случайно, молодая женщина обязана жизнью.

Компания, в которой работала Анжелика, занимала несколько этажей в одной из башен Всемирного торгового центра.

Однажды ночью, за пять месяцев до трагической даты - 11 сентября 2001 года - Ирина неожиданно разбудила девушку.

- Я видела что-то ужасное на месте башни, в которой ты работаешь, - в волнении сказала она. - Там гибли люди.

Анжелика, как могла, успокоила свою наставницу. Но страх и тревога не покидали Ирину. Она вновь и вновь возвращалась к видению.

- Ты должна покинуть это место, - словно заведенная, твердила одну и ту же фразу. - Там случится несчастье.

Такой взволнованной и потерявшей покой Анжелика никогда ее не видела. Уступая настойчивости Ирины, граничащей с навязчивой идеей, девушка уволилась. Необъяснимый с точки зрения окружающих поступок вызвал у ее коллег полнейшее недоумение.

Многие из них навсегда остались под руинами башен-близнецов...

Сохранив таким образом девушке жизнь, Ирина помогла ей найти свое новое место в жизни. Сообща они открыли в Нью-Йорке Духовный центр. Вся его деятельность строилась сугубо на добровольных началах. Индивидуальный аутотренинг, коллективная медитация, изучение основ древних восточных философских учений... Это и многое другое, что предлагал центр, привлекло широкую публику и, в первую очередь, молодежь. Ирина и Анжелика помогли многим найти себя... Здесь же Кремер встретила своего будущего мужа - молодого талантливого врача.

Активное участие Анжелики в деятельности Духовного центра продолжалось до 2005 года, пока судьба не свела ее с Жоао. Несомненно, это тоже не случайность.

Впервые о существовании John of God она услышала от пациента мужа. Тот настоятельно рекомендовал молодой женщине повидать Медиума и даже дал ей небольшую информационную брошюру о нем.

Анжелика последовала совету. Ею руководило не праздное любопытство. Внутренний голос, природная интуиция подсказывали ей, что эта встреча коренным образом изменит ее жизнь. Вместе с

мужем она полетела в Атланту, где состоялось первое в США "явление Жоао народу".

Две тысячи человек ожидали встречи с Медиумом. Даже если каждому уделить полминуты - потребуется почти семнадцать часов непрерывного общения. Его помощники изо всех сил старались поддерживать заданный ритм: полминуты - человек. Ни больше, ни меньше.

...Когда Анжелика приблизилась к Жоао, лицо его изменилось. Он поднял руку, останавливая этим предостерегающим жестом движение, и стал пристально вглядываться в ее лицо.

- Какая душа! - восхищенно произнес он. - Тебе надо совершенствоваться. Ты должна приехать ко мне в Бразилию.

Медиум приподнялся с кресла.

- Тебе нужно раскрыть это, - прикоснулся пальцем к ее темечку в районе так называемого реликтового третьего глаза. - Тогда ты увидишь все...

Мгновенное прикосновение Жоао будто перевернуло ее прежнее представление об окружающем мире, обогатив его новыми неожиданными красками и звуками. Это продолжалось неделю, показавшуюся ей вечностью. Целых семь удивительных дней. Она вдруг, внезапно *начала видеть и слышать* то, что недоступно обычному человеку.

Анжелика видела людей насквозь. Видела в мельчайших деталях и подробностях, с их медицинскими проблемами. Слышала прежде недоступные человеческому уху звуки.

- Я слышала божественную музыку. Наверное, такое счастье выпадает единицам. Может быть, Баху или Бетховену. Они записали услышанное и подарили нам...

Через семь дней дар видения исчез.

Анжелика убеждена: Жоао и Entities специально показали ей то, на что она способна.

Встреча с бразильским Медиумом определила ее дальнейшую судьбу. В феврале 2006 года она впервые посетила Абаджанию. Жоао встретил гостью сдержанно. В течение месяца она исправно занималась медитацией. Изредка Жоао давал ей небольшие поручения, но ничего серьезного. Несколько раз Анжелика пыталась поговорить с ним, но всякий раз он уходил от серьезной беседы.

У нее в голове крутилась масса вопросов, на которые, к сожалению, сама не могла найти ответа. Зачем Медиум пригласил ее? В чем она должна совершенствоваться?

Наконец, разговор, которого Анжелика долго ждала, состоялся.

Разговор, не на шутку взволновавший.

- Посмотри на наши руки, - издалека начал он. - У нас на ладонях одинаковые знаки, указывающие на духовную связь между нами. В двух прежних жизнях мы уже были вместе. Вместе исцеляли людей. Хочу, чтобы мы продолжали это сейчас.

В первый свой приезд Анжелика пробыла в Casa недолго, собравшись назад в Нью-Йорк. Жоао был раздосадован таким решением.

- Я знаю, что твой главный (он имел в виду мужа) здесь. Позови его. Я хочу с ним говорить.

Разговор был коротким. Он взял слово с Саши, - вспоминает Анжелика, - что я обязательно вернусь в Абаджанию. Муж дал слово, и мы его сдержали.

Ее нынешний приезд сюда - третий. Она планирует пробыть в Casa шесть месяцев. Столько позволяет иностранцам находиться в стране бразильская виза. Она учится на медиума. С ней регулярно занимается сам Жоао.

Анжелика тактично ушла от расспросов, как все-таки учатся на медиума.

- Пусть это останется моей маленькой тайной, - с загадочной улыбкой ответила она. - Это весьма необычный процесс, не поддающийся описанию. Да и зачем вам подробности? - Анжелика громко рассмеялась. - Вы вроде не собираетесь в медиумы...

- Если говорить серьезно, - продолжает она, - я обязательно буду исцелять людей. Это - мое призвание, но сегодня я еще не готова в полной мере к этому...

Недавно Жоао дал мне фото незнакомой женщины. "Смотри и думай", - сказал он. Я поняла: это проверка. Он проверял, чему я научилась. Я долго всматривалась в фото и отчетливо почувствовала боль женщины. У нее, мне показалось, были проблемы с женскими органами, она не могла стать матерью. Потом мой диагноз полностью подтвердился...

Анжелика убеждена: ей придется приложить еще немало терпения и старания, прежде чем она станет настоящим медиумом. Хотя она уже многое умеет. Например, снимает болевые ощущения у самого Жоао. Он считает, что помощница хорошо генерирует энергию и часто сажает ее в зале медитации "подпитывать" его и паломников энергией. Анжелика также часто ассистирует Учителю во время контактных операций.

Знакомые и друзья, зная о ее необычном даре видения, нередко задают вопросы, связанные с их будущим. Был такой соблазн и у

меня, но я переборол собственное любопытство. Тем более, что это лишено смысла - Анжелика предпочитает отмалчиваться. Это не кокетство, а жизненная позиция. Роль современной сивиллы ее вовсе не прельщает. Она убеждена, что каждый должен сам прожить свою жизнь. Допускать ошибки и их исправлять.

Мечта Анжелики - научиться входить в полный транс и исцелять людей от недугов.

Диалог авторов

Д. Г.: Мы уже говорили, что многие представители традиционной медицины воспринимают работу Жоао как целителя с определенным скепсисом. Ничего удивительного нет - здесь не только вполне понятная конкурентная борьба за пациентов, но и недоверие к спиритической "начинке" целительства.

И. Ш.: Я бы не стал делать акцент на "конкурентной борьбе". В принципе никакой конкуренции нет и не может быть - Жоао ни у кого из врачей не отбивает пациентов. Другое дело - спиритизм. Отношение к нему у многих настороженное как к чему-то недоступному для человеческого понимания, разумения и в силу этого отторгаемому, наподобие черной магии.

Американский профессор Эмма Брэгдон, немало лет посвятившая изучению опыта знаменитого Медиума, считает Жоао *нормальным* человеком с *уникальными* способностями, возможностями. В разговоре с ней Жоао делает весьма любопытное признание: "Магия не существует... Лечение - долгий, медленный процесс... Бог и великодушные Духи есть то, что исцеляет..." Что же касается спиритизма...

Д. Г.: Что же касается спиритизма, то позволю себе кое-что напомнить. Мы уже рассказывали о его возникновении и распространении, упоминали имена замечательных людей, увлекавшихся спиритизмом, и среди них имя Конан-Дойля. Того самого, "отца" Шерлока Холмса, педантичного детектива, не верившего ни во что, кроме анализа, наблюдательности и метода дедукции, который соединяет материальные улики с логикой и здравым смыслом. Того самого Конан-Дойля, врача по образованию (подчеркну!), который, прежде чем примкнуть к спиритическому движению, накапливал доказательства в процессе кропотливого расследования, продолжавшегося почти полвека.

Сэр Артур Конан-Дойль обладал блестящим дедуктивным умом. Именно эти качества он использовал при критическом исс-

ледовании спиритизма, а далее, убедившись в его истинности, во всеуслышание заявил о своей горячей ему приверженности. Сила анализа, тонкость и глубина его мыслей поражают современного исследователя своей актуальностью и всесторонним проникновением в предмет.

Некоторые читатели, возможно, удивятся. Их недоумение вполне могут понять. Все мы воспитывались и выросли в лоне материалистической и марксистской идеологии. Многие вещи выпали из нашего круга внимания и стали выглядеть суевериями.

Сэр Артур Конан-Дойль впервые публично заявил о своей вере в общение с умершими в статье, которая появилась в газете "Light" от 21 октября 1916 года. Это заявление для многих прозвучало тогда как гром среди ясного неба. Но первый спиритический сеанс, на котором он присутствовал - надо сказать, с сильно скептическим настроением ума - состоялся в конце 1886 года, когда Конан-Дойль был еще только начинающим практиковать врачом. Интерес же его к спиритическим феноменам обозначился за несколько лет до этого первого опыта.

"Когда в 1882 году я закончил свое медицинское образование, то, как и большинство врачей, оказался убежденным материалистом во всем, что касалось нашей участи. И в то же время я никогда не переставал быть ревностным теистом, поскольку, на мой взгляд, никто еще не дал ответа на вопрос, заданный звездной ночью Наполеоном профессорам-атеистам во время его египетского похода: "Скажите-ка, господа, кто создал эти звезды?" ...

И. Ш.: Между прочим, работы знаменитого писателя и мыслителя относительно спиритизма никогда не публиковались в СССР, их попросту замалчивали. Только в постперестроечные годы они были напечатаны в России... Давай вернемся к взаимоотношениям докторов и Жоао: крайне интересно и полезно знать, изучают ли, анализируют ли они то, что делает Медиум, результаты его сессий?

Д. Г.: Не уверен, что кто-то всерьез занимается этим. По крайней мере, таких свидетельств у меня нет. Отдельные попытки делались. Например, телекомпания ABC, снимавшая документальный фильм о Жоао (я уже упоминал его), направила в феврале 2005 года корреспондента в Абаджанию специально проследить путь к выздоровлению пятерых американцев. Для получения "второго мнения" тележурналист обратился к доктору Мехмету Озу, одному из наиболее известных хирургов в Соединенных Штатах.

Среди пяти "испытываемых" - Мэттью Айлэнд из Вермонта, у ко-

торого была обнаружена быстро растущая "неоперабельная" опухоль мозга (мы уже упоминали его имя в другой главе). Он перенес лечение радиацией и химиотерапию. В течение двух лет после того, как врачи поставили ему страшный диагноз, он совершил три визита к Жоао, и его опухоль исчезла. Это Аннабель Склиппа из Колорадо, прикованная к постели из-за последствий автоаварии, которая встала на ноги и смогла, хоть и с трудом, самостоятельно передвигаться после шести поездок к Жоао. Это Мэри Хендриксон из Сизтла, болевшая синдромом хронической усталости, чувствующая сейчас гораздо больше энергии и способная нормально жить и работать. Это Дэвид Эймс из Калифорнии, страдавший болезнью Лу Герига с апреля 2003 года. С таким заболеванием выживают лишь десять процентов людей. Он пока не чувствует радикальных перемен к лучшему, однако говорит, что дух его значительно окреп. Наконец, это Лиза Мелман из Южной Африки с раком груди. После поездки к Жоао рак развивается менее агрессивно, чем ожидал ее лечащий врач, который тем не менее настаивает на операции.

И. Ш.: И что же сказал по их поводу широко известный хирург?

Д. Г. : По поводу Айлэнда, Оз заметил: "Что-то остановилось в процессе, который обычно протекает весьма агрессивно". Он также удивился благотворной атмосфере, царящей в Casa. "Я хочу иметь ясное представление о музыке, которая помогает Жоао медитировать, о биологической обратной связи медитационной тренировки, и что позволяет ему делать то, что он делает, на чем базируется его механизм целительства", - явно заинтересованно сказал доктор в беседе с журналистом. И добавил: "Это может стать замечательным уроком для всех нас..."

Относительно Аннабель Склиппа, у которой был поврежден спинной мозг, он сказал: "Маловероятно, что она имела бы такой прогресс, используя исключительно физиотерапевтическое лечение. Ее опыты с John of God весьма ценны..."

"Мне все равно, что это, но если человек реально чувствует улучшение после такого рода аварий, нам следует изучать это..."

Когда его спросили, что он думает по поводу так называемых графических контактных операций (Жоао расчерчивает острым предметом на коже пациента некую схему, график), Оз ответил: "Это, может быть, старый прием чародея, но это и весьма сильный физический импульс..."

Журналист не унимался и пытался подвигнуть собеседника критически отозваться хотя бы об одном действии Медиума. Ска-

жем, о том, зачем ему нужно залезать медицинским пинцетом глубоко в нос пациента. Оз признал, что сам удивляется, как эта процедура может оказывать оздоровительное воздействие.

"Либо он целитель, которого природа наделила уникальными талантами, что дает ему возможность помогать людям, либо он ненормальный", - развел руками Оз в конце беседы.

И. Ш.: Из того, что ты рассказал, явствует, что даже такой строгий судья, как известный американский хирург, признает за Жоао потрясающие возможности лечения. Сам же Жоао в присутствующей ему простой, безыскусной манере говорит: "Вы можете дурить людям головы год или два, но вы не можете обманывать их полвека..."

Добавлю к этому отсутствие боли, сопровождающее операции Медиума, происходящие без анестезии; малое количество крови, когда он делает свои "вторжения"; наконец, то, что за столько лет в его практике не было ни одного случая инфекционного заражения. Ни одного! И где? В глухой бразильской деревне, где жаркий и влажный климат, полно комаров, мух и пр. Это я говорю не с чьих-то слов. Операции Жоао я видел собственными глазами шесть раз. Беседовал с людьми, перенесшими их. Все говорят одно и то же: "Не больно и не страшно..."

Естественно, пациенты подвергаются сильному эмоциональному воздействию сродни гипнотическому (однако это не гипноз в нашем привычном понимании!), но и потом, когда это состояние проходит, они не ощущают боли. Добавлю: раны заживают гораздо быстрее, чем при обычном хирургическом вмешательстве.

Жоао ничего ни от кого не скрывает. Он разрешает докторам находиться рядом, следить и описывать его работу, изучать отзывы патологов, анализирующих биологические ткани, которые Жоао берет у тех, кому он проводит контактные операции. Доктора имеют доступ к архиву Casa, содержащему истории людей, проходивших лечение, медицинские отчеты... Ассистенты Жоао просят паломников по возвращении домой обязательно идти к врачам, сделать необходимые тесты...

Что бы ни говорили недоброжелатели и неисправимые скептики, но это действительно человек, творящий чудеса...

Д. Г.: Один из таких скептиков - Джо Никель, доктор наук, автор многочисленных книг. Он наблюдал за сессией Жоао в Атланте, где работал вместе с представителями National Geographic Television. Он провел в Атланте форменное расследование деятельности Медиума.

И. Ш.: И к каким же выводам пришел?

Д. Г.: Повторив банальные вещи: Жоао - малограмотен, его преследовали власти, в растительных добавках *Пассифлора* нет ничего особенного, они просто успокаивают нервную систему, и пр., Никель вносит и кое-что свое. Он без обиняков называет *John of God* мошенником. Шокирующее введение медицинского пинцета в носовую полость - оказывается, старый карнавальная трюк. Большинство людей не знает, что носовая пазуха расширяется от ноздри вглубь, там создается вполне безопасное пространство, куда безболезненно можно ввести длинный предмет, коим является пинцет. Нужна только ловкость рук и не более.

То же самое касается чистки глазного яблока обыкновенным ножичком, что часто практикует Жоао. Это, по мнению Никеля, тоже вполне безопасный фокус. Кстати, по его утверждению, и тот, и другой трюк показывали в вашингтонском шоу-баре *Palace of Wonders*. Только вместо пинцета в ноздрю вводили работающее сверло...

И. Ш.: Слушаю и диву даюсь. И это все "разоблачения"?.. Жоао лечит, а не калечит, скажу по-простому. Его приемы, называемые недоброжелателями-завистниками "трюками", на самом деле имеют далеко идущие позитивные психо-физиологические последствия.

В действиях Жоао и *Entities* есть моменты, недоступные пониманию обычного человека. Ты только что упоминал, как Медиум чистит глазное яблоко обычным кухонным ножом. Я видел эту процедуру дважды, находясь от Жоао в полутора метрах. Свидетельствую: обычный ножик, обычные пациенты. Никакой подставки.

Я говорил об этой процедуре с нашей соотечественницей Анжеликой Кремер, помощницей Жоао. Ее ответ поразил: "Вы видите только все обычное, лежащее на поверхности. У меня же иное видение. *Entities*, управляющие руками Жоао, лечат пациента прибором, напоминающим миниатюрную лазерную пушку, излучающую направленный луч..."

Кое-кто из закоренелых скептиков может не поверить Анжелике. Но как быть с людьми, чье зрение улучшилось благодаря Жоао?..

В первый приезд в Абаджанию я столкнулся с русским доктором из Нью-Йорка, практикующим в известном медицинском центре. Он приехал к Медиуму со взрослой дочерью, у которой имелся целый букет проблем со здоровьем. Обратились они к Жоао за

помощью, исчерпав все возможности традиционной медицины.

Однажды у нас сам собой затеялся откровенный разговор. Я без обиняков спросил доктора: "Как вы объясните происходящее в Casa с позиции современного дипломированного врача?"

Он задумался, а потом без дипломатических уловок сказал: "Я свои дипломы - советский и американский - оставил за воротами Casa. Ведь речь идет о здоровье моей дочери..."

Вернувшись через три месяца в Абаджанию, я вновь увидел дочь моего знакомого. Девушка провела здесь все это время. Я не узнал ее - она выглядела другим человеком: ожившим, уверенным в себе. Хотя, по ее словам, не все болячки исчезли...

Можно недоуменно развести руками, как делает хирург Оз, признав - это недоступно пониманию традиционной медицины. А можно назвать Жоао мошенником, как поступает Никель. Но как быть с тысячами людей, которым реально помог Медиум, когда традиционная медицина оказалась бессильной и практически от них отказалась?!

Пусть читатели сами составят вывод...

Д.Г.: Выскажу одно, возможно, спорное предположение, так сказать, в порядке дискуссии. Известно, что Жоао в основном использует четыре вида контактных операций: внедрение медицинского зажима в ноздрю, чистка ножом глазного яблока, надрез на груди ниже сердца и так называемая графика... Я не врач, однако мне трудно представить прямую зависимость лечения, скажем, раковых опухолей или рассеянного склероза от этих операций. Напрашивается вывод: такие "вторжения" *прямо не влияют* на процесс лечения; они оказывают лишь *опосредованное* воздействие. Все зависит от самого человека, его веры в Entities, настроенности на излечение. Недаром Жоао постоянно твердит: помогите мне сделать вашу работу! Вашу...

И. Ш.: Тогда зачем нужны эти операции?

Д.Г.: Они неожиданны, эффективны, запоминаются, отражаются на эмоциональном состоянии человека. Он верит в них, и эта вера часто делает невозможное. Мне кажется, Жоао все понимает; если захочет - начнет выполнять и другие, не менее эффективные операции, но в этом нет нужды.

И. Ш.: Извини, но твое предположение, действительно, представляется весьма спорным. Вспомни приведенные чуть выше пояснения Анжелики Кремер. Есть видимая часть операции, а есть невидимая, недоступная нашему традиционному пониманию. Это как айсберг, прости за банальное сравнение.

Впрочем, каждый имеет право на свою точку зрения, даже такую парадоксальную, как твоя.

Д. Г.: И тем не менее я далек от мысли считать эти операции родом трюкачества. Вовсе нет. Используется все возможное, чтобы мобилизовать психику человека, эмоции, каждую клеточку организма откликнуться на стремление Медиума избавить его от недуга. И это удастся!..

Давид Гай - журналист, писатель. Немало лет проработал в газете "Вечерняя Москва". В 1993 году эмигрировал в США. Живет и работает в Нью-Йорке. Его перу принадлежат около двух десятков книг. Среди наиболее известных - роман "До свидания, друг вечный", повести "День рождения" и "Телохранитель"; документальное исследование "Вторжение" - о войне, развязанной Советским Союзом в Афганистане, и "Десятый круг", посвященное жизни, борьбе и гибели в годы войны Минского гетто (недавно книга вышла в США на английском языке под названием "Innocence in Hell").

В последние два года в Москве изданы три новые книги Давида Гая: роман "Джекпот", сборник документальных очерков о крупнейших авиаконструкторах "Небесное притяжение" и роман "Сослагательное наклонение".

Игорь Шихман - журналист, бизнесмен. Родился в Одессе, работал в московских газетах. Автор нескольких документальных книг. В 1989 году эмигрировал в США. Активно участвовал в передачах ньюйоркской редакции радиостанции "Свобода". Публиковался в эмигрантских изданиях. Затем занялся бизнесом, создал торговую фирму, которая известна во многих странах. Недавно выпустил книгу повестей и рассказов "...Не скажу за всю Одессу".

ЛЕОНИД ДАЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сын и пасынок столетья

Уже давно не юный человек,
Не забывая скромного наследья,
Я в бездну проводил двадцатый век,
Как сын и пасынок того столетья.

Я, видно, не состыковался с ним.
Частенько расходились мы во мненьях.
Им был храним, раним я и гоним -
Его изгой, а, может, продолженье.

А в двадцать первом веке я чужак
И словно оказался в нем случайно.
К нему я прикоснулся кое-как.
Он словно неразгаданная тайна.

Весь мир давно от грохота оглох.
Мир круто жерновами перемолот.
Двадцатый век - безжалостный молох.
Неужто двадцать первый - грозный молот?

Воспоминанья в сердце теребя,
Не забывая муки и разлуки,
Молю, Миллениум, прошу тебя:
Будь щедр и снисходителен ко внукам.

Снизойди на землю, тишина

Снизойди на землю, тишина,
Влейся в сердце благостным покоем,
Взвейся дымкой сладостного сна
Над незамутненной рекою.

Снизойди на землю, доброта,
Огради от злобы и напастей,
Чтоб читать с волшебного листа
Строки человеческого счастья.

Снизойди к нам в души, красота,
Цветом яблони, лучом рассветным,
Акварелью майского куста
В звонких росных капельках несметных.

Запомни лишь добро

Забудь добро, что сделал для друзей.
Припомни то добро, что ты не сделал.
Когда душа терзается, то ей
Доступней чувств заветные пределы.

Забудь добро, что не содеял друг.
Припомни то добро, что он содеял.
И засверкает ярче мир вокруг
Той радугой, какую ты взлелеял.

Акценты

Приветливый сосед-американец
Мне делает нежданный комплимент.
На мой английский он наводит глянец:
- Мне русский ваш понравился акцент.

Доброжелательному снисхождению,
Естественно, я должное воздам,
Хоть жалкое свое произношенье
Я каждой клеткой ощущаю сам.

Неистребимы цепкие акценты.
Они всю жизнь преследуют меня.
Ужель не сыном языков - клиентом
Я чувствую себя, судьбу браня?

Вначале вызывали удивленье
И подковырки шустрых пацанов
Мое еврейское произношенье
И местечковая растяжка слов.

Потом в таежной школе на Алтае,
Где вьюг свирепствовал сибирский шквал,
Сокласников забавно потешая,
Мой украинский выговор страдал.

Легко дается иммигрантам сэндвич.
Любой из нас давно к нему привык.
Но тяжело дается second language -
Не первородный, а второй язык.

Второй, а, может, третий иль четвертый.
Второй - пусть не родной, но не чужой.
Для внука - первый он. Мальчишка гордо
К нему открытой тянется душой.

Нужны ли сегодня стихи?

В жестоком сегодняшнем мире
Нужны ли кому-то стихи?
Возможно, самой только лире
Замаливать надо грехи.

Но разве она провинилась,
Что нежность попала в немилость?
И разве ее в том вина,
Что мягкая грусть не нужна?

Что люди задерганы в спешке,
Не в сидях поднять головы,
Не слышат мелодии речки,
Не видят круженья листвы.

Что время теперь на лирично
И не романтично -
Практично,
Рассудочно, косноязычно,
А это для музыки трагично.

Но кроткие, добрые строки
Рождаются снова в тиши
Для чьей-то совсем одинокой
Неведомой хрупкой души.

Кароокая муза

Анне, жене моей

Наверное, знак Зодиака
Такой ритуал совершил,
Что нежной девчонкой с филфака
Всеvyšний меня наградил.

Связали нас тесные узы,
Когда я постиг твою власть,
Моя кароокая муза,
Моя романтическая страсть.

Шли волны ни шатко, ни валко.
А возле Днепра, на углу,
Душевно сверкал в коммуналке
День свадьбы на Верхнем Валу.

Вся жизнь вспоминается ныне.
Ты в ней, как алмаз дорогой,
Моя королева, богиня
С наивной и щедрой душой.

В далекое прошлое глядя,
Я вижу: цепляешь ты брошь
И два килограмма тетрадей
Троллейбусом в школу везешь.

Каштановой юности звуки
Полвека поют без конца.

Мы верим, что дети и внуки
В свои их вбирают сердца.

Та ниточка соединила
Весенний Крещатик в цвету
С холмистой красой Луисвилла
И сблизила явь и мечту.

Зарубежье

Зарубежье дальнее,
Зарубежье ближнее.
Песенка печальная
На слова Всевышнего.

Зарубежье ближнее,
Зарубежье дальнее.
Сага с горькой вишнею.
Со слезой хрустальнойю.

Годы зарубежные,
Добрые и грешные,
Словно воды вешние,
Смоют бремя прежнее.

Души одинокие,
Надо ли заискивать?
Плохо быть далекими,
Хорошо быть близкими.

Зарубежье ближнее,
Разве мы здесь лишние?
Зарубежье дальнее,
Разве мы опальные?

Сколько можно маяться?
Зарубежье вещь
Просто измеряется
Близостью сердечною...

Извините за звонки

Дети, извините за звонки.
Мы названиваем вам все чаще,
Потому что годы коротки.
Слышать вас - родительское счастье.

Внуки, извините за звонки.
Никакой нам помощи не надо.
Сердцу ваши голоса близки.
Это наивысшая отрада.

Извините за звонки, друзья.
Мы рассеялись по белу свету.
И ранимая душа моя
Вашей доброй памятью согрета.

Леонид Даен - известный поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и документальной прозы, в том числе повести "Чернобыль - трава горькая". Родился на Украине. С 1994 года живет с семьей в США. В Нью-Йорке изданы три его поэтические книги. Публикуется в русскоязычных газетах и журналах Америки. В Киеве увидел свет сборник его избранной лирики.

Творчество Леонида Даена представлено в Антологии американской поэзии "Америка в Миллениуме. Лучшие поэты и стихи 20-го столетия"(на английском языке.)

ДАВИД ГАЙ

НАДО ЛИ СНОВА НАСТУПАТЬ НА ГРАБЛИ?

"История учит тому, что она ничему не учит". Расхожий афоризм этот часто используют ученые, аналитики, политологи, когда хотят уверить себя и читателей: никакие уроки прошлого обществу не идут впрок, не усваиваются в должной степени.

Мне по душе другое высказывание: "История - слишком серьезное дело, чтобы доверять ее историкам".

В этом смысле только что увидевшая свет в Москве фундаментальная работа "История России: конец или новое начало?" соответствует сути второго афоризма. Ее авторы: Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко - не историки по профессии. Двое из них специализируются в области культурологии, а Клямкин (он же ответственный редактор) - в области политологии и политической социологии. Более того, никаких новых исторических фактов, выуженных в архивах, осведомленный читатель в этой книге не найдет. И тем не менее читается она как откровение, глубина анализа и определенность выводов строятся не на одномерном взгляде и не на идеологической предвзятости авторов, а на их ясно и четко сформулированной и осуществленной задаче - "представить современное либеральное понимание российской истории, но - не в том поверхностном виде, в каком оно, за редкими исключениями, сегодня представлено". И не случайно книга рассчитана не только на специалистов, но и на самую широкую аудиторию.

Позволю себе сделать небольшое отступление. С Игорем Клямкиным мы учились на факультете журналистики МГУ, дружили.

Потом пути наши разошлись: я погрузился в газетную работу, Игорь после работы в "Комсомолке" и журнале "Молодой коммунист" ушел в науку. Стал доктором философских наук, профессором, автором более 300 научных и публицистических работ, нескольких книг. Возглавлял Институт социологического анализа. Сейчас является вице-президентом Фонда "Либеральная миссия".

Не забуду обсуждение его статьи "Какая дорога ведет к храму?", опубликованной в журнале "Новый мир" в конце 1987 года. Статья взбудоражила общество, вступившее в пору горбачевской перестройки. Обсуждение в Центральном доме литераторов вылилось в бурную дискуссию о путях развития страны. Многим тогда казалось, что демократизация общества может стать необратимой. Мечты, мечты...

С тех пор немало воды утекло. Имя Клямкина начало исчезать со страниц периодических изданий, а потом и вовсе исчезло. Маргинальная оппозиция - так можно назвать его отношение к нынешней власти. Былые его друзья и единомышленники "перекрасились", не сходят с экранов государственного телевидения, заняли места в Общественной палате, вещают народу правду, санкционированную "сверху".

Клямкин же сотоварищи выпустил научную работу, которая о многом заставляет задуматься.

Что же составляет пафос книги, вызвавшей большой интерес в России и не знакомой русскоязычным читателям иммиграции? Прежде всего, она не о давно минувших делах, а о настоящем и будущем страны в соотнесенности с прошлым. Российская государственность, как справедливо подмечает Игорь Клямкин в своем предисловии, находится сегодня *в турбулентной зоне* между покинутым прошлым, в которое нельзя вернуться, и непредсказуемым будущим. По этому поводу идут ожесточенные споры, не приводящие к согласию.

Прибегну к цитированию книги, которое, надеюсь, не утомит читателей. "Представители современного консервативного почвенничества (они же державники, православные государственники, евразийцы) ищут и находят в прошлом прежде всего великие военные победы и международное влияние России, обеспеченные державной мощью ее государственности. Приверженцы либерально-западнических ценностей делают главный акцент на изъянах многовекового политического устройства страны, его несовместимости с народным благосостоянием и гражданскими свободами, чем объясняют и регулярно повторяющиеся в российской истории государственные катастрофы. Но в этой истории бы-

ло и то, и другое, причем отчленив друг от друга причины того и другого зачастую совсем не просто".

Подробно анализировать почти 500-страничный труд - занятие непосильное, да и ненужное. Попробую выделить, на мой взгляд, наиболее важные, продуктивные мысли и идеи.

История России с древних времен и до наших дней, от Киевской Руси и до Путина, рассматривается как чередование взлетов и падений, побед и поражений, притом соотносится это с постоянной сменой государственных идеалов. На протяжении многих столетий в России доминирование государства над личностью, порой очевидное насилие над ней, чередовалось с частичной либерализацией системы. Усиление жесткого авторитарного начала в управлении государством с последующей катастрофой неизменно приводило к реформам, к либерализации общества. Притом это было не просто чередование: авторитарное правление - либеральные реформы - и снова авторитаризм, не движение по кругу. Нет, это было иное. *"Речь идет о таком чередовании, в котором каждая последующая реформа шла дальше предыдущих"*.

Вывод напрашивается сам собой: в случае, если Россия не избегнет очередной катастрофы, следующий период либерализации окажется еще более долгим и глубоким, он, возможно, окончательно определит путь страны, ее вхождение в западную цивилизацию, иными словами, окончательное поражение почвенничества.

Пока об этом приходится говорить лишь гипотетически. Либерально-демократическую модель общества, контуры которой стали проступать при Ельцине, российское население не приняло, отторгло. Причин тому немало. Оставим их за рамками нашего разговора, ибо это слишком объемная тема, выходящая за рамки данной рецензии. Скорее надо говорить о последующем результате "перестройки" общества. Бюрократически-авторитарная "вертикаль власти" была возведена посредством вытеснения, блокирования либерально-демократических тенденций, но с обязательным присутствием либерально-демократической риторики. Внешне придраться не к чему: звучат абсолютно правильные, разумные, понятные и близкие народу слова о свободе, которая лучше несвободы, о соблюдении демократии, гражданских прав и свобод, борьбе с коррупцией и пр., на деле *страшно далекие* от реалий российской жизни.

Трудно понять, пишут авторы книги, "на каком основании нынешние почвенники считают себя более озабоченными судьбой страны и ее величием и более достойными называться патриотами и "государственниками", чем приверженцы либерально-демократических идеалов и ценностей. Таким основанием может быть ...

представление о том, что государство и его международный вес являются высшей и первичной ценностью, а личность с ее правами и свободами - *производной и вторичной*".

Сознательный выбор в пользу западной цивилизации "не означает ни утраты государственного суверенитета, ни подчинения интересам Запада, чем пугают себя и других постсоветские почвенники". Не потребуется и непременно вступления в НАТО или Евросоюз. Нужно лишь начать последовательно воплощать в жизнь те правовые принципы, которые записаны в действующей российской Конституции. На деле, а не на словах!

Совершенно согласен с выводами авторов: "Обретение Россией европейской идентичности, интеграция в западное цивилизационное целое соответствует ее стратегическим интересам *не меньше*, чем интересам Запада". Запада, стоящего перед растущей угрозой со стороны исламского фундаментализма. Понимает ли это Запад? Увы, не до конца. Иначе как расценить высказывания типа того, что недавно сделал кандидат в президенты США Джон Маккейн, обещавший в случае своего избрания изгнать Россию из стран, входящих в "Большую восьмерку". Изоляция России ни к чему хорошему привести не может. Напротив, Запад должен быть предельно заинтересован *в интеграции* России. Другое дело, что при нынешнем состоянии ее государственности интеграция невозможна. Но Запад должен хотя бы не мешать возможному процессу сближения.

Итак, у России два пути: либо снова наступить на грабли, используя почвенническую модель, неоднократно опробованную и не принесшую никаких благ обществу и людям в отдельности, либо интеграция в западную цивилизацию. Второй путь представляется авторам книги более надежным.

СЕРГЕЙ ЖУРАВЛЕВ

ПЕРВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ - КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА

В конце 20-х - начале 30-х годов в Соединенных Штатах разразилась Великая Депрессия. Лишенные возможности найти работу, многие квалифицированные американские инженеры и рабочие поехали в СССР - страну, строящую социализм и нуждающуюся в помощи западных специалистов. Многие американцы, отработав по контракту от одного до трех лет, смогли вернуться домой. Но тысячи так никогда и не увидели родины, погибнув в сталинском ГУЛАГе, став жертвами безжалостного режима.

Впрочем, и американские власти не всегда были озабочены судьбами своих соотечественников, работавших в СССР.

Рассказанное автором данного очерка является тому подтверждением.

Меморандум Кеннана

В 20-е - 30-е годы прошлого столетия в Советскую Россию, которая многим казалась страной новых возможностей, в поисках работы, с целью воссоединения семей, по политическим и иным причинам приехали тысячи американцев. Они представляли широкий профессиональный спектр - от инженеров до художников, от квалифицированных рабочих до учителей, журналистов и бизнесменов.

В соответствии с данными Амторга, к сентябрю 1931 г. в СССР только по официальным контрактам с советским правительством

трудилось около 2 тыс. квалифицированных американских специалистов. Некоторое время спустя Амторг сообщил о 10.000 квалифицированных американских инженерах, техниках и рабочих, нанятых только в течение одного 1931 г.

В условиях "Великой депрессии" в США в таком паломничестве в СССР не было ничего удивительного. Среди живших в 1930-е гг. в СССР американцев насчитывалось и несколько тысяч политических эмигрантов, многие из которых вынуждены были покинуть родину. Вместе с тем, политические и экономические причины приезда в СССР подчас настолько тесно переплетались, что отделить их было чрезвычайно сложно.

29 апреля 1931 г. консул США в Берлине, в то время - начинающий советолог, а в будущем - один из архитекторов послевоенных советско-американских отношений Джордж Ф. Кеннан направил своему начальству в Госдеп конфиденциальный меморандум за №254 "О статусе американских коммунистов, находящихся в СССР". В нем сообщалось, что берлинское консульство организовало систематический сбор информации о гражданах США, проживающих в СССР и симпатизирующих коммунистическому режиму. Сведения черпались как из советских и зарубежных средств массовой информации, так и путем опроса работавших в СССР иностранцев, в основном, американцев и немцев, о взглядах и поведении известных им по пребыванию в СССР американских граждан. В результате Кеннан пришел к выводу, о котором докладывал в Вашингтон: в СССР находится большое количество американских граждан, "чья верность, по крайней мере, по их собственному мнению, принадлежит советскому правительству, а не Соединенным Штатам".

По словам Кеннана, американские коммунисты, проживающие в СССР, фактически получили советское гражданство (натурализовались) через моральную принадлежность к международному пролетариату и факт проживания в его штаб-квартире - СССР. На этом основании он предлагал считать их *de facto* советскими гражданами и отказать в праве на помощь и защиту американских властей. Речь, таким образом, шла об идеологическом и юридическом обосновании практики негласной дискриминации американских граждан, находящихся в СССР, по политическим мотивам. Характерно при этом, что под термином "коммунисты" в меморандуме Кеннана понимались не только собственно члены компартии, но и лица, симпатизирующие СССР и критикующие американские порядки, участвующие в общественной деятельности или отмеченные в советских газетах за добросовестную работу по трудовому контракту.

К посланному в Вашингтон меморандуму Дж. Кеннана прилагался список из 85 "лиц, находящихся в Советской России, предположительно американских граждан, являющихся коммунистическими симпатизерами".

Судя по всему, практика составления подобных "черных списков" была продолжена. Об этом красноречиво говорят трагические судьбы американцев. В 1996 г. на вопрос журналиста Ассошиэйтед Пресс Алана Каллисона о том, как такой документ мог появиться в 1931 г., и каковы были его последствия для включенных в "черные списки", патриарх американской дипломатии Дж. Кеннан ответить отказался.

Обнаруженная нами в Национальных архивах США, а также в коллекции материалов Берлинского консульства копия меморандума 1931 г. стала побудительным мотивом для расследования необычной судьбы одного из 85-ти фигурантов "черного списка" Кеннана - Джорджа МакДауэлла (George McDowell).

Ярко вспыхнув на историческом небосклоне в бурные 1920-е годы, МакДауэлл так же внезапно исчез с него в начале 1930-х. Да так, что его следы до сих пор не удалось разыскать ни в архивах ФСБ (а это значит почти наверняка, что он, по крайней мере, не был репрессирован), ни в современных телефонных справочниках провинциальных местечек Канзаса и Монтаны, где МакДауэлл родился, вырос, получил образование и жил в начале XX в. До сих пор проживающие там люди с аналогичными, достаточно редкими для тех мест фамилиями, оторванные от своих дел необычными звонками из Москвы, так и не смогли припомнить родственников, рассказывавших им о необычайных приключениях в послереволюционной России.

Сенсационное награждение

Несколькими месяцами ранее появления меморандума Дж. Кеннана консульство США в Риге сообщило в Госдеп депешей №7804 от 19 июня 1931 г. сенсационную новость о награждении в СССР урожденного американского гражданина Джорджа МакДауэлла только что появившейся высшей наградой СССР - орденом Ленина.

"Он первый американец и один из нескольких иностранцев, награжденных орденом Ленина", - отмечалось в дипломатической депеше. Скандальным оказалось и то, что американец с благодарностью принял эту награду.

Но особенно беспокоил официальных лиц США широкий общественный резонанс и пропагандистские последствия вручения ее рядовому американцу. Указ о награждении МакДауэлла орденом Ленина за отличную работу в качестве сельскохозяйственного эксперта в зерновом совхозе "Верблюды" Государственного зернового треста был опубликован 8 июня 1931 г. в "Известиях". 22 сентября его перепечатала советская англоязычная Moscow News, сделав тем самым это крайне неприятное для Вашингтона событие достоянием зарубежной общественности.

Газета "Известия" поместила 8 июня 1931 г. подписанное накануне в Кремле Постановление Президиума ЦИК СССР о награждении орденами работников сельского хозяйства "за особо выдающиеся заслуги в строительстве совхозов, обеспечении выполнения зерновыми совхозами их задач - быть крупными государственными зерновыми фабриками..." Среди награжденных орденом Ленина значился агроном учебно-опытного зерносовхоза №2 Мак-Дауэль (газетный вариант транскрипции фамилии McDowell).

На развороте газета поместила биографические очерки о награжденных. По иронии судьбы, статью о МакДауэлле написал журналист и поэт Эль-Регистан - один из авторов будущего "сталинского" гимна СССР. В отношении МакДауэлла, названного "комрадом", в характерном для советской печати тех лет пропагандистском стиле говорилось:

"Выходец из семьи канзасского бедняка-фермера, бывший сельскохозяйственный рабочий, Мак-Дауэль с ранних лет познал, что такое голод, и когда в Америку пришли первые известия о том, что в России голодают тысячи безвестных крестьян советского Поволжья, Мак-Дауэль принял активное участие в организации "Рабочего общества помощи голодающим". В числе группы американских рабочих 1 августа 1923 г. он высадился с океанского парохода во Владивосток".

Далее в статье рассказывалось о его работе в знаменитой американской колонии "Кузбасс", где он снискал известность как один из самых энергичных и бескорыстных членов: *"2-х летнее пребывание комрада Джое в Кузбассе не прошло бесследно. Сконструированная им новая система креплений в шахтах, гарантирующая безопасность подземных работ, нашла широкое распространение по всем шахтам и рудникам СССР".* Здесь пригодился приобретенный МакДауэллом опыт работы на шахтах штата Колорадо.

В 1926 г., после ликвидации индустриальной колонии "Кузбасс", он решает пока что не возвращаться в США, а едет на Северный Кавказ. Здесь он работает по трудовому контракту в советско-американских аграрных концессиях в качестве сельскохозяйственного эксперта - специалиста в области машинной обработки земли. Особенно высокую оценку получила его работа агрономом и экспертом по использованию тракторов в Прикумских степях.

Энергичный и преданный своему делу американец завоевал авторитет и уважение не только у товарищей по работе, но и у крестьян. Местные жители два года избирали его членом своего сельского совета, сообщалось в "Известиях". В этом в принципе не было ничего необычного: советское законодательство тех лет разрешало трудившимся в СССР иностранцам избирать и быть избранными в местные органы власти. Достаточно сказать, что среди членов по тем временам главного Совета страны - Моссовета 1930-х гг. были и немцы, и американцы.

Весна 1929 г. застала нашего героя на широких целинных просторах Северного Кавказа. Здесь у станции "Верблюды" на территории 5,2 тыс. га государством был создан учебно-опытный совхоз Зернотреста.

"За эти 30 месяцев работы Мак-Дауэля совхоз вырос в 11,5 раз. И каждый га образцового 59-тысячного посева совхоза, каждый га соседнего 200-тысячного "Гиганта" обработаны лучшими в мире 5-разрядными тракторными сушками системы "Дауэль". Он изобрел механические перегружатели, передвижные элеваторы, 5-тонные тракторные тележки для перевозки зерна. Он - ударник, рационализатор".

Практичный американец нашел применение списанным и брошенным где попало частям старых машин и механизмов, которым, по понятиям русских, место только на свалке. Он же предложил делать рабочим совхоза, вынужденным трудиться в степи, вдалеке от жилья, передвижные вагончики для отдыха.

Совхоз №2, в котором работал МакДауэлл, был по тем временам действительно новаторским хозяйством. Здесь открылся Институт инженеров-механизаторов социалистического земледелия, студентами которого стали в основном рабочие металлопромышленности. Тут же действовали курсы подготовки директоров зерносовхозов и опытная станция, на которой проводились эксперименты по наиболее эффективному использованию передовой техники и современных методов земледелия, а также по конструированию новых и реконструкции старых типов сельскохозяйственной техники.

Наконец, МакДауэлл, как говорилось в очерке Эль-Регистана в "Известиях", отказался от оплаты за свой труд в валюте, **"тем самым отрезав последние нити, связывающие его с капиталистической родиной"** (выделено мною - С.Ж.) Причины такого поступка семейного человека, которому перевалило за 50 и который привык получать в СССР часть заработка в валюте, действительно должны были быть чрезвычайно вескими. Тем более в 1931 г., в условиях резкого ухудшения продовольственной ситуации и введения в стране карточной системы. **"Мистер Джордж Мак-Дауэль сделал безошибочный выбор: чутким ухом шахтера из Колорадо он уловил поступь истории"**, - патетически заключал автор статьи в "Известиях" (выделено мною - С.Ж.) Из газетного очерка Эль-Регистана, таким образом, следует, что МакДауэлл сознательно отказался от возвращения в США.

Награждение его орденом Ленина явилось тем самым поощрением не только за неоспоримые производственные успехи, но и по существу за решение (или намеренное побуждение к окончательному решению?) остаться в СССР.

По газетным материалам хорошо прослеживается, как с весны 1931 г. общественное мнение, да и сам американец, целенаправленно готовились к предстоящему награждению. Так, газета "Труд" 10 апреля 1931 г. поместила информацию о том, что в Ростове-на-Дону открылся Первый Всесоюзный съезд рабочих сельскохозяйственного машиностроения, собравший несколько тысяч делегатов - передовиков производства. Тут же была помещена фотография одного из них с подписью: "Зав. столярной мастерской учебно-опытного зерносовхоза №2 американец тов. Макдауэль, показавший образцы социалистического труда". МакДауэлл не мог не понимать, что статьи и портреты в центральных газетах, - все это неспроста, что за ним явно "ухаживают", что он нужен в СССР не только как хороший специалист, но - прежде всего как символ трудовой Америки. Из него лепили образ работника, которому не нашлось места в США, и по заслугам которому воздалось только в СССР.

Торжественное награждение МакДауэлла, заявившего о решении остаться в СССР, орденом Ленина стало очередной победой советской пропаганды. Каждый символ, однако, создавался не на пустом месте. Он имел имя, биографию и выросал на вполне реальных основаниях. Самое поразительное, в какой степени американские власти сами оказались причастными к созданию советских пропагандистских мифов, заноса своих граждан в дискриминационные "черные списки", преследуя их и препятствуя, вопреки закону, возвращению на родину.

МакДауэлл против Госдепартамента США

О том, каковы были истинные причины и обстоятельства невозвращения МакДауэла в США и его последующего награждения орденом Ленина, рассказывают дипломатические документы из Национальных архивов. В Вашингтоне имя МакДауэлла стало хорошо известно в 1928 г., тремя годами ранее его сенсационного награждения.

В начале 1928 г. трудившийся в СССР американец решил, что осенью, по окончании контракта с сельскохозяйственной концессией и после сбора урожая, вместе с русской женой он вернется в США. На следующий год ему уже 50. Жизнь, полную странствий и приключений, так привлекавшую в молодые годы, пора сменить на что-то более постоянное и основательное. Накопив за годы работы в России немного денег, МакДауэлл мечтал вернуться на родину, купить ферму на юге и жить оставшиеся годы спокойной семейной жизнью. С этой целью он написал в Госдепартамент США, а затем и в ближайшее американское консульство в Риге запрос о процедуре получения американского паспорта для последующего отъезда.

В 1923 г. он въехал в Советскую Россию из США формально как член делегации Комитета помощи голодающим Поволжья через существовавшую тогда Дальневосточную республику (некоторое время спустя она вошла в состав РСФСР) без оформления заграничного паспорта и соблюдения других необходимых формальностей. До поры до времени это обстоятельство ни у кого не вызывало вопросов, тем более, что до 1933 г. Советская Россия и США не имели официальных дипломатических отношений. Но для легального возвращения в США нужен был паспорт. Так появился официальный запрос МакДауэлла в Вашингтон, в котором он сообщал свой адрес: Маслов Кут, Терской округ, Кавказ, Россия.

Одновременно он направил запрос непосредственно в ближайшее консульство США в Риге, в котором подтвердил желание в конце 1928 г. покинуть СССР вместе с женой. Вскоре он получил ответ из Риги, датированный 9 февраля 1928 г. Американский консул просил МакДауэлла письменно ответить на ряд дополнительных вопросов, а также как можно скорее лично явиться в консульство для уточнения ситуации с гражданством. В ответ 22 февраля 1928 г. МакДауэлл вторично обращается в консульство, объясняя дипломатам, что у него контракт до 1 октября и вплоть до сбора урожая он не может покинуть рабочее место.

Для рассмотрения вопроса Государственный департамент США по своим каналам затребовал информацию о личности МакДауэлла. Судя по документам, с самого начала выявилось нежелание американских властей позволить ему вернуться на родину. Что же именно насторожило власти США в отношении МакДауэлла в 1928 г.? В заявлениях он ничего не упомянул об обстоятельствах своего прибытия в СССР в 1923 г. и о работе в знаменитой индустриальной колонии "Кузбасс" в 1923-1926 гг. В этой связи его фраза о том, что он никогда не интересовался политикой, по мнению официальных лиц из Вашингтона, не соответствовала действительности. Именно этот "криминал" в его биографии стал, судя по всему, главным препятствием для возвращения на родину.

Принадлежность к индустриальной колонии "Кузбасс", созданной в 1921 г. по инициативе большевистских лидеров и руководителей Коминтерна, рассматривалась американскими властями как подтверждение членства в компартии и антиамериканской деятельности¹. Для этого действительно имелись основания. У истоков колонии стоял похороненный в конце 1920-х гг. в Москве у Кремлевской стены Билл Хэйвуд и его соратники по прокоммунистической организации "Индустриальные рабочие мира".

Деятельность колонии рассматривалась как первый конкретный шаг в организации помощи международного пролетариата социалистическому строительству в Советской России. Колонисты, в большинстве своем американцы, жили на принципах коммуны, показывая пример местным жителям.

Предстояло не только организовать добычу угля на шахтах Кузбасса, но и попытаться наладить здесь образцовое сельскохозяйственное производство. Созданный в США специальный Оргкомитет с целью привлечения желающих ехать в Советскую Россию, выпустил брошюру под названием: "Кузбасс: возможности для рабочих и инженеров". В ней, в частности, говорилось о безграничных перспективах машинной обработки земли в Сибири, которая только и ждет людей, знающих, как воспользоваться этими возможностями.

Описывая климат Кузнецкого бассейна, составители брошюры упоминали, что это место находится почти на широте канадского Виннипега и имеет сходные климатические условия. Далее говорилось, что для организации в Кузбассе огромной экспериментальной фермы, на которой предполагается использовать американскую тех-

---

¹ J.P. Morray, *Project Kuzbas: American Workers in Siberia. 1921-1926* (New York, International Publishers, 1983), p. 174.

нику и передовые методы обработки земли, советским правительством уже выделено 25.000 акров земли: "Эта ферма должна заинтересовать лучших американских фермеров и стать не только производителем сельхозпродукции, но и моделью научной агрикультуры".

Обращение к американцам было не случайным. Связанное с очевидными невзгодами и лишениями освоение бескрайних просторов Сибири, считалось по силам "настоящим мужчинам" - потомкам американских пионеров, не привыкших пасовать перед трудностями.

Мы точно не знаем, когда эта брошюра попала в руки МакДауэлла, но решение ехать в Кузбасс он принял в начале 1923 г. В это время хозяйственная целесообразность почти совершенно вытеснила изначальную политическую подоплеку проекта. Если до 1923 г. в число американских колонистов попало немало романтиков и идеалистов, то затем, когда начались трудовые будни, потребовались опытные профессионалы-практики.

МакДауэлл с его специальным сельскохозяйственным образованием и опытом фермерства в Канаде оказался в числе наиболее подходящих кандидатов. Летом 1923 г. в составе небольшой группы колонистов он садится на пароход в Сан-Франциско, чтобы через Японию попасть во Владивосток. Затем предстояло долгое путешествие через Сибирь. Только в ноябре 1923 г. группа добралась до колонии "Кузбасс", увеличив ее численный состав до 400 человек (включая женщин и детей).

Период наиболее активной реализации сельскохозяйственной программы колонии начался еще весной-летом 1923 г., когда прибывший из Нью-Йорка пароход доставил необходимую технику, включая трактора, плуги, семена пшеницы и др. культур. МакДауэлл влился в дружный коллектив агрикультуристов, включавший Вальтера Лемона (умер в 1923 г.), Джека Харпера, садовода Роско Филлмора и главного менеджера фермы В.Х. Кингери, помощником которого и определили МакДауэлла. Работа шла довольно успешно, урожаи неплохие, прогресс от внедрения американской сельхозтехники очевиден, в том числе, что немаловажно, и для местного населения, ранее вообще не видевшего тракторов². Но в 1926 г. индустриальная колония "Кузбасс" прекратила свое существование. МакДауэлл в числе группы колонистов (В.Кингери, Дж.Тучельский и др.) поехал работать на Северный Кавказ³.

Обобщив полученные данные, Госдепартамент США пришел к выводу о нежелательности выдачи МакДауэллу документов на воз-

---

² *Ibid.*, p. 159.

³ *Ibid.*, p. 174.

вращение в США. В поисках зацепки для отказа, 1 мая 1928 г. Госдеп направил депешу в свое консульство в Оттаве о проверке натурализации МакДауэлла. В полученном ответе сообщалось, что по канадским материалам значится МакДауэлл, по национальности американец, проживавший South Fort George, Rancher и натурализовавшийся 5 сентября 1913 г. Характерно, что его объяснение (без формальной канадской натурализации он, фермер, не мог получить здесь землю), а также факт письменного отказа МакДауэлла от канадского гражданства по возвращении в США в 1921 г., о котором он сообщил консулу в Риге, не были приняты во внимание, не проверялись, а соответствующие документы не разыскивались.

В инструкции Госдепартамента США от 26 мая 1928 г. консульство в Риге было проинформировано о том, что МакДауэлла следует считать утратившим американское гражданство через натурализацию в Канаде. Об этом ему было незамедлительно сообщено. Однако МакДауэлл с таким обоснованием отказа категорически не согласился, продолжая настаивать на выдаче американского паспорта, а затем угрожал отъездом из СССР без паспорта.

Понимая, что юридически он, гражданин США по рождению, имеющий там близких родственников, к тому же участник войны с Испанией, проливавший за родину кровь, имеет все основания требовать выдачи американского паспорта и возможности вернуться в США, американские власти решили использовать последнюю возможность - отказать в разрешении на въезд его русской жене. "Имея чрезвычайное желание вернуться в США, он предпринял приготовления к путешествию без паспорта и требовал въезда как урожденный американский гражданин и бывший солдат. Он отказался от этого намерения только когда понял, что это невозможно без оставления жены в СССР", - докладывал в Вашингтон о развитии ситуации сотрудник рижского консульства.

Бросить супругу и одному вернуться в США МакДауэлл не смог. На это - на его порядочность, судя по всему, и был расчет дипломатов. Можно себе представить, что творилось в душе МакДауэлла. Недоумение сменила обида и осознание несправедливости и незаконности того, что его сделали "невозвращенцем".

Загнанный в угол американец с надеждой обратил свой взор на СССР. Здесь его не оставили в беде, не предали в трудную минуту ни русские друзья, ни власти. Именно в этой ситуации в 1929 г., после ликвидации американской сельскохозяйственной концессии, в которой он работал, МакДауэлл получил должность консультанта в экспериментальном совхозе "Верблюды" Зернотреста. Благодарность советским людям он выразил ударным трудом. Наш герой прославился тем, что предложил свою систему земледелия, ставшую известной как

система "МакДауэлла", которая была также применена в соседнем совхозе "Гигант" и дала отличные результаты. Оставив надежду вернуться в США и купить ферму, он принял советские "правила игры": отказался от оплаты за свой труд в валюте и подписал "рублевый" контракт; стал ударником производства и включился в местную общественную жизнь. В 1931 г. за производственные успехи он получил орден Ленина, а затем попал в составленный Дж. Кеннаном "черный список" коммунистических симпатизеров, проживающих в СССР.

Джордж МакДауэлл не был коммунистом ни формально, ни по существу своих взглядов. Он был солдатом, фермером, шахтером, он перепробовал множество профессий. Везде трудился честно и добросовестно, но, конечно же, не ради орденов. Когда он писал в Госдепартамент, что в 1920-е гг. ощущал себя в России представителем передовой индустриальной Америки и способствовал развитию отношений между странами, то этому можно верить. МакДауэлл жил в самой российской глубинке, общался с крестьянами, многие из которых были неграмотны и никогда не выезжали дальше райцентра. Он знал, что в состоянии, опираясь на знания и богатый жизненный опыт, помочь местным крестьянам лучше обустроить быт. Так он относился и к депутатству в сельсовете. "Большой политикой" депутаты сельсоветов никогда не занимались - на их плечах держалось коммунальное хозяйство на местах.

Будучи, видимо, в хорошем смысле слова искателем приключений, МакДауэлл пробовал найти счастье в разных странах; как многие, наивно верил, что мир можно сделать лучше и справедливее. В начале 1920-х гг. казалось, что таким примером может стать Советская Россия. Кроме всего прочего, МакДауэлл оказался отзывчивым и порядочным человеком: он участвовал в организации помощи голодающим Поволжья, не бросил жену ради возвращения на родину. Включив в 1931 г. МакДауэлла в свой "черный список" по идеологическим соображениям, Дж.Кеннан решил, что такой человек Америке не нужен.

От "черных списков" к жертвам сталинских репрессий

Меморандум Кеннана с прилагаемыми "черными списками" находился в русле официальной политики властей США в отношении СССР - коммунистической страны, с которой до 1933 г. не поддерживалось официальных дипломатических отношений. Так, практика регулярного сбора сведений о подозрительных американцах, въехавших и выехавших из СССР, была введена в соответствии с конфиденциальным письмом министра Колемана от 16 ноября 1929 г. руко-

водителю Восточно-Европейского отдела Госдепартамента США, давшего, в свою очередь, соответствующие указания дипломатическим представительствам на местах.

Однако до поры до времени дело ограничивалось в основном информацией о передвижении "подозрительных" американских граждан, обратившихся в дипломатические учреждения за визами или по другим вопросам. На заметку брались ехавшие в СССР "цветные", деятели профсоюзного, рабочего, молодежного движения левой или просоветской ориентации, лица, многократно и регулярно пересекающие границу и т.д.

Появление меморандума Кеннана означало не только попытку идеологического и юридического обоснования дискриминации американских граждан по политическим мотивам, но и свидетельство о переводе слежки в новое качество. Теперь предметом пристального интереса становилось не только передвижение (частота, причины, финансирование дорогостоящих поездок и проч.), но и поведение рядовых американцев непосредственно в СССР, их высказывания, общественная деятельность, взгляды и др.

Меморандум тем самым сыграл важную роль в разработке официальной политики США по отношению к своим гражданам, находящимся в СССР и придерживающимся "просоветских" взглядов. Как видно на примере Джорджа МакДауэлла, он имел практические последствия и сказался на судьбах конкретных людей.

Практика сбора сведений о проживающих в СССР "подозрительных" и неблагонадежных американцах, а также составление на этой основе "черных списков", продолжилась и в дальнейшем, в том числе во второй половине 1930-х гг., после установления дипломатических отношений между СССР и США. Сохранившиеся в Национальных архивах документы Госдепартамента, а также его переписка с московским представительством, свидетельствуют о том, что американское посольство в Москве подробно отслеживало данные о массовых репрессиях в СССР в 1937-1938 гг., регулярно информируя об этом руководство в Вашингтоне. Дж. Кеннан, который в это время был одним из руководителей дипломатической миссии в Москве, не мог не быть в курсе ареста НКВД граждан США, за которых дипломаты обязаны были заступиться. Однако они по существу скрыли это, посылая в Вашингтон недостоверную информацию, либо пряча за формулировкой о "двойном гражданстве" арестованных.

Сергей Журавлев родился в 1960 году в Москве. Окончил Московский историко-архивный институт и его аспирантуру. С 1989 года работает в Институте российской истории РАН и одновременно преподает в московских вузах. Доктор исторических наук. Основная специализация - история России 20 века.

СЕМЕН РЕЗНИК

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

25 лет Сахаровским Слушаниям в Лиссабоне

В этом году исполняется 25 лет со времени Сахаровских Слушаний в Лиссабоне. Мне довелось в них участвовать. Это событие, как и все движение Сахаровских Слушаний, на сегодняшний день изрядно забыто, что само по себе служит достаточным поводом, чтобы о них напомнить. Тем более, что Сахаровские Слушания имеют не только исторический интерес. Речь идет о бесценном и весьма эффективном опыте НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО сопротивления тоталитарному режиму, которое сыграло важную роль в его падении. В наше время, когда слишком многие в этом мире делают ставку на силу и ненависть, особенно важно вспомнить о том, как советские диссиденты, при поддержке поборников прав человека на Западе, принципиально отвергнув террор, заговоры и иные силовые методы борьбы, смогли противостоять могучему тоталитарному государству и - в конечном счете - его свалить.

Первые Сахаровские Слушания состоялись в 1975 году в Копенгагене - благодаря инициативе и энергии датского правозащитника Фельстеда Андерсена.

Середина 1970-х годов была судьбоносным периодом для правозащитного движения в СССР. Именно в этот период власти усилили репрессии, стремясь подавить всякое проявление инакомыслия, однако сопротивление наиболее стойких диссидентов стало еще более непреклонным. Коса нашла на камень.

В 1974 году из Советского Союза был выслан Александр Солже-

ницын - за "антисоветскую деятельность", выразившуюся в публикации на Западе "Архипелага ГУЛаг". Тем самым советские лидеры лишней раз расписались в том, что беззакония сталинского режима, описанные в книге, не ушли в прошлое, - они остаются политикой Кремля. В 1975 году Андрею Сахарову была присуждена Нобелевская премия мира, что подняло престиж советских правозащитников на еще большую высоту. В 1975 году были подписаны Хельсинкские соглашения.

Брежнев и его окружение считали эти соглашения своей дипломатической победой. Первый раздел Соглашений признавал незыблемость государственных границ в Европе. Этим как бы узаконивался захват Советским Союзом Прибалтики и Восточной Пруссии, значительных территорий Польши и Румынии, увековечивался раздел Германии и Берлина. Второй раздел Соглашений был посвящен интенсификации экономического и культурного сотрудничества между Востоком и Западом, что, опять-таки было выгодно советской стороне, получившей широкий доступ к западным кредитам и технологиям. Третий раздел касался гуманитарных вопросов. Он содержал обязательства всех участников соглашения способствовать свободе эмиграции и соблюдению прав человека. Страны-участницы обязались выполнять положения Всемирной Декларации прав человека, что превращало ее в обязательный *юридический документ*. Советская сторона не придала этому пункту Соглашений должного значения, считая его пустой формальностью. Я думаю, что правительства западных стран тоже пошли на односторонние уступки в вопросе границ, кредитов и технологий вовсе не для того, чтобы обострять отношения с опасным и непредсказуемым соседом только из-за того, что у себя дома советские власти преследуют горстку инакомыслящих интеллектуалов. Цель западных стран состояла в том, чтобы смягчить международный климат в Европе, а не обострять его.

Но вскоре объявила о своем существовании Московская Хельсинкская Группа, благодаря чему именно Третья корзина стала определяющей частью Хельсинкского процесса. Советские диссиденты всегда настаивали на том, что соблюдение прав человека не является внутренним делом отдельных государств, так как единственным способом проверки выполнения странами их международных обязательств может быть только независимое общественное мнение, а оно невозможно там, где инакомыслящие подвергаются репрессиям. Хельсинкские соглашения многократно усилили такую аргументацию.

Одним из главных международных форумов, на которых проб-

лема прав человека в СССР подвергалась широкому обсуждению при пристальном внимании всего мира, стали Сахаровские Слушания. Это была эвристическая идея! Смысл ее сводился к проведению своего рода общественного суда, на котором, перед лицом авторитетного жюри, заслушивались показания свидетелей, недавно покинувших Советский Союз. В жюри входили видные представители западной общественности, к чьим голосам прислушивались во всем мире. Члены жюри подвергали свидетелей перекрестному допросу, активно комментировали их показания. В заключение принималось совместное итоговое заявление - аналог судебного приговора. Понятно, что такой форум не мог не вызвать широкого интереса, о нем сообщали ведущие газеты, радио- и телестанции многих стран. Советские власти всячески пытались их извратить, но тем только привлекали еще больше внимания к тому, что хотели бы замолчать.

Идея, как я уже сказал, принадлежала Фельстеду Андерсену и была поддержана А.Д. Сахаровым, давшим согласие на то, чтобы Слушания носили его имя.

Первые Слушания, в Копенгагене, прошли с большим успехом, через два года состоялись Вторые Слушания - в Риме, затем Третьи - в Вашингтоне.

Четвертые Сахаровские Слушания проходили в Лиссабоне, в течение трех дней, с 12 по 14 октября 1983 года.

О предстоящих Слушаниях я узнал из объявления в газете "Новое русское слово", обращенного к недавним иммигрантам, которые могли бы сообщить о наиболее свежих фактах попрания прав человека в СССР. Я вырвался из Совдепии в сентябре предыдущего года и посчитал нужным откликнуться. Так я оказался в числе участников.

Инициатива проведения Слушаний в Португалии принадлежала видному общественному и политическому деятелю этой страны Антонио Мария Перейра, а основная работа по организации легла на Кронида Любарского, ученого-астрофизика, известного диссидента, узника совести. В то время он уже жил в Западной Германии, где издавал информационный бюллетень о положении политзаключенных в СССР.

В жюри Слушаний вошли виднейшие ученые, общественные деятели и правозащитники США, Великобритании, Франции и, конечно, Португалии - всего 14 человек. В их числе видный американский юрист, президент международной лиги прав человека Джером Шестак, профессор Ричард Пайпс, французские ученые и правозащитники Ален Безансон, Андре Глюксман, министр просвеще-

ния Португалии, он же известный поэт, прозаик и радиокomentатор Жозе Аугусто Сеабра и другие не менее влиятельные деятели. Почетными гостями Слушаний были ближайшие родственники А.Д. Сахарова - Руфь Боннэр, Татьяна и Ефрем Янкевичи.

В качестве свидетелей на Слушаниях дали показания 22 недавних эмигранта из СССР и два представителя польского движения "Солидарность". Они съехались со всего мира: из США, из Израиля, из Франции, из Германии.

На Слушаниях рассматривалось четыре основных вопроса:

1. Положение А.Д. Сахарова в его бессрочной ссылке в Горьком.
2. Нарушения интеллектуальной свободы в СССР.
3. Положение в Польше.
4. Положение трудящихся в СССР.

Свидетельские показания открылись выступлением Владимира Войновича, который поделился своими мыслями о взглядах Сахарова и о его личности. "Инстинкт самосохранения себя как биологической единицы в каждом нормальном человеке силен, но есть еще и инстинкт самосохранения личности, - сказал Войнович. - И чем крупнее и оригинальнее личность, тем сильнее в ней этот инстинкт. Думая о Сахарове, я всегда поражаюсь, сколь мощно выражен в нем этот инстинкт, который позволяет ему всегда, во всех обстоятельствах, даже очень тяжелых, оставаться самим собой, не сказав ни одного фальшивого слова, не совершив ни одного не свойственного ему поступка. И это признак того, как много душевного здоровья вложено в него природой".

Люди, близко знавшие Сахарова, развернули перед членами жюри широкую картину преследований и издевательств, которым он подвергался.

Елизавета Семенова (Алексеева), прожившая в семье Сахаровых последние четыре года до эмиграции, рассказала о 17-дневной голодовке Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны в 1981 году. Елизавета Алексеева была невестой сына Елены Боннэр А. Семенова. Ему удалось выехать за границу, ее же сделали заложницей правозащитной деятельности Сахарова. Это и побудило Сахарова добиваться выезда Лизы всеми доступными ему средствами - вплоть до голодовки. Голодовку Сахаровы держали 17 дней - до тех пор, пока Лизе не было дано официальное разрешение на выезд. Андрей Дмитриевич не был бы самим собой, если бы уступил.

---

¹ Здесь и далее все цитаты даются по изданию "Сахаровские Слушания. Четвертая сессия. Лиссабон октябрь 1983. Редактор-составитель Семен Резник. Overseas Publications Interchange Ltd., Лондон, 1985.

О менее драматичном, но не менее характерном эпизоде рассказал Александр Бабеньшев. Он приехал в Горький, чтобы повидать Сахарова, а так как обычным путем, через дверь, у которой постоянно дежурил милицейский пост, войти в его квартиру он не мог, то влез в окно. Посещение было, конечно, засечено, при выходе из квартиры Бабеньшева схватили, отвели в так называемую комнату милиции в доме напротив и подвергли трехчасовому допросу. Но едва допрос начался, у двери появился Сахаров. Он стал требовать, чтобы его впустили. Он хотел видеть и знать, что делают с человеком, который только что был его гостем. Его, разумеется, не впустили, но он продолжал стоять за дверью, стучать в нее кулаком и требовать. "И он, несомненно, помог мне, все это время я чувствовал, что я не один, что Сахаров рядом", сказал Александр.

Писательница и правозащитница Сарра Бабеньшева (мать Александра) привела очень тревожные факты, говорившие о том, что власти взяли курс на уничтожение Сахарова. То же самое очень убедительно подтвердила Вера Федоровна Ливчак, которая в течение ряда лет, до выезда в Израиль, была лечащим врачом Сахарова. Она рассказала о том, какому "лечению" он подвергается в официальных советских медицинских учреждениях, работники которых действовали по указке КГБ. На вопрос одного из членов жюри, как следует понимать эти факты - являются ли они признаком силы советского режима или признаком слабости, Сарра Бабеньшева ответила:

"Я-то уверена, что это - признак слабости. Если один человек так опасен, что его надо выслать и отгородить от него современников, то, конечно, это - признак слабости. Если бы они чувствовали свою силу, то этого бы не делали. Однако, именно потому, что они бессильны победить идеи Сахарова, они бесчеловечным образом обрушиваются на него самого".

Второй день Слушаний был посвящен подавлению интеллектуальной свободы в СССР. Писатель Борис Хазанов, журналист и редактор Семен Черток, выступивший вторично Владимир Войнович, Григоре Сингурел, около двадцати лет работавший редактором концертных программ в Молдавии, и автор этих строк развернули перед жюри широкую панораму деятельности советской цензуры, причем, как все мы подчеркивали, функции цензуры выполнял отнюдь не только Главлит, но цензурой была пронизана вся работа печатных изданий и средств массовой информации, начиная с самоцензуры авторов. Приводилось множество конкретных примеров того, как на разных стадиях профильтровываются и калечатся

статьи и книги, прежде чем они доходят до печатного станка, и что происходит в тех случаях, когда, вопреки многослойной цензуре, в печать все-таки проникает какая-то идеологическая "крамола".

Семен Черток был редактором ежегодника "Экран". В одном из выпусков этого популярного сборника была помещена рецензия Виктора Некрасова на кинофильм Отара Иоселиани "Жил певчий дрозд". Ничего недозволенного в статье не было, но пока сборник находился в производстве, обострился конфликт В.П. Некрасова с властями. И как раз в тот день, когда пятидесятитысячный тираж книги был вывезен из типографии, чтобы поступить в продажу, по "Голосу Америки" прошло сообщение о том, что у Виктора Некрасова на квартире был произведен обыск сотрудниками КГБ. Цензор, давший разрешение на печатание книги, был усердным слушателем иностранного радио. Он запаниковал и поспешно снял свою подпись. Тираж книги был срочно отозван назад в типографию, находившуюся в Калининe, туда же выехала вся редакция - 15 человек - и занялась операцией, которая на советском издательском жаргоне называлась "выдиркой". В течение дня статья крамольного автора была вручную вырвана из восьми тысяч экземпляров книги. А вечером того дня по центральному телевидению показали кинофильм "Солдаты", в титрах которого значилось: "По повести лауреата Государственной премии Виктора Некрасова "В окопах Сталинграда". Цензор понял, что погорячился, и снова завизировал книгу. Не изуродованную часть тиража поспешно развезли по книжным магазинам. А затем выяснилось, что упоминать имя Некрасова все-таки запрещено, фильм был показан из-за ошибки телевизионного цензора. К счастью, книга уже была распродана.

О "выдирках" говорили и другие участники Слушаний. Я рассказал об экзекуциях, которым подверглась моя книга "Николай Вавилов". Экзекуции, однако, оказались недостаточными, и книга была признана "идеологически вредной". Куски текста, изъятые из нее на разных стадиях прохождения, составили небольшую книгу, которую я издал в первый же год жизни на Западе². Я продемонстрировал ее и предложил приобщить ее к материалам Слушаний как вещественное доказательство.

Весьма драматичны были показания Филиппа Бермана и Михаила Островского, рассказавших о разгроме двух независимых организаций - "Клуба беллетристов" и "Группы доверия".

---

² С. Резник. *Дорога на эшафот. "Третья волна", Нью-Йорк-Париж, 1983.*

Независимый от властей "Клуб беллетристов" образовали восемь писателей, подготовивших сборник своих литературных произведений под названием "Каталог". В клуб вошли профессиональные литераторы, чьи произведения в официальных органах печати публиковались крайне редко. Только один из участников группы, Евгений Попов, короткое время был членом Союза Писателей, откуда его исключили за участие в несанкционированном властями сборнике "Метрополь". Филипп Берман, один из активных участников группы, рассказал о том, как сразу же после подачи официального письма в ЦК КПСС, в котором сообщалось об образовании Клуба, к нему и его товарищам нагрянули гебисты, произвели незаконные обыски, конфисковали рукописи, включая все обнаруженные экземпляры "Каталога". Евгений Козловский был после этого арестован и через полгода выпущен - после того, как был сломлен и подписал покаянные письма. Другой участник группы, Евгений Харитонов, не выдержавший гонений, умер от разрыва сердца. К счастью, один экземпляр книги был заблаговременно переправлен за рубеж. "Каталог" был издан издательством "Ардис"³, экземпляр книги был приобщен к материалам Слушаний.

Аналогичному разгрому подверглась "Группа доверия" - независимая от властей организация, возникшая в начале 1980-х годов. В короткое время все ее члены должны были покинуть страну.

Заключительная часть второго дня Слушаний была посвящена событиям в Польше. Два представителя польских независимых профсоюзов "Солидарность" Ян Зеленка и Кржистоф Помян развернули широкую панораму борьбы "Солидарности" за права рабочих, роли интеллигенции в этой борьбе и вообще в противостоянии коммунистическому режиму. Особое внимание было уделено военному перевороту генерала Ярузельского, который подверг разгрому "Солидарность", но не сломил активистов движения.

Оба оратора подробно остановились на правовых аспектах борьбы "Солидарности", что вызвало интересный обмен мнениями между ораторами и членами жюри. Ричард Пайпс в связи с этим обратил внимание на различия в подходах и самом мышлении, которые продемонстрировали на Слушаниях советские и польские диссиденты. "Я часто вспоминаю фразу, сказанную Бенкендорфом - главой Российской тайной полиции при Николае Первом: "Законы

---

³ *Каталог. Берман, Климонтович, Козловский, Кормер, Попов, Пригов, Харитонов. "Ardis", 1983.*

пишутся для подчиненных, а не для начальства", - сказал Ричард Пайпс. - В борьбе русских рабочих против властей, например, я не знаю ни одного случая, когда бы выдвигались требования соблюдения прав. Понятие прав человека отсутствовало среди основной массы людей в России. Оно разделялось только воспитанной на западных идеях интеллигенцией, и это имело и имеет довольно злоешие последствия. Я считаю, что русские люди хотят свободы так же, как поляки, чехи или венгры, но под свободой они понимают, в основном, свободу от ограничений, в том числе от ограничений Законом. Свобода делать что хочешь, а не свобода, ограниченная Законом, является желанием людей в Советском Союзе. В этом и есть глубокая разница между Россией и странами, над которыми она доминирует. Особенно разочаровывающим является тот факт, что такие люди, как Солженицын, и те, кто его окружают, высказывают некоторое презрение к Закону. Солженицын всегда жалуется на "глупость" западной законности, на "оторванные от жизни" законы. И я думаю, что это отражает чувства многих людей, хотя часть из них придерживается крайне антикоммунистических идей, они не имеют понятия, как изменить режим".

Третий день Слушаний был посвящен положению трудящихся в СССР, и то, что было сказано в этот день, произвело наиболее сильное впечатление на западных участников форума.

Перед ними прошла галерея самых разных свидетелей, каждый из них много лет работал в какой-то отрасли советского хозяйства, в тесном контакте с рабочими или сам был рабочим. Все они рассказывали о полном бесправии рабочих, прогрессивном ухудшении условий труда, нищенской заработной плате, низком качестве медицинского обслуживания, ужасных жилищных условиях и т.п.

О "бесплатной" советской медицине красочно поведал Семен Юльевич Бадаш - врач с тридцатилетним стажем, а до этого зэк, прошедший много лет в самых страшных каторжных лагерях на общих работах⁴. Не менее содержательным был рассказ другого бывшего зэка, Льва Кансона. Еще мальчишкой он был приговорен к восьми годам по пресловутой 58-й статье, но отсидел не восемь, а девять лет, из них два года в одиночке. После освобождения работал токарем. Не получив систематического образования, Кансон -

---

⁴ См. книгу С. Бадаша "Колыма ты моя, Колыма...", Effect Publishing, New York, 1986. А также его "Открытое письмо А.И. Солженицыну", www.vestnik.com/issues/2003/0723/koi/badash.htm.

уже в зрелые годы - обнаружил в себе талант писателя. После эмиграции в Израиль стал печататься в лучших журналах русского зарубежья, издал книгу. На Слушаниях он рассказал о проблемах рабочей молодежи, попадавшей после окончания ПТУ на предприятия, где царили воровство, пьянство, произвол мастеров и десятников.

Если к этому добавить свидетельство В. Фефелова, которого поднимали на трибуну в инвалидной коляске, об ужасающем положении и полном бесправии инвалидов труда, Валерии Исаковой - о "добровольной" помощи колхозам и овощным базам, на которую систематически направлялись высококвалифицированные специалисты из научно-исследовательских и проектных учреждений Москвы, Ленинграда и др. городов, Георгия Давыдова и Анатолия Шепиевкера - о принудительном труде заключенных и так называемых "химиков", то станет ясно, что перед участниками Слушаний была развернута панорама жестокой эксплуатации рабочих в СССР.

Многие из членов жюри были просто потрясены этими сообщениями. Представители западной интеллигенции, они достаточно хорошо представляли себе, насколько советский режим нетерпим к инакомыслию, как жестоко он преследует Сахарова и других диссидентов, как повязана всевозможными ограничениями творческая интеллигенция. Но при этом у некоторых из них сохранялась иллюзия, что о рабочем классе советская власть проявляет какую-то заботу и что социальное положение трудящихся со временем улучшается. На Слушаниях эти иллюзии были полностью развеяны.

Слушания были отлично организованы. Проходили они в конференц-зале фешенебельного отеля "Риц", в нем же были размещены все участники. Благодаря этому, несмотря на длительность и напряженность заседаний у нас оставалось время для неформального общения. Я хорошо познакомился со всеми участниками, с некоторыми завел дружеские отношения, которые потом длились многие годы. В один из дней Слушаний Кронид Любарской мимоходом спросил меня, взялся ли бы я за составление Сборника материалов Слушаний, если бы на это удалось достать деньги. Я ответил безусловным согласием.

Вскоре после возвращения в Америку у меня раздался телефонный звонок. Кронид сообщил мне, что финансирование получено, и я могу приступить к работе. Он переслал мне все материалы - рукописи, фотографии, магнитозаписи, а также адреса и телефоны всех участников. После расшифровки магнитозаписей каждый из российских участников Слушаний получил текст сво-

его выступления для корректировки.

Сложнее было с членами жюри и другими иностранными участниками, ибо книга готовилась на русском языке, которым большинство из них не владело. Требовалось с особой тщательностью выверять их выступления, а главное не перепутать идентификацию ораторов. На Слушаниях работали синхронные переводчики, но их переводы не записывались на пленку, так что я располагал магнито-записями выступлений и дискуссий только на оригинальных языках - русском, английском, французском и португальском. Найти переводчика с португальского на русский не удалось, пришлось довольствоваться двойным переводом - с португальского на английский и затем уже на русский.

В начале Слушаний все члены жюри были представлены, а затем, выступая по ходу дискуссий, они себя уже не называли, ибо присутствовавшие хорошо видели всех говорящих. Но идентифицировать по магнитозаписи голоса каждого из них для меня было очень трудно. Я опасался, что допущу ошибку и припишу слова одних участников - другим. К счастью, ни одной такой ошибки допущено не было.

Работа над книгой оказалось очень трудоемкой и заняла около девяти месяцев, хотя я лихорадочно торопился, ибо положение Сахарова все это время продолжало ухудшаться. Была незаконно изолирована в Горьком и Елена Боннэр, после чего связь с Сахаровыми практически прекратилась. Было известно, что Андрей Дмитриевич держал новую голодовку, но никто не знал, чем она кончилась. Чтобы сбить с толку мировое общественное мнение, КГБ намеренно сливал в западные СМИ дезинформацию о том, что Сахаров умер, а затем сам же ее опровергал.

Книга была составлена, отредактирована, набрана и даже смакетирована во второй половине 1984 года. В готовом к печати виде она была отправлена Крониду Любарскому. Он заключил договор с одним из ведущих в то время издательств русского зарубежья "Overseas Publications Interchange", базировавшимся в Лондоне, которому и переправил наборный экземпляр книги. Однако проходил месяц за месяцем, а никаких сведений о том, в каком положении находится издание, я не получал. Пришлось направить запрос Крониду, на что он ответил, что книга направлена на отзыв Мартину Дьюхирсту (один из членов Исполнительного комитета Слушаний, профессор Эдинбургского университета), и он почему-то тянет с ответом, имея какие-то свои цели. О причастности к изданию Дьюхирста я узнавал впервые.

Я написал Дьюхирсту крайне недипломатическое письмо, прямо упрекнув его в том, что в то время, когда положение Сахарова про-

должна ухудшаться, книга, которая должна стать еще одним словом в его защиту, тормозится по каким-то мелочным соображениям. Дьюхирст мне ответил длинным елейным письмом, в котором вину за задержку издания возложил на Любарского. Подлинная же причина обнаружилась вскоре. 10-11 апреля 1985 года в Лондоне состоялись Пятые Сахаровские Слушания, которые проводил Мартин Дьюхирст. Организованы они были несколько по иному принципу, нежели все предыдущие. На них выступали в основном не *свидетели*, недавно выехавшие из СССР, а специально приглашенные аналитики-эксперты. Дьюхирст приложил много усилий к тому, чтобы привлечь громкие имена, и ему это удалось. Я не сомневаюсь, что прозвучавшие на Пятых Слушаниях доклады были очень содержательны, но форум походил не столько на общественный суд, изобличающий систематическое попрание элементарных прав человека в Стране Советов, сколько на научный симпозиум. Потому общественный интерес к нему был минимальным. Готовить отдельную книгу, в которую были бы включены доклады, прозвучавшие на Пятых Слушаниях, Дьюхирст не собирался, видимо, понимая, что такая работа слишком трудоемка. Издание книги Четвертых Слушаний он тормозил до тех пор, пока не прошли "его" Слушания, дабы включить материалы о них в нашу книгу. Все, что он смог представить, свелось к повестке дня Пятых Слушаний, итоговой резолюции, подписанной председателем жюри Симоном Визенталем, и двум статьям о Слушаниях, появившимся в газетах "Новое русское слово" (Нью-Йорк) и "Русская мысль" (Париж). Эти материалы были присокуплены к нашему тому в качестве Приложения, после чего он и вышел в свет.

Пятые Сахаровские Слушания оказались последними. После начатой М.С. Горбачевым перестройки Запад с непонятной поспешностью исключил проблемы прав человека в России и других странах бывшего СССР из числа приоритетных. А ведь в Шестых Слушаниях, если бы они состоялись в 1987 или 1988 году, впервые мог бы участвовать сам А.Д. Сахаров, они могли быть проведены в Москве, на них могли быть продемонстрированы положительные сдвиги в защите прав человека в СССР и вместе с тем показано, насколько малы эти сдвиги, какими "завихрениями" они сопровождаются. Слушания помогли бы вскрыть внутренние пружины процессов перестройки и реально содействовать развитию этих процессов в гуманистическом, а не конъюнктурном направлении.

Увы, интерес к правозащитному движению в СССР к тому времени стал угасать. Массированная финансовая помощь Горбачеву, а

затем Ельцину не сопровождалась гуманитарными требованиями. А когда все пошло не так, как ожидалось, слишком многие вздыхали, а то и цинично похихикивали, приводя к месту и не к месту красивую метафору об английском газоне, который-де очень просто поддерживать в образцовом состоянии: надо только вовремя стричь траву да почаще поливать, и так 300 лет.

Трехсотлетнего задела у российской демократии, конечно, не было, но кое-какие наработки тридцати лет у правозащитного движения имелись. Но ими в основном пренебрегли. Приватизацию экономики, которая проводилась с лихорадочной поспешностью - без обеспечения реформ твердой законодательной и правовой базой, Запад приветствовал, хотя она привела к ограблению многомиллионного населения страны горсткой бывших партаппаратчиков, гебистов и всех, кто оказался ближе к жирному пирогу. Отказ от расследования преступлений коммунистического режима не вызвал серьезных протестов ни на Западе, ни в самой России. Рост ультранационалистических - по сути нацистских - организаций и настроений рассматривался как "издержки демократии". Многие антидемократические акции Ельцина и его окружения Запад тоже встречал с "пониманием", как затем и чеченскую войну, которую при Ельцине остановили протесты российской общественности, но не давление Запада.

Это развязало руки преемнику Ельцина для новой войны в Чечне, для нового наступления на СМИ, на права и свободы граждан, для укрепления "вертикали власти", для "борьбы с террором" такими методами, когда бьют сначала своих.

Сахаровские Слушания были одним из ключевых звеньев в том процессе, который привел к гибели коммунистическую систему путем ненасильственного духовного сопротивления. Их потенциал далеко не исчерпан. Возобновление таких или подобных форумов могло бы играть важную гуманизирующую роль в мобилизации общественного мнения многих стран против насилия, террора, подавления инакомыслия. В наши дни это не менее актуально, чем 25 лет назад.

Семен Резник - писатель, историк, журналист, автор исторических романов, научно-художественных биографий, историко-публицистических книг о России последних двух столетий. Работал на радиостанции "Голос Америки". Широко известна его книга "Вместе или врозь? Судьба евреев в России. Заметки на полях диалога А.И. Солженицына", вышедшая в Москве двумя изданиями.

АРТУР ШТИЛЬМАН

В ТОМ НЕЗАБЫВАЕМОМ АПРЕЛЕ...

50 лет назад - триумф Вана Клиберна в Москве

Каждый, кто жил тогда в Москве сохранил свои воспоминания о тех незабываемых апрельских днях 1958 года, взволновавших музыкантов, любителей музыки, да и просто людей, от музыки очень далёких, но испытавших на себе нечто доселе неизведанное. Виновник этого события оказал глубокое влияние не только на музыкантов-профессионалов, но стал неким символом музыки, как таковой для самых широких масс людей, никогда до того не подозревавших, что они смогут слушать и полюбить музыку, а также символом новых политических реалий, ставших возможными благодаря "новому курсу" проводимому Хрущёвым в отношении Запада и Соединённых Штатов Америки.

Символом этим стал молодой американский пианист, прибывший на первый Международный конкурс им. Чайковского в 1958 году. Называли его по-русски не совсем правильно, но так привыкли, что и теперь он сам любит, когда его называют по-московски - Ван Клиберн.

Триумф молодого американца, "момент истины" - объявление имени победителя, да и сами триумфальные выступления, услышанные в концертном зале и даже по телевидению, вызывали среди музыкантов не всегда однозначные реакции. Различное отношение к происходящим событиям во многом зависело от их места в табели о рангах, от степени "патриотизма", а вернее всего - от принадлежности в элитному слою солистов-исполнителей.

Слухи о гениальном американце, ученике Розины Левиной, стали распространяться в Московской Консерватории сразу же после начала конкурса пианистов. После первого выступления Клиберна на конкурсе, вся Консерватория была полна рассказами счастливых, которым повезло попасть в Большой Зал Консерватории в тот исторический день. Впоследствии московское радио передавало записи его выступлений на всех трёх турах.

Только последний заключительный концерт призёров конкурса транслировался по телевидению. Затем также транслировались концерты победителя с оркестром и соло.

Поразительно, что совершенно гипнотический дар Клиберна никак не "рассеивался" на экранах телевизоров, как это часто происходило даже с самыми прославленными исполнителями - всё же экран, как нам всегда казалось, не мог дать полного впечатления от игры артиста в концертном зале при живом исполнении. Оказалось же, что при масштабе дарования Клиберна, его невероятном обаянии и гармоничном сценическом облике, его выступления не только ничего не теряли в телевизионной трансляции, но вовлекали в ряды любителей музыки буквально миллионы телезрителей, впервые в жизни осознавших силу воздействия музыки на свои души. Уборщица одного из московских учреждений рассказывала моей знакомой: "Знаешь, я всегда выключаю телевизор или перевожу на другую программу, как дают эту музыку - оркестр там, или что... А тут... Парень молодой, мальчик совсем - играет, а я сижу и плачу... Сама не знаю что со мной, ведь никогда эту музыку и не слушала, а тут оторваться не могу, так бы и сидела всё время". Это очень показательная реакция на воздействие исполнительского искусства, правда в руках гения, на абсолютно неподготовленную аудиторию. В результате в те дни родилось совершенно новое отношение к музыке и фортепиано, и количество желающих учиться игре на рояле в музыкальных школах выросло в течение нескольких недель во много раз.

Что же такое особенное произошло в Большом Зале Консерватории, когда Ван Клиберн сыграл программу первого тура? Как это ни странно, но чёткого ответа ни один свидетель события не мог дать сразу, как и выразить сколько-нибудь членораздельно свои впечатления - все они были в каком-то зачарованном состоянии и не были способны передать ясными словами переполнявший их восторг. В Консерватории можно было видеть в те дни многих студентов, да и не только студентов, с какими-то рассеянными-улыбающимися лицами, поглощёнными своими мыслями от чего-то совершенно экстраординарного. Оглядываясь назад, понимаешь что

удивительного во всём этом ничего не было - далеко не каждому доводилось услышать на сцене живого гения. Старшее поколение пианистов, слышавшее самого Рахманинова, теперь совершенно ясно высказывалось, что в игре молодого американца узнавали и слышали "молодого Рахманинова".

Ответ на вопрос - в чём заключается отличие гения исполнительского искусства от самого большого таланта наверное довольно прост: гений это гигантский талант *за осязаемой гранью самого большого дарования*, воздействие которого столь велико, что мы теряем способность его *аналитического* восприятия. Это и происходило с теми слушателями, которым посчастливилось услышать Клиберна на первом туре Конкурса им. Чайковского.

Если для счастливых, слышавших Вана Клиберна на всех турах никаких сомнений в гениальности молодого американца не было, то в жюри конкурса дело обстояло совсем не так просто. О некоторых деталях голосования мне стало известно от моего профессора Д.М. Цыганова, который сам был членом жюри конкурса скрипачей.

Он, как и многие другие, находился в каком-то сомнамбулическом состоянии в течение всего конкурса пианистов. Он посещал все прослушивания, в которых участвовал Ван Клиберн. Так как он был причастен к конкурсу и был близко знаком с одним из самых знаменитых профессоров Московской Консерватории Г.Г. Нейгаузом, бывшим ещё до войны его партнёром по исполнению камерной музыки, то информация, которой он делился в своём классе была, пожалуй, наиболее достоверной. Позднее это было подкреплено небольшой, но объективной и содержательной книгой Софии Хентовой - "Вэн Клайберн".

Как уже было сказано, далеко не все московские пианисты реагировали радостно на появление Клиберна на московской сцене.

Идол московских пианистов и значительной части музыкальной публики - Святослав Рихтер, был членом жюри конкурса и, согласно информации Д.М. Цыганова, оценил игру Клиберна по 25-балльной шкале на двух первых турах в... единицу! Правда, по другим свидетельствам Рихтер поставил 25 баллов Вану Клиберну, и, повидимому, Льву Власенко. В обоих случаях эти оценки не могли сыграть никакой роли, как самые крайние, и по правилам международных конкурсов не принимались во внимание при подсчёте очков. После окончания конкурса С.Т. Рихтер выразил своё мнение об игре Вана Клиберна в газетной статье. Мнение это, в силу свойственной Рихтеру импульсивной непоследовательности, возможно и подкрепляет некоторые подозрения в том, что он мог поддаться

своему настроению и поставить единицу. Документальным подтверждением того или иного, однако, вряд ли сегодня кто-нибудь обладает.

Можно также предположить, что феноменальный успех молодого пианиста сильно взволновал Рихтера, почувствовавшего угрозу своему имиджу гения - двум гениям на одном историческом отрезке времени и в одном жизненном пространстве, было, безусловно, тесно. Особенно в советском понимании ценности исполнительского искусства, которое могло быть действительно ценным только при условии привязанности его к идеалам социалистического реализма и русской фортепианной школы (скрипичной, вокальной, контрабасовой или любой другой).

Хотя последнее условие и было в данном случае соблюдено - учительница Вана Клиберна Розина Бэсси-Левина была ученицей профессора В.И. Сафонова, имя которой на "Золотой доске" Московской Консерватории можно видеть и сегодня, но всё же представляла теперь США. Как ни парадоксально, но именно этот факт и бесспорная политизация Конкурса им. Чайковского дали возможность по заслугам оценить игру юного гения американского пианизма. Хрущёв сразу понял выгоды справедливой оценки игры молодого американца для своего нового курса - политики детанта - разрядки напряжённости между Востоком и Западом. Конечно, такая "справедливость" выглядела и тогда сомнительно - как можно ставить в заслугу властям, *разрешившим* присудить главный приз не советскому пианисту, а американцу? Но все эти соображения отходили на второй план, так как большинство непредубеждённых музыкантов всех специальностей радостно приветствовало финальное решение жюри.

* * *

Чем же всё-таки отличалась игра Клиберна от большинства других, безусловно высокоталантливых участников Конкурса? Обладал ли он большей виртуозностью? Или он как-то особенно исполнял популярные классические пьесы фортепианного репертуара? При первом знакомстве с его игрой любой анализ её, как уже говорилось, не умещался в обычные рамки оценок и критики. Разумеется, Ван Клиберн был грандиозным виртуозом (хотя при этом далеко не всегда играл безупречно точно), конечно Клиберн обладал даром завораживать публику своим проникновением в стиль и высшую духовность исполняемых сочинений. Он удивительно гармонично и обаятельно выглядел на эстраде - скромно, целиком погруженным в музыку, совершенно естественно вовлекая в сопе-

реживание всех своих слушателей.

Если рассмотреть главные элементы игры на фортепиано - звук, динамику, ритм, все возможные виды техники - как "тяжёлой" виртуозной техники октав, аккордов, скачков, так и тончайших, "хрустальных" пассажей при самом лёгком прикосновении к инструменту, особенно в самом тихом нюансе "пиано", то даже сегодня, прослушивая записи живого исполнения 50-летней давности, мы приходим в восторг от всего этого сверкающего богатства! Но самое главное, чем поражал тогда молодой артист - полное подчинение всех высших технических и звуковых возможностей пианиста духу, "душе" исполняемых, лучше сказать - "рассказанных" его руками знакомых, популярных фортепианных пьес, которые внезапно ожили, засверкали своими первозданными красками столь ярко, что стало казаться, что сочинений этих до этого времени мы даже и не слышали! И при этом игра Клиберна была совершенно естественной, никогда не надуманной, до такой степени естественной, что казалось - никакая другая интерпретация вообще невозможна!

Конечно он обладал совершенно удивительным звукоизвлечением - его звук тянулся во времени, он начинался не с удара пальца по клавише, а каким-то непостижимым образом именно со звука. Этот длинный звук давал ему возможность буквально *петь* на фортепиано, как будто тон этот извлекался мастерским смычком на струнном инструменте, а не прикосновением пальцев к клавиатуре. Звук этот проникал в души слушателей, ведомых поразительным слиянием гармонии мастерства пианиста и гениальности самой музыки.

Это ценнейшее звуковое качество сразу поразило слушателей уже в первом же сыгранном им сочинении на 1-м туре Конкурса - Прелюдии и Фуге Баха си-бемоль минор из "Хорошо темперированного клавира". Второе сочинение программы первого тура - Соната Моцарта до-мажор - была сыграна совершенно фантастически! "Сколько в каждом произведении (Моцарта) меняющихся эмоций, тонких душевных состояний! Как трудно уловить, что же главное, что сделало сочинение бессмертным..." - говорила Розина Левина своим студентам. Именно это мы услышали в игре её ученика в Сонате Моцарта - тончайшая смена динамики, неожиданные, захватывающие дух внезапные смены нюансов и настроений, острейшее ощущение гармонических красок - всё это воссоздало в краткие мгновения неимоверную глубину музыки Моцарта. Вторая часть - в эпизоде на остинатном басу - явственно переключалась с эпизодами "Реквиема" Моцарта. В общем - это было музыкальным чудом, возникшем в нашем присутствии, и потому чудом вдвойне!

В программу первого тура входило обязательное сочинение - "Вариации на оригинальную тему" Чайковского. Прослушивая запись этого сочинения много лет спустя, каждый раз испытываешь то же восторженное чувство, которое возвращает нас снова в те забываемые весенние дни.

Клиберн нашёл в этом, довольно редко исполняемом сочинении, такой волнующий романтизм и тонкость ассоциаций с "Временами года", то есть истинный лиризм Чайковского, что от многих вариаций у слушателей наворачивались слёзы на глаза! Одну из вариаций скерцозного характера Клиберн исполнил с симфоническим размахом, напоминая действительное звучание симфонического оркестра. Вообще говоря, его совершенно необъяснимое духовное и эмоциональное родство с характером и духом музыки русских композиторов поразило Розину Левину с самого начала занятий с Клиберном в Джульярдской Школе. Откуда у американца ирландского происхождения было такое тонкое чувство сокровенной сущности музыки Чайковского и Рахманинова, Скрябина и Прокофьева? Пути Господни...

Это и заставило её убедить Клиберна принять участие в Конкурсе в Москве. Она была уверена, что именно в Москве это особенно тонкое восприятие и исполнение русской музыки будет оценено по заслугам. Но перейдём к другим сочинениям, исполненным на 2-м туре.

Знаменитый Этюд Листа "Мазепа" - произведение невероятной технической трудности, было сыграно Клиберном опять же исключительно интересно по своему необычному замыслу и симфоническому масштабу звучания фортепиано. Несмотря на некоторые технические неточности, которые, как ни странно иногда сопутствовали его исполнению, они ничего не меняли ни в оценке исполнения слушателями, ни в оценке членов жюри. Эмиль Гилельс - председатель жюри конкурса пианистов и всемирно известный артист - сам стал после первого же тура восторженным поклонником искусства молодого американца, не придавая никакого значения мелким погрешностям в исполнении Клиберна. Он увидел и оценил в нём прежде всего гениального музыканта.

Во втором туре самыми главными сочинениями, произведшими настоящий фурор, были "Фантазия" Шопена, Соната Прокофьева №6 и Рапсодия Листа №12.

Д.М. Цыганов рассказал со слов профессора Г.Г. Нейгауза о реакции члена жюри Льва Николаевича Оборина на исполнение Клиберном "Фантазии" Шопена. Надо сказать, что профессор Л.Н. Оборин был признанным "шопенистом", завоевавшим на Международ-

ном Конкурсе им. Шопена в 1927 году в Варшаве 1-ю премию. На вопрос Нейгауза, как Оборину понравилось исполнение "Фантазии" Шопена, Лев Николаевич ответил примерно так: "Да признаться, не очень... Манерничает много, знаете ли, головой поводит..." "Так это он с Богом разговаривает, Лев Николаевич! - с горячностью воскликнул Нейгауз. - Это то, что *нам с Вами* не дано!" Эти слова Нейгауза Цыганов повторял много раз и при этом заразительно смеялся сам. (По другим сведениям это сказал Оборину А.Б. Гольденвейзер, но суть дела от этого не меняется).

Рапсодия Листа №12, часто исполнявшаяся поколениями пианистов, тоже оказалась совершенно другим сочинением, в полном смысле этого слова. София Хентова в своей книге о Клиберне очень пронищательно охарактеризовала те качества интерпретации Клиберном этой Рапсодии, которые не только сделали его самого центральным событием Конкурса, но и сделали саму музыку Листа совершенно "новой" и порой неузнаваемой, настолько истолкование этой пьесы отличалось от всех представлений об этом произведении:

"Основная принципиальная особенность интерпретации Рапсодии заключалась в глубинном проникновении в национальную сущность музыки... Клиберн развернул Рапсодию как широкую романтическую картину венгерского национального эпоса". "Каждый эпизод, каждая фраза имели свой программный образно конкретный смысл". Да, слушателям действительно "виделись" почти зримо образы венгерской деревни, событий истории. "...Двенадцатая Рапсодия ожила, я так много в ней услышал... Ван Клиберн передал настоящую народную музыку с тем внутренним богатством, свободной и поэтической лёгкостью, с которой поёт народ...", говорил восхищённый Г.Г. Нейгауз.

В этой пьесе Клиберн продемонстрировал свою беспредельную творческую способность к перевоплощению, богатство душевного мира и огромную силу артистического воображения. Такое полное слияние воедино музыки с её воплощением, рождая музыкальное чудо, бывает лишь раз в жизни целого поколения, а иногда и звёздным часом самого артиста...

* * *

О финальном выступлении Клиберна на конкурсе написано множество статей и дано много интервью, как зрителей, так и членов жюри. Казать, что его исполнение концертов Чайковского и Рахманинова было триумфом, значит не сказать ничего. Это событие было конечно в первую очередь настоящим праздником музыки, но оно стало и отправной точкой переосмысления многих не-

зыблемых ранее постулатов об абсолютном превосходстве советской исполнительской школы во всём мире.

Не нужно сравнивать исполнение (наверное лучшее в СССР) Концерта Чайковского Эмилем Гилельсом с исполнением Клиберна. Просто всё, что представил Ван Клиберн в Москве на конкурсе пианистов было совершенно иным - как по подходу к стилю произведений, так и по подходу к самой природе фортепианной техники и звукоизвлечения. Эти компоненты игры, воплощённые в сочинения композиторов различных стран и эпох с невероятной силой экспрессии и воображения, оставили в нашей памяти неизгладимый образ того весеннего месяца и образ молодого артиста, неизвестного до того времени, неожиданного, непредвиденного и...

Всё же нужно сказать, что один человек это не только предвидел, но и знал о предстоящем появлении Клиберна. Этим человеком был несомненно выдающийся советский пианист, сам участник этого Конкурса - Лев Власенко. Незадолго до начала конкурса в поле зрения Власенко попали рецензии на английском языке, в которых говорилось о "будущем гении американского пианизма". Когда Власенко пришёл с этими рецензиями к ответственным лицам из оргкомитета Конкурса им. Чайковского, то ему посоветовали не волноваться, а рассматривать это как обыкновенную американскую рекламу, ничего собой серьёзного не представляющую. Таким образом один человек из всех участников и членов жюри знал до открытия Конкурса, какой сюрприз ожидает их всех в скором времени...

* * *

13 апреля 1958 года было воскресенье. Среди дня были объявлены результаты Конкурса пианистов. Когда Ван Клиберн позвонил своей матери, то он был очень удивлён тем, что в Америке уже все знают об этой новости. "Разве у нас знают об этом?" - был его вопрос. "Разве у нас знают... - рассмеялась она. - Об этом уже знают *все*".

Придя в Московскую Консерваторию в понедельник 14 апреля, и не зная ещё ничего (живя в Москве!) о результатах Конкурса пианистов, я увидел довольно много растерянных лиц. Честно говоря, первое, что пришло в голову - "Значит Клиберну первой премии всё-таки не дали..." Почему-то казалось, что так, как думаю и чувствую я, думают и чувствуют всё. Ну, почти все, за исключением быть может заядлых секретарей комитетов комсомола и парткомов. Но я ошибся. Лица многих студентов растеряны, как оказалось, были потому, что именно *американский* пианист, а не совет-

ский стал победителем первого Конкурса им. Чайковского. А потому сенсацией стал сразу не только сам первый призёр, но и Конкурс, советский первый международный конкурс, который был *проигран* иностранцу, да ещё американцу...

Сегодня мне многие скажут, что дело было не совсем так, - просто лица у многих студентов были такими растерянными оттого, что они ждали скорее поделённой первой премии, не сомневаясь в желании советских членов жюри любой ценой провести и советского пианиста Льва Власенко на первую премию. Может быть и так. Но это только подчёркивает общее чувство некоторой растерянности - и от победы американца, и от самого факта *возможности* присуждения ему первой премии. Уже все знали о том, что председатель жюри Эмиль Гилельс лично говорил с Хрущёвым относительно его мнения (то есть, *разрешения*) о присуждении главного приза американскому музыканту. "Если достоин, то давайте..." - таким был ответ, согласно многим источникам.

Хрущёв был гораздо более умным и искусным политиком, чем это казалось всем, наблюдавшим его со стороны. Он прекрасно себе представил пропагандистскую выгоду такого решения. И действительно, на Западе это сыграло очень большую роль в создании иного, "человеческого имиджа" советского лидера. Хрущёв стал появляться на фотографиях вместе с Клиберном, что способствовало его популярности не только на Западе, но и у себя дома. С этого времени Ван Клиберн стал неким музыкальным "свадебным генералом" - участником всех встреч советских руководителей с американскими или даже более многосторонних. Клиберн выступал в Белом Доме и при Президенте Эйзенхауэре, и при Кеннеди, и при Картере. Кажется, что он выступал там при посещении Белого Дома и Путиным. Всякий раз, когда Клиберн исполнял свою обработку песни Соловьёва-Седова "Подмосковные вечера", а ему подпевал "хор", состоявший из Президентов, Премьеров, их жён и помощников, казалось, что это происходит не в Белом Доме, а где-то в Подмосковном доме отдыха... Как бы то ни было, но нужно сказать, что Ван Клиберн и его московский триумф сыграли безусловно положительную роль в процессе детанта между Востоком и Западом, хотя и не слишком надолго... Душа и талант Клиберна сыграли в этом процессе свою роль.

* * *

Как же сложилась дальнейшая судьба американского гения? Завоевал ли его пианизм весь мир, как это казалось, было неизбежным? Оказало ли его явление в Москве своё влияние на советскую

исполнительскую школу? Сегодня, через 50 лет после тех событий, мы можем ответить на эти вопросы более или менее ясно.

Прежде всего - Клиберн объехал со своими концертами практически все континеты и бесконечное количество стран. Карьера его, как концертирующего пианиста, дающего по 120 концертов в год не могла быть долговечной. Ещё до конкурса у него было обнаружено заболевание крови - (об этом написано в книге Хентовой и сообщал ряд источников) что отражалось на его утомляемости и сравнительно небыстром восстановлении нервной и эмоциональной энергии (в дни своего первого пребывания в Москве он консультировался с крупнейшим советским специалистом в области заболеваний крови проф. И.А. Кассирским - в свою время мне лично подтвердил этот факт сын профессора - Г.И. Кассирский, сегодня и сам профессор, случайно встреченный мною в 1959 году в доме общих знакомых).

Итак - карьера Вана Клиберна как концертирующего пианиста продолжалась менее полутора десятка лет. Он сделал довольно много записей на пластинки произведений Шопена, Листа, Чайковского, Бетховена, Моцарта, Брамса, Прокофьева, Грига, Мак Дауэла, Рахманинова, Шумана. То есть, его репертуар был многогранным и достаточно большим. Но во второй половине 70-х годов он стал выступать всё реже, изредка посещая Москву, снова приводя в восторг своих постаревших поклонников и поклонниц. Если говорить честно, он играл по-прежнему тонко, стильно, одухотворённо и виртуозно-законченно, но было ясно, что Звёздный час был пережит как им, так и нами вместе с ним, в те до сих пор волнующие дни апреля 1958 года.

Несколько лет назад Ван Клиберн выступил в Вашингтоне в Кеннеди Центре на концерте, посвящённом защите животных. С ним вышла кланяться после его выступления чья-то прелестная маленькая собачка. Был весь городской бомонд - известные сенаторы, послы, знаменитости. И много наших эмигрантов. Прodelав путь в 250 миль до Вашингтона из Нью-Йорка я понял, что это стоило сделать хотя бы ради одной пьесы - американского Гимна.

Клиберн, всегда начинающий выступления в Америке с исполнения Гимна, вложил в это достаточно заигранное сочинение такую одухотворённость и глубину, что оно зазвучало так, как будто никогда до этого не исполнялось. В самом, конечно, позитивном смысле этого слова (многие современные исполнители и дирижёры так уродуют хорошо знакомые сочинения, что они действительно становятся "неузнаваемыми", но конечно, в ином значении этого слова). Уже одним этим своим качеством, таким памя-

ным по его выступлениям в Москве, он сразу "перенёс" нас в те далёкие дни.

Основная часть программы состояла из сочинений Брамса и Шопена. На бис, как и в былые времена, он исполнял бессмертное "Посвящение" Шумана-Листа. Если его игра теперь (ему в этом году исполнится 74 года!) и не несёт в себе такого эмоционального заряда, как в былые времена, то всё равно она оказывает на слушателей исключительно одухотворённое и безусловно эмоционально-обогащающее воздействие. Как и все артисты, Ван Клиберн положительно относится к знакам отличия. Недавно он был награждён в России каким-то вновь учреждённым орденом. Судя по фотографии, орденосеиц Клиберн наградой очень доволен.

Каков объективный вклад Клиберна в мировую фортепианную культуру?

Если мы будем анализировать его выступления первых лет после конкурса, то прежде всего следует отметить его исполнение Концерта Брамса №2. Оно стоит, пожалуй, как в записи с Чикагским оркестром, так и в московской записи с Кириллом Кондрашиным и оркестром Московской Филармонии, на высоте недостижимой для всех его современников - как знаменитых в его годы, так и после его практического ухода с эстрады. Концерт Чайковского так и остался, как в записях, так и в нашей памяти - образцом полного слияния гения композитора с гением исполнителя. То же самое можно сказать и об исполнении Клиберном Третьего Концерта Рахманинова. Пожалуй, уже одного этого немало, чтобы причислить его к исполнителям, оказавшим огромное влияние на музыкальный мир середины XX века.

Хотя Америка всегда была пресыщена мировыми именами на концертной эстраде, и Клиберну пришлось после победы на Конкурсе заново "держаться экзамен" перед нью-йоркскими слушателями, но и они признали справедливость той славы, которая сопровождала его московскому триумфу. Были, конечно голоса критиков, убеждённых в том, что игра Клиберна связана с "великими именами прошлого". Но этому только можно порадоваться, как тогда, так и сегодня. Это "прошлое" представлялось Рахманиновым, Гофманом, Иосифом Левиным, позднее Горовицем, и ни в коей мере такой эпитет не снижает этической и музыкальной ценности искусства Клиберна.

* * *

Небезынтересно взглянуть сегодня на отзывы известных советских музыкантов - членов жюри Конкурса. Вот что написал Эмиль

Гилельс в статье "Искусство сближает народы" ("Правда", 15 апреля 1958 г):

"Ван Клиберн - двадцатитрёхлетний американский пианист - показал себя законченным артистом, музыкантом редкого дарования и поистине неограниченных возможностей"

"В лице Вана Клиберна, молодого американского пианиста, получившего первую премию, мы встретились, безусловно, с явлением гениальным", - писал Генрих Густавович Нейгауз.

На этом фоне довольно забавно выглядит отзыв Святослава Рихтера, так и не понявшего значения искусства Клиберна, написавшего в "Советской культуре" (19 апреля 1958 г.) следующее:

"Клиберна следует отнести к той категории *начинающих артистов* (курсив мой - А.Ш.), которые играют "самих себя", а не замысел композитора, воплощённый в нотном тексте, пока годы упорной работы не приносят с собой зрелости и столь важного для художника качества, как чувство стиля". Последнее утверждение звучит особенно курьёзно для пианиста, "прокофьеизировавшего", если можно так выразиться, все сочинения, к которым он сам прикасался - от Гайдна до Чайковского и Равеля. Так же сильно он заблуждался и в "начинающем артисте", признанном всеми, кроме него, не только зрелым мастером, но и "гениально одарённым" по мнению учителя Рихтера - Нейгауза.

В действительности Ван Клиберн выступил впервые с Концертом Чайковского в 10-летнем возрасте, и в 1954 году дебютировал с ним в Карнеги-Холл с оркестром Нью-Йоркской Филармонии под управлением Дмитрия Митропулоса! Хотя и в последние два года перед Конкурсом, карьера Клиберна несколько застопорилась из-за отсутствия спонсоров для рекламы и выступлений с крупнейшими оркестрами, тем не менее, всякий раз, когда он выступал, он везде имел огромный успех и встречал один и тот же вопрос многих критиков и слушателей - почему он так редко выступает? Как будто это было неясно им самим...

Удивительный отзыв получил Ван Клиберн в Москве с совершенно неожиданной стороны - от одного из крупных музыкальных чиновников Министерства Культуры СССР З.Г. Вартаняна. Вот что он писал в статье "После конкурса":

"Драгоценные качества индивидуального видения не столь уж часто можно встретить у наших молодых музыкантов. Напротив - массовый недостаток наших молодых исполнителей - в их творческой нивелированности и однообразии, в отсутствии у многих из них ярких, самобытных почерков... Видимо, похвальное стремление неукоснительно следовать авторскому тексту подчас стало

пониматься у нас упрощённо, как требование главным образом технической безупречности..." ("Советская культура", 28 мая 1958 года).

Почему такой ответственный чиновник написал столь ясно об отставании советской исполнительской школы и с ясным признанием этого? Вероятно потому, что Вартанян сам был музыкантом - в отличие от его коллег. Он был прекрасным кларнетистом, одним из призёров Всесоюзного конкурса 1935 года, и его совесть музыканта и ответственность перед собой не позволяли ему промолчать. Это очень редкий случай в советской музыкальной критике за все послевоенные годы, и потому он должен быть отмечен даже сегодня.

Наконец зададим себе в связи с такой оценкой положения вещей, данной Вартаняном, главный вопрос - оказало ли появление Клиберна какое-нибудь влияние на советскую пианистическую школу? Пожалуй лучший ответ на этот вопрос дал опять же мудрый, пронизательный и саркастический Нейгауз: "Если бы Клиберн жил у нас, то его бы не выпустили ни на один международный конкурс прежде, чем не сравняли бы с газоном". В общем и сегодня кажется, что в жизни всё осталось тогда по-прежнему - Ван Клиберн был сам по себе, а советская пианистическая школа, несомненно сильнейшая в мире в деле подготовки виртуозов и блестящих пианистов, всё же осталась такой же, какой и была - сама по себе... Исключением был, кажется единственный советский пианист - Владимир Ашкенази, который вскоре после победы на 2-м Конкурсе им. Чайковского и сам стал иностранцем...

* * *

...Давно осела пыль баталий на 1-м Международном Конкурсе им. Чайковского. За 50 лет произошло много эпохальных событий. Но Ван Клиберн хранит верность своим переживаниям полувековой давности. Он продолжает время от времени посещать Россию. Несколько лет назад он даже праздновал своё 70-летие в Москве в Большом Зале Консерватории. Подытоживая этот рассказ о тех днях, хочется привести слова замечательного московского пианиста проф. И.В. Никоновича:

"Дело было не только в его феноменальном таланте музыканта и виртуоза, но, главное, в каких-то необъяснимых токах, которые исходили от всей его личности. Он мог сыграть гениально или что-то менее удачно, но тот внутренний свет, который наполнял зал при каждом его выходе на эстраду, не имел никаких аналогий. И даже сейчас, спустя полвека, начиналась аналогичная

реакция при его появлении".

Когда Клиберн сыграл свой прощальный концерт в Москве в те апрельские дни 1958 года, перед отъездом домой, он, закончив концерт обратился к своим слушателям по-русски. В частности он сказал: "Сегодня, когда я должен сказать вам - "до свидания" - моё сердце полно воспоминаниями и грустью. До конца дней я не смогу забыть вашей доброты... Большое спасибо!" Он оказался верен этим словам и своим чувствам. Верными нашим чувствам и незываемым воспоминаниям, остаётся и мы все, пережившие в те дни своей молодости волшебные мгновения "музыкальной весны". И мы, в свою очередь будем всегда хранить в памяти и сердцах музыку, "рассказанную" его руками.

Артур Штильман родился в Москве в 1935 году в музыкальной семье. Окончил Консерваторию и аспирантуру. В 1963 г. стал одним из победителей Международного конкурса в Будапеште. Много гастролировал по Советскому Союзу и за рубежом.

В 1979 году эмигрировал в США. С 1980 по 2003 г. - скрипач оркестра Метрополитэн Оперы (Линкольн Центр, Нью-Йорк). Закончив свою работу в МЕТ, посвящает своё время работе над статьями и эссе о Вагнере, Р.Штраусе, выдающихся скрипачах 20 века (Стерне, Ойстрахе, Гольдштейне, Иегуди Менухине, Альберте Маркове). Автор книг "Певец Миша Райцин" (Изд-ство "Эрмитаж", 1992) и "Музыка и власть" (издание "Общества любителей еврейской старины", 2007 Ганновер, Германия). Публиковался в русскоязычных газетах и журналах США, а также в московских изданиях.

ВАНКАРЕМ НИКИФОРОВИЧ

ПОДВИГ ДАТЧАН

*О книге Харольда Флендера "Датский урок",
переведенной на русский язык Марком Гутиным*

Те, кто интересовался историей Второй мировой войны в Европе, знали о том, что в Дании население практически спасло евреев от фашистского уничтожения. Правда, и до сих пор многие знают лишь в очень общих чертах об этом примере благородства целого народа. На русском языке долгое время не было никакой литературы, никаких подробных публикаций о том, почему и как это было.

Несколько изданий на эту тему существует на английском языке. Отметим среди них опубликованную сравнительно недавно книгу Эллен Левайн (Ellen Levine, "Darkness over Denmark"), где помещены интервью с оставшимися в живых участниками событий, приведены документы Датского музея Сопротивления, выдержки из мемуаров. Но одним из самых ярких и полных изданий о событиях того времени остается написанная уже довольно давно, в 1963 году, книга американского исследователя Харольда Флендера (Harold Flender, "Rescue in Denmark"). Ее автор подробно изучал многие документы, встречался в Дании и Швеции со спасенными в годы войны евреями, со многими участниками и свидетелями того, что происходило тогда. В результате был создан двухсерийный телевизионный фильм "An Act of Faith", показанный на канале CBS. А потом Харольдом Флендером была написана книга, выпущенная в Нью-Йорке издательством "Holocaust Library".

И вот, наконец, и мы, русскоязычные читатели, можем прочитать эту интереснейшую книгу. Поблагодарим переводчика - живущего в Чикаго Марка Гутина. "Датский урок" Харольда Флендера в

его переводе на русский язык вышел недавно в издательстве "Liberty Publishing House" в Нью-Йорке.

Эта книга подробно рассказывает о событиях того времени, о том, как это произошло, что простые люди в маленьком европейском государстве во время фашистской оккупации смогли спасти от уничтожения почти всех евреев, там проживавших. В октябре 1943 года немецким командованием было принято решение отправить восемь тысяч евреев Дании в лагеря смерти. Вся страна ответила на это подпольным движением, целью которого была переправка всех евреев в Швецию. В бешенстве прилетел в Копенгаген Эйхман, один из подручных Гитлера по уничтожению евреев, но и он был не в состоянии что-либо изменить. Евреи этой страны были спасены.

Небольшие главы книги построены на искренних рассказах очевидцев - тех, кто спасал, и тех, кого спасали. Автор все время подчеркивает органичность всех действий по спасению, диктовавшихся не каким-то страхом и указаниями, а естественностью побуждений датчан, воспитанных в нормальных цивилизованных традициях, не принимающих античеловеческую идеологию и практику фашизма. Это был своеобразный нравственный подвиг народа, моральный урок, суть и значение которого нельзя забывать и сегодня, в довольно тревожное время непростых межнациональных отношений в мире.

В первых главах книги "Датский урок" рассказывается о начале фашистской оккупации Дании, о том, как король Кристиан X подчинился всем требованиям немцев взамен на обещание сохранять мир и порядок в стране и исключить любые трения между оккупационными войсками и населением. Харольд Флендер пишет и об исторических традициях неприятия в Дании антисемитизма. Например, еще в 1690 году шеф датской полиции был уволен за то, что требовал последовать примеру других стран и учредить гетто в Копенгагене. Уже тогда парламент этой страны принял резолюцию, осуждающую идею гетто как "нечеловеческого образа жизни". А в 1814 году парламент Дании принял закон, устанавливающий наказание за любые формы расовой и религиозной дискриминации.

Первые годы оккупации прошли в Дании сравнительно тихо и мирно, без массового преследования еврейского населения. В то время как рядом в Норвегии из 900 евреев, которым не удалось перейти границу и спрятаться в Швеции, в живых осталось только 12 человек. Но вот (этот эпизод описан в прологе книги "Датский урок") утром 30 сентября 1943 года, в канун Рош Ашана раввин старейшей синагоги Копенгагена Маркус Мельхиор объявил собрав-

шимся, что сегодня службы не будет. Ночью он получил сообщение, что гитлеровские войска объявили ультиматум правительству Дании и что на завтрашний день запланирован налет на все еврейские дома в городе, чтобы арестовать всех евреев и отправить их в концентрационные лагеря. Автор книги цитирует призыв раввина Мельхиора ко всем собравшимся быстро покинуть синагогу и рассказать о планах немцев всем евреям в городе. Раввин говорил также о том, что необходимо связаться со своими друзьями-христианами, чтобы они помогли спрятать в эти дни как можно большее количество евреев.

И дальше в книге "Датский урок" рассказывается о том, как, кто и где конкретно прятали евреев, как организовали связи и контакты с владельцами лодок, небольших рыбацких катеров и кораблей, кто мог бы перевезти евреев через небольшой по ширине, но все же охраняемый пролив в Швецию. Прятали евреев в те дни многие датчане-христиане: учителя и студенты, полицейские, почтальоны, водители такси, владельцы магазинов и мелких бизнесов и многие другие. Перед нами проходят лаконичные, но очень яркие и выразительные портреты тех, кто активно, как правило, рискуя жизнью, помогал спасению своих сограждан.

Вот Йорген Кнудсен, шофер машины "Скорой помощи", который заявил, что он стал бы помогать любому человеку бежать от гестапо. Профессор Рихард Эйге, руководитель отдела в Рокфеллеровском институте в Копенгагене, совершил обход многих учреждений и домов, предупреждая об опасности и предлагая спрятаться у него в квартире и в помещениях института. Активно включились в такую же деятельность, например, Йенс Лиллелунд, продавец кассовых аппаратов, лютеранский пастор Ханс Килебю, Моугенс Стаффелдт - владелец книжного магазина. Когда Стаффелдт стал прятать евреев, многие думали, что в магазине размещается туристическое агентство. Всего он помог переправить в Швецию около 600 евреев.

Многих помог спрятать и потом перевезти Оге Бертельсен, директор частной школы в Луннбю, пригороде Копенгагена. Капитан судна Кристиан Кислинг спрятал перед отправкой 40 человек на чердаке спасательной компании, где он работал. Доктор Карл Хенри Кюстер подключил к спасению евреев многих, кто работал вместе с ним в городской больнице Биспeberg; в течение октября 1943 года свыше 2 тысяч еврейских беженцев прошли через эту больницу (там они прятались) на своем пути в Швецию...

Автор "Датского урока" рассказывает и о многих других отважных, кто в условиях постоянной опасности помогал прятать и за-

тем перевозить евреев, знакомит и с некоторыми из тех, кого удалось спасти. Трудно было найти в кратчайшее время способы организованной и надежной переправки людей в Швецию, но и эта задача была успешно выполнена теми, кто ею занимался. К сожалению, не все евреи Дании согласились покинуть страну, решив из-за болезни или старости ничего не предпринимать. В результате в последующие дни октября 1943 года 472 еврея были схвачены немцами и отправлены в концлагерь в Терезин. Но 8 000 евреев Дании все-таки были в те дни спасены и переправлены в Швецию.

Авторское повествование обо всем этом иногда напоминает стилистику публицистического детектива, и это довольно удачно и точно передано в переводе Марка Гутина на русский язык.

Отдельная глава книги рассказывает о роли в этой операции знаменитого физика Нильса Бора. Именно он, приехав специально в Швецию, встретился с королем этой страны Густавом, потребовал от него заверения, что Швеция примет и даст убежище евреям Дании. Нильс Бор не уехал из Швеции, пока в местной прессе и в радиопередачах не появились публикации гарантий, что все эти обещания будут выполнены.

В книге Харольда Флендера очень много интересного, оригинального, любопытного. Автор пишет и о движении сопротивления фашистам, которое активизировалось в Дании после спасения евреев, подчеркивает факт отказа датских полицейских от сотрудничества с нацистами, рассказывает и о судьбах тех несчастных, кто все-таки попал в лагерь смерти Терезин. Потрясает, например, рассказ о профессоре П.Эпштейне, которого фашисты назначили главой совета самоуправления в Терезине, заставили сопровождать комиссию Международного Красного Креста, а через три дня убили прямо в лагере выстрелом в голову.

Своеобразную нравственно-интонационную структуру повествования создают очень удачно подобранные эпиграфы к главам, взятые из произведений и высказываний известных ученых, писателей, публицистов, религиозных деятелей. Один из эпиграфов - строки Александра Пушкина. Через всю книгу проходит чувство восхищения тем, что сделали датчане в те страшные годы, восхищения их полной и впечатляющей победой, их человеческим и нравственным подвигом.

После прочтения книги Харольда Флендера "Датский урок" было, конечно же, интересно встретиться с ее переводчиком на русский язык Марком Гутиним.

- Уважаемый Марк, первый мой вопрос: как возникла у вас идея перевести именно эту книгу? Как шла работа над переводом?

- Начиналось все так. Несколько лет назад мы с женой работали как волонтеры в прекрасной синагоге "Temple High". Меня попросили помочь разобраться с книгами в библиотеке, их там накопилось уже очень много. А я вообще люблю возиться с книгами, с изданиями разных лет. В один из дней я взял в руки именно эту книгу Харольда Флендера. Изданная довольно скромно в мягкой обложке в "Библиотеке Холокоста", она на вид не очень бросалась в глаза. Меня заинтересовало прежде всего название - "Rescue in Denmark", и я стал читать. Дочитывал я эту книгу уже дома. Я был потрясен: все было настолько ново, настолько неожиданно. Наверное, в особом восприятии всего, о чем рассказывает Флендер, сказались и мое подсознание, история моей семьи, моих близких, родных и их соседей, которых убили в годы оккупации в еврейском местечке в Белоруссии. Убитому моему младшему брату Грише было тогда два годика, сестренке - четыре, тогда же погиб и мой дедушка.

В книге Флендера было столько много яркого, интересного, принципиально нового, что сразу же возникло желание перевести ее на русский, познакомить с ней русскоязычных читателей. Работа над переводом этой книги была нелегкой. Это был, безусловно, творческий процесс, который отличался еще и тем, что требовалось многое проверять, гораздо больше знать о том времени и о том, что тогда происходило. Потому что даже то, о чем пишет Флендер, могло быть непонятно евреям в России. Например, что такое халущин и многое другое. Чтобы получить достоверную информацию, пришлось заглядывать в солидные энциклопедические издания, давать к тексту примечания.

- А как вам удалось издать свой перевод?

- Надо сказать, что когда я начинал эту работу, я не думал, кому я смогу предложить ее опубликовать. Все было неопределенно, кроме огромного желания завершить перевод. Много было и своих житейских проблем, которые надо было решать, но каждую свободную минуту я работал над переводом. Наконец, работа была завершена, и я стал думать, что делать дальше. Опыта изданий книг у меня не было, кроме, пожалуй, только одного: в бывшем Союзе вышла моя книга по моей специальности - по теории информации. Прежде всего надо было найти автора, чтобы получить разрешение на публикацию перевода. Это оказалось совсем не просто. Книга Харольда Флендера была издана в 1963 году, прошло довольно много лет. Мне помогли мои американские друзья, прежде всего Том Райан. Он работал в компании "Ameritech" и, используя свои возможности, нашел номер телефона, по которому надо было позвонить. Так я вышел на семью писателя. Оказалось, что сам Харольд

уже умер, но жива его вдова Инид Флендер, которая живет в Нью-Йорке. Я связался с ней, она сразу сказала: "Я уже думала, что все давно забыли о книге Харольда". Я рассказал ей о своей работе над переводом, о том, почему я это делаю и что меня вдохновляет. И в конце разговора Инид Флендер сказала: "Я благославляю вас на это дело". Потом она прислала письмо, где даровала мне право на перевод и издание книги Харольда Флендера.

Случилось так, что на эту книгу обратил внимание лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель, бывший узник Бухенвальда, знающий о том времени не понаслышке. Я отправил ему письмо с предложением написать предисловие к нашему изданию. Написал и о том, почему я считаю, что эта книга так важна в России и для русскоязычного читателя во всех странах. Эли Визель ответил, написал очень хорошие слова о моей работе, высказал самые наилучшие пожелания. Но написать предисловие отказался, сославшись на свою предельную занятость. В письме он подчеркнул и то, что Харольд Флендер был его другом.

Когда я уже непосредственно стал искать издателя, кто-то из моих друзей в Нью-Йорке назвал имя Ильи Левкова, возглавляющего издательство "Liberty". Я связался с ним, приехал в Нью-Йорк, передал ему рукопись перевода. Он принял ее к публикации, но сам процесс издания книги шел очень долго и непросто, длилось все это три года. И, наконец, книга на русском языке вышла.

- Как ее встретили, какие были отзывы?

- После выхода "Датского урока" я получил самые прекрасные отзывы, зачастую просто неожиданные. Я благодарен чикагскому ежемесячнику "Шалом", который опубликовал отдельные главы из этой книги и рассказал о моей работе над переводом. Еще до выхода этого издания я позвонил в посольство Дании в Вашингтоне. Культурный атташе была очень любезна, она оказалась хорошо знающей в деталях все то, что было тогда в Дании. Она прислала мне интереснейшие издания с документами и дополнительными материалами. Все это помогало мне в работе над переводом. Когда книга вышла, я написал и в посольство этой страны в Москве. И оттуда получил хороший отзыв, подписанный самим послом: они понимали, что значит издание этой книги и для их страны, и для читателей в других странах. А вообще мою работу поддерживали много людей, поддерживали совершенно сердечно, не формально. И я был бы очень рад, если бы это издание дошло до России, до сегодняшних русскоязычных читателей в других странах.

Недавно я закончил перевод с английского на русский язык еще одной книги - "Ночь" Эли Визеля. Она была написана на языке

идиш и первый раз издана по-французски где-то в 1958 году. Потом с французского ее перевели на английский и издали здесь в Америке. А в 2006 году одно из американских издательств попросило Визеля снова перевести ее на английский. И он согласился, его жена сделала новый авторизованный перевод, он и был издан. И когда я увидел и прочитал эту книгу, я понял, что тоже должен ее перевести на русский. Перевод закончен, я уже получил удостоверение из Библиотеки Конгресса, подтверждающее мое авторское право. Сейчас есть предложения от двух издательств, думаю, что книга вскоре будет издана.

Это страшная автобиографическая книга. В 12 лет Визель попал в фашистский концлагерь вместе с семьей - мамой, папой и двумя сестренками. Он был свидетелем всего того ужаса, через который прошла его семья. Он был свидетелем того, как доктор Менгеле сортировал людей, отправляя их на смерть. И обо всем, что он видел подростком в Бухенвальде и Освенциме, Эли Визель рассказывает в этой книге. Думаю, что ее издание на русском языке вызовет тоже большой читательский интерес.

- Спасибо вам, Марк, за вашу переводческую деятельность, за переводы именно таких книг, так нужных сегодня нашему читателю.

***Ванкарем Никифорович** - публицист, критик, переводчик. Автор книг по проблемам художественного перевода и литературных взаимосвязей. Регулярно печатает статьи по вопросам театрального и изобразительного искусства. До эмиграции жил и работал в Минске. Сейчас живет в Чикаго.*

АЛЕКСАНДР МАТЛИН

МОЯ ПЕРВАЯ РАБОТА В АМЕРИКЕ

Среди наших иммигрантов принято считать, что знание английского языка - необходимое условие для того, чтобы найти работу в Америке. Может быть, это и правда, но не всегда. Во всяком случае, по моему личному опыту знание языка приносит один вред. А если вы мне не верите, то вот моя история.

По профессии я инженер-строитель. К тому времени, когда я приехал в Америку, у меня за плечами было пятнадцать лет опыта работы, и я был уверен, что в этой стране я рано или поздно найду применение этому бесценному опыту. Я составил хорошее резюме и начал рассылать его по инженерным компаниям. К моей радости, все мои адресаты оказались чрезвычайно вежливыми и отзывчивыми людьми. Каждый день я получал от них в ответ по два - три письма, в которых меня искренне благодарили за то, что я проявил интерес к их фирме, выражали неподдельный восторг по поводу моей высокой квалификации и с огорчением объясняли, что как раз сейчас у них нет возможности взять меня на работу. Что делать, такие времена настали. По прошествии нескольких месяцев моя уверенность в будущей инженерной карьере слегка поблёкла, и я созрел для того, чтобы работать кем угодно - чертёжником, клерком, уборщиком - лишь бы работать.

В конце концов, фортуна сжалилась надо мной. Мне позвонил некий человек по фамилии Голдберг и пригласил меня на интервью. Мистер Голдберг владел небольшой мастерской по изготовлению простых металлоконструкций - таких, на которые вешают дорожные знаки вроде "Стоп", "Объезд", "Осторожно канава" и тому подобное. Ему нужен был чертёжник. Черчение там было предельно простым, а уж для инженера с пятнадцатилетним опытом - вообще плёвое дело.

Мистер Голдберг встретил меня с радостной улыбкой и немедленно повёл показывать своё производство, которым он гордился, как собственным ребёнком. Он явно хотел произвести на меня впечатление, а я, в свою очередь, хотел произвести впечатление на мистера Голдберга, и поэтому наше начальное общение было похоже на встречу двух близких родственников после долгой разлуки. Но вскоре тон этой радостной встречи начал постепенно тускнеть.

Тут я должен сделать небольшое отступление и поговорить о специфике своей русской, или советской - как вам будет угодно - ментальности того времени. Что делает советский человек для того, чтобы произвести впечатление на другого человека? А вот что: он объясняет, что тот, его собеседник, мало чего понимает в своей профессии, всё делает неправильно и вообще соображает слабо. Вам это кажется странным? Мне тоже - сегодня. Но тогда это казалось естественным, и за этим стояла очень простая логика: если я говорю вам, что вы мало что смыслите в своей профессии, значит я, естественно, смыслю больше вашего. Значит, вы должны признать моё профессиональное превосходство, зауважать меня от всей души и немедленно принять на работу. Понятно?

Поэтому всё, что мне показывал мистер Голдберг в своей мастерской, встречало моё снисходительное неодобрение. Сначала он повёл меня в сварочный цех.

- Вот, - сказал он гордо и даже с некоторым самодовольством. - Здесь мы делаем сварку. Мы почти полностью отказались от ручной сварки. У нас есть несколько современных сварочных автоматов.

Признаться, я никогда раньше не видел таких сварочных машин, какие показал мне мистер Голдберг, но это не помешало мне сказать:

- Это так вы делаете сварку? Это всё никуда не годится. Когда я начну у вас работать, я покажу вам, как надо правильно варить стальные конструкции.

Радостная улыбка сползла с лица мистера Голдберга, но я не обратил на это внимания. Мы вернулись в офис и зашли в комнату, где, склонившись над чертёжными досками, работали два чертёжника, один китаец, другой мексиканец.

- Ага, - сказал я, распираемый чувством превосходства. - Это так вы делаете чертежи? Кто ж так чертит? Когда я начну у вас работать, я покажу вам, как надо чертить.

Тут мистер Голдберг совсем перестал улыбаться, и в глазах его появилась некоторая тоска, но я всё ещё не придал этому значения. Продолжая тоскливо не улыбаться, он сказал:

- Спасибо, что вы пришли. Приятно было познакомиться. Пожалуйста, не звоните мне; я сам позвоню, когда надо будет. До свидания.

Я пошёл домой и начал ждать звонка мистера Голдберга. Прошёл день, потом второй, а он всё не звонил. На третий день я решил позвонить ему сам. Когда мистер Голдберг услышал мой голос, он явно пришёл в раздражение:

- Зачем вы звоните? Я же сказал, чтобы вы не звонили. Я позволю сам, если надо будет.

На что я ответил вполне вежливо и без всякого нажима:

- Конечно, мистер Голдберг. Я понимаю, мистер Голдберг. Просто я подумал: а вдруг вы потеряли мой номер телефона?

- Я не потерял ваш номер телефона, - сказал мистер Голдберг. - Пожалуйста, больше не звоните мне.

Я подождал ещё дня три, но он не звонил. Тогда я снова решил позвонить ему. На этот раз, услышав мой голос, мистер Голдберг расвирепел.

- Я просил вас не звонить мне! - нервно заверещал он. - Я уже сказал вам, что не потерял ваш номер телефона! Я знаю его наизусть! Пожалуйста, прекратите мне звонить!

Но я не хотел сдаваться. Мне нужна была работа. Я сказал:

- Мистер Голдберг, если вы не возьмёте меня на работу, вы так и не будете знать, как правильно делать сварку.

И вот, когда я это сказал, мистер Голдберг, который до того момента всё ещё сохранял некоторую видимость вежливости, окончательно потерял контроль над собой и заорал срывающимся голосом:

- Всё! Хватит! Enough is enough! You go fuck yourself!

И бросил трубку. Как видите, мистер Голдберг оказался не таким уж вежливым человеком. Но я на него не обиделся. Потому что я плохо понимал по-английски и не знал, что значит go fuck yourself. Я порылся в словаре, но не нашёл ни такого слова, ни выражения. Тогда я позвонил моему другу Володе.

Володя приехал в Америку на целых шесть месяцев раньше меня и потому считался коренным американцем и знатоком английского языка. На мое счастье, он оказался дома, и я спросил, знает ли он, что значит английское выражение "go fuck yourself".

Как выяснилось впоследствии, Володя не знал, что это значит, но признаться в этом значило бы признаться, что он чего-то не знает по-английски, то есть, потерять лицо. Володя не вынес бы такого позора. Он сказал:

- О чём ты говоришь, старик! Конечно, знаю! Это... ну, как бы тебе объяснить по-русски... ну, в общем, идиома.

- Ага, - согласился я. - Что она значит?

- Как бы тебе объяснить по-русски... ну, в общем, это зависит от контекста.

Тогда я рассказал Володе всю историю с самого начала: и про то, как мистер Голдберг улыбался, и как он показывал мне свою мастерскую, и как я ему потом звонил много раз, и как он, в кон-

це концов, сказал "go fuck yourself".

- Ну, теперь понятно, - сказа Володя, дослушав мой рассказ. - Он тебя берёт на работу.

- Не может быть! - прошептал я, не веря своему счастью. - Ты уверен?

- Уверен ли я? - в Володином голосе зазвучал сарказм. - Представь себе - да, я уверен! Ты что, думаешь, я не знаю английского?

Моему ликованию не было предела. Наконец-то! Настоящая работа! Я набрал номер телефона, который уже знал наизусть.

- Мистер Голдберг, это опять я, - сказал я, переводя дыхание. - Помните, я вам вчера звонил, и вы мне сказали go fuck yourself? Помните?

- Ну что ж, значит, я так и сказал, - признался мистер Голдберг.

- Когда мне начинать?

Наступила пауза. Видимо, никогда в жизни мистери Голдбергу не задавали такого вопроса. Он немного помедлил, и сказал устало:

- You go fuck yourself right away!

И повесил трубку.

На следующее утро я надел мой самый лучший, он же единственный, костюм, повязал мой самый лучший, он же единственный галстук, и без четверти восемь предстал перед мистером Голдбергом в его кабинете. Когда он увидел меня, у него появилось такое выражение, как будто он только что вынул из супа волос... При этом с его лицом случилось что-то странное: сначала оно порозовело, потом побелело, а потом пошло неровными синюшными пятнами. Он хрипло спросил:

- Что вы тут делаете?

- Я пришёл, чтобы fuck myself, - ответил я, гордясь своим знанием изысканных английских идиом.

- Чтобы... что?

- Fuck myself, как вы просили, - повторил я. - Вы не беспокойтесь, мистер Голдберг. Я знаю, как это делать. Я буду это делать хорошо.

Постепенно до мистера Голдберга начала доходить суть происходящего. Лицо его снова порозовело, несколько секунд он, как рыба, открытым ртом хватал воздух, а потом разразился истерическим, громоподобным хохотом. Он ржал, как целое стадо жеребцов и не мог успокоиться минут десять. За дверью офиса стали собираться встревоженные сотрудники. Пришла секретарша со стаканом воды, но мистер Голдберг жестом отправил её обратно... В конце концов, он перевёл дух, вытер слёзы и сказал:

- Я не смеялся так уже восемь лет, с тех пор, как мой конкурент проиграл мне большой городской заказ и умер от инфаркта. Ты заслужил награду. Я беру тебя на работу на две недели. Я буду платить тебе два двадцать пять в час, потому что по закону не могу платить меньше. Но ты должен вкалывать на совесть, иначе эти две недели

окажутся очень короткими. Так что давай... go fuck yourself.

Тут на него опять напал приступ хохота, и он знаком велел мне убраться.

Так началась моя первая работа в Америке, в маленькой мастерской по изготовлению металлоконструкций. Первые два дня я изучал новые для меня американские чертёжные инструменты и правила, а в последующие три дня первой недели произвёл на свет и положил на стол мистеру Голдбергу пять чертежей. Это было примерно столько, сколько производили оба чертёжника в этой мастерской за целую неделю. В конце концов, я был инженером с пятнадцатилетним стажем, а советские инженеры в моё время чертили сами. К концу второй недели мистер Голдберг вызвал меня к себе, закрыл дверь кабинета и предложил мне постоянную работу с окладом четыре пятьдесят в час. Как только я принял его предложение, он уволил своих двух чертёжников, китайца и мексиканца, которые работали у него много лет.

- Это капитализм, Алекс, - сказал он мне. - Мы здесь собрались не дурака валять.

По-английски это звучало так:

- We don't fuck around here, you know. We fuck ourselves. - И он разрился хохотом...

Много, много лет прошло с той поры. Я сделал успешную профессиональную карьеру. Я достиг уровня высшего руководства, по-английски говоря senior management в солидной инженерной фирме в Нью-Йорке. Моё имя хорошо известно в профессиональных кругах в моей области. Но никогда в течение моей многолетней карьеры в Штатах я не получал такую гигантскую, стопроцентную прибавку к зарплате, какую дал мне мистер Голдберг тридцать лет назад. Вот так: что ни говори, а иногда лучше не понимать изысканные английские идиомы.

ГДЕ КОБА?

В понедельник утром ко мне зашёл начальник отдела.

- Хорошо, что ты не опоздал, - сказал он. - Нас с тобой вызывает Брайен. Лично.

- Когда?

- Немедленно. Поправь галстук и пошли.

Больше ничего на надо было спрашивать. Брайен О'Липшиц - президент компании, и если он вызывает немедленно, значит... Кто знает, что это может значить?

- Садитесь, - сказал Брайен, не глядя на нас. - Линда, закрой дверь, и никого ко мне не пускай. Вы - Алекс, да?

Вопрос был задан мне, но при этом он почему-то посмотрел

на моего начальника.

- Да, это Алекс, - подтвердил начальник.

- Прекрасно, - сказал Брайен. - Я много о вас слышал. Вы родились в России, правильно? Вы можете говорить по-русски?

- Могу, - подтвердил я.

- Ага. Русский и грузинский - это один и тот же язык?

- Не совсем, - сказал я осторожно. - То есть, совсем не один.

Президент посмотрел на меня с недоверием.

- Мне сказали, что Грузия - это часть бывшего Советского Союза. Там что, люди говорили на разных языках?

- Алекс очень умный, - вмешался мой начальник, пнув меня ногой под стол. - Он будет говорить по-грузински, если это в интересах нашей компании. Правильно, Алекс?

- Конечно, - сказал я с достоинством. - Кроме того, там, в Грузии все говорят по-русски.

- Очень хорошо, - сказал Президент. - Вы выедете в Грузию завтра. Линда вам закажет билет прямо в Таллинн.

- Таллинн, по-моему, в Эстонии, - сказал я, на всякий случай отодвигаясь от своего начальника.

- Это не одно и то же? - подозрительно спросил Президент, заглядывая в свои записи. - Да, вы правы, я немного перепутал. Не в Таллинн, а в Тбилиси. Поручение это очень ответственное, но больше недели оно у вас занять не должно. Вопросы есть?

- Вопросов нет, - сказал мой начальник. - Ему всё ясно.

- Если можно... - сказал я, стараясь не глядеть на посеревшее лицо начальника, - один маленький вопрос. Какова цель моей поездки?

- Это не имеет значения, - сказал Президент. - В Трансильвании вас встретит наш местный представитель Гоги. Он вас введет в курс дела.

- Он поедет со мной в Тбилиси?

Президент поморщился и снова заглянул в свои записи.

- Я имел в виду Тбилиси. Он встретит вас в Тбилиси. Счастливого пути. Если возникнут какие-нибудь осложнения, звоните лично мне.

...На пересадке в Париже я долго слонялся по аэропорту, пока, наконец, не увидел маленькую группу озабоченных людей в больших кепках с раздутыми чемоданами. Я понял, что мне с ними по пути. И точно, следуя за ними, я оказался у стойки, на которой было неприметно написано: "Georgian Airlines". Три часа спустя я приземлился в Тбилиси.

Гоги оказался невысоким лысеющим человеком средних лет со светлыми, лучистыми глазами и постоянной полуулыбкой на губах. По-русски он говорил почти без акцента. Он отвёз меня в гостиницу и немедленно, не дав переодеться, повел обедать в небольшой ресторан, который находился на тихой боковой улице, в полуподвале с низким сводчатым потолком.

- Понимаешь, - сказал он, сразу перейдя на "ты", - у нас в Тбилиси такая проблема: никто не знает, как по-настоящему делать хинкали. Только в этом ресторане повар их делает правильно. Ты сам увидишь. Это не повар, художник! Рембрандт! Он делает двадцать пять складок на каждой хинкали! Двадцать пять!

Гоги откинулся на спинку стула, чтобы полюбоваться произведенным впечатлением.

- Вот это да! - восхитился я, стараясь вспомнить, что такое хинкали. Вспоминать пришлось недолго. Подали хинкали, а с ними заодно купаты, кебабы, хачапури, травы и красное имеретинское вино. Гоги произносил тосты, я благодарил и пил. Мы выпили за наше знакомство, за меня, за мою жену, за моих детей, за дружбу грузинского и американского народов, за мир во всём мире и, наконец, за успех моей командировки в Грузию.

- Гоги, - спросил я, поймав удачный момент, - ты знаешь, в чём цель моей командировки?

- Слушай, зачем волноваться? - сказал Гоги. По мере потребления имеретинского его акцент становился заметнее. - Твоя командировка будет всё нормально. Завтра я буду тебя знакомить с самим Гиви. Гиви всё сделает, что тебе надо.

- А что мне надо?

- Гиви знает, что тебе надо. Что надо, то и сделает.

- Кто такой Гиви?

Гиви не знаешь? - искренне удивился Гоги. - Все знают Гиви. Он личный друг Зураба. Они в школе вместе учились.

- Кто такой Зураб?

- Даже Зураба не знаешь? - ещё больше удивился Гоги. - Зураб Какава - заместитель министра. Да ещё какой заместитель! Первый!

- Министра чего? - спросил я в надежде приблизиться к ответу на мучивший меня вопрос.

- А чёрт его знает! - сказал Гоги. - Какая разница? Зураб личный друг президента Грузии. Он у него сына крестил. Если Гиви захочет, он тебя может представить Зурабу, Гиви очень хороший человек... Но сначала ты должен ему понравиться.

Я похолодел.

- Гоги, он что... это... как это по-грузински...

- Нет, нет, не ТАК понравиться, а ТАК - понравиться.

Мы заочно выпили за Гиви, за Зураба, за их семьи и за дружбу народов во всём мире, после чего Гоги отвёл меня в гостиницу.

Утром оказалось, что Гиви будет занят весь день и сможет с нами встретиться только на следующий день, в пятницу. Весь четверг Гоги возил меня по Тбилиси на своем "Москвиче" цвета немьтой моркови. Человек мягкий и вежливый, за рулём этого дребезжащего "Москвича" Гоги зверел. Он превращался в исступлённого хищника, у которого в жизни нет другой цели, кроме того, как обогнать

все машины и передавать всех пешеходов в Тбилиси. Поясным ремнём он не пристёгивался, и мне не разрешал. На завтрак, обед и ужин Гоги водил меня в рестораны, где мы ели хинкали и пили молодое вино, разбавляя его лимонадом. К концу дня стало ясно, что более близкого друга, чем Гоги, у меня никогда не было и не будет.

В пятницу утром Гоги позвонил мне в гостиницу и сказал, что Гиви будет занят весь день и может с нами встретиться только вечером. Он приглашает нас в ресторан кушать хинкали. Меня охватило беспокойство, переходящее в панику. Прошло больше половины отпущенного мне времени, а я ещё не только не приступил к работе, но даже не выяснил, в чем она заключается. Вся надежда была на могущественного Гиви.

Гиви оказался таким же симпатичным человеком, как Гоги. После нескольких стаканов имеретинского стало ясно, что более близкого друга, чем он, у меня никогда не было и не будет. Не считая Гоги, конечно. На правах старого друга я решил спросить Гиви, где он работает, в надежде, что это приблизит меня к цели.

- Я являюсь представителем одной крупной итальянской фирмы, - скромно объяснил Гиви. - Очень крупной, понимаешь?

Что эта фирма делает?

- Слушай, откуда я знаю? - сказал Гиви. - Какая разница? Её давно уже нет на свете. Обанкротилась.

- Ага, - попытался сообразить я. - Но деньги тебе платит?

- Какие деньги? - возмутился Гиви. - Зачем мне их деньги? Что у меня, своих денег нет?

Я устыдился бестактности своего вопроса, и мы перешли к десерту. Когда закончился обед, и мы встали из-за стола, Гиви сказал:

- В понедельник я тебя представлю Зурабу, а потом можешь ехать домой.

- Как домой? - встревожился я. - А как же моё ответственное задание? Зачем я сюда приехал?

- Ты что, домой не хочешь?

- Хочу, Гиви. Но у меня, понимаешь есть обязанности.

- Слушай, зачем ты себе проблемы делаешь? - укоризненно сказал Гиви. - Тебе что, у нас не нравится? Ты пьёшь вино, кушаешь хинкали. Что тебе ещё надо? У вас что там, в Америке, все такие сумасшедшие?

- Гиви! - взмолился я. - Пойми, у меня важное поручение. Если я его не выполню, меня выгонят с работы! А у меня семья, Гиви! Дети у меня маленькие! Скажи честно, для чего меня сюда послали?

Гиви погрустнел.

- Ай-ай, как нехорошо! - сказал он. - Зачем хорошего человека с работы выгонять? Сами послали в Грузию, а теперь выгонять! Зачем послали, зачем послали. Откуда я знаю? Наверно потому, что ты - хороший человек, затем и послали.

- Может Зураб знает?

- Ты с ума сошёл! - испугался Гиви. - Не вздумай его спрашивать такие пустяки! Он государственный человек.

- О чём же мне с ним говорить?

- Зураб - государственный человек, понимаешь? - назидательно повторил Гиви. - Говори с ним о важных вещах. Скажи, как тебе понравился грузинский народ. Или что-нибудь про мир во всём мире...

Отчаявшись, вечером я решился позвонить своему президенту, благо в Нью-Йорке был ещё день.

- Тебе придётся немного подождать, - сказала Линда. - Мистер О'Липшиц сейчас занят.

Минут двадцать она держала меня на линии, потом вернулась и сказала, что мистер О'Липшиц всё ещё занят и говорить со мной не сможет. Он просил передать, что он в курсе моих дел и чтоб я пришёл к нему с детальным докладом, когда вернусь в Нью-Йорк.

Следующие два дня были суббота и воскресенье. В выходные дни ни Гоги, ни Гиви со мной не встречались, им надо было отдыхать. Два дня я провалялся на кровати в гостинице, глядя телевизионные передачи на грузинском языке и мучаясь от тяжелого запора, который вызывали хинкали. В понедельник утром Гиви повёз меня на приём к Зурабу.

Зураб, несмотря на свою высокую должность, принял меня, как своего старого друга. Сначала он подробно расспрашивал меня о моей жене и детях, потом так же подробно рассказывал о своей жене и детях, а потом спросил:

- Как там поживает мой друг Брайен О'Липшиц?

Это было полной неожиданностью, и я решил воспользоваться моментом, несмотря на предупреждение Гиви.

- Мистер О'Липшиц поживает хорошо, - сказал я учтиво. - Он передавал вам большой привет. Вы, конечно, знаете, зачем он меня сюда послал, да?

Последнюю фразу я произнес подчёркнуто безучастно, но с лёгким упором на вопросительную интонацию. Это не помогло.

- Брайен мой большой друг, - сказал Зураб. - Он очень умный человек. Наверно вы тоже очень умный, раз Брайен вас сюда послал. Как вам понравилась Грузия?

Я поймал на себе внимательный взгляд Гиви и сказал, что Грузия мне чрезвычайно понравилась. И что самое замечательное в Грузии - это великий грузинский народ. И что, по моему личному мнению, все народы должны жить в мире и дружбе.

Зураб кивал головой, улыбался, и я понял, что проявил политическую зрелость. Я вспомнил старый анекдот армянского радио и хотел добавить, что прочный мир и дружба во всём мире обеспечат возможность спокойно бить армян, но решил эту мысль не развивать.

- Вы летите обратно завтра утром. - Зураб не спросил, а скорее констатировал факт. - Я уже сообщил в аэропорт, что вы летите. Завтра там дежурный начальник смены мой друг Коба. Если будут какие-нибудь осложнения, обращайтесь прямо к нему.

Я от всей души поблагодарил Зураба и сказал, что никаких осложнений не предвижу.

- Это напрасно, - огорчился Зураб. - Осложнения всегда надо предвидеть. У вас много вещей?

- Да нет, какие там вещи. Один маленький чемоданчик, который я беру с собой в самолёт.

- Ну, это совсем нехорошо, - ещё больше огорчился Зураб. - Почему вам не взять несколько бурдючков саперави для своей семьи? Саперави - замечательное вино. У вас в Америке такого нет. Обязательно возьмите несколько бурдючков. В пределах разрешённого, конечно.

- А сколько разрешается вывозить?

- Для вас это не имеет значения. Я скажу Кобе - он вам сколько хотите пропустит.

Я тепло распрощался со своими гостеприимными хозяевами, и на следующее утро Гоги доставил меня в аэропорт. Следуя совету первого заместителя министра, я купил два трёхлитровых бурдюка саперави. Бурдюки уместились в чемодан, который сильно потяжелел и теперь больше тянул на багаж, чем на ручную кладь. Так и оказалось.

- Чемодан надо сдать в багаж, - сказала девушка на регистрации.

- Девушка, ну, пожалуйста! - заныл я. - Чемоданчик-то маленький!

- Ничем помочь не могу, - холодно сказала девушка. - У нас строгие правила. Ваш чемодан превышает максимально дозволённый вес ручной клади, понимаете? Правила есть правила.

- Понимаю, - тоскливо сказал я. - Вы не знаете, где Коба?

- Следующий! - выкрикнула девушка. - И повернувшись ко мне, добавила: - Берите свой чемодан и идите на посадку. Счастливого пути!

...В среду утром, дрожа от страха и не заходя в свой кабинет, я отправился прямо к президенту компании. Линда велела мне подождать в приёмной, зашла к президенту и вернулась через несколько секунд.

- Мистер О'Липшиц занят, - сказала она, не глядя мне в глаза. - Он сказал, что твой начальник в курсе дела. Он тебе всё объяснит.

Мне окончательно стало ясно, что моя песенка спета. Я провалил ответственное задание, а это не прощается. Я почувствовал, как к горлу подступила лёгкая тошнота, и в желудке запорхали бабочки. По дороге к начальнику отдела я позвонил жене и сказал, чтобы она не удивлялась, если я приду с работы раньше обычного.

Начальник отдела встретил меня сухо, что подтвердило мои худшие опасения. Тем не менее, он предложил мне сесть.

- Скажи, что там произошло в Грузии? - мрачно спросил он.

- Я... я... не знаю, - заблеял я. - Я ничего такого не делал...

- Понимаешь, Брайен в восторге от результатов твоей командировки. Ему сообщили из Грузии, что ты блестяще справился с порученным заданием. Теперь он считает, что я должен повысить тебя в должности и прибавить зарплату. А у меня бюджет на этот год исчерпан. Где я возьму дополнительные фонды?

Бабочки резко порхнули куда-то вниз.

- Ничего, найдёшь, - сказал я, поднимаясь со стула. - Это твоя проблема. Не будешь же ты игнорировать советы президента компании.

Пока в Тбилиси был день, я позвонил Гоги, Гиви и Зурабу и поблагодарил их за содействие в выполнении моего сложного и ответственного задания. Я хотел ещё позвонить Кобе, но он в этот день не дежурил.

ГИМН СЛАБЕЮЩЕЙ ПАМЯТИ

Неумолимый факт: к старости память слабеет.

Пока это вас не касается, это звучит обыкновенной банальностью. Когда это начинает вас касаться, это звучит, как открытие.

Просто чёрт знает, что делается с памятью.

Иногда я вдруг забываю имя знаменитого актёра, которое знал всю жизнь. Или название острова, на котором отдыхал в прошлом году. Я с ужасом жду того дня, когда забуду имя своей жены. Единственная надежда, что она к этому дню забудет моё.

По утрам я принимаю две таблетки, два разных витамина, которые должны укреплять мою слабеющую память. Таблетки большие, и их надо принимать по очереди. Сначала я принимаю одну таблетку, запиваю апельсиновым соком. Потом принимаю вторую и тоже запиваю. Потом я пытаюсь вспомнить, принял ли я уже первую таблетку или нет. Пока я терзаюсь этим вопросом, я забываю, принял ли я вторую.

По прошествии некоторого времени я нахожу решение. Я делаю так: прежде чем принять таблетки, я их обе выкладываю на стол. А уж потом принимаю. Теперь всё ясно: если на столе две таблетки, значит, я их ещё не принимал. Если одна, значит, другую я уже принял. Если ни одной, значит, я принял обе. Я торжествую свою победу над слабеющей памятью. Но недолго. Потом я начинаю мучительно соображать: если на столе нет ни одной таблетки, значит

ли это, что я их принял или ещё не выкладывал?

По-настоящему радикальное решение проблемы приходит позже и стоит мне 99 центов. Это - пластмассовая коробочка, изобретённая каким-то безвестным гением частного предпринимательства. В коробочке семь отделений, по количеству дней в неделе, и каждое отделение обозначено S, M, T и так далее. Как всё гениальное, идея унизительно проста. Теперь можно ничего не запоминать. В начале недели я заполняю коробочку своими лекарствами, и далее каждый день опустошаю одно отделение, соответствующее дню недели. Какой сегодня день недели - тоже помнить не обязательно. Всегда можно посмотреть на календарь или включить телевизор.

Тут я вижу ваши иронические улыбки и слышу саркастические замечания: а помнишь ли ты, где висит календарь или как включается телевизор? Ах, бросьте вашу неуместную иронию, дамы и господа! Конечно, я помню! А если и нет, то всегда можно спросить у жены.

Кстати, о жене. Она кричит мне из спальни:

- Милый, сходи, пожалуйста, на кухню, принеси мне яблоко!

- Окей! - с готовностью отвечаю я и иду на кухню.

Там я сначала принимаю свои витамины (теперь я уже не путаю, принял я их или нет, спасибо безвестному гению пластмассовой коробочки). Потом открываю холодильник и долго вглядываюсь в его коварное нутро, соображая, что бы такое съесть. И, наконец, решив, что есть ещё рано, закрываю холодильник и возвращаюсь к жене.

- Принёс? - говорит она, не отрываясь от книги.

- Принёс что?

- То, что я тебя просила.

- Ах, это... Извини, дорогая, забыл.

- Так сходи, принеси.

- Что принести?

- Ну, то самое. Что я тебя просила.

- А что ты просила?

- Какой кошмар! - кричит жена, вскипая справедливым гневом. - Простую вещь не можешь запомнить! Ладно, можешь ничего не приносить!

По её искреннему негодованию я понимаю, что она тоже забыла, что именно просила меня принести, но не хочет в этом признаться.

Впрочем, она не всё забывает. Например, она не забывает съездить на неделю в Калифорнию проведать дочку. И тогда я остаюсь дома один, в упительном одиночестве.

На третий день своего одиночества я замечаю, что перед моим домом стоит белая машина. Я пытаюсь вспомнить, стояла ли она здесь вчера. Кажется да, стояла. Вообще, на нашей тихой улице не стоят машины. У всех есть гаражи, а если приезжают гости, то они ставят машину перед тем домом, куда приехали. И в тот же день

уезжают. Зачем владельцу этой белой машины понадобилось поставить её перед моим домом? К кому он приехал и почему не уезжает восвояси? Меня начинает это тревожить. В течение всего дня я, помимо своей воли, каждую минуту подхожу к окну. Машина не уезжает.

Так проходит день, и наутро я забываю про белую машину. Я просыпаюсь в хорошем настроении. Оказывается, иногда полезно иметь плохую память. Но после завтрака я нечаянно бросаю взгляд в окно, и меня прошибает холодный пот. Машина стоит на прежнем месте. Тут мне в душу закрадывается параноя, и мозг начинают сверлить гнусные мысли про терроризм, тайную слежку, КГБ (или как уж оно теперь там называется). Я решаю позвонить в полицию.

В нашем тихом городке замечательная полиция. Делать им нечего, и они с готовностью отзываются на любой звонок. Я делюсь с ними своими опасениями по поводу подозрительной машины. Полиция встречает моё сообщение с участием, переходящим в энтузиазм.

- Оставайтесь на месте, сэр, - говорит мне радостный баритон. - Заприте все двери и на всякий случай не подходите к окну. Мы немедленно высылаем полицейский наряд.

И действительно, не проходит пяти минут, как к моему дому подкатывает полицейская машина, и из неё выходят два рослых красавца в форме. Они не спеша обходят загадочную белую машину, светят на неё фонарём, хотя на улице яркий солнечный день, и что-то записывают. Потом отпирают её с помощью длинной стальной линейки, садятся внутрь, звонят по телефону и опять что-то записывают.

Проходит полчаса, и, наконец, они вылезают из машины и стучат в дверь моего дома. Я приглашаю их в гостиную, прошу сесть. Они вежливо представляются: сержант Джэксон, очень приятно, сержант Рутковски, очень приятно. Они жалуются на жаркую погоду, спрашивают меня о здоровье и о моей семье. Они явно не спешат перейти к делу, по которому приехали. Они ведут себя так, как будто пришли сообщить мне о смерти близкого родственника. Наконец, сержант Джэксон говорит:

- Сэр, мы установили личность и адрес владельца этой машины.
- Чудесно! - кричу я и трясущие натруженные сержантские руки.
- Прошу немедленно арестовать негодяя! Пусть изволит объяснить, зачем он держит свою поганую машину у моего дома!

Но сержант Джэксон не разделяет моего порыва.

- Сэр, - говорит он тоскливо, - это ваша машина.

- Пардон?

- Ваша машина, - повторяет сержант Рутковски, не проявляя эмоций. - Хонда Аккорд, зарегистрирована на ваше имя, на ваш адрес.

- Сержант, - говорю я. - Вы умный человек, но мне просто противно вас слушать. Я всё-таки немного старше вас. У меня двое взрос-

лых детей и несколько внуков, не считая внучек. И с вашей стороны очень некрасиво принимать меня за идиота. Моя машина стоит в гараже.

- Ага, - понятиливо говорят сержанты. - Можно на неё посмотреть?

- Если вы никогда не видели Тойоты, то, пожалуйста, прошу пройти за мной, - говорю я, источая сарказм.

Я открываю дверь в гараж, включаю свет, и меня опять прошибает холодный пот. Гараж пуст. Я бледнею и хватаюсь за сердце.

- Сэр! - кричат сержанты, подхватывая меня под руки. - Вы в порядке, сэр? Принести холодной воды?

- Украл! - шепчу я. - Похитили! Звоните в полицию!

- Не надо звонить, сэр! Мы уже здесь.

- Да, да, конечно, - говорю я, приходя в себя. - Я немного забыл про вас. Прошу немедленно составить надлежащий акт и приступить к розыску моей украденной машины.

- Сэр, - говорит сержант Джэксон, - ваша машина уже нашлась. Она стоит перед домом.

Я говорю:

- Чтоб ваша машина так у вас стояла перед домом, сержант! Моя машина - синяя Тойота, а вы мне подсовываете какую-то белую Хонду.

- Знаете что... - пытается сказать сержант Рутковски, но сержант Джэксон вовремя закрывает ему рот.

- Да, конечно, - говорит он. - Мы сейчас же приступим к розыску вашей машины. Мы будем держать вас в курсе дела. Всего хорошего.

Полицейские уезжают, а я начинаю искать ключи от своей синей Тойоты. Ключей нигде нет. Мне становится ясно, что похитители пробрались в дом, украли ключи и с их помощью угнали мою машину. Я начинаю думать, стоит ли позвонить жене и рассказать ей о том, что произошло. После недолгого раздумья я прихожу к компромиссному решению: позвонить, но ничего не рассказывать.

Сначала мы обсуждаем школьные успехи наших внуков, потом погоду в Калифорнии, и, наконец, я говорю, как бы мимоходом:

- Дорогая, ты случайно не помнишь, где лежат ключи от Тойоты?

- От какой Тойоты? - спрашивает жена, и в её голосе звучат нотки подозрительности.

- От нашей синей Тойоты.

Жена некоторое время тяжело дышит в трубку.

- Милый, - говорит она с остервенением, - мы продали синюю Тойоту три года назад и купили белую Хонду.

Хорошо, что в этот момент она не видит моего лица. А голос можно подделать. Я говорю, изображая незначительность и безразличие:

- Ну да, - говорю. - Я как раз имел в виду белую Хонду. Это я так,

по привычке называю её Тойотой.

Кажется, мне удаётся её обмануть.

- Как бы ты её не называл, ключи лежат в спальне на тумбочке, - говорит жена. - А машину ты хотел поставить перед домом, чтобы не забыть меня встретить, когда я прилечу домой. Ты помнишь об этом?

- А как же! Ты же знаешь, что я ничего не забываю.

Проходит ещё день, и я забываю про двух сержантов и про машину, которая, как выяснилось, принадлежит мне и стоит там, где должна стоять. Я снова просыпаюсь в хорошем настроении, спасибо моей негодной памяти. Но после завтрака я случайно бросаю взгляд в окно и... меня опять бросает в холодный пот. Машины перед домом нет. "Ага, - соображаю я. - Наверно, я перегнал её в гараж и забыл об этом. Я захожу в гараж, и меня бросает из холода в жар. Гараж пуст.

Следующие два часа я лежу на диване, отупело гляжу в потолок и пытаюсь осмыслить происходящее. Мои бесплодные размышления прерывает телефонный звонок.

- Говорят из отделения полиции, - объявляет знакомый радостный баритон. - У меня для вас хорошая новость: ваша машина нашлась. Она доставлена к нам в отделение. Приметы, правда, не совпадают. Она не синяя, а белая, и не Тойота, а Хонда. Но по документам это ваша машина. Поздравляю.

- Спасибо, - говорю я уныло. - Вообще-то, она не терялась...

- Как это не терялась? - обиженно перебивает радостный баритон. - Разве вы не заявляли о её краже?

Я говорю:

- То есть да, конечно, терялась. Но не сразу. Она, вообще-то, как бы сначала нашлась, а уже потом потерялась, понимаете? Не понимаете? Это у меня такой английский язык. Как бы это вам объяснить... Когда я заявлял о краже, я имел в виду синюю Тойоту, которой у меня на самом деле нет.

- Я вас понимаю, - соглашается баритон. - Ваш английский просто великолепен. Гораздо лучше, чем мой польский. Мы немедленно продолжим розыск синей Тойоты.

- Не надо, не надо! - кричу я. - Меня вполне устраивает белая Хонда! И я не поляк. Когда вы привезёте мою машину?

- Боюсь, что сегодня не сможем, - огорчается баритон. - Все в разезде. Я думаю, что завтра, во второй половине дня. Это ничего?

Я великодушно соглашаюсь:

- Ничего. Я никуда не спешу. Будьте здоровы. Привет сержантам Джонсону и Берковскому.

- Спасибо. У нас, правда, таких нет, но я непременно передам привет всем сержантам.

Я окончательно успокаиваюсь, принимаю свои витамины и ложусь спать с чувством удовлетворения. Все проблемы решены.

Утром меня будит телефонный звонок. Звонит жена.

- Доброе утро, дорогая, - ласково говорю я. - Как там погода в Калифорнии?

- Чтоб ты засох от своей погоды в Калифорнии! - говорит жена, явно сдерживаясь от более выразительного лексикона. - Я уже час сижу в аэропорту и жду, когда ты за мной приедешь!

- Конечно, дорогая! - кричу я в испуге. - Сейчас же одеваюсь и еду!

Тут я бросаю взгляд в окно, и события вчерашнего дня всплывают в моей слабеющей памяти. Я говорю с облегчением:

- То есть я, конечно, одеваюсь, дорогая, но никуда не еду. Нашу машину украли.

- Как украли? - кричит жена. - Раззява несчастный! Шлемазел! Тебя на один день нельзя оставить!

Кажется, она подала мне идею.

- Да? - говорю я язвительно-спокойным голосом. - А кто велел мне поставить машину на улице? А? То-то же. Бери такси и приезжай домой.

К вечеру нормальная жизнь возвращается в наш мирный дом. Я смотрю новости по телевизору, а жена, уставши с дороги, читает в спальне Агату Кристи. В перерыве на рекламу я захожу её поведать.

- Милый, - говорит она, - вот я лежу и думаю: как это полиция смогла так быстро найти нашу машину?

- Очень просто, - говорю я. - Потому что я подсказал им, где надо искать. Без меня бы они ничего не сделали.

- Какой ты у меня умный! - говорит жена, глядя на меня с любовью. - Сходи на кухню, принеси мне яблоко.

- Конечно, дорогая.

Я отрываю листок бумаги, пишу на нём "яблоко" и иду на кухню.

Александр Матлин - инженер-строитель, специалист по морским сооружениям и портам. В этом качестве он проработал 30 лет в Америке, а до того 15 лет в Москве, откуда эмигрировал в США в 1974 году.

В Москве писал рассказы и фельетоны и печатал их, в основном, в журнале "Крокодил". Тот же "Крокодил" издал книжку его произведений.

В Америке А. Матлин печатался в "Новом Русском Слове", в "Новом Американце" (эта газета выходила в начале 80-х годов), в журнале "Вестник". В настоящее время - постоянный автор еженедельника "Панорама", который издаётся в Лос-Анджелесе.

ГРИГОРИЙ РОЗЕНБЕРГ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

Памяти певицы...

Напевала, забирая
Стопочку стихов.
Уходила, оставляя
Облачко духов.

Возвращалась и смотрела
В мокрое окно,
И мои стихи мне пела,
Сидя за фоно.

Улыбалась, упрекала,
Что не захожу!
Безотказно напевала,
Что ни закажу.

Ни жеманства, ни отказу -
Спой! - она поет...
Не почувствовал ни разу,
Что она уйдет!

Что останется на пленке
Голос вместо слов,
А над клавишами - только
Облачко духов...

ЦИКЛ "УХМЫЛКИ"

Толстой не любил Шекспира.
И Шекспир не любил Толстого...
Но Шекспир о Толстом ни разу
Не промолвил худого слова!

***

С грустью горькой замечая,
Что с годами я мудрею:
Раньше говорил "желаю",
А теперь пишу - "жалею".

Потому что понимают,
Все, кто вовремя стареют:
Отмирает, чем желают
И крепчает, чем жалеют.

Я старею и мудрею,
Жизнь и женщин вспоминая...
Но все больше я жалею,
Что все меньше я желаю.

ЦИКЛ "ПРЕДМЕТЫ"

Рыбки

Две вяленые рыбки на гвозде
Засохли и готовы для съеденья...
Какая странность - жить всю жизнь в воде,
И в сухости найти предназначенье.

Не потому ль у рыбки, что висит,
Всегда немного удивленный вид?

Сушилка

Тарелки в сушилке поставлены в ряд,
Как люди в затылки друг другу глядят,
Как в очередь встали, не видя лица,
Чтоб сохнуть и сохнуть - и так без конца.

Поставлены четко, как строй из людей.
В сушилке решетка - и прутья на ней.

Пуговица

А я стихами воспую
Обычной пуговицы силу:
Засунув голову в петлю,
Она края соединила.

ЦИКЛ "ИНТЕР-ДА!"

***

Весь дом взволнованно шумит,
Повсюду ох и ах:
Уже полдня щенок стоит
И держит хвост в зубах.

С утра вертелся он волчком
И устали не знал,
Гонялся за своим хвостом
И все-таки поймал.

Теперь стоит, не ест не пьет,
Не хочет рот разжать:
Ему гулявший рядом кот
Мяукнул: "Так держать!"

***

Улитка свой рюкзак несет
И в нем сама же и живет.
Как хорошо быть с рюкзаком,
В котором твой уютный дом.
Твоя кровать и старый плед,
Твое трюмо и туалет,
Свеча в вечерней темноте,
Плита. И чайник на плите.
Огонь в печи. Дрова в огне.
И стол, и стул, и свет в окне.
Забор, стена и дверь в стене.
Все на улиткиной спине.

Прекрасный вид из окон,
Но... очень одиноко.

Григорий Розенберг родился в 1948 году в Одессе. Работал художником, скульптором, архитектором, сценаристом, режиссером. Стихи и рассказы публиковались в "Литературной газете", "Комсомольской правде", журналах "Юность", "Нева", "Дерибасовская-Ришельевская", "Кукумбер", в изданиях Германии, Израиля, США. С 1992 года живет в Израиле.

БОРИС ЗАБОРОВ

ОБ ЭПОХЕ, ИСКУССТВЕ И НЕМНОГО О СЕБЕ

Реальная будничная жизнь всегда - или почти всегда - покушается на романтическое отношение к ней.

Моя юность, годы учебы в художественном училище и, затем, в Академии художеств совпали с новой волной увлеченности французской культурой. Зачитывались французским романом 19-го века, поэзией от Виньона до Рембо. С восторгом принимали Азнавура, Монтана, Симону Синьоре...

Но главной страстью была, естественно, французская живопись, для нас практически недоступная.

Достаточно вспомнить, что моя преподавательница истории искусств в Минском художественном училище как знак величайшего доверия показывала плохенькие репродукции - величиной с почтовую марку - картин Ван-Гога, Писсаро и Сезанна.

Кто сегодня в это может поверить?

Удивительно ли, что Франция - и Париж, в частности - были для всех нас страстно желанными. Буквенные сочетания, из которых возникало слово ПАРИЖ, и его звучание отзывались во всем моем

существое сладким ознобом. Единственные цветные сны юности были сны о Париже.

Когда спустя много лет эти сны каким-то чудесным образом из мира зазеркалья обратились в живую для меня реальность и я, герой юношеских грез, обрел в этой реальности плоть - шок был тяжело вообразимым.

С первых минут встречи с реальным Парижем, уже на перроне Северного вокзала, я почувствовал, что не столь этот город для меня чужой, сколько я совершенно чужд ему. Я - чужак, вторгнувшийся на чужую территорию. Таковым себя ощущаю и сегодня, спустя годы жизни во Франции. Безусловно, в меньшей степени, нежели раньше, но никогда "своим" я здесь не стану. Это совершенно естественно. Это - нормально. Собственно, с какой стати должен стать "своим" в географии, где не было моего детства и юности, где нет мною хоженных тропинок, нет реставрируемых памятью запахов молодости. Нет того периода личной истории, который порождает в нас чувство причастности.

Но живу я в замечательном городе, здесь моя семья, мой дом... И моя мастерская. Здесь проходит моя профессиональная жизнь.

Разве может быть чужим для меня этот город?

Эмигрант - всегда изгнанник, изгнанник - всегда эмигрант; если мы не говорим о случае "эмиграции" из одного города Франции в другой город в Швейцарии.

Способов изгнания человека есть множество. Сопроводить под конвоем до аэропорта, посадить в самолет и затем высадить в аэропорту какой-либо западно-европейской столицы - один из наиболее комфортабельных.

Оказавшись в Париже, никакого "творческого кризиса" я не переживал. Если когда-то я выразился таким манером, то это было лишь самообольщением, в котором сегодня не нуждаюсь. Творческого кризиса не могло быть, потому что отсутствовала его причина, то есть творчество.

В Париже я должен был себе признаться, что первую половину своей сознательной жизни занимался не творчеством, а лишь практиковал ремесло. Занимался той рутинной работой, которая необходима творчеству как инструмент, на котором оттачивается мастерство. Творчество же начинается с рождения художественной идеи. В этом смысле мое творчество началось в тот день, когда я написал свою первую картину на материале старой фотографии.

Не скрою, в те годы я завидовал некоторым моим коллегам, для которых эмиграция в творческом смысле оказалась не более чем

переездом из одной мастерской в другую. Я думаю, что вообще эмиграция для художника - проблема сугубо персональная. И творческие проблемы у художников в эмиграции так же различны, как и их судьбы. Но в эмиграции они обостряются, как может обостряться вялотекущая болезнь. Не случайно Бунин определил эмиграцию как болезнь. А обострение болезни происходит от того, что художник - по другому определению - отнюдь не космополитичен и не интернационален. Оттого и пересадка на чужую почву бывает мучительной.

* * *

Человек по определению одинок. Разве это не очевидно, когда всматриваешься в глаза незнакомых тебе людей на старых фотографиях, жизнь которых отделена от нас временным расстоянием - но не столь далеким, чтобы оно потеряло прозрачность. Когда не ясно, то ли они выплывают из своего одиночества, то ли погружаются в него.

В моем случае пространство в картине не может быть пустотой. Напротив, это живая, упругая субстанция, спрессованная временем. Создание этой материи занимает у меня в работе над картиной практически все время, ибо и персонаж включен в ткань этого пространства.

Идеал моей картины - полное исчезновение изображения в процессе работы. Если бы я смог этого добиться...

Из всего многообразия окружающих нас вещей старые фотографии из семейных альбомов больше всего волнуют мое воображение. Они обладают гипнотическим свойством.

Люди с неведомыми мне биографиями вглядываются в меня из далека своего прошлого, завораживают своей тайной, рожают мистическое чувство. Этот взгляд - внимательный, сосредоточенный, направленный прямо в твои глаза, как бы приглашает к диалогу, диалогу душ. В нем я вижу некий упрек, призыв, от которого возникает грусть, а то и беспокойство. Погружаясь иной раз в разглядывание своего немалого собрания, я теряю ощущение времени, ведя бесконечный немой разговор с его таинственным населением.

Статичность позы, условия фототехники того времени еще в большей мере подчеркивают внутреннюю напряженность человека. Как будто вся его душевная энергия, поднимаясь из глубины существа, аккумулируясь, застывает во взгляде, в выражении глаз. Через этот взгляд начинаешь ощущать тайну чужой жизни как часть своей собственной...

Техническая схема создания мною картины проста. Я начинаю ее с помещения персонажа или предмета в пустоту холста или листа бумаги. Затем начинаю работу в соответствии со штудиями реалистической школы. Это скучный, но необходимый этап моей работы. К счастью, он короток. Вскоре приходит чувство необходимости "извлечения" персонажа из пустоты и "включение" его в пространство. Вот с этого момента начинается мой профессиональный "кайф".

Я начинаю насыщать поверхность картины все усложняющейся в процессе работы фактурой, структурируя ее и расчленяя на все более мелкие элементы. Словом, если бы я мог довести этот процесс до логического конца, то я бы и достиг вышеупомянутого идеала - отсутствия изображения.

Но, видимо, не хватает "гения" той самой внутренней свободы. И, наконец, просто страшно. Ведь в этом случае был бы, по существу, и конец творчества...

Сегодня на этом пути я определил бы свое местонахождение в точке, где отдельные элементы реальности еще сохраняют свои очертания, а иные уже исчезают в сгущающемся пространстве времени. Этакая нео-вавилонская башня из отходов двадцатого века...

* * *

Противоборство Добра и Зла вообще, и, в частности, в искусстве, происходило и происходит сложно и противоречиво. С начала нашего века в западноевропейском искусстве многочисленны направления и стили, а также отдельные группы, объединенные тем или иным манифестом, ведут борьбу с классическим искусством, или друг с другом, используя традиционные методы. Оружием в этой борьбе служат разность мнений, концепций и точек зрения на предмет искусства.

Эта борьба находила - и находит - свое конкретное выражение в художественных произведениях, которые, в свою очередь, продолжают "спор" на выставочных стендах. В таких условиях у триединства Красоты, Добра, Истины больше шансов на торжество победы, чем у Зла. Зло чувствует себя увереннее в другой географии - там, где оно не стеснено моральными, этическими, демократическими условностями.

Так что совершенно естественно, что XX век родил своих больших художников на европейских полях, и на Елисейских, в частности. В этой плеяде нашли свое место и русские художники, успевшие бегством спастись от погромов на своей исторической родине.

Но означает ли это, что западноевропейский филиал Зла сложил оружие? Ни в коем случае. Оно - Зло - не забыло ни о своих победах на русских территориях, ни о милых его сердцу русских революционных художниках-энтузиастах.

Лозунг "Долой традицию!" не сгорел в огне русской революции. Апологетами Зла он был сохранен - "до лучших времен". И эти времена пришли. Постепенно стали уходить из жизни великие художники века.

Смерть Пабло Пикассо в известном смысле подвела итог искусству двадцатого столетия. Пикассо был не только хранителем огня, зажженного в очагах его предков, но и его главным жрецом. Когда этот огонь угас, могучая фигура перестала смущать Зло. Оно - как бандит в темноте - ощутило большую свободу действий.

Лозунг "Долой традицию!" адекватен покушению на национальное identity в искусстве. Это и есть генеральное направление Зла сегодня. Обезличить искусство. Стереть личностные признаки. Иначе говоря, осушить животворный океан мирового искусства со всем его бесконечным многообразием и обратить в безжизненную пустыню единообразия.

Нельзя отрицать успехи Зла на этом пути в последние десятилетия. Проводники этой идеологии используют известное психологическое свойство коллективного сознания, в которое средствами массовой информации впечатали "знаковый код" шедевров мирового искусства, ставших хрестоматийными.

Не очень искушенный в искусстве и доверчивый потребитель, сталкиваясь сегодня повсюду с продукцией, в которую так или иначе введены вышеназванные знаки, бессознательно подчиняясь эффекту ассоциативного узнавания (эффект рекламы), "заглатывает наживку". Эта продукция может быть самой различной, но присутствие "кодового знака" - ее абсолютное условие, как наличие штрихового кода на товарах в супермаркете.

Посещая музеи современного искусства в разных странах и на разных континентах, я не без удивления обнаружил наивность моего прежнего убеждения, что официальное искусство - приоритет тоталитарных режимов. Во всех разделах современного искусства - от Америки до Японии - я встречал обойму из одних и тех же имен с добавкой местных представителей, которые вписываются в эту обойму, как вписываются друг в друга концентрические окружности.

По ревностному обереганию неприкосновенности и идейной чистоты клана со стороны музейных и культурологических бонз эта картина невольно вызывает ассоциации с какой-то спрутооб-

разной мафиозной структурой. Такая же ситуация и в большинстве "серьезных" галерей. Которые есть не что иное, как коммерческий филиал этих музеев.

* * *

Я больше верю в то, что чувствую, чем в то, что вижу.

Почему реальная, повседневная жизнь вокруг нас всегда покусается на романтическое отношение к ней? Потому что она всегда есть ложь и разочарование. Прошедшее - все правда, ибо мы созерцаем его с недоступного игре страстей расстояния.

В двадцатом столетии было уничтожено и разрушено такое количество человеческих жизней, духовных и материальных ценностей, что сегодня человеку, наделенному даром, больше пристало возрождать из праха, чем претворять в прах...

"Каким художником вы себя ощущаете: русским, французским, еврейским?"

Когда ответ на этот вопрос я слышу в форме совершенного определения, то всегда за ним подозреваю лукавство, некоторую разнovidность гордыни или тщеславия.

Не дело художника определять свою принадлежность к той или иной национальной культуре. Это - занятие "патриотов" и искусствоведов.

Мой опыт подсказывает, что национальное самоощущение как интеллектуальный фактор в собственно творческом процессе отсутствует. Художник в своей повседневной работе, погруженный вовнутрь процесса, не задумывается над этой проблемой, как не задумывается человек над тем, как он дышит.

Таинственный механизм творчества, природная первооснова творческого дара не подлежат понятиям эволюции, прогресса или национальной принадлежности.

Но накопление материализованного продукта творчества, выраженного в конкретных формах искусства, неотделимо от человеческой эволюции на всем ее многовековом пути; оно и формирует мировую культурную цивилизацию. В этом контексте вопрос национального identity художника приобретает важное значение.

Менее всего орнамент, символика, ритуалы, костюм, сюжеты конкретной истории и все прочее, входя, несомненно, составной частью в ту или иную материальную культуру, определяют национальное identity творца. Все это скорее фон или среда, где формируется и воспитывается национальное чувство.

Применительно же к художнику национальное identity - это некая таинственная субстанция, прячущаяся в глубине его духовной

природы и хранящая генетическую память многих поколений.

Дар, природой данный художнику, позволяет ему не только аккумулировать накопленный культурный опыт предшественников, но и выражать этот опыт в конкретных формах искусства. Художник как бы является хранителем огня, зажженного в очаге отдельной национальной культуры. Этими свойствами художественного проникновения, часто бессознательного, и объясняется феномен самобытности национальных искусств.

И далее: подобно тому, как малые и большие реки, подземные "капиллярные" течения, вливаясь в мировой океан, формируют бесконечное многообразие его фауны и флоры, так каждый отдельный художник, причастный к той или иной национальной культурной ветви, вливается в общемировую культуру, питая и обогащая ее.

Борис Заборов родился в Минске. Окончив минское Художественное училище, поступил в Ленинградскую Академию художеств (институт им. Репина), в 1958 перевелся в Московский институт им. Сурикова, который окончил в 1962 году. С 1981 года живет и работает в Париже. Его персональные выставки в разные годы прошли в музеях "Пале де Токио" (Париж), "Матильденхоф" (Дармштадт), им. Пушкина (Москва), "Русский музей" (Санкт-Петербург), Третьяковская галерея (Москва), Монетный двор (Париж)... Его работы экспонировались в Музее Уффици (Флоренция), в Музее Декоративного искусства (Париж), в Музее "Альбертина" (Вена) и находятся во многих музейных и частных коллекциях.

"В конечном счете, каждый литератор стремится к одному и тому же: достигнуть или удержать утраченное и текущее Время... Ибо то, что сказано, никогда не коней, но край речи, за которым - благодаря существованию Времени - всегда нечто следует. И то, что следует, всегда интереснее уже сказанного..."

Иосиф БРОДСКИЙ. "ПОЭТ И ПРОЗА"

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!

Международный литературно-художественный и общественно-политический журнал "ВРЕМЯ И МЕСТО" объемом до 300 стр., выходит 4 раза в год.

Цена годовой подписки на 2008 год (4 выпуска) - \$40.00, плюс \$10.00 за доставку. Жителям США и Канады, Австралии и Новой Зеландии для оформления подписки следует присылать оплату (чек, money order на общую сумму \$50.00) на имя *Shikhman Publishing* по адресу редакции журнала:

Shikhman Publishing
1864 Clove Rd.
Staten Island, NY 10304, USA
Справки по телефону: 718-815-5000

Помните, что, оформляя подписку, вы должны обязательно указать ваше имя, фамилию и точный почтовый адрес!

Подписчиков из Европы, Израиля и СНГ просим присылать оплату (чек, money order) на общую сумму \$50.00 (или эквивалент в евро и фунтах стерлингов) на имя *Olga Volkova*

(представитель журнала в Европе)
по адресу: Latvia, Riga, LV 1082, P.O. Box 105, Olga Volkova.

Цена годовой подписки на 2008 год для университетов и библиотек США, России, Израиля, стран Европы, а также Австралии и Новой Зеландии - \$84.00, включая доставку.

Розничное распространение журнала проводится в США, Германии, Франции, Англии, Канаде, Израиле и России.

Желающих приобрести комплект журналов за 2007 год просим обращаться по телефону (718) 815-5000.

ВРЕМЯ
МЕСТО

ПОДПИСНОЙ КУПОН

*международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Цена подписки на год (4 выпуска) - \$50, включая доставку.

Для университетов и библиотек в США и других странах - \$84, включая доставку.

Действительно до 31 декабря 2008 г.

Высылаю чек/money order на сумму: _____

Full Name _____

Street _____

City _____

State _____

Zip _____

Country _____

Phone _____

Лежащие в одной плоскости параллельные
линии не пересекаются. Так полагал
древнегреческий математик Эвклид...
Но параллельная история двух семей - это
все же не геометрия, тут свои закономерности.

Владимир Матлин

Эта страсть и унижала, и возвышала его.
Он оказался в мифологическом пространстве,
где нет случайностей и нет свободы решений.
Все и он сам были участниками немого
заговора, всё наполнилось тайным смыслом...

Борис Хазанов

Все путем, все как обычно: одни вышли из
Египта куда надо; у других - кто надо
вовремя воскрес. Может показаться, что я
пишу это с некоторой долей иронии...
Боже упаси! Просто земля такая, Святая, но
с твоим конкретным адресом прописки.

Дина Рубина

Чем больше было слухов, тем больше
разжигалось наше воображение. Нам тоже
хотелось сделать что-то дерзкое, что-то
опрокидывающее понятие послушных
девочек, которое нам теперь казалось
оскорбительным.

Маргарита Борукаева

С разными чувствами приходят сюда
паломники. Большинство с сомнением и
скептицизмом. Другим, потерявшим надежду
на традиционную медицину, не остается
ничего другого, как верить.

Давид Гай, Игорь Шихман

Если для счастливых, слышавших Вана
Клиберна на всех турах, никаких сомнений в
гениальности молодого американца не было,
то в жюри конкурса дело обстояло совсем
не так просто...

Артур Штильман

ISBN: 978-0-9793240-5-5

9 780979 324055